

Сергей Ченнык

Крымская кампания (1854–1856 гг.) Восточной войны (1853–1856 гг.)

Часть IV

ОТ БАЛАКЛАВЫ К ИНКЕРМАНУ

С. Ченнык

**КРЫМСКАЯ КАМПАНИЯ 1854–1856 гг.
ВОСТОЧНОЙ ВОЙНЫ 1853–1856 гг.**

Военно-исторический очерк

**ОТ БАЛАКЛАВЫ
К ИНКЕРМАНУ**

Там

Севастополь
2014 г.

УДК 908 (477.75 – 21 СЕВ)
ББК 63.3 (4 УКР – 2 СЕВ)
Ч43

Ченнык С. В.

Ч43 От Балаклавы к Инкерману. – Севастополь: Ченнык С. В., 2014. – 304 с., илл.

ISBN 978-966-1539-33-3

«От Балаклавы к Инкерману» – четвертая из книг, посвященных Крымской кампании (1854–1856 гг.) Восточной войны (1853–1856 гг.) и новая работа известного крымского военного историка Сергея Ченныка, чье творчество стало широко известным благодаря аналитическим публикациям на тему Крымской войны.

На этот раз объектом исследования стали одни из наиболее сложных событий осени 1854 г. – Балаклавское сражение и, так называемый, Малый Инкерман. Первое из них не имеет равных по числу сопровождавших его мифов, второе – незаслуженно забыто. Автор, владея уникальным библиографическим материалом, уже традиционно сохраняет прежний стиль исторического повествования, описывая события, которые до сих пор оставались малоизученными исследователями. Вновь не только описан ход боевых действий, но и вскрыты тайные пружины, логика и скрытый смысл событий Крымской войны.

Пытаясь максимально объективно взглянуть на участников той войны – как на победителей, так и на побежденных, – автор удачно сопоставляет судьбы видных деятелей противоборствующих сторон, среди которых и выдающиеся полководцы, и откровенные неудачники. Множество исторических параллелей, проведенных от описываемых событий до сегодняшнего дня, помогают даже не посвященному в детали читателю понять суть происшедшего в Крыму 160 лет назад.

Удачно вписывается в повествование многолетний личный военный опыт Сергея Ченныка, благодаря которому читатель сам сможет прочувствовать события, что называется, «из окопа», взглядом и эмоциями простого солдата и офицера. Благодаря этому книга представляет интерес не только для профессиональных историков, но и для широкого круга тех, кому безразлична история Крыма, история Отечества...

УДК 908 (477.75 – 21 СЕВ)
ББК 63.3 (4 УКР – 2 СЕВ)

ISBN 978-966-1539-33-3

© Ченнык С. В., 2014.
© «Полмет ГМБХ», 2014.
© «Гала», 2014.

ВСТУПЛЕНИЕ

«Признаюсь, я предвидел гораздо худшее, то есть пропажу всего».

Император Николай I князю А. С. Меншикову
в письме от 20 сентября 1854 г.

В прошлой книге мы оставили дымящийся в пламени пожаров Севастополь после ожесточенного боя, который его защитникам пришлось выдержать, одновременно отражая противника и с суши, и с моря. Две лучшие военно-морские державы мира, еще недавно бескомпромиссно громившие друг с друга, а теперь действовавшие заодно, потерпели грандиозное поражение; их корабли уходили на ремонт, на лечение, на восстановление. Некоторые из них уже не вернутся в Черное море, а «Альбион» и вовсе пойдет на слом. Это не последняя «оплеуха», которую получают союзные флоты. На следующий год Королевский флот скромно стыдливо смолчит о своем очередном выдающемся позоре у Еникале в Керченском проливе, который хоть и не стал поражением, но авторитет моряков пошатнул серьезно.¹

Вот только «мрачная эпоха войны 1854 года»² далеко не заканчивалась, и сейчас нам предстоит вновь свести союзные и русские войска в двух сражениях, которые для одних должны были означать попытку создать угрозу неприятельской базе в Крыму, а для других стать продолжением войны до победного конца. В контексте же кампании они знаменовали окончательное завершение фазы маневренной полевой войны и начало невиданной доселе войны траншей и батарей: «...с обеих сторон взялись за кирки и лопаты; и там, и здесь воздвигались брустверы, выкапывались траншеи и строились батареи».³

Но у нас пока еще есть время увидеть движение плотных войсковых масс на необъятных пространствах полей сражений. А потому продолжим повествование в привычном уже популярном стиле, никому ничего не навязывая, давая лишь информацию для последующих дискуссий, популяризирующих тему Крымской войны, что, судя по откликам, удалось успешно достичь предыдущими тремя книгами, лишний раз подтвердив старую аксиому об исключительной роли военной истории «...как наиболее действительного средства изучения войны в мирное время».⁴

¹ Дубровин В. Керченские ключи Ростова-на-Дону//Military Крым. № 17. Симферополь, 2010 г. С. 3–12.

² Имеретинский Н.К. Из записок старого преображенца//Русская старина. № 105. СПб., 1901 г. С. 571.

³ Записки начальника штаба Севастопольского гарнизона князя Виктора Иларионовича Васильчикова//Русский архив. Том 6. М., 1891 г., С. 167–256.

⁴ Иностранное военное обозрение. Новый учебный план прусской военной академии//Военный сборник. № 4. СПб., 1889 г. С. 201.

То есть, пока современность дает нам возможность взглянуть на прошлые войны в тиши и уюте кабинетов, давайте эту возможность упускать не будем, хотя бы ради того, чтобы нашим потомкам не пришлось в очередной раз постигать непонятый опыт уроков недавних военных конфликтов под грохот артиллерийской канонады и свист пуль.

Традиционно постараемся без истерики взглянуть на эмоциональную, психологическую сторону войны, что немаловажно для более точного понимания происходивших событий. Все-таки, если верить словам одного из основоположников научного коммунизма и весьма интересного исследователя теории и истории войн, военная история — наука, в которой правильная оценка фактов является единственным руководящим принципом.⁵

Но и от психологии войны отказываться не будем. Недаром выдающийся российский военный теоретик генерал Леер, ссылаясь на слова Наполеона, что «тот, кто хочет проникнуть в тайны войны, должен обратиться к моральной стороне дела», говорил: «Теория ничего не решает, но объясняет. Изучайте дух военной истории, ее психическую сторону. Без общего синтеза она мертва, она — труп».⁶

В этой четвертой части нам предстоит сложный разговор сразу о двух наиболее известных сражениях Крымской войны, после которых кампания окончательно зашла в тупик и, вместо уже привычной нам маневренно-полевой, стала глубже и глубже зарываться в землю. Солдаты все чаще меняли ружья на кирки и лопаты, а дни и ночи становились сменами изнурительного труда. Эпицентр основных событий окончательно переместился в траншеи, на батареи и бастионы. Колонны пехоты уходили в окопы, становившиеся местом, где одни добывали славу и честь, а многие — смерть и забвение. И это только начало, спустя несколько месяцев война начнется много ниже отметки уровня поверхности земли, в лабиринтах минных и контрминных галерей. Именно там, в земле, система инженерных сооружений в сочетании с огнем артиллерии почти через год решит судьбу Севастополя.

Итак, сейчас мы попытаемся пройти путь от Балаклавы к Инкерману. Последнее только в его первой части, так называемом Малом Инкермане.

Сам люблю образные яркие фразы (уж простите, осуждающие меня за то), но применительно к этим двум сражениям использовать их совершенно не хочется. Не то чтобы уж так надоели стенания про «долину смерти» и эпос про «британского льва над Инкерманом», все много проще.⁷

В первом случае в Крыму за год войны можно было найти немало канав, где набили британских солдат не меньше, чем во время кавалерийской атаки под Балаклавой, но сделав это гораздо прозаичнее, можно сказать, буднично-профессионально. Но никто же не называет ров перед 3-м бастионом «ямой смерти», а ведь он это имя заслужил больше, чем воспетая высокими поэтическими строками долина у подножия Федюхиных высот.

А пространство перед батареей на Альме, усеянное телами в красных мундирах? Да и вообще, когда наши английские коллеги, стоя на Сапун-горе, с надрывом простирая руки в сторону Балаклавской долины, провозглашают, что находятся в самом трагическом месте британской истории, то хочется порекомендовать им почаще в

⁵ Энгельс Ф. Армии Европы (http://www.k2x2.info/filosofija/sobranie_sochinenij_tom_11/p103.php).

⁶ Супонев А.И. После Крымской войны. Из моих воспоминаний//Русский архив. Том 5. М., 1897 г. С. 105.

⁷ Кстати, само название «Долина смерти», по одной из версий, дала фотография Роджера Фентона, никакого отношения к описываемому нами событию не имеющая.

Лагерь английской кавалерии у Кадыкея. Фото Р.Фентона. 1855 г.

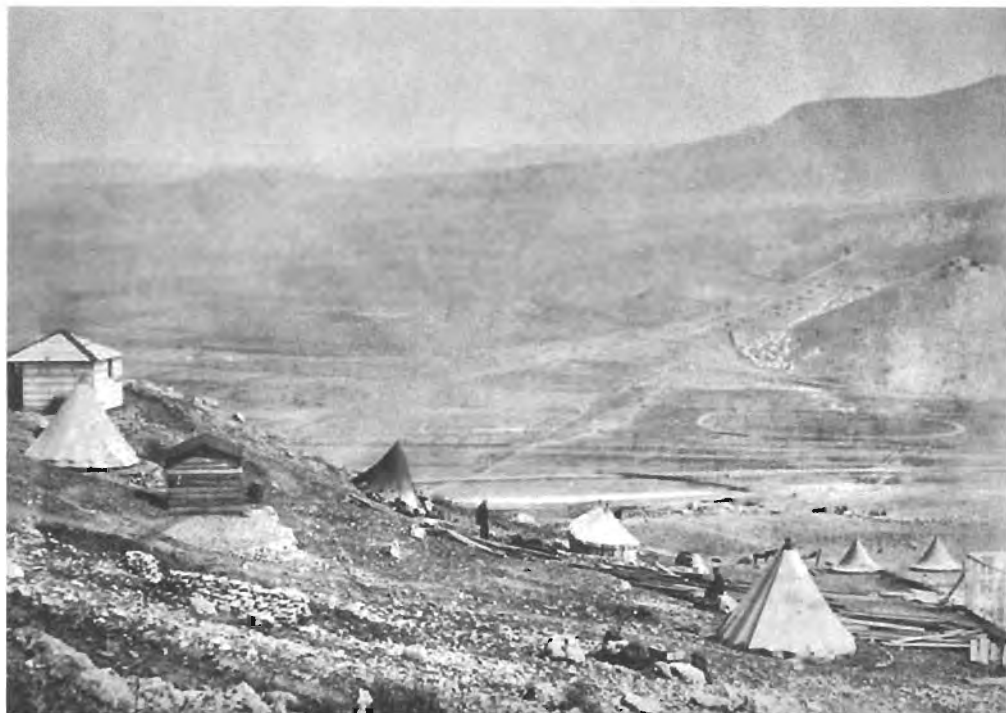
Сингапур ездить. Да и само Балаклавское сражение, которое в 2013 г. британский военный журнал "Soldier" отнес к числу 20 наиболее выдающихся битв в истории страны, на фоне остальных событий (к примеру, Ватерлоо, Сомма, Эль-Аламейн и т.д.)⁸ выглядит как-то неубедительно. Вот что касается жертвенности, то лично мне больше по душе атака польских улан под Сомосьеррой.⁹ Там и мысль, и цель, и доблесть более пропорционально замешаны.¹⁰

А уж с атакой австрийских улан под Кустоцей, про которую мы коротко ниже еще скажем, и сравнивать не хочется. В ней отчаянная храбрость и не меньшее самопожертвование были все-таки основаны на хоть каком-то трезвом расчете. Потому ре-

⁸ Britan's 20 greatest battles//Soldier. Mart. 2013. P. 50–53.

⁹ Сомосьерра – испанская деревня в Мадридском округе, у южного края Сомосьеррского прохода (1430 м), в горах Сьерра Гвадарамы. 30 ноября 1808 г. три полка французской пехоты тщетно пытались овладеть этой тесниной, защищаемой 12-тысячным испанским войском. Дело было решено атакой эскадрона уланского польского полка; атака продолжалась всего около 10 минут, но стала одной из самых блестящих кавалерийских атак в военной истории. В ходе этой безумной атаки погибли 4 офицера. Еще 4 офицера получили ранения. В строю остались только 2 офицера. Среди рядовых улан было убито 20 человек, тяжело ранено и контужено – 55 (легкие ранения и контузии не подсчитывались, хотя многие из легко раненных несколько дней не могли нести службу). Потери испанцев в точности неизвестны. Наверняка погибла большая часть obsługi пушек (на батареях находилось около 150 артиллеристов), а в плен было взято 3 тыс. испанцев.

¹⁰ Соколов О. Сомосьерра – или самая удивительная кавалерийская атака в истории наполеоновских войн//Империя истории. № 2. СПб., 2002 г. С. 2–11.

Вид Балаклавской долины от Гвардейского холма до холма Канробера, на котором располагался турецкий редут №1. Наверное, единственная возможность увидеть поле сражения в том виде, в котором оно было во время Крымской войны. Фото Р. Фентона. 1855 г.

зультат не сравним даже близко с итогами отчаянного безумства Легкой бригады под Балаклавой.¹¹

История знает атаки, произведенные на пределе человеческой храбрости, упорства и мужества ее участников. Они не только под Балаклавой случались. Была Атака Пикетта¹² в Гражданской войне в США. Наше родное военное наследие не сиротствует в этой достойной компании: русская пехота тоже вошла в историю своей «атакой мертвецов» у крепости Осовец как наиболее яркий эпизод верности присяге и приказу и презрения к смерти.¹³ Об атаке Галицкого полка при Черной речке мы еще рас-

¹¹ Атака австрийских улан под Кустоцей: 24 июня 1866 г. три взвода 6-го эскадрона 12-го уланского полка австрийской армии под командованием ротмистра барона Бехтольсгейма атаковали итальянскую пехоту и артиллерию в сражении под Кустоцей. Эта атака представляет один из блестящих примеров удачного употребления в бою небольшой кавалерийской части. Посланный в разведку ротмистр Бехтольсгейм, вникнув в обстановку боя, по собственной инициативе решил принять участие в бою. Благодаря смелости и настойчивости атака дала блестящие результаты, хотя к концу боя из 100 чел. в строю оставалось лишь 17 улан (Крюденер. Атака австрийских улан в битве под Кустоцей 24-го июня 1866 года//Военный сборник. №6. СПб., 1875 г. С. 313–318).

¹² Знаменитая атака конфедератов в 1863 г. во время сражения под Геттисбергом в ходе Гражданской войны. Генерал Ли считал себя и свои войска непобедимыми и послал пехоту в атаку на укрепления северян, закончилось все печально. Генерал Пикетт никогда не простил Ли приказа об атаке. Когда тот приказал ему организовать сбор его дивизии, Пикетт, по легенде, ответил: «Генерал Ли, у меня нет дивизии».

¹³ «Атака мертвецов» — распространенное название контратаки 8-й и 13-й рот 226-го пехотного Землянского полка 24 июля 1915 г. при отражении немецкой газовой атаки. Эпизод обороны крепости Осовец во время Первой мировой войны.

скажем, когда речь дойдет до Чернореченского сражения. Даже австралийцы «боевым сумасшествием» отметились, когда 7 августа 1915 г. атаковали турецкие окопы на высоте Бэйби у Галлиполи.¹⁴

Что касается эпоса про «британского льва», то он недаром, «...оскалясь короной, вздымает... вой».¹⁵ Русский медведь в начальной фазе Инкерманского сражения настолько основательно потрепал заговор символ империи, что если бы не примчавшийся на шум затянувшейся драки галльский петух, неизвестно, как бы все это дело кончилось.

Сами эти сражения, особенно Балаклавское, разобраны исследователями буквально поминутно и до квадратного метра.¹⁶ Атака Легкой бригады в «английской версии» прекрасно представлена в юбилейном выпуске журнала «Родина» А.Васильевым,¹⁷ лучше него это пока еще никто не сделал, и повторять им сказанное нам не следует. Если нужно узнать ее еще подробнее, то, пожалуй, читайте Адкина,¹⁸ Молло¹⁹ и не только их, конечно. Военно-историческая библиография настолько переполнена описаниями этого события, что вновь говорить о нем просто скучно.

К счастью, еще есть исключения. Я благодарен за информационную поддержку Геннадию Мешковскому, человеку, фанатично увлеченному историей Балаклавского сражения, и Олегу Ананьину, прекрасному знатоку кавалерии Российской императорской армии периода Крымской войны. Их исследования совершенно иначе, чем мы привыкли слышать, показывают события, а документальная база не позволяет усомниться в правильности выводов.

Сейчас же мы постараемся раздвинуть рамки Балаклавского сражения, посмотреть на те события, которые до этого казались незначительными, а на деле определили его итоги и значение. В любом случае масштаб этой книги слишком мал, чтобы вместить в себя исследование в полном объеме и, я думаю, в ближайшем будущем мы еще к нему вернемся.

Что касается Инкермана, то тут никто лучше не описал происходившее, чем генерал Богданович.²⁰ «Англоязычный» Инкерман прекрасно представлен в британской

Рядовой 3-го полка Африканских конных егерей. Из собрания Музея армии. Париж.

¹⁴ Австралийские окопы были всего в 30–40 метрах от турецких. Перед атакой была произведена артиллерийская подготовка мощными корабельными орудиями. Из-за того, что артподготовка закончилась на 7 минут раньше, чем планировалось, турки успели выйти из убежищ и занять оборонительные позиции. Три волны австралийской пехоты были выкошены полностью. Ни один австралийский солдат не достиг турецких окопов. Расстояние оказалось непреодолимым под огнем.

¹⁵ Маяковский В. Левый марш (<http://www.stihi-rus.ru/1/Mayakovskiy/18.htm>).

¹⁶ Molloy, John and Boris. Into the Valley of Death. The British Cavalry Division at Balaklava 1854. London. 1991.

¹⁷ Васильев А. Долина смерти. Атака британской Легкой бригады под Балаклавой//Родина. № 3–4. М., 1995 г. С. 53–57.

¹⁸ Adkin, Mark. The Charge. The Real Reason Why Light Brigade was Lost. Leo Cooper Books. London. 1996.

¹⁹ John and Boris. Into the Valley of Death. The British Cavalry Division at Balaklava 1854. London. 1991.

²⁰ Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 годов. Том III. СПб., 1876 г.

военно-исторической литературе (например, Кармайкл, Перси²¹ и др.), но тут можно легко попасться «на крючок» категоричной односторонности взгляда, вообще характерного для английской историографии.

Ну и, конечно, Тотлебен, сочинение которого после выхода в свет современники оценивали как гораздо «...объективнее пристрастного сочинения Кинглейка и включает в себе более достоинств, чем высокопарное риторическое произведение Базанкура».²²

В то же время Малый Инкерман сиротствует, обделенный вниманием исследователей, хотя за его скоротечностью и кажущейся эпизодичностью стоит гораздо больше, чем кажется. В этой части мы попробуем сосредоточиться в том числе и на этом эпизоде сражения за Севастополь в 1854 г.

Что-либо новое найти сложно, поэтому в отличие от второй части «Исторического очерка...», в котором речь шла об Альме; мы, пожалуй, рискнем не вдаваться в годы устоявшиеся детали происходившего, а попытаемся открыть новые, пусть даже они будут на уровне предположений. Тем более, что этот период Крымской кампании, связанный с именем князя Меншикова, даже в конце XIX в. считался наиболее запутанным и малопонятным²³ — князь откровенно играл «свою игру».

Не волнуйтесь, ничего сверхнового вы не найдете, равно как и не сможете обнаружить в тексте привычного смакования до слезовыделения деталей атаки Легкой бригады, хотя ее мы тоже без внимания не оставим, в конце концов, она же была. Но вот некоторые детали, которые, надеюсь, заставят посмотреть на случившееся по-иному, под другим ракурсом, думаю, будут интересны читателю.

²¹ Perdy, Algernon. A Bearskin's Crimea. Leo Cooper. Barnsley. 2005.

²² Шугуров М. Книжные заметки//Русский архив. Кн.5. М., 1866 г. С. 773–774.

²³ Оборона Севастополя. Письма князя А.С.Меншикова к князю М.Д.Горчакову. 1853–1855//Русская старина. Том 12. СПб., 1875 г. С. 175.

СЕВАСТОПОЛЬ ПОСЛЕ БОМБАРДИРОВАНИЯ

«Неутомимость и упорное сопротивление русских доказали, что восторжествовать над ними не так легко, как предсказывали нам некоторые газетчики».

Бельгийская газета "Independance Belge" после первого бомбардирования Севастополя.

Севастополь, а под этим именем собственным мы подразумеваем и город, и военно-морскую базу, включая корабли Черноморского флота с их экипажами, и крепость с ее гарнизоном, и даже мирное население, до и после первого бомбардирования представлял две разные картины. Недавние события «несчастной» Альмы и обложения её с суши и с моря союзными войсками привели к картине удручающей. Усугубляла трагизм положения ушедшая, как многим тогда казалось, неизвестно куда армия, хотя Меншиков всячески демонстрировал руководству обороны города, что держит ситуацию под неусыпным контролем и просто так отдавать его не собирается: ни о какой сдаче речи никогда не шло. Но даже без «всевидающего княжеского ока» русские всегда отличались способностью даже после крупных неудач быстро оправиться и вновь стать способными к упорной обороне, что с наглядностью академического учебного пособия продемонстрировал Севастополь в сентябре-октябре 1854 г.

Невероятным усилием воли и напряжением ума организаторам обороны удалось заставить гарнизон, в первую очередь моряков, в самые сжатые сроки создать из почти ничего полнокровную оборонительную систему. Севастополь показал «...образец применения временных укреплений для усиления пункта, плохо укрепленного в мирное время».²⁴

Созданная невероятно быстро оборонительная линия не только оказала психологическое влияние на неприятеля, заставив отказаться от вероятно успешной атаки на Северную сторону, но и в первый же день бомбардирования доказала способность Севастополя держаться и побеждать: «...поражение французских батарей заставило союзников и на этот раз отказаться от штурма, и в ночь на 6 октября против IV бастиона заложена была первая параллель: началась постепенная атака несуществующей крепости. С этого момента защитники Севастополя могли вздохнуть свободнее: первый, наиболее острый момент опасности миновал. Избранный неприятелем путь к овладению городом давал возможность укрепить его».²⁵

²⁴ Яковлев. Современное значение, устройство и применение временных укреплений (продолжение)//Военный сборник. № 10. СПб., 1904 г. С. 123.

²⁵ Половцев А. В. Русский биографический словарь (<http://genrogg.ru/totleben/bio-totleben-foto.htm>).

Без сомнения, организационный гений Тотлебена, помноженный на самоотверженность моряков Черноморского флота, сыграл решающую роль в создании эффективной фортификационной линии, позволявшей быстро и успешно реагировать не только на ближайшие действия союзников.

Кстати, употребляя слово «гений» в отношении Эдуарда Ивановича, я не исполняю панегирик в его честь, а лишь повторяю сказанное в его адрес в том числе современными английскими исследователями в специализированном издании "The War Correspondent". Авторитетный в британских кругах специалист по Крымской войне Колин Робинс прямо сообщает читателям, что «...в лице Тотлебена русские имели гения фортификации».²⁶

Мысль Тотлебена могла предупреждать перспективные замыслы союзников: «...главная заслуга его в том, что он всегда угадывал намерения неприятеля, всегда предвидел, на что может и должен решиться неприятель в известных случаях, вследствие чего всегда успевал предупредить его своими работами».²⁷

Благодаря таланту этого военного инженера, чьи способности, по оценкам противников, «были близки к гениальным»,²⁸ действия русской армии с сентября по середину ноября 1854 г. мы можем уверенно отнести к классическому типу активной обороны, вошедшей в современные учебники по фортификации. И не только мы: к этому не самому сложному выводу пришли исследователи США, Франции, Италии, Бельгии, Германии и многих других стран.

Если атака союзников территории Российской империи явилась неожиданностью для высшего военного руководства, то их действия после высадки удалось спрогнозировать достаточно точно. Раглан не сумел после победы на Альме воспользоваться ситуацией, а Меншиков в результате нескольких многоходовых комбинаций сумел вновь вернуть контроль над положением дел в Крыму. Возвращаясь к тому же Робинсу, скажем о нем словами противника: «...мастер оборонительного боя».²⁹

Косность мышления неприятельских военачальников, прямолинейность и предсказуемость позволили команде военных инженеров, большинство из которых были «...молодые офицеры, взятые, так сказать, со школьной скамьи», продемонстрировать «...умение при возлагаемых на них обязанностях применять теорию к практике, что в соединении с хладнокровием и мужеством, которыми они, несмотря на свою молодость, ознаменовали себя при обороне Севастополя».³⁰

Просто возвести батареи и установить на них орудия — это ничто без организации их в единую управляемую систему обороны: гибкую, устойчивую, развитую. И здесь одним из ключей успеха стала организованность моряков, выработанная самими условиями флотской службы. Едва ли не образцово совершался маневр войсками вне города, артиллерией на огневых позициях внутри крепости. Вполне уверенно велось управление ограниченными людскими ресурсами, крайне необходимыми не только для укрепления крепостных оборонительных сооружений, но и для:

- контрнаступательных действий;
- обходных движений;
- прямых атак на некоторые участки осадных позиций противника.

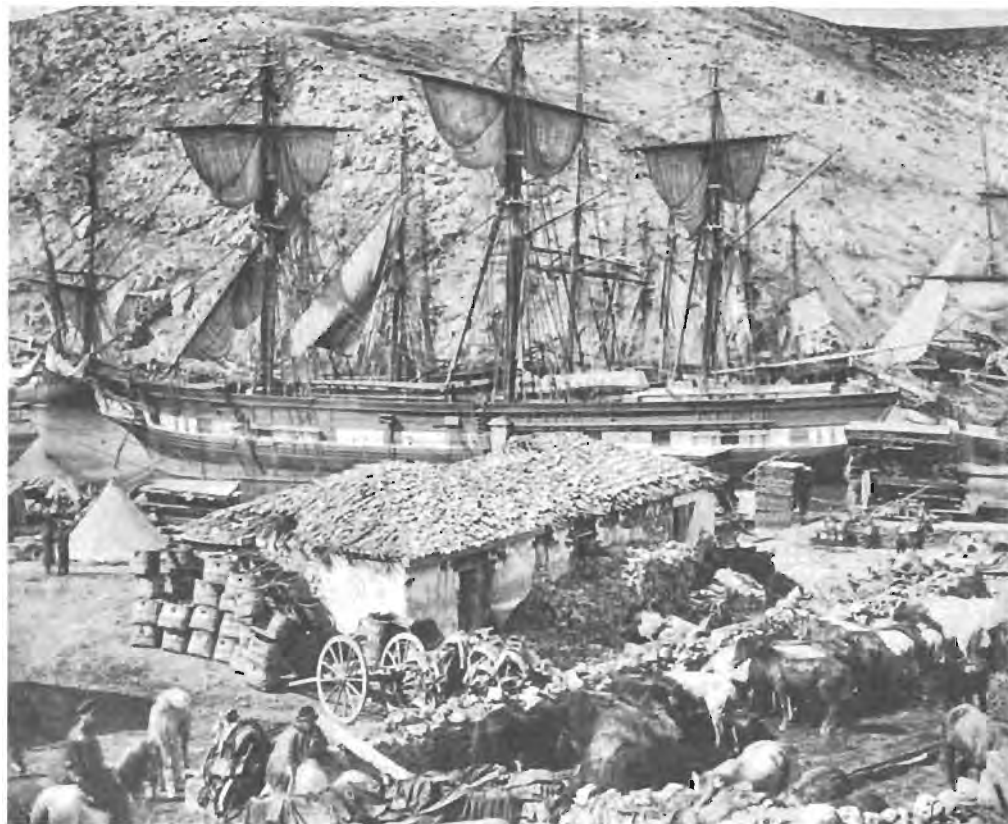
²⁶ Последний «Военный корреспондент»//Родина. №3—4. М., 1995 г. С. 64.

²⁷ Записки Порфирия Николаевича Глебова//Русская старина. Том 121. СПб., 1905 г. С. 499.

²⁸ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854—1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 126.

²⁹ Последний «Военный корреспондент»//Родина. №3—4. М., 1995 г. С. 64.

³⁰ Болдырев, инженер-генерал-майор. Краткое обозрение военно-инженерного искусства в России с 1819-го по 1869 г. СПб., 1870 г. С. 15.

Балаклава. Фото Р. Фентона. 1855 г.

Сочетание этих действий, при стабильной поддержке гарнизона извне, могло привести (что, вероятно, планировал Меншиков) к постепенному захвату инициативы и переходу от обороны к наступлению.³¹

После отраженной бомбардировки князь стал активнее, решительнее и, самое главное, агрессивнее. Вопреки надеждам союзников на быстрое добивание, казалось, разбитой после Альмы, припертой к морю русской армии, он «...как искусный и опытный фехтмейстер с поразительной быстротой неожиданно не только для них, но и для нас, проявил несколько фортелей своего искусства».³²

Примеров тому множество. Достаточно вспомнить, как отказавшись от навязываемой ему Рагланом и Сент-Арно правильной шахматной партии, поняв, что в шахматы играть не умеет (проиграв Альму), он в два счета, как заправский шулер, обставил их на зеленом сукне в покер, а пока они как проигравшие бегали вокруг стола (Севастополя), забрал банк (армию) и скрылся в неизвестном направлении (к Бахчисараю).

Как результат — безоговорочный успех 5(17) октября радикально поменял положение вещей. «Показательной порки» николаевской армии и флота, которую так любили изображать на карикатурах английские и французские газеты, не получилось.

³¹ Митчелл. Фортификация (пер. с англ.). М., 1940 г. С. 27.

³² Андриянов Н. Инкерманский бой и оборона Севастополя (статья третья)//Военный сборник. № 4. СПб., 1903 г. С. 47.

Балаклава. Вид на Генуэзскую крепость. Фото Р. Фентона. 1855 г.

Говоря словами классика современной российской дипломатии: «Хотели как лучше, а получилось как всегда».

То, что уготовили русским союзники, имело обратный результат: «...Бомбардировка дала отрицательный успех, как это и предвидели адмиралы, и флот при этом пострадал немало... Бомбардировка не дала даже морального воздействия на русских; эти последние считали себя победителями...».³³

Бельгийская газета "Independance Belge" писала тогда о русских: «После бомбардировки 5 октября французские офицеры писали, что «русские далеко превзошли то понятие, которое о них было составлено. Их огонь был убийствен и меток, их пушки бьют на большое расстояние, и если русские принуждены были на минуту прекратить огонь под градом метательных снарядов, осыпавших их амбразуры, то они тотчас же возвращались опять на свои места и возобновляли бой с удвоенным жаром. Неустойчивость и упорное сопротивление русских доказали, что восторжествовать над ними не так легко, как предсказывали нам некоторые газетчики».³⁴

Бельгийские «борзописцы» оказались прозорливее отдельных союзных военачальников. Во все времена и во всех войнах, которые вела Россия, ее солдаты оказы-

³³ Штенцель А. История войны на море в ее важнейших проявлениях с точки зрения морской тактики. Бесплатное приложение к № 7 «Морского сборника». Петроград, 1916 г. С. 28–29.

³⁴ Никифоров Н. Н., Туркин П. И., Жеребцов А. А., Галиенко С. Г. Артиллерия. Под ред. Чистякова М. Н. М., 1953 г. С. 51–52.

вался в вопросах полевой фортификации профессиональнее своих противников. Это было в 1854–1856 гг., повторится в 1914–1918 гг. и дойдет до совершенства в 1941–1945 гг.

В октябре 1854 г. военная драма под Севастополем, по образному выражению будущего генерала Хемли, должна была менять актеров ролями: союзники, атаковавшие до этого времени, сами попадали в положение обороняющихся.³⁵ «...Наступило время разочарований и крушения надежд».³⁶

Русские военные инженеры заставили союзное командование гробить свой личный состав на осадных работах в самых неблагоприятных условиях. В конце концов, ими были переработаны сотни тысяч кубометров очень твердого крымского грунта, превращенного к окончанию войны в более чем 80 верст траншей, 177 батарей «...различных начертаний, различного вида и устройства; употребить в дело 150 тыс. туров, 83 тыс. фашин, 2 млн. 56 тыс. земляных мешков; израсходовать 1.357.254 снаряда, 271.650 пуд. пороха».³⁷ Результат явно не стоил усилий. Уложив в могилы десятки тысяч солдат, союзники, в конце концов, одержали «выдающуюся» победу: им достались руины города, защищаемого не крепостными стенами, а лишь отлично организованной системой полевой фортификации, состоящей из «...укреплений временных по размерам, поспешных по возведению».³⁸

И если союзники откровенно загрузили, то среди защитников города, наоборот, царило возбуждение, свойственное победителям. Еще бы — все, от генерала до адмирала, от солдата до матросской жены, видели, как, дымя надстройками, зияя пробоинами в бортах и разрушениями в рангоуте, «уносили ноги» и былую славу лучшие корабли Королевского флота «владычицы морей».

Гарнизон Севастополя воспрял духом. Успокаивала и налаживающаяся жизнь в крепости, в которой под снарядами стали появляться, казалось, забытые привычные обычаи мирного времени. Наладили более-менее сносное снабжение. Чиновное «воронье» еще не учуяло возможности капитально грабить собственных солдат, и продовольствие, восполнявшее уменьшавшиеся запасы, поступало без сильных перебоев. Было приказано ежедневно выдавать по две чарки водки и по фунту мяса на человека.³⁹

Люди, от матроса до командующего флотом, поверили в свои силы и в возможность отстоять крепость. Появилась присущая довоенному времени лихость,

Генерал-лейтенант Дж.Скарлет.
Командир Тяжелой бригады.

³⁵ Hamley, Sir Edward Bruce. The War in the Crimea. London. 1891. P. 110.

³⁶ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 147.

³⁷ Болдырев, инженер-генерал-майор. Краткое обозрение военно-инженерного искусства в России с 1819-го по 1869 г. СПб., 1870 г. С. 13.

³⁸ Болдырев, инженер-генерал-майор. Краткое обозрение военно-инженерного искусства в России с 1819-го по 1869 г. СПб., 1870 г. С. 13.

³⁹ Николаев Е.П. История 50-го пехотного Белостокского Его Высочества Герцога Саксен-Альтенбургского полка 1807–1907. СПб., 1907 г. С. 197

которую нынешние условия не только не уничтожили, но и возвели в ранг нормального поведения. Тон задавали герои первой победы — офицеры и матросы Черноморского флота, за счет геройства которых держалась крепость.⁴⁰ Это признавали все.

«Среди защитников Севастополя самое почетное место принадлежит морякам-черноморцам. Они считали себя элитой и не боялись равняться с английским флотом. Крымская война была для них личным делом: разве главной целью англо-французской экспедиции не было разрушение их крепости и ликвидация их кораблей? Вскоре морские волки вынуждены были превратиться в солдат. Боевым крещением для моряков стало сражение на реке Альме. Пехотинцев развлекал вид вооруженных до зубов моряков, увешанных ружьями, саблями, топорами и пистолетами. Можно было подумать, что сейчас они пойдут на штурм. Удивляли также их взаимоотношения со своими офицерами. «Закаленные в боях с врагом и непогодой, выросшие в тесной морской семье»,⁴¹ моряки никогда не снимали фуражку, обращаясь к более старшему по званию, и не прибавляли: «Ваше благородие». Вскоре выяснилось, что эта фамильярность абсолютно не отражалась на воинской дисциплине. Малейшее указание их офицера — и вот они уже на острие атаки. Можно сказать, что на бастионах Севастополя они сражались за свои семьи: ведь у многих в городе проживали их жены и дети».⁴²

Шапки моряки перед своими командирами действительно «не ломали», вызывая вначале откровенное удивление привыкших к солдатской покорности армейских офицеров, — все больше были войной заняты.⁴³ Вот только для потрясавших своим хладнокровием и распорядительностью морских начальников это было естественным, привычным состоянием.⁴⁴ Их уверенность, непоказная строгость этикета, субординация были настолько очевидными, что вскоре армейские коллеги почувствовали превосходство флотских офицеров над собой.⁴⁵ Самим же морякам происходившее было привычной для них работой, а что касается ее опасности, так это и было тем, что по свойству самой морской службы вызывало у них «...не уныние, а усиленную энергию».⁴⁶

Таких людей было трудно заставить запаниковать, потерять волю. Иностранцы корреспонденты отмечали, что даже смерть адмирала Корнилова не только не подорвала дух гарнизона Севастополя, а заставила его сплотиться, удвоив силы и желание сопротивляться. Тем более, что Нахимов оказался достойным преемником.⁴⁷

⁴⁰ Оборона Севастополя. Письма князя А. С. Меншикова к князю М. Д. Горчакову. 1853–1855//Русская старина. Том 12. СПб., 1875 г. С. 309.

⁴¹ Аренс Е. И. Русский флот. Исторический очерк. СПб., 1904 г. С. 50–51.

⁴² Рамбо, Альфред. Русские в Севастополе. (На основе документов, опубликованных при покровительстве Цесаревича). Пер. с фр. Г. Беднарчика (<http://sborka.syno-ds.de>).

⁴³ Воспоминания командира 4-го бастиона капитана 1-го ранга Реймерса (бывшего капитан-лейтенанта) о 8-месячной бытности его в Севастополе во время бомбардирования//Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами. Том I. СПб., 1872 г. С. 40.

⁴⁴ Воспоминания инженера-полковника Бульмеринга//Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами. Том I. СПб., 1872 г. С. 47.

⁴⁵ Воспоминания об участии при защите г. Севастополя бывшего в то время полковым адъютантом Владимирского пехотного полка поручика, ныне отставного майора Наума Александровича Горбунова//Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами. Том I. СПб., 1872 г. С. 62.

⁴⁶ Стеценко В. Крымская кампания. Воспоминания и рассуждения//Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами. Том I. СПб., 1872 г. С. 229.

⁴⁷ Joue, Eugène. Lettres sur la guerre d'Orient. Lyon. 1854. P. 492–493.

Поразительно высокие боевые качества и умение вполне профессионально воевать в необычных для них, казалось, условиях сухопутного фронта создали уникальную ситуацию. Если до Севастополя в русском народе образ героя ассоциировался с солдатом, то теперь им стал матрос, а морская терминология, доселе малопонятная и незнакомая, стала модным трендом в российском обществе.⁴⁸

Подполковник Кларк из полка Шотландских Серых (2nd Dragoons) со своей лошастью Султан, раненной во время сражения под Балаклавой. Фото Р.Фентона. 1855 г.

После войны сами моряки подчеркивали свою значимость в успехе первых недель и месяцев защиты Севастополя. Будущий адмирал Шестаков имел по этому поводу свое мнение: «Если бы не было флота, кто нашел бы в кровавой драме, разыгранной так недавно, столько страниц, утешительных для русского сердца? Скажут, что Севастополь, или другую приморскую твердыню, спасла бы и армия; но ее там сначала не было, да если бы и была, то мы положительно отвергаем такую возможность, хотя не менее каждого сочувствуем славе, заслуженной издавна нашими войсками. Чтобы укрепить город в несколько ночей, нужны ловкость и способность, которые сухопутному воину несвойственны, а в моряке развиваются ежедневными обстоятельствами жизни; нужна привычка не пугаться препятствий, которая приобретается моряком в вечной борьбе с морем, в военное и мирное время одинаково, и вдруг родиться не может. Наконец, при недостатке средств моряк, свывающийся на корабле со всеми ремеслами понемногу, скорее найдется, нежели пехотинец, не встречающий в мирное время препятствий и недостатков».⁴⁹

Но не будем забывать, что при всех выдающихся «морских» победах Коломб не даром утверждал, что Крымская война едва ли может назваться морской. Так или иначе, но эпицентр текущих событий должен был вновь сместиться к сухопутному фронту, что себя ждать долго не заставило.

Русское командование, осознавая это, времени не теряло, стремясь «залатать» бреши и укрепить проблемные места, связанные в первую очередь с управлением войсками. Прошли организационные мероприятия, после которых должности, уже и без того исполняемые Меншиковым и Горчаковым, высочайше закрепили за ними окончательно. Первый стал начальником всех сухопутных и морских сил в Крыму, второй — командиром 6-го пехотного корпуса «со всеми правами».⁵⁰

⁴⁸ Обзорение русских военных журналов//Морской сборник. Том XL. №4. СПб., 1859 г. С. 219–220.

⁴⁹ Шестаков И. А. Старые мысли на новое дело (извлечения из статьи)//Морской сборник. № 1. СПб., 1858 г. С. 2–3.

⁵⁰ Хруцов А. П. История обороны Севастополя. СПб., 1888 г. С. 30.

Но не только на батареях или в море достигался успех. Важной была еще одна «неизвестная» победа Меншикова — он сумел удержать за собой коммуникации, понимая, что в то время период до 1 ноября считался удобным для движения пароконных повозок на юге России и позволял обеспечить более-менее хорошее снабжение армии в Крыму.⁵¹ Требовалось накопить свои запасы и одновременно вынудить противника перезимовать в Крыму, в холодных траншеях и на полуголодном пайке. К сожалению, большинство современных исследователей, перебирая события крымской осени 1854 г., с каким-то людоедским упорством перебирают сотни и тысячи погибших в сражениях, определяя, кто же «настрелял людишек» побольше. На деле победители и побежденные определялись проще. Первые диктовали свои условия, вторые им следовали. Это, конечно, исключительно мое мнение и я к нему пришел, анализируя происходившие события, но уж больно крымские дела 1854 г. напоминали московские, тоже осенние, 1812 г. Как Кутузов, сознавая, что пребывание французов в Москве ведет к гибели армии захватчиков, старался задержать Наполеона в разрушенной столице, так Меншиков в предчувствии приближающейся зимы старался заставить армию захватчиков провести ее в промерзших траншеях. Как Кутузов для достижения цели искусно распускал слухи относительно слабости и бедственного положения русской армии и будто бы общего желания скорейшего мира, так и перебежчики из русского лагеря (а их, похоже, особенно и не отлавливали) усердно распускали слухи о полной слабости русской армии, ее дезорганизации и деморализации. Почитайте воспоминания англичан и французов: там этими баснями переполнены страницы, и мы об этом уже не раз говорили в наших книгах.

Точно так же, как план Кутузова не понимали не только враги, но и не поняли при дворе и даже в армии, точно так же Меншикова не понимали в столице и не любили в Крыму.

7(19) октября 1854 г. с последними выстрелами орудий по Севастополю, «отсалютовавшими» в честь достижения ничтожных результатов при громадных затраченных усилиях, к союзникам пришло осмысление случившегося. Солдаты и офицеры с горечью констатировали прискорбный факт крушения надежд на скорое завершение войны и триумфальное возвращение на родину с лаврами победителей.

Даже у французов, где недавно царило граничащее с эйфорией воодушевление после Альмы, когда армия впервые после унижительного поражения при Ватерлоо одержала победу над европейским противником, заметно поменялось настроение. В союзных штабах заметно приуныли.⁵²

Осень принесла союзникам не только холодные ночи, но и разочарование, связанное с затянувшейся кампанией, совершенно не похожей на те колониальные войны, которые Англия вела почти сорок лет спустя после победы над Наполеоном. Сказать, что моральное состояние войск было нормальным, нельзя.

Уже никто не тешил себя надеждами, что все закончится быстро, а «увядший» после победной Альмы девиз «Севастополь — за неделю» выглядел совсем уж издевательски. Всегда оптимистичный командир 4-го легкого драгунского полка Педжет вдруг начинает говорить о разочаровании: «...Слишком холодно даже для того, чтобы писать письма. Держать ручку в толстых перчатках очень неудобно. Мы все на-

⁵¹ Радошковский. Исторический очерк введения принятой у нас конструкции полковых обозов//Военный сборник. №7. СПб., 1870 г. С. 95.

⁵² Slade, Adolphus. Turkey and the Crimean war; a narrative of historical events. Smith, Elder and co. London. 1867. P. 326–327.

Балаклава. Дом коменданта базы. Фото Р. Фентона. 1855 г.

ходимся в полном неведении в отношении дальнейших событий. Каждый день слышим, что наступление начнется завтра».⁵³

Майор Кармайкл из Дербиширского полка, правда, тоже сохраняя остатки бывшего оптимизма, констатировал: то, что ждет их впереди, уже «...не будет быстрым и легким делом, ожидавшимся столь малохлопотным».⁵⁴

Другой майор, только французский, командир батальона пеших егерей Монтодон, также в раздумьях. Он, как и другие офицеры, не знает, чего ждать дальше: «...придется нам оплакивать новые катастрофы или услышать приказ о штурме...».⁵⁵

Храбрый командир 2-го полка зуавов полковник Клер пишет во Францию, что момент, выгодный для взятия Севастополя, был упущен еще в конце сентября, когда войска находились в состоянии эмоционального подъема после победы на Альме.⁵⁶

⁵³ The Light Cavalry Brigade in the Crimea Extracts from the Letters and Journal of General Lord George Paget. London. 1881. P. 62–63.

⁵⁴ Майор Гарольд Кармайкл Вилли, 2-й батальон Дербиширского полка (1899 г.) Перевод с англ. С. Ординат//Military Крым. №23. Симферополь. 2012 г. С. 9–27.

⁵⁵ Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона. Пер. с французского Орехова Д. В.//Историческое наследие Крыма. №9. Симферополь, 2005 г. С. 55.

⁵⁶ Campagnes de Crimée, d'Italie, d'Afrique, de Chine et de Syrie, 1849–1862. Lettres adressées au maréchal de Castellane par les maréchaux Baraguey-d'Hilliers, Niel, Bosquet, Pélissier, Canrobert, Vaillant et les généraux Changarnier, Cler, Mellinet, Douai, etc., etc. Paris. 1898. P. 119–121.

Эти трое не одиноки. И во Франции, и в Крыму все популярнее мнение, что будь жив Сент-Арно, Севастополь давно бы уже пал, а нынешнее командование страдает хронической нерешительностью.⁵⁷

Приуныли все и серьезно. Если прежде говорили, что осада займет от восьми часов до трех дней, то теперь в офицерских кругах обсуждали не то, как скоро возьмут город, а то, как скоро им удастся вернуться домой, если они его не возьмут. Морские офицеры, принявшие и выигравшие пари у тех, кто обещал взять город в течение суток, предлагали новые пари, продлив срок овладения городом до одного месяца.⁵⁸ Наивные, они даже не могли предполагать, что их круиз в Крым затянется больше чем на год, а многие уже никогда не вернутся обратно.

Всегда жизнерадостный ирландец журналист Рассел писал в своем дневнике из Крыма: «Мы все начали уставать от непрерывного буханья, от которого было очень много шума и очень мало результата, кроме, разумеется, перевода пороха. Штатская братия, сопровождавшая армию, пришла в уныние. Но, как говорится, Рим не сразу строился, и Севастополь нельзя было покорить за неделю. Когда мы открывали кампанию, он виделся нам некоей гипсовой декорацией, которая, словно стены Иерихона, обрушится от одного только грома наших пушек. Пришедшая из Англии «новость» о взятии Севастополя вызвала на позициях лишь досаду и горькие насмешки. Армия была в возмущении. Все понимали, что взятие если когда-то и состоится, то отнюдь не будет иметь того радужного вида, какой придали ему тыловые фантазеры. Опасались и того, что альминские лавры увянут в свете вымышленной победы. Осмелюсь утверждать, что на родине плохо представляли себе и нас, и наше положение».⁵⁹

Бахвальства о набитой русскому медведю морде прекратились. Вспоминали их разве что с плохо скрытым стыдом. Зато в союзном лагере часто стала звучать фамилия Тотлебена с упоминанием его не иначе как гения фортификации.⁶⁰

Обострились проблемы, ранее на фоне потока победных реляций бывшие не столь заметными. Англичане обвиняли в проблемах французов, те, в свою очередь, в долгу не оставались. В первую очередь это касалось взаимного доверия. Раглан, и без того недолюбливавший союзников, понимавший их вину в неудаче бомбардирования, отныне испытывал постоянное чувство беспокойства по поводу их надежности.⁶¹

В свою очередь, французы, помнившие, как застряли англичане на Альме, не столь откровенно, но платили «братьям по оружию» той же монетой: «...союзники со вчерашнего дня, а враги вечные», — говорили офицеры.⁶²

Сардинский лейтенант Говоне, околавившийся при союзном штабе и уже скоро от скуки сходявший в атаку вместе с несчастной Легкой бригадой, писал о взаимоотношениях в лагерях контингентов:

«Никакого сотрудничества и единства не существует ни между посланниками, ни между руководителями... Главное преимущество английской армии — стойкость, но она сама признает, что значительно хуже французской в военном искусстве. Наобо-

⁵⁷ Guérin, Leon. Histoire de la dernière guerre de Russie: 1853–56. Tom 1. Paris. 1858. P. 332.

⁵⁸ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 147.

⁵⁹ Russell, W H. The British Expedition to the Crimea. London. 1858. (<http://archive.org/details/britishexpediti00russgoog>).

⁶⁰ Робинс К. Инкерман (пер. с английского) Последний «Военный корреспондент»//Родина. №3–4. М., 1995 г. С. 64.

⁶¹ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 150.

⁶² Чепурина И. В. Крымская история — русская литература — национальный имидж//Историческое наследие Крыма. №17. Симферополь, 2007 г. С. 255.

Балаклава. Фото Р. Фентона. 1855 г.

рот, французы поражают англичан своим запалом, и хотя они не отличаются пассивной стойкостью, однако компенсируют ее удивительным умением...».⁶³

Французышний раз убедились, что англичане, будучи в бою стойкими и надежными бойцами, вне боя превращались в совершенно беспомощных людей, которые с трудом могли обустроить свой быт. Камил Руссе приводит как пример удивление французов, что английские солдаты, получая мясную порцию большую, чем французские, умудрялись голодать. Привыкшие к сносным условиям службы в колониях, британские пехотинцы оказались совершенно неготовыми к условиям большой войны.⁶⁴

Виной тому был отмечаемый многими природный индивидуализм англичан. В отличие от них французы все делали сообща, строго распределяя роли и точно следуя своим обязанностям не только в сражении, но и в условиях лагерной жизни.⁶⁵

Англичане не могли не заметить, насколько снисходительно стали относиться к ним французы после победной Альмы и последовавших за ней неудач. Британский

⁶³ Ивануц М., Монько А., Вартовник А. Некоторые аспекты осады Севастополя в Крымской войне 1853–1856 гг. из писем офицеров англо-франко-турецкой армии//«Крымская война»: история и уроки. 1853–1856 гг. Научный сборник. Материалы Международной научной военно-исторической конференции. Севастополь, 2013 г. С. 232.

⁶⁴ Rousset, Camille. Histoire de la guerre de Crimée. Tome 1. Edition 2. Paris. 1878. P. 322–323.

⁶⁵ Rousset, Camille. Histoire de la guerre de Crimée. Tome 1. Edition 2. Paris. 1878. P. 322–323.

штаб был в возмущении, когда узнал, что в первых докладах императору французское командование просто игнорировало роль английских генералов в сражении.⁶⁶

Конфронтация с межнационального спустилась на внутриармейский уровень. Хибберт пишет, что «...атмосфера всеобщей неопределенности и страха сделала людей раздражительными. Настроение менялось мгновенно. Рушилась дружба. Вражда перерастала в настоящую вендетту. Неприязнь превращалась в ненависть. Солдаты во всем обвиняли офицеров, те, в свою очередь, генералов. А генералы во всем винили друг друга».⁶⁷

Одни лишь турецкие солдаты спокойно взирали на обострившиеся распри своих «спасителей», предпочитая довольствоваться ролью сторонних наблюдателей. Могло показаться, что по сути разгоревшаяся из-за них война их как раз меньше других участников занимает. Турки сами не предполагали, что вскоре случившееся сделает османских солдат героями битвы за Севастополь.

Не лучшим образом сказывалась усталость. Осадные работы требовали огромного напряжения сил и почти полного привлечения для их выполнения личного состава.

Только в 1855 г. союзники поняли, что эта война оказалась совсем не такой, к каким они привыкли и на какую рассчитывали. Генерал Пелисье писал Императору Наполеону III: «...Это не такого рода война, где битва сменяется битвой... Тут нужно терпеливое железное мужество, которое без веры, без надежд ежеминутно видит смерть, просто в глазах, день за днем, месяц за месяцем, в постоянном труде и невзгодах. Тут нужно не запальное геройство, которого едва хватает на двухчасовую битву в открытом поле, а сконцентрированное постоянное геройство, которое не знает ни отдыха, ни усталости».⁶⁸ Английские солдаты с трудом выдерживали тяготы круглосуточного изматывающего труда. Рассел признавал: «...Как работники наши солдаты не равняются французам и далеко уступают русским. Наши инженеры сетовали, что хорошо работают только гвардейцы и некоторые части Стрелковой бригады, а ирландские и шотландские полки не умеют держать в руках шанцевый инструмент. Но работы, необходимые при строительстве апрошей и укреплений, под силу лишь бывшим крестьянам, привыкшим к лопате и кирке. Пастухи, подручные рыболовов и охотников, танцовщики с саблями, егеря, охотники на красного зверя, косари, подносчики кирпичей, мастеровые и разнорабочие, как бы сильны, проворны и ревностны они ни были и из какой бы местности ни происходили, не могут управляться с инструментами, которые дают им саперы и минеры. Весьма желательно было бы учить обращению с шанцем части, которые могут быть задействованы на земляных работах. Не старина ли Тюренн сказал, что «лопата выиграла больше битв, чем мушкет»? Мы воевали лишь штыком да мушкетом и, конечно, понесли большие потери и нередко оказывались в невыгодном положении из-за того, что не могли подойти на 200 метров к Редану, в то время как французы подобрались вплотную к засеке Малахова кургана и остановились в 25 метрах от парашета. Наши славные союзники действительно могли больше людей отрядить на работу и больше их потерять в апрошах. О том, что труд их был нелегкий, а потери непустяшные, говорит тот факт, что за время осады они потеряли не менее

⁶⁶ Skene, James Henry. With lord Stratford in the Crimean war. London. 1883. P. 104.

⁶⁷ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 149.

⁶⁸ Ивануц М., Монько А., Вартовник А. Некоторые аспекты осады Севастополя в Крымской войне 1853–1856 гг. из писем офицеров англо-франко-турецкой армии//«Крымская война»: история и уроки. 1853–1856 гг. Научный сборник. Материалы Международной научной военно-исторической конференции. Севастополь, 2013 г. С. 232.

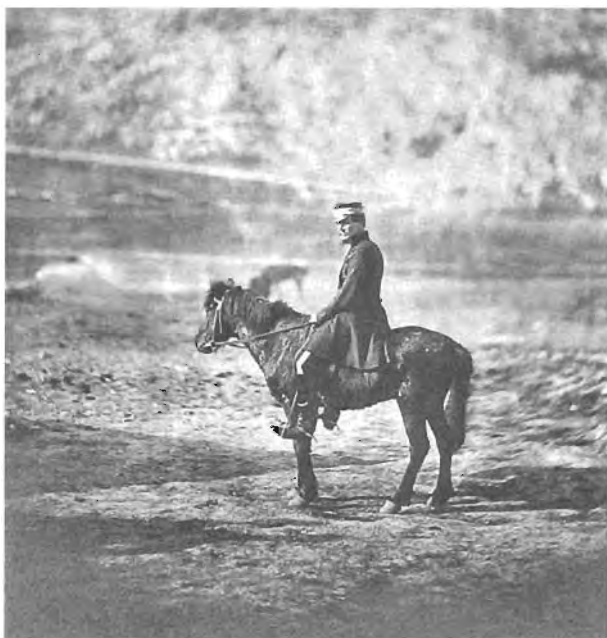
64 инженерных офицеров, из которых 30 были убиты».⁶⁹

Людей не хватало, нагрузки на каждого ложились двойные, а то и тройные. Даже в ночное время спать разрешалось только половине личного состава. Приказ по Гвардейской бригаде требовал наличия в изматывающей постоянной готовности не менее 600 человек.⁷⁰ Им не разрешалось ни раздеваться, ни даже снимать амуницию.

Питание сносным можно было назвать с большой долей условности. Окрестные сады давно были опустошены, и минимальный приток в ослабленные организмы витаминов снизился до недопустимого. Неприятно действовала на солдат непривычная разность дневных и ночных температур, характерная для осеннего Крыма. Начались нервные срывы, вызванные поваральной депрессией, участились случаи суицида, когда ружейный или револьверный выстрел избавлял от всех мучений. Вскоре, правда, солдаты союзных армий найдут другой, менее радикальный способ разрешения ситуации и начнут перебегать к русским, надеясь отсидеться до конца войны в более-менее приличных условиях, созданных для военнопленных.

Люди серьезно приуныли. В этих условиях вновь буйно расцвели болезни. Только в батальоне Колдстримской гвардии в сентябре случилось 76 заболеваний. В том числе 30 лихорадкой, 24 диареей и 7 холерой. 28 больных быстро вернулись в строй, 35 отлежались на борту кораблей и 12 направлены в госпиталь в Балаклаву. Один из офицеров, капитан лорд Данкелейн, умер. Смерть его произошла внезапно, особенно удивив тем облегчением, которое он вдруг ощутил после сильного приступа болезни. Для оперативной работы с больными и изоляции их от остального личного состава вне лагеря установили несколько медицинских палаток.⁷¹

Эпидемии были явлением опасным, и не только потому, что уменьшали количество людей, способных выполнять тяжелые осадные работы. Они уменьшали общую численность армии, в то время когда русские войска усиливались день ото дня.⁷² Да и приходили первые русские дивизии, к примеру, 5-го корпуса в Крым не измотанными, а вполне отдохнувшими в течение зимы 1854 г. Это уберегло их от болезней

Капитан Халфорд. 5-й Принцессы Шарлотты Уэльской драгунский (5th (Princess Charlotte of Wales's) Dragoon Guards) полк. Фото Р. Фентона. 1855 г.

⁶⁹ Russell, W H. The British Expedition to the Crimea. London. 1858. (<http://archive.org/details/britishepediti00russgoog>).

⁷⁰ Wyatt, John. History of the first battalion Coldstream guards during the Eastern Campaign. London. 1858. P. 24.

⁷¹ Wyatt, John. History of the first battalion Coldstream guards during the Eastern Campaign. London. 1858. P. 24.

⁷² Rousset, Camille. Histoire de la guerre de Crimée. Tome 1. Edition 2. Paris. 1878. P. 330–331.

Полковник Доэрти и солдаты 13-го легкого драгунского (13th Regiment of (Light) Dragoons) полка.
Фото Р. Фентона. 1855 г.

несмотря на то, что находились они в южной части Бессарабии, известной своим нездоровым климатом.⁷³

Болезни болезнями, но осадные работы никто не отменял. Периодические стычки и перестрелки в траншеях приносили новые жертвы, хотя и меньшие, чем болезнетворные микробы. Появились раненые, появились убитые. Впервые после Альминского сражения хирурги Колдстримской гвардии пустили в ход ампутационную пилу, сделав безногим калекой одного из «поймавших» русскую пулю. В одну из ночей странным образом попал в плен к защитникам Севастополя офицер.⁷⁴

Артиллерия союзников почти не прекращала огонь по крепости, лишь меняя его интенсивность и сократив расход боеприпасов. Это делалось не столько для уничтожения живой силы гарнизона, сколько для препятствования инженерным работам. Офицер Морской бригады Хейт утешал себя, что каждый выстрел союзного орудия так или иначе шел в город, а русским приходилось распылять его по довольно протяженной линии.⁷⁵

Как грибы после дождя, стали обнажаться проблемы, ранее, казалось, бывшие малозаметными и незначительными. Кампания еще даже не разошлась в полную силу,

⁷³ Памяти Артура Адамовича Непокойчицкого (биографический очерк)//Военный сборник. № 1. СПб., 1882 г. С. 195.

⁷⁴ Wyatt, John. History of the first battalion Coldstream guards during the Eastern Campaign. London. 1858. P. 24–25.

⁷⁵ Leopold George Heath. Letters from the Black Sea During The Crimean War. London. 1897. P. 91–92.

а в британском парламенте посчитали ее финансовую перспективу и едва не прослезились: маленькая победоносная война оборачивалась пугающей дороговизной. Банальная экономика путала планы, расстраивала растущие аппетиты военных и отталкивала беспросветностью перспектив.

Запутанность взаимоотношений между адмиралтейством и морскими транспортными компаниями делала доставку грузов в Крым слишком дорогой. Тонна груза в Австралию стоила не более 45 фунтов стерлингов, а точно такая же тонна в Крым — 25 фунтов. При этом расстояние до полуострова было не более трети пути к далекому острову. Прибывавшие в Крым офицеры часто несколько недель не могли дождаться своего багажа, отсутствие нормальных бытовых условий не только раздражало, но и приводило к тому, что почти все из них в той или иной степени оказались больными.⁷⁶

Когда стали разбираться в деталях столь выдающейся дороговизны, оказалось, что доля вины лежит на самих командирах, особенно некоторых из числа старших. Купившие себе должность и считавшие полки и бригады едва ли не своей собственностью, они демонстративно не желали разделять с солдатами и офицерами трудности полевой жизни. Прибывшие в Балаклаву транспорты под любым предлогом задерживались в базе, где использовались как фешенебельные гостиницы. Подобные задержки приводили к потере государством до 22000 фунтов ст. в год.⁷⁷

Готовясь к скоротечной экспедиции, союзники не только не продумали кампанию в холодное время, но и не смогли просчитать последствия этой неготовности. Более сообразительное французское командование с первыми ненастями приступило к прокладыванию дорог от Камышовой бухты к своим лагерям и начало возведение вполне комфортабельных бараков, для чего было выписано достаточное количество строительных материалов.

Англичане не придавали коммуникациям такого значения и хотя заполнили склады в Балаклаве необходимыми припасами, имели массу трудностей с их доставкой туда, где в них особенно нуждались — на передовые линии и в лагерь.⁷⁸

В этой связи удобная Воронцовская дорога приобретала стратегическое значение и рано или поздно русские должны были это заметить. Конечно, она была не единственной коммуникацией, но качество и расположение делали ее незаменимой в условиях сложившегося характера войны на полуострове. Можно сказать, что мы еще ничего не знаем об этой стороне войны, которая незаметно ушла на второй план исследований, но значение или недооценка значения которой стоила жизней многих защитников города и солдат осаждавших его армий.

Зависимость от сухопутных коммуникаций союзники попытались компенсировать своим владением акваторией Черного моря. Еще до первого бомбардирования Севастополя произошло событие, о котором, пожалуй, стоит сказать отдельно. В стиле конкистадоров англичане и французы кинулись грабить приморские города. Одной из первых жертв стала южнобережная красавица Ялта. Пожалуй, нам нужно вернуться немного назад, чтобы понять последствия того, что еще только ждет нас впереди...

⁷⁶ John Ashton Bostock. Letters from India and the Crimea. George Bell & Sons. London. 1896. P. 204–205.

⁷⁷ A Remedy for the evils that have caused the destruction of a large portion of the British Army before Sevastopol. Printed by E. Brière. London. 1855. P. 132–134.

⁷⁸ Обручев Н. А. Смешанные морские экспедиции (статья третья)//Военный сборник. №9. СПб., 1898 г. С. 69.

НАПАДЕНИЕ НА ЯЛТУ

22 сентября англичане внезапно нанесли удар по Ялте. Это событие заслуживает отдельного рассказа, но в контексте Крымской кампании столь малозначительно, что Тотлебен назвал его всего лишь «небольшой высадкой».⁷⁹

Наша задача не описывать случившееся, пытаясь определить размер ущерба, причиненного теми или иными участниками, а потом до конца жизни предъявлять претензии и требовать сатисфакции. Попытаемся понять, для чего союзникам была нужна эта операция, ставшая одной из самых скандальных страниц Крымской кампании, наряду с нападением на Одессу, Керчь и многие другие прибрежные города в Черном и Азовском морях. Заодно еще раз, пользуясь случаем, «попинаем» имидж «благородной» Крымской войны.

Выбор задач, решаемых этим нападением, невелик: разведка, пополнение запасов, расширение контролируемой территории, создание новой береговой базы. Правда, общественная российская печать дает еще один вариант: разграбление,⁸⁰ но с учетом сурового военного времени он применим ко всем из вышеперечисленных понятий. То есть, грабить во время войны можно попутно с решением стратегических или оперативных задач. Грабеж на тактическом уровне называется мародерством, а по мелочам союзники размениваться не собирались.

В нашем случае, очевидно, последние из обозначенных задач менее всего вероятны, но вот первые две подходят вполне. Союзники, поняв, что быстро разобраться с категорически не желавшими европеизироваться русскими у них уже не получится, обязаны были продумать возможность пополнения имевшихся у них запасов. Для этого необходимо было провести разведку Южного берега, в ходе которой выяснить наличие или отсутствие русских войск, наличие или отсутствие этих самых запасов и т.п. Англичане всегда считали морскую блокаду и поддержку небольшого военного контингента на вражеской территории своим флотом наиболее удачным сочетанием, до этого всегда гарантировавшим успех (об этом, в частности, упоминает биография адмирала Хорнби, приводя в пример Испанию и Крым).⁸¹

В этом случае такие рейды на прибрежные города отлично вписывались в стратегию разрушения вражеской инфраструктуры, и Ялта была жертвой, запрограммированной в концепцию сложившихся обстоятельств.

Лучшее объяснение, которое удалось найти, принадлежит одному из организаторов рейда адмиралу Лайонсу. Он утверждал, что хотя в начальный период кампании особых проблем со снабжением войск, количество которых увеличивалось, не было, к этому нужно было готовиться. То есть по возможности пополнять и делать запасы, о чем выше мы говорили. По его словам, инициатива акции принадлежала французам, у кого все эти проблемы проявлялись наиболее остро, так как большинство транспортов, арендованных для снабжения войск в Черном море, были парусные в отличие от преобладающих численно английских паровых судов. Лайонс однозначно называет имя «виновника» случившегося — Канробер,

⁷⁹ Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 180.

⁸⁰ «...часть англо-французских войск, прибыв к Ялте на десяти пароходах, вышла на берег, грабила более суток как город, так и окрестные имения, в том числе Массандру и Ливадию...» (Обзор военных действий 1854—1855//Отечественные записки. Кн. 12. СПб., 1855 г. С. 36.).

⁸¹ Egerton, Mary Augusta Phipps Admiral of the fleet: Sir Geoffrey Phipps Hornby, a biography. London. 1919. P. 264.

Балаклава. Разгрузочная пристань. Фото Р. Фентона. 1855 г.

хотя добавляет, что Раглан одобрил задуманное при условии, что все взятое будет оплачено.⁸²

Ну и еще одна причина, может, не столь значительная, но тоже важная. Мы говорили о ней. В армии, особенно английской, стали появляться признаки усталости, обусловленные затягивающейся войной и отсутствием перспектив близких шумных побед. В этом случае взятие еще одного российского города могло обеспечить «выпускание пара» и одновременно вернуть тающую на глазах веру войск в способность своих руководителей вести их по пути славы.

Неприятель и раньше проходил в виду Ялты, иногда производя промеры глубин. Примерно за месяц до нападения, по рассказу Погосского, союзники даже предупредили о своем скором визите: «...Мы скоро будем к вам в гости...».⁸³

За сутки до нападения корабль союзников прошел вдоль берега, не приближаясь.⁸⁴ Но уже через два дня высадившиеся англичане и французы с энтузиазмом грабили сам город, окрестные имения, а также Массандру и Ливадию.⁸⁵

⁸² Eardley-Wilmot, Sydney Marow, Sir, Life of Vice-Admiral Edmund, lord Lyons. With an account of naval operations in the Black Sea and Sea of Azoff, 1854–56. London. 1898. P.233–234.

⁸³ Из заметок проезжего. Воспоминания А. Ф. Погосского//Крымский архив. №9. Симферополь, 2003 г. С. 28.

⁸⁴ Англо-французы в Ялте//Материалы по истории Крымской войны и обороне Севастополя. Под редакцией Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 181–182.

⁸⁵ Обзор военных действий 1854–1855 гг.//Отечественные записки. Том 12. СПб., 1855 г. С. 86.

В экспедиции участвовали французские («Наполеон», «Помон», «Мегера» и др.) и английские («Трибюн», «Везувий», «Санспарейл» и др.) корабли общим числом 10 единиц.⁸⁶ Перечислять их не имеет смысла, ибо в этой акции технические характеристики не имели никакого значения. С таким же успехом союзники могли прибыть к берегу на баркасах. От этого результат не стал бы другим.

Действовали по евпаторийскому варианту, цивилизованно: сначала требования и после их предъявления — высадка. Жители Ялты утверждали, что на берегу оказалось примерно 1000 человек неприятельских солдат и матросов. Привычно действуя по цивилизованному сценарию, население предупредило о намерениях: «...Прибывший парламентар-лейтенант объявил: жители города могут быть спокойны. Мы пришли сюда за провизией. Нам нужен рогатый скот, птица, яйца и вино. Все это мы будем покупать и платить установленную цену. Вреда никому не будет».⁸⁷

Не знаю, насколько не было вреда, но великой пользы от союзников не было и по-прежнему. Англичане вели себя преимущественно агрессивно, французы, наоборот, пытались заводить беседы с местными жителями, в основном, конечно, с женщинами. Слава Богу, хоть никого не убили. Но обобрали от души и едва не до нитки.

Оккупанты быстро рассредоточились по городу, оцепив его пикетами (от церкви до кладбища через Мордвинов сад к речке Аутке). Возле каждого дома выставили часовых.⁸⁸

Едва ступив на землю, союзники решительно атаковали «эскадры» гусей и уток, плававших в местных прудах, а попутно в ожесточенных рукопашных схватках перебили всю остальную домашнюю живность. С хозяевами, пытавшимися протестовать и вставать на защиту своего добра, сильно не церемонились, аккуратно приставляли к груди штык или нежно ствол ружья ко лбу, после чего вежливо просили отойти в сторону и не мешать европейским гостям заниматься своим важным делом. Подобный способ общения был убедительным — и хозяевам ничего не оставалось, как со стороны наблюдать за разгулом веселья «дорогих гостей».

В грабеже участвовали не только солдаты, от подчиненных не отставали офицеры. Ялтинцы надолго запомнили одного из них, четверть часа гонявшего по набережной курицу, пока не загнавшего ее в магазин графа Потоцкого.⁸⁹

Вдоволь награвив на улицах, союзники стали чистить частные жилища. Сценарий был примерно такой же: куры, утки, вино. Иногда, правда, порядок менялся. То есть, начинали с выпивки, а уж потом забирали то, чем не успели закусить.

Не брезговли и пожитками, притом реквизировали все, что нравится. Любые попытки пожаловаться, в частности французскому начальнику, сделавшему своей резиденцией дом княгини Гагариной, были не более чем «гласом вопиющего в пустыне».

Награвившись в домах, перешли к храмам. Конфессия в расчет не принималась. Солдаты забирали все, что попадало под руки и казалось имеющим хоть какую-то ценность. Ну, в конце-то концов, не возвращаться же домой без сувениров.

⁸⁶ Eardley-Wilmot, Sydney Marow, Sir, Life of Vice-Admiral Edmund, lord Lyons. With an account of naval operations in the Black Sea and Sea of Azoff, 1854–56. London. 1898. P. 233–234.

⁸⁷ Англо-французы в Ялте//Материалы по истории Крымской войны и обороне Севастополя. Под редакцией Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 182–183.

⁸⁸ Англо-французы в Ялте//Материалы по истории Крымской войны и обороне Севастополя. Под редакцией Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 184–185.

⁸⁹ Англо-французы в Ялте//Материалы по истории Крымской войны и обороне Севастополя. Под редакцией Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 185.

Вскоре, воспользовавшись ситуацией, к захватчикам присоединились местные колаборационисты. По воспоминаниям В.Ракова, они, «...вооруженные косами, насаженными на палки, принимали участие в грабеже города и окрестных усадеб. Захваченный скот татары продавали французам и англичанам».⁹⁰

На следующий день ареал разбоя расширился. 23 сентября примерно 400 французов навестили Ливадию. Здесь они обратили внимание на прекрасное вино, обнаруженное у местного винодела. Вдоволь нагустившись, гости потребовали отдать им лучшее. Робкое возражение вызвало угрозы «разнести все». Получив что хотели, французы удалились, напоследок потребовав еще и букет цветов адмиралу на память о Ливадии. На

Лейтенант Гудман. 5-й Принцессы Шарлотты Уэльский драгунский (5th (Princess Charlotte of Wales's) Dragoon Guards) полк. Фото Р. Фентона. 1855 г.

следующий день уже целая компания офицеров посетила винодела. Угостились, на сувениры разобрали фаянс, занавески и прочие пожитки. На хозяйские вопли аргументированно заявили, что они хоть и разбойники, но благородные. В смысле, все забирают с собой, а варвары-англичане все ломают.

Примерно в 4 часа французы наведались в лес, забрали пасшийся там скот. Попутно проводили казенный магазин, забрав там 120 пудов муки. И (о, чудо!) расплатились: вахтеру вручили квитанцию и более того — расписались в шнуровой книге!

23 сентября тщательно «зачистили» Ялту: разграбили магазины Воронцова, Потockого и те, что победнее. Союзники, высадившись в Ялте, обнаружили там множество особняков, принадлежавших местной знати, среди которых выделялся своей роскошью дворец князя Воронцова. Члены первой «туристической делегации» попросили у аборигенов (так в тексте) продать хоть что-нибудь: продукты, вино, картины. В конце концов, просто ограбили прекрасный дворец, повыврезав холсты из рам (англичане, кстати, этот грех валят на французов). Только после вмешательства Раглана все было возвращено обратно.⁹¹

Совершили экспедицию в Массандру. Здесь поживились большим количеством сахара. Когда экономя имения Воронцова (имелся в виду роскошный загородный охот-

⁹⁰ Раков В. Мои воспоминания о Евпатории в эпоху Крымской войны // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 36. Симферополь, 1904 г. С. 20.

⁹¹ The past campaign: a sketch of the war in the East, from the departure of Lord Raglan to the capture of Sevastopol, Том 2 Longman, 1855. P. 11–12.

ничий дом) попытался протестовать, ему объяснили, что он не прав «...сперва ласково, а потом приставив к груди штыки».⁹²

Верх наглости союзники продемонстрировали в деревне Аутка, где, придя в дом местного карантинного врача, выпили у него все, что можно было выпить, и ...пригласили через восемь дней посетить Севастополь и отметить с ними его взятие.

Грабили по-джентльменски: обобрали до нитки, но никого не убили. Волею истории большую часть воспоминаний о налете на город оставили англичане, а потому без сомнения главными злодеями выставлены французы. По их сравнению, русская прекрасная пословица «где казак пройдет, петух больше не поет» как нельзя лучше относится к французам.⁹³

УСИЛЕНИЕ ГРУППИРОВКИ РУССКИХ ВОЙСК В КРЫМУ

Пока союзники обустроивались и грабили, выигранное после успешно произведенного флангового маневра и отражения бомбардировки время Меншиков стремился использовать максимально рационально. Возможность в ближайшее время покончить с зарвавшимся неприятелем, посмевающим не только развязать войну, но и перенести ее на территорию империи, выиграв при этом первое сражение, становилась реальностью.

Это не преувеличение, не модный ныне ура-патриотизм. Американский военный наблюдатель Джордж Макклелан, детально изучивший союзников и их манеру воевать, писал, что после того, как союзники заняли Камыш и Балаклаву, действия русского генералитета «...заслуживают высокой похвалы в отличие от их антагонистов». Не думаю, что у будущего героя Гражданской войны, человека достаточно умного и трезвого, было желание петь дифирамбы русским, скорее он просто констатировал очевидное.⁹⁴

Стараниями князя М. Д. Горчакова⁹⁵ началось интенсивное усиление группировки войск, особенно находящихся вне крепости. Одновременно решались вопросы организации снабжения все более увеличивающегося числа людей и лошадей. Больше проблем было с последними.

К несчастью, переброска войск в Крым не продумывалась детально. Не имея на руках точно продуманного плана дальнейших действий, а возможно, просто не посвящая в него никого, Меншиков запрашивал для усиления все, что только возможно. В результате вместо увеличения группировки пехоты, артиллерии и стрелковых частей на полуостров непрерывно прибывали большие силы кавалерии, что не удивительно. После сражения при Башкадыкларе и рапорта князя Воронцова, что именно недостаток кавалерии не позволил ему получить полную победу, Николай I, с его маниакальной привязанностью к этому роду войск, приказал увели-

⁹² Англо-французцы в Ялте//Материалы по истории Крымской войны и обороне Севастополя. Под редакцией Н.Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 190.

⁹³ The past campaign: a sketch of the war in the East, from the departure of Lord Raglan to the capture of Sevastopol, Том 2 Longman, 1855. P. 11–12.

⁹⁴ McClellan, George Brinton. The armies of Europe: comprising descriptions in detail of the military systems of England, France, Russia, Prussia, Austria, and Sardinia; adapting their advantages to all arms of the United States service and embodying the report of observations in Europe during the Crimean war, as military commissioner from the United States government, in 1855–56. Philadelphia. 1861. P. 13–14.

⁹⁵ Биографический очерк жизни генерал-адъютанта князя М. Д. Горчакова//Военный сборник. № 7. СПб., 1861 г. С. 223–224.

чивать ее количество на Кавказском ТВД.⁹⁶

Готовясь к полному и безоговорочному разгрому союзников в Крыму, на полуострове, вероятно, решили поступить так же, посчитав, что в сложившихся условиях крепостной войны, когда нужно было бороться за каждый квадратный километр территории, смелые и самостоятельные действия кавалерии «могли иметь самые решительные последствия».⁹⁷

О том, что достаточное обеспечение конницы невозможно наладить кроме как в ущерб другим частям, никто, кажется, в это время не думал. В результате кавалерия, как саранча, уничтожала фураж в окрестностях и уже вскоре его запасы уменьшились до критических. Снабжение ее становилось все более и более обременительным и затратным делом: «...Крымский полуостров не мог бы в мирное время прокормить такого числа войск, которое было собрано в нем для защиты Севастополя».⁹⁸

В ближайшие месяцы только для того, чтобы подвезти продовольствие и зернофураж от Перекопа до Симферополя на 150 тыс. человек и 40 тыс. лошадей, требовалось 16800 пароволочных подвод.⁹⁹ О боевой ценности конницы мы ниже еще будем говорить.

Позднее было все-таки признано необходимым действительно иметь в первый период осады под руками определенные тщательно сбалансированные силы кавалерии. Но при необдуманном увеличении ее численности последствия были непредсказуемыми. В некоторых случаях даже исполнение ею жандармских функций проводилось столь топорно, что принесло больше вреда, нежели пользы. Если с прибыти-

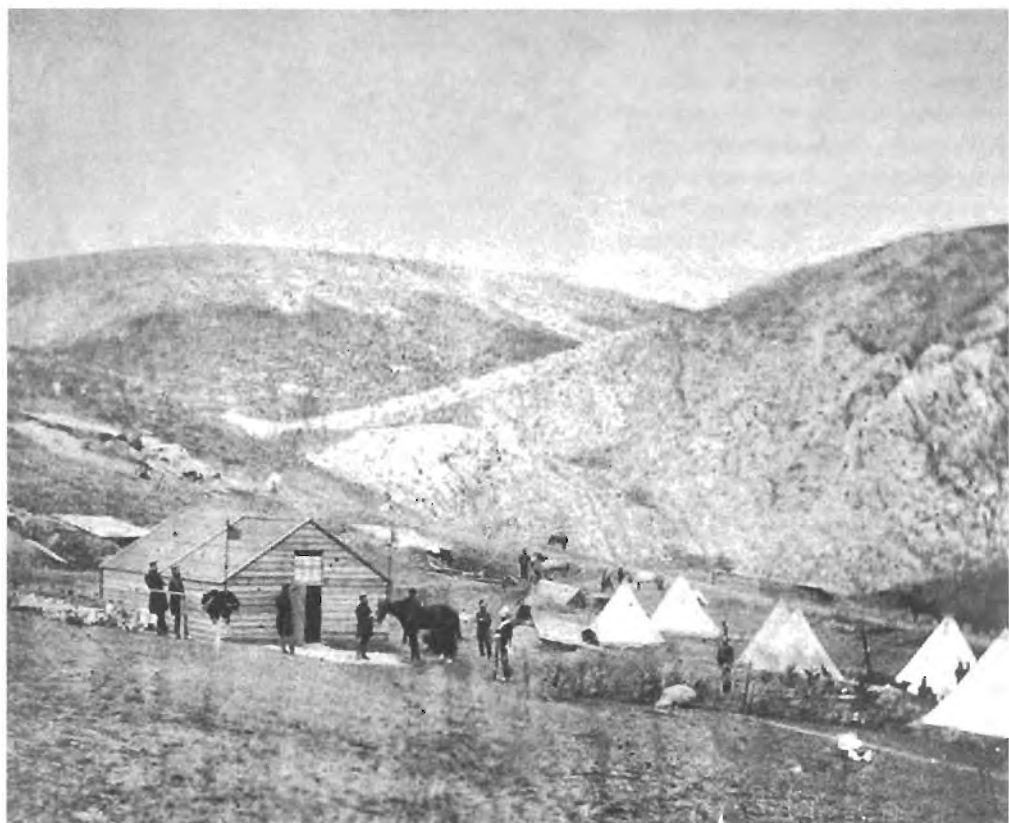
Капитан Бернارد. 5-й Принцессы Шарлотты Уэльский драгунский (5th (Princess Charlotte of Wales's) Dragoon Guards) полк. Фото Р. Фентона. 1855 г.

⁹⁶ Командующий Отдельным Кавказским корпусом князь Воронцов писал Военному министру: «Недостаток кавалерии при последних достопамятных военных событиях оказался чувствительным, так что мы даже не можем довершить окончательного поражения преследованием отступающего неприятеля, который везде имел кавалерию в большем против нас числе. Без усиления войск Действующего корпуса кавалерией, я полагаю, нельзя будет в будущей кампании ожидать блистательных успехов». (Эсадзе Б и С. Тверские драгуны на Кавказе. Восточная война 1854—1856. Тифлис, 1898 г. С. 14—15).

⁹⁷ Орлов. Об операциях с целью воспрепятствования и замедления блокады и осады крепостей (окончание)//Военный сборник. № 12. СПб., 1881 г. С. 281.

⁹⁸ Пирогов Н. Начала общей военно-полевой хирургии, взятые из наблюдений военно-госпитальной практики и воспоминаний о Крымской войне и Кавказской экспедиции. Часть первая. Дрезден, 1865 г. С. 4.

⁹⁹ История тыла и снабжения русской армии. Учебное пособие для слушателей Академии тыла и снабжения им. В. М. Молотова. Под ред. генерал-лейтенанта М. П. Миловского. Калинин, 1955 г. С. 141.

Лагерь 4-го Королевского Ирландского гвардейского драгунского (4th Royal Irish Dragoon Guards) полка у Кари. Фото Р. Фентона. 1855 г.

ем в Крым частей 4-го пехотного корпуса успокоилось местное татарское население и «...большое число их стало возвращаться из Евпатории, вероятно, также и вследствие дурного обращения с ними турок или затруднения прокормить их в Евпатории», то с появлением там кавалерии все изменилось. Генерал Корф смог даже тех, кто еще оставался союзником русским войскам или хотя бы нейтральным, обратить во врагов. Впоследствии это вызывало крайне отрицательную оценку со стороны одного из организаторов обороны Севастополя генерала Тотлебена.

«Обратное движение татар в скором времени было остановлено жестокими наказаниями, которым они подвергались в отряде генерала Корфа, где без всякого разбирательства одинаково строго обращались как с виновными, так и с теми, кто, оставаясь верными правительству, приводил и представлял виновных начальству; тех и других без различия наказывали нагайками и переселяли к северу от Перекопа».¹⁰⁰

Единственное, с чем могла справиться кавалерия — это поддержание сообщения с главными силами, находящимися вне линии обложения. И как крайний вариант, склонявший командование держать определенные силы этого рода войск в Крыму,

¹⁰⁰ Тотлебен Э. И. О выселении татар из Крыма в 1860 г. // Русская старина. Том 78. СПб., 1893 г. С. 533.

что в случае невозможности выполнять задачу предполагалось конский состав обратиться на транспортные нужды, в случае невозможности и этого — в пищу.¹⁰¹

Ближе к осени солдаты уланской дивизии внесли свой посильный вклад в дело совершенствования «крымской моды»: в условиях несения ими «...весьма трудной службы на аванпостах солдаты для сбережения себя от непогоды пришивали к двум концам попоны суконные тесемки или что-нибудь подобное и, завязывая эти концы на шее, пользовались попонами как бурками».¹⁰²

Забегая вперед и в подтверждение вышесказанного можно сказать, что уже в начале следующего года Меншиков в письме Николаю I от 14 февраля 1855 г. настоятельно просил последнего о выводе кавалерии с полуострова (правда, убедившись что тот сам того желает).¹⁰³

Главным ожидаемым событием стало прибытие новых сил пехоты. Вот-вот должны были появиться 10-я и 11-я дивизии, уже получившие приказ «собираться на указанные им пункты»,¹⁰⁴ после чего русские войска получали численное превосходство над союзниками и могли изменить ситуацию в Крыму.¹⁰⁵

4(16) октября под Севастополь пришла 1-я бригада (генерал-майор Семякин) 12-й пехотной дивизии (генерал-лейтенант Павел Петрович Липранди) — Азовский (полковник Криденер) и Днепровский пехотные полки (генерал-майор Гриббе). Следом (7 октября) подтянулась 2-я бригада генерал-майора Левуцкого — Украинский (полковник Лишин) и Одесский (полковник Скюдери) егерские полки.¹⁰⁶ С Одесским полком прибыл сам Липранди.

В состав дивизии входили обстрелянные части. Одесский полк имел за плечами тяжелейшие бои на Дунае, в том числе сражение при Четати. Хотя перед отправкой в Крым его доукомплектовывали, приняв, помимо нижних чинов (91 чел.), 12 офицеров из других полков дивизии и запасных частей, это был настоящий боевой полк под командованием опытного Скюдери, сменившего в должности ушедшего на повышение генерал-майора Жигмонта.¹⁰⁷

Приказ №2.940 от 8 сентября 1854 г. командующего Южной армией на переход в Крым был получен дивизией во время нахождения ее в Бессарабии, где полки комфортно размещали в сытых и богатых немецких колониях.

С грустью распрощавшись с гостеприимными щедрыми немцами, войска совершили энергичный тяжелый переход из Слатина в Малой Валлахии в Севастополь, куда прибыли 10 октября 1854 г. «с необыкновенной быстротой» и, что важно, почти не растеряв личный состав — сказался продолжительный отдых.¹⁰⁸

Марш был тщательно организован, всесторонне продуман. Особо внимательно пошло к продовольственному снабжению. В полках имели запас питания на 13 дней, постоянно пополняемый по мере расходования. Для сохранения бесперебойности

¹⁰¹ Селецкий. Заметки о крепостной войне//Военный сборник. № 7, 8. СПб., 1886 г. С. 251.

¹⁰² Горячев Н. О воспитании и обучении кавалерии//Военный сборник. № 4. СПб., 1875 г. С. 88.

¹⁰³ Переписка Государя Императора Николая Павловича с кн. Меншиковым, 1853–1855 г.//Военный сборник. № 10. СПб., 1904 г. С. 174–177.

¹⁰⁴ Записки начальника штаба Севастопольского гарнизона князя Виктора Иларионовича Васильчикова//Русский архив. Том 6. М., 1891 г., С. 167–256.

¹⁰⁵ Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 годов. Том III. СПб., 1876 г. С. 108.

¹⁰⁶ Хрущов А. П. История обороны Севастополя. СПб., 1888 г. С. 31.

¹⁰⁷ Попов Ф. Г. История 48-го пехотного Одесского полка. Том II. М., 1911 г. С. 57–58.

¹⁰⁸ Записки начальника штаба Севастопольского гарнизона князя Виктора Иларионовича Васильчикова//Русский архив. Том 6. М., 1891 г., С. 167–256.

снабжения в Симферополе были организованы специальные («особые») команды хлебопеков, на которые возлагались задачи «безостановочной подвозки к войскам продовольствия».¹⁰⁹

Когда передовые подразделения дивизии подошли к Бахчисараю, было получено предписание князя Горчакова №316 от 4 октября 1854 г., по которому 1-я бригада с одной легкой артиллерийской батареей направлялась в Чоргунь, а 2-я — к Бельбеку.

Прибыл под Севастополь Бутырский пехотный полк (17-й пехотной дивизии), поразивший армию своим невиданным головным убором,¹¹⁰ 6-е запасные батальоны Минского и Волынского полков, 4-й стрелковый батальон, 2-й линейный резервный Черноморский батальон.¹¹¹

Всего с 19 сентября (1 октября) по 10 (22) октября в Крым прибыло 24 батальона пехоты, 12 эскадронов кавалерии, 56 орудий и 12 сотен казаков. На пути к Севастополю находилось 3 драгунских полка 1-й драгунской дивизии с конной №21 батареей, конными №№21 и 22 легкими батареями.¹¹²

Часть прибывших сил Меншиков оставлял в своем подчинении, но 31 батальон и 28 орудий в эти же сроки были им направлены в город.¹¹³

Интенсивное наращивание русскими сил на полуострове не стало сюрпризом для союзного командования. В конце сентября вернувшийся из разведки HMS "Retribution" привез информацию, полученную от опрошенных капитанов австрийских торговых судов, о концентрации в Одессе и других городах юга России большого количества войск.¹¹⁴

Совсем скоро русские, пользуясь пассивностью приунывших союзников и (все-таки нет худа без добра) увеличением числа собственной кавалерии, начали активно выдавливать неприятеля из занятых мест, прежде всего удобных для снабжения войск фуражом, дровами и прочими необходимыми на войне вещами, которые, может быть, не так заметны, но от которых иногда может зависеть судьба всей кампании. Как известно, на войне все способы довольствия войск сводятся к двум: найти на месте все необходимые предметы или подвезти их из тыла.¹¹⁵ Крым исключением не был: что не привозилось издалека, старались взять здесь.

Осуществляя задуманное, три батальона Владимирского пехотного полка (в такой состав он был сведен после чудовищных потерь во время Альминского сражения, причем вначале вообще в один батальон)¹¹⁶ с 4 орудиями и 2 сотнями казаков, спустившись на рассвете 2 (14) октября к Черной речке, заняли дер. Чоргунь. В тот же день была установлена связь со Сводным уланским полком полковника Еропкина, который уже несколько дней прочесывал Байдарскую долину, одновременно «гоняя» вражеских фуражиров и наблюдая за неприятелем.¹¹⁷

¹⁰⁹ Журнал генерал-лейтенанта Липранди о событиях в Крыму со дня прибытия туда его дивизии и до конца Инкерманского сражения // Военный сборник. № 5. СПб., 1902 г. С. 213.

¹¹⁰ Нечитайлов М. Русское «кепи» на Кавказе и в Крыму // Military Крым. № 20. Симферополь, 2012 г. С. 59.

¹¹¹ Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 годов. Том III. СПб., 1876 г. С. 107.

¹¹² Описание обороны города Севастополя. Составлено под рук. генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 233; Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 годов. Том III. СПб., 1876 г. С. 107–108.

¹¹³ Описание обороны города Севастополя. Составлено под рук. генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 234.

¹¹⁴ Harris, M. Stephen British Military Intelligence in the Crimean War, 1854–1856. Routledge. 1999. P. 51.

¹¹⁵ Библиография. Снабжение современных армий (статья первая) // Военный сборник. № 4. СПб., 1889 г. С. 126.

¹¹⁶ Розин А. Очерки из Крымской войны (дневник очевидца) // Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами (репринт). М., 1998 г. С. 195–196.

¹¹⁷ Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 годов. Том III. СПб., 1876 г. С. 109–110.

Результаты сказались быстро. Вскоре неприятельские снабженцы все чаще стали возвращаться из рейдов по окрестностям с пустыми руками: «...В сене фуражирам было отказано решительно. Все, что им удалось промыслить — несколько фунтов второсортного ячменя. Кругом не было ни травинки, холмы и плато покрывал татарник, вся другая растительность исчезла неведомо куда. От недавно густых виноградников остались лишь ни на что не годные корни, торчащие из земли.

Боевым лошадям отпускали сена всего по 6 фунтов в день. Некоторые из несчастных животных не выдерживали таких условий, слабели. В соответствии с суровыми требованиями военного времени их расседывали и после револьверного выстрела в лоб отправляли на мясо.

В строю все чаще слышались дружеские предложения отведать «чертовски славной конины», которые, впрочем, принимались редко».¹¹⁸

Кроме фуража, союзники потеряли возможность найти хоть какие-то запасы дерева, чтобы использовать его для обогрева палаток и приготовления горячей пищи. Вначале его было достаточно, но вскоре все изменилось. Бродить по окрестностям в поисках дров стало небезопасным делом. Уланы и казаки не дремали — и то тут, то там исчезали солдаты. А иногда и офицеры умудрялись оказаться в плену у русских.

Русские демонстрировали намерение если не уморить неприятеля холодом и голодом, то хотя бы сделать ему пребывание в Крыму не самым радостным в жизни путешествием. Все, что могло быть пригодным в использовании, как для бытовых нужд, так и для осадных работ, беспощадно и безжалостно уничтожалось. При этом русские не останавливались, даже если для этого нужно было проникнуть в самый тыл неприятельских позиций, и достигли в этом высочайшего мастерства. Едва союзники начали разбирать крыши домов для строительства орудийных платформ — защитники города несколькими точными и продуманными вылазками превратили их в дымящиеся головешки.¹¹⁹

Пока на передовых позициях шла окопная война, неподалеку собирались войска. Район Чоргуна Меншиков со штабом наметили для концентрации основных сил, объединенных в отдельный отряд, получивший название Чоргунский. Дивизия Ли-

Подполковник Шуэлл. Во время сражения под Балаклавой командовал 8-м гусарским полком. Фото Р. Фентона. 1855 г.

¹¹⁸ Russell, W. H. The British Expedition to the Crimea. London. 1858. (<http://archive.org/details/britishexpediti00russgoog>).

¹¹⁹ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854—1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 134.

пранди, которой Меншиков «уже готовил назначение»,¹²⁰ составила его костяк.¹²¹ К 11 (23) октября Чоргунский отряд был окончательно сформирован.¹²²

Этот участок был избран не случайно. Оценив его, штаб главнокомандующего отметил, насколько «для ... нас было удобно действовать со стороны Чоргуна по направлению к Балаклаве, основанию действий английской армии. Выгоды такого образа действий побудили князя Меншикова, не выжидая прибытия остальных дивизий 4-го пехотного корпуса, предпринять наступление на Балаклаву».¹²³

Другого от него не ждали, более того, в него поверили. Умерший позднее от ран лейтенант Черноморского флота Комстадиус писал родным незадолго до сражения: «...На днях Меншиков начнет действовать наступательно. Это, даст Бог, облегчит наше положение».¹²⁴

Артиллерист Кожухов рассуждал аналогично: «...Малочисленная наша Севастопольская армия, разбитая под Альмой, теряла бодрость; она с лихорадочным нетерпением ждала подкрепления — и вот, наконец, подкрепления пришли, пришли с тем, чтобы начать наступательные действия; взоры всех теперь обращены на нас, все ждут от нас подвигов, и что же, если мы не выполним этих ожиданий, не осуществим надежд?...».¹²⁵

Теперь Меншиков хотел действовать. Едва подошла к Бахчисараю 1-я бригада 12-й дивизии, как Меншиков вызвал к себе ее командира генерала Семякина и приказал «...сделать рекогносцировку в тылу неприятеля и, заняв высоты впереди Чоргуна, угрожать союзникам».¹²⁶

Одновременно начались более глубокие рейды по передовым линиям противника, часто с проникновением на его позиции, часто с перестрелками и стычками, изматывающими врага. Если раньше для них привлекались силы редко больше батальона и нескольких команд охотников-добровольцев, то теперь речь шла о сильных ударах целыми полками. 6 (18) и 7 (19) октября, исполняя приказ Меншикова, с подходом к Чоргуну 1-й бригады с 1-м Уральским казачьим полком, Семякин провел рекогносцировку («диверсию») в направлении неприятельских позиций. Англичане получили очередную бессонную ночь: «...Были все основания ожидать, что новый день — 19 октября — пройдет мирно и что не нужно будет стоять под ружьем, охраняя последнюю недоделанную траншею. Как бы не так!».¹²⁷

Но одноразовой акцией дело не ограничилось. Следующий день не отличался от предыдущего: «...Много часов простояли мы в полной готовности, и лишь турки слегка развлеклись стрельбой. Темнота застала нас за тем же занятием».¹²⁸

¹²⁰ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева. 1853–1854// Русская старина. Том 18. СПб., 1877 г. С. 709.

¹²¹ Попов Ф. Г. История 48-го пехотного Одесского полка. Том II. М., 1911 г. С. 60.

¹²² Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 годов. Том III. СПб., 1876 г. С. 110.

¹²³ Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 годов. Том III. СПб., 1876 г. С. 109–110.

¹²⁴ Лидерс-Веймарн. Осажденный Севастополь в письмах убитого офицера 1853–1855//Русская старина. Том 66. СПб., 1890 г. С. 91.

¹²⁵ Кожухов С. Из крымских воспоминаний о последней войне//Дубровин Н. Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Выпуск IV. СПб., 1872 г. С. 66.

¹²⁶ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева. 1853–1854// Русская старина. Том 18. СПб., 1877 г. С. 709–710.

¹²⁷ Russell, W.H. The British Expedition to the Crimea. London. 1858. (<http://archive.org/details/britishepxpediti00rusgoog>).

¹²⁸ Russell, W.H. The British Expedition to the Crimea. London. 1858. (<http://archive.org/details/britishepxpediti00rusgoog>).

Последующие дни и ночи продолжали изматывать противника. С каждым днем объем работ увеличивался, задачи становились все более сложными, а перспективы все менее радужными. Сержант 7-го фузилерного полка Гоуинг вспоминал уже после войны о том кошмаре, в какой превратилась жизнь пехоты после неудачного дня 17 октября:

«...И работая, и стоя в прикрытии, мы сталкивались с ожесточенным сопротивлением. Иногда приходилось бросать лопату и хвататься за ружье. Мы то копали, то несли дежурство — роя траншеи и насыпая батареи, можно было согреться, хотя частенько работы шли по колено в грязной жиже.

Все апроши нужно было делать ночью, чем темней — тем лучше. Оказаться в прикрытии было смерти подобно: солдаты часами лежали в стылой грязи и на рассвете, после бессонной ночи, изнуренные холодом и голодом, а то и лихорадкой, возвращались в лагерь, где только и можно было, что завалиться в продуваемую всеми ветрами грязную палатку, не сыскав ни кусочка заплесневелого бисквита, чтобы перекусить — завтрак в столь ранний час обычно был еще не готов. Бывало, только-только доберешься до лагеря — и слышишь голос дежурного:

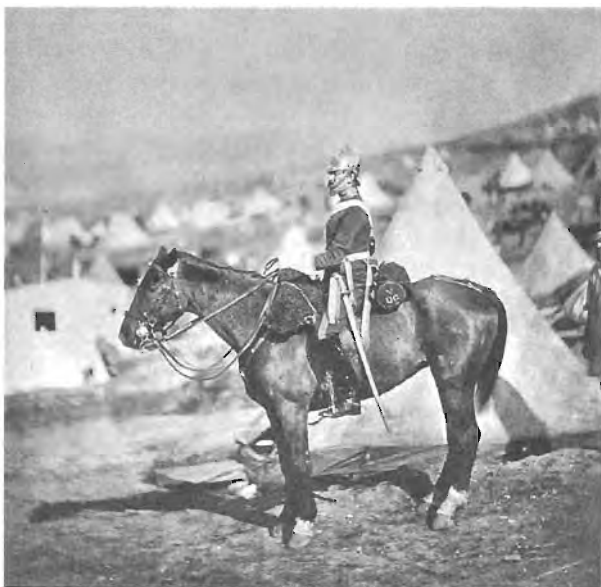
«Сержант Г. здесь?»

«Здесь. Что случилось?»

«Вам на работы».

Тащишься в Балаклаву разгружать корабли с припасами — солониной, бисквитами, одеялами, ядрами или бомбами. Возвращаешься затемно, выжатый, как лимон; и снова в грязь, передохнуть часок-другой, если, конечно, не поднимут по тревоге. Так продолжалось неделю за неделей, месяц за месяцем. Сколь высока цена чести и славы!¹²⁹

Русские откровенно измывались над англичанами. 21 октября «...к вершине бухты подошел пароход «Владимир» и открыл огонь по нашей правой линии. Он действовал с великолепной точностью, и прежде чем мы могли ответить, его снаряды убили двоих и ранили двадцать человек».¹³⁰

Майор Бартон. 5-й Принцессы Шарлотты Уэльской драгунский (5th (Princess Charlotte of Wales's) Dragoon Guards) полк. Фото Р. Фентона. 1855 г.

¹²⁹ Тимоти Гоуинг. Голос из строя (Gowing T. Voice from the Ranks: a personal narrative of the Crimean Campaign. Nottingham, 1895) Перевод Е.Тупахиной//«Military Крым». №3. Симферополь, 2006 г. С. 22.

¹³⁰ Russell, W H. The British Expedition to the Crimea. London. 1858. (<http://archive.org/details/britishepediti00russgoog>).

Не добавляли оптимизма англичанам и заболевания, которые быстро находили себе жертвы среди обессиленных, ослабленных непрерывными осадными работами, утомленных бессонными ночами солдат.

«...Но холера не отступала — и ежедневные потери на этом фронте вызывали нешуточное беспокойство. В те дни из 35 600 человек, составлявших нашу армию, лишь 16 500 рядовых годились в строй. За две недели более 700 человек были уволены по болезни и отправлены в Балаклаву. Ежедневно из наших рядов утекало 40–50 человек, причем солдаты, возвращавшиеся из госпиталей, не восполняли этой утечки. Даже цифра в 20–30 раненых в день выглядела угрожающе, если помножить ее на число дней, проведенных нами в Крыму. Остро не хватало лафетов и пушечных колес, амуниции и фуража. Пока мы истощали силы на осадных работах, пока все дальше в будущее отодвигался день штурма, русские стягивали силы у нас на фланге и в тылу, готовясь к мощной попытке снятия осады».¹³¹

И если в бою с русскими еще можно было иметь шанс на победу, то невидимый враг оказывался часто сильнее.

«...Ряды наши редели — холера ежедневно уносила новые жизни. Тех, кто был с нами в Турции, осталось всего ничего. Больно было смотреть, как иные бедолаги валятся с ног и за два-три часа уходят в мир иной. Почти каждый из нас страдал от малярии, лихорадки или простуды, но жаловаться было бессмысленно — у врачей не хватало или вовсе не было лекарств. Несчастные наши солдаты мерли, как мухи, от дизентерии и расстройства желудка, но мужественно переносили страдания».¹³²

За несколько дней до сражения Раглан с тревогой информировал правительство: «...армия нуждается в отдыхе. Хотя ей и не пришлось совершать долгих маршей, люди устали. Непосильной задачей стало даже ежедневное добывание воды и дров. Очень дает о себе знать здешний климат: холера все еще не побеждена».¹³³

Теперь уже не столько русские думали, как отбиться, сколько англичане и французы — как не получить смертельный удар где-то в область спины...

СОЮЗНИКИ: УСИЛЕНИЕ

Усиливались не только русские, увеличение численности которых не осталось незамеченным союзниками.¹³⁴ Значительно возросла численность французского контингента, который, получая информацию о возможных трудностях осенне-зимнего периода, старался переправить в Крым Наполеон III.

До начала штурмов сумели доставить пополнение из Франции. Хорошей новостью были два кавалерийских полка, бригада генерала де'Алонвиля, 1-й и 4-й полки (последний из Аржи)¹³⁵ африканских егерей из состава дивизии дивизионного генерала Морриса — организованные, подготовленные, дисциплинированные части, которые можно было использовать для оттеснения русских из Байдарской долины.

¹³¹ Russell, W H. The British Expedition to the Crimea. London. 1858. (<http://archive.org/details/britishexpediti00russgoog>).

¹³² Тимоти Гоуинг. Голос из строя (Gowing T. Voice from the Ranks: a personal narrative of the Crimean Campaign. Nottingham, 1895) Перевод Е.Тупахиной//«Military Крым». №3. Симферополь, 2006 г. С. 22.

¹³³ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 151–152.

¹³⁴ Harris. Stephen M. British Military Intelligence in the Crimean War: 1854–1856. Routledge, 1999. P. 52–54.

¹³⁵ Historique du 4me régiment de chasseurs d'Afrique depuis sa formation 1839 jusqu'à la fin de la Grande Guerre 1919. 1920. Paris. P. 10–11.

С последним из полков появилась на слуху союзных войск некая анекдотически мистическая история. Последний полк доставил в Крым из Бургаса транспорт "Simla", который до этого перевез 4-й Легкий драгунский в Варну, потом 4-й пехотный из Галлиполи в Варну, потом перевез 4-й драгунский в Крым и, наконец, 4-й полк африканских егерей под Севастополь. Офицеры шутили, что один транспорт перевез три «четверти» английской армии и одну «четверть» французской.¹³⁶

Мечта покойного Сент-Арно,¹³⁷ который после Альмы горько сожалел об отсутствии у него кавалерии, с помощью которой можно было добить русских, сбывалась. Вот только ситуация уже была иной.

18 октября¹³⁸ в Стрелецкой бухте выгрузился последний батальон Иностранного легиона, завершив переброску 5-й дивизии генерала Шарля Левальяна.¹³⁹ В отличие от других дивизий она некоторое время состояла из трех бригад. 1-я бригада (генерал ла Мотт-Руж): 41-й и 42-й полки линейной пехоты. 2-я бригада (генерал Кустон): 5-й легкий и 46-й линейный полки. 3-я бригада (генерал Базен): 1-й и 2-й полки Иностранного легиона (полковники Вьено и Капре). Бригада Базена временно входила в состав 5-й дивизии и по прибытии 6-й (генерал Пате) должна была перейти в нее.¹⁴⁰ Легионеры окончательно покинули бригаду Вино, в составе которой сражались на Альме. Вино в приказе, адресованном им, сожалел, что теряет «самое красивое украшение своей бригады»: «Я знаю Легион с давних пор, и его репутация все это время только растет. На Альме вы вписали славную страницу в историю вашей части».¹⁴¹

У легионеров, немецкие ряды которых, узнав о начале войны с ненавистной Россией, разбавила сильная польская прослойка, еще будет много возможностей показать свою доблесть под Севастополем.

Задерживалась артиллерия 5-й дивизии, которая пока еще оставалась в Галлиполи.¹⁴²

Капитан Филипс и лейтенант Йейтс из 8-го Королевского Ирландского гусарского (8th (The King's Royal Irish) Regiment of (Light) Dragoons (Hussars) полка. Фото Р.Фентона. 1855 г.

¹³⁶ The Light Cavalry Brigade in the Crimea Extracts from the Letters and Journal of General Lord George Paget. London. 1881. P. 56.

¹³⁷ Roemer, J. (Jean). Cavalry: its history, management, and uses in war. New York. 1863. P. 47–48.

¹³⁸ Guérin, Leon. Histoire de la dernière guerre de Russie: 1853–56. Том 1. Paris. 1858. P. 329–333.

¹³⁹ Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 годов. Том III. СПб., 1876 г. С. 107.

¹⁴⁰ Guérin, Leon. Histoire de la dernière guerre de Russie: 1853–56. Том 1. Paris. 1858. P. 329–333.

¹⁴¹ Брюнон, Жан, Маню, Жорж. Иностранный Легион 1831–1955. М., 2003 г. С. 59–60.

¹⁴² Auger, Charles. Guerre d'Orient: siège de Sébastopol: historique du service de l'artillerie (1854–1856). Tome 1. Paris. 1859. P. 116–118.

Корнет Уилкин. 11-й гусарский полк.
Фото Р. Фентона. 1855 г.

Французская военная система хотя и оказалась, особенно на первом этапе кампании, существенно надежнее британской, вскоре, особенно когда война потребовала постоянного пополнения войск и запасов на театре военных действий, тоже оказалась далекой от совершенства. Через двадцать лет после событий Крымской войны генерал Трошю, рассуждая о недостатках организации французской армии, обнаружил те беспорядки и упущения, которыми сопровождалось отправление в поход французских армий в Крымскую и, вскоре, Итальянскую кампании, и что единственным приказанием, которое в этом отношении отдавало военное министерство, было знаменитое «разберитесь». «Война казалась необходимою и занимала все умы: одни требовали ее, другие протестовали, и вдруг среди всех этих противоречий — война объявлена. С этой минуты, сухим путем и морем,

в вагонах и на судах, с поспешностью и в замешательстве, приводятся в движение сформированные части войск, интендантские склады, продовольственные запасы и т. п.; загромождавая все пути, они скучивались в огромном числе и совершенно случайно — в том или другом пункте. Каждому отряду, высаживающемуся с недостатками в снаряжении и в беспорядке, какой только возможно представить, говорили: «разберитесь», и отряд беспечно отправлялся навстречу неприятелю, с этою, чисто французскою, формулою. Но всего удивительнее было то, что действительно «разбирались» и, более или менее готовые, вступали в бой».¹⁴³

После прибытия подкреплений французская армия в Крыму насчитывала 46 000 чел. и 5 500 лошадей. За прошедшее после Альмы время французы потеряли 67 человек убитыми и 572 ранеными.¹⁴⁴

На 4 000 чел. увеличился английский контингент. Теперь его численность составляла почти 35 600 человек, в том числе около 3 000 — в составе кавалерийской дивизии.

Общая численность неприятельских войск в Крыму превысила 85 000 человек.¹⁴⁵

¹⁴³ Анненков М. Н. Война 1870 года. СПб., 1871 г. С. 47—49.

¹⁴⁴ Du Casse, Albert. Précis historique des opérations militaires en Orient de mars 1854 à septembre 1855. Paris. 1856. P. 160.

¹⁴⁵ Описание обороны города Севастополя. Составлено под рук. генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 233.

ПЛАНЫ СТОРОН

«...Липранди, это будет человек, который лучше других сделает дело. Понятно, что при этом случае вы ему скажете, что задача, которую вы ставите ему, имеет самое важное значение, и что только он один, по своему уму и энергии, годится для того, чтобы разрешить ее...».

Князь М.Д. Горчаков князю А.С. Меншикову о генерал-лейтенанте Липранди.

«Что касается военного искусства, то Крымская война должна рассматриваться достойной упоминания только как самая плохая по руководству кампания в британской военной истории».

Британская энциклопедия 1960 года издания.

РУССКИЕ: ТРУДНОЕ РЕШЕНИЕ

Меншиков, укрепившись на позициях восточнее Севастополя, был уже не тем растерянным неожиданным поражением военным чиновником. В нем возродился главнокомандующий. Теперь он хотел добиться стратегического перевеса, заставить союзников окончательно принять его «правила игры» и диктовать, таким образом, свои условия развития событий.

Главное — после 17–19 октября он был спокоен за судьбу города. К тому времени инженерная оборона Севастополя вполне соответствовала своему предназначению, не только надежно прикрыв подступы к крепости, но и, в соответствии с теорией фортификации, позволяя организовывать контратаки,¹⁴⁶ отвечая ими на каждый частный успех неприятеля. Без малейшего сомнения, в Севастополе, особенно в начальный период его обороны, создалась удивительная ситуация, в какой-то степени даже нетипичная для российской военной практики, когда недостаток пушек не компенсировали пушечным мясом. Скорее наоборот, недостаток пехоты компенсировали умело поставленные батареи.

Руководители обороны были на своих местах и умело исполняли предписанное. Главный «возмутитель спокойствия» адмирал Корнилов героически сложил голову в первый день испытания крепости созданной, в том числе им, обороны. Оставшиеся, как бы это цинично ни звучало, не были столь строптивы и на них можно было вполне положиться.

Но просто выстоять — было мало. Требовалось наказать посягнувшего на землю империи врага. Это было непросто. Понявшие, что одними пушками судьбу кампании решить не удастся, англичане и французы активизировали осадные работы. В день прибытия первых частей подкрепления из России ими была заложена 2-я параллель.¹⁴⁷

Теперь не только достигнутый, наконец, численный перевес и казавшаяся взятой обратно стратегическая инициатива принуждали главнокомандующего к действиям. Усиливающаяся активность союзников, кирками и лопатами прокладывающих

¹⁴⁶ Митчелл. Фортификация. Сокращенный перевод с англ. М., 1940 г. С. 6.

¹⁴⁷ Хрущов А. П. История обороны Севастополя. СПб., 1888 г. С. 31.

себе сотнями метров траншей и тысячами кубометров переработанного грунта путь к бастионам и передовым батареям русских, подталкивала Меншикова на не менее активное тому противодействие. Князь не собирался пассивно сидеть в обороне:¹⁴⁸ «Главкомандующий, желая сколько-нибудь отвлечь союзников от наших верков (оборонительных сооружений), решился с прибытием всей 12-й дивизии сделать наступление от деревни Чоргун на войска, расположенные у селения Кадыкой близ Балаклавы».¹⁴⁹

Тем более, приближались осенние шторма — и само море превращалось в надежного союзника русских, ограничивая союзникам масштабные перевозки грузов и войск. Если до этого снабжение транспортными судами «представлялось наиболее удобным»,¹⁵⁰ отныне все становилось сложнее.

Покойный Корнилов еще в марте 1854 г. предсказал неприятности любому неприятелю, подошедшему к Севастополю, но не вошедшему в Севастопольскую бухту: «...высадка на южную сторону дает преимущества прямого нападения на гавань, город и все портовые сооружения, но имеет в виду и свои невыгоды: 1) суда должны стоять на дурном грунте в виду Севастополя и в опасении быть застигнутыми NW-ветром, иногда являющимся с силой и волнением...».¹⁵¹

Стеценко, полагая, что не только усиление численности войск действительно подвигло Меншикова к наступательным действиям, указал на еще одну побудительную причину активного давления на союзников — определение слабого места в их расположении: «...нужно было иметь весьма много военной опытности, верности взгляда и соображений, чтобы угадать этот пункт. Так представлялась только та часть неприятельской позиции, которая примыкала к Черной речке у Инкермана и на которой расположены были англичане, составлявшие правый фланг неприятеля, т.е. ту часть Сапун-горы, которая лежала к северо-востоку от Киленбалочного оврага. Этот крайний пункт неприятельского расположения, по отдаленности своей как от его ресурсов и основания, т.е. берега моря, так и от резервов, представлял почти единственное уязвимое место — ахиллесову пяту союзников; но и отсюда нелегко было возвести войска на крутизны, так как для этого представлялся единственный путь: через Инкерманский мост и тотчас затем подъем, укрепленный батареями. Такая атака требовала и большого числа войск, и неизбежной сложности плана».¹⁵²

Получалось, что хитрый князь вновь предложил противнику, уже однажды им обманутому, новую партию. Но подготовка и особенно планирование операции проходили в лучших традициях психологии Меншикова, его хронического недоверия всем, кто был младше по чину и должности, постоянного хитросплетения интриг.

Все усугублялось двигавшими им амбициями, невероятно усилившимися после удачного отражения бомбардирования союзников. Князь видел в союзниках добычу, «проглотившую сыр» и оказавшуюся в западне, из которой у них было только два выхода: либо идти на пушки сильной оборонительной линии Севастополя, либо груиться на корабли и отправляться восвояси.

¹⁴⁸ Робинс К. Инкерман (пер. с английского) Последний «Военный корреспондент»//Родина. №3–4. М., 1995 г. С. 64.

¹⁴⁹ Хрущов А. П. История обороны Севастополя. СПб., 1888 г. С. 31.

¹⁵⁰ Недавецкий В. Продовольственные вопросы военного времени в западноевропейских армиях//Военный сборник. № 6. СПб., 1896 г. С. 207.

¹⁵¹ Лихачев Д. Очерк действий Черноморского флота в 1853–1854 гг. (окончание)//Военный сборник. №4. СПб., 1902 г. С. 116.

¹⁵² Стеценко В. Крымская кампания. Воспоминания и рассуждения//Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами. Том I. СПб., 1872 г. С. 242–243.

Неудачи трех дней бомбардировки и откровенные просчеты Раглана в стратегии войны сняли с главнокомандующего табу быть исключительно вне критики. Еще 12 октября некий капитан написал домой, что «он (Раглан) выглядит спокойным и сосредоточенным, как всегда. Думаю, он знает, что делает. Вся армия надеется на него», но «...через десять дней, когда артиллерийские бомбардировки не дали результатов, а штурм так и не последовало, и только штаб Раглана знал, что виноваты в этом французы, мнение армии переменялось».¹⁵³

Как только стало ясно, что умелого командования в армии нет и Севастополь в ближайшее время останется русским, «...один артиллерийский офицер сказал раздраженно: «Я не знаю, кто больший осел — Раглан или Бургойн!»».¹⁵⁴

Едва только первые батальоны свежеприбывавших дивизий втянулись на пыльные дороги Крыма, Меншиков активизировался.

10 октября князь приказал отыскать своего несостоявшегося начальника штаба, недавно удаленного им же куда подальше, Попова, и отправил его к Липранди, где тот довел до командующего 12-й пехотной дивизией идею главнокомандующего «...сделать сильную вылазку из Севастополя».¹⁵⁵

Перед этим главнокомандующий сообщил Попову о полученном от Императора письме, в котором тот требовал («...выражает желание, вы понимаете, что такое желание равномерно приказанию»),¹⁵⁶ чтобы было предпринято что-либо «...в пользу Севастополя».¹⁵⁷

Одновременно, как вспоминал Ден, главнокомандующий вызвал к себе своего адъютанта барона Виллебранта и, «...сообщив ему, что государь упрекает его в бездействии, приказал немедленно отправиться к генералу Липранди в Чоргунский отряд и спросить его: «не сможет ли он завтра со своим отрядом «помаячить»».¹⁵⁸

Подполковник Педжет. Командир 4-го легкого драгунского полка. Фото Р. Фентона. 1855 г.

¹⁵³ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 150.

¹⁵⁴ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 150.

¹⁵⁵ Журнал генерал-лейтенанта Липранди о событиях в Крыму со дня прибытия туда его дивизии и до конца Инкерманского сражения//Военный сборник. №5. СПб., 1902 г. С. 216.

¹⁵⁶ Записки Александра Ефимовича Попова о пребывании его в Крымской армии с 1-го октября по 1-е декабря 1854 г.//Русская старина. Том 24. СПб., 1879 г. С. 313.

¹⁵⁷ Записки Александра Ефимовича Попова о пребывании его в Крымской армии с 1-го октября по 1-е декабря 1854 г.//Русская старина. Том 24. СПб., 1879 г. С. 313.

¹⁵⁸ Записки Владимира Ивановича Дена//Русская старина. Том 65. СПб., 1890 г. С. 670.

Лагерь 4-го легкого драгунского (4th (The Queen's Own) Regiment of (Light) Dragoons) полка.
Фото Р. Фентона. 1855 г.

Меншикову активные действия виделась в следующем:

- резком сокращении запасов пороха, сильно сократившиеся после интенсивных действий артиллерии во время отражения неприятельского бомбардирования с суши и моря. В первый день было израсходовано до 5 тыс. пудов, во второй и третий дни — до 2 тыс. пудов. В дни после бомбардировки — от 1 тыс. до 1,2 тыс. пудов. Уменьшить расход было сложно, так как огнем батарей нужно было постоянно действовать на осадные работы неприятеля;

- необходимости «...вывести город из охваченного осадными батареями положения». Постоянный артиллерийский огонь союзников выводил из строя до 250 чел. ежедневно, и эта цифра угрожающе возрастала.

- предотвращении готовящегося штурма Севастополя.¹⁵⁹ Неотвратимое приближение осадных работ к передовым позициям русских так же неотвратимо рано или поздно должно было завершиться штурмом, отразить который гарнизону крепости было трудно.

Попов предложил князю сосредоточить усилия на уничтожении неприятельской батареи у Воронцовской дороги.¹⁶⁰ По его замыслу взятие не должно было составить

¹⁵⁹ Записки Александра Ефимовича Попова о пребывании его в Крымской армии с 1-го октября по 1-е декабря 1854 г. // Русская старина. Том 24. СПб., 1879 г. С. 314–315.

¹⁶⁰ Записки Александра Ефимовича Попова о пребывании его в Крымской армии с 1-го октября по 1-е декабря 1854 г. // Русская старина. Том 24. СПб., 1879 г. С. 314–315.

большого труда и больших потерь, так как «...все осадные батареи союзников, как мы убедились ночными вылазками, занимаются на ночь войсками слабо...». ¹⁶¹

Ставка делалась на последующее укрепление взятых позиций, насыщение их артиллерией большого калибра и почти полное исключение сильных английских батарей из действия по крепости. Кажется, князь даже обрадовался такой перспективе, заявив опешившему и явно не ожидавшему столь быстрого согласия Попову: «...Когда главнокомандующий одобряет предположение и когда это предположение соответствует желанию Государя, то исполнение оно должно рассматриваться окончательно решенным». ¹⁶²

Попову было чего опешить. Еще недавно демонстративно игнорировавший его главнокомандующий стал покладист, добр и мил: «...Благодарю, ответил мне князь Меншиков, да вместе с тем и вы назначаетесь ко мне начальником штаба; но я писал уже Государю, что нахожу ваше присутствие в Севастополе необходимым, и просил на это соизволения его величества. Поэтому до получения мною ответа я вас прошу оставаться в Севастополе». ¹⁶³

Дальнейшее напоминало хорошо срежиссированный спектакль. Не успел полковник прийти в себя от неожиданно свалившейся милости, как в палатку князя вошел Липранди. Выслушав предложения Попова, генерал, слышавший в войсках как человек «самолюбивый, хитрый, но дельный», ¹⁶⁴ разнес его вдребезги, обратив якобы достоинства в сплошные недостатки.

«Я не могу оспаривать достоинства плана, сейчас изложенного полковником, но могу заметить только, что план этот трудно исполним на практике; я знаю по собственному опыту штурм Воли под Варшавой, что значит брать укрепление в лоб. Чтобы иметь успех в этом предприятии, начальник должен быть впереди, а при этом — все шансы к тому, что он выбудет из строя; без начальника нет порядка, а где нет порядка, там успех невозможен». ¹⁶⁵

Столичный гость не сдавался и стоял на своем, пусть даже нереальном, но уже, вроде бы, «высочайше разрешенном». Он предложил собрать от 500 до 1000 охотников, которым «...в Севастополе недостатка нет», и броском в ночное время заклепать вражеские орудия. ¹⁶⁶

Фантазии Попова продолжались бы и дальше, но Липранди, понявший, какими потерями мог обойтись подобный план, резко прервал дискуссию: «...я уже составил свое предположение, более удобоисполнимое, состоящее в движении на Балаклаву». ¹⁶⁷

¹⁶¹ Записки Александра Ефимовича Попова о пребывании его в Крымской армии с 1-го октября по 1-е декабря 1854 г. // Русская старина. Том 24. СПб., 1879 г. С. 314.

¹⁶² Записки Александра Ефимовича Попова о пребывании его в Крымской армии с 1-го октября по 1-е декабря 1854 г. // Русская старина. Том 24. СПб., 1879 г. С. 315.

¹⁶³ Записки Александра Ефимовича Попова о пребывании его в Крымской армии с 1-го октября по 1-е декабря 1854 г. // Русская старина. Том 24. СПб., 1879 г. С. 316.

¹⁶⁴ Степанов М. Севастопольские записки 1854, 1855 и 1856 годов // Военный сборник, № 4. СПб., 1905 г., С. 54

¹⁶⁵ Записки Александра Ефимовича Попова о пребывании его в Крымской армии с 1-го октября по 1-е декабря 1854 г. // Русская старина. Том 24. СПб., 1879 г. С. 316.

¹⁶⁶ Записки Александра Ефимовича Попова о пребывании его в Крымской армии с 1-го октября по 1-е декабря 1854 г. // Русская старина. Том 24. СПб., 1879 г. С. 316.

¹⁶⁷ Записки Александра Ефимовича Попова о пребывании его в Крымской армии с 1-го октября по 1-е декабря 1854 г. // Русская старина. Том 24. СПб., 1879 г. С. 317.

Неугомонный столичный гость не успокаивался, ему была нужна сенсационная победа, а для этого нужно было обязательно что-то взять. Зря, что ли, он столько натерпелся в Крыму? Притом взять чем больше, тем лучше: «...имеете ли вы в виду овладеть Балаклавой?». ¹⁶⁸

Липранди вновь остудил пыл Попова, напомнив последнему, что в его распоряжении пока еще всего лишь одна дивизия и «...на это у меня недостаточно сил». ¹⁶⁹

Но оппонент не думал сдаваться и как контраргумент привел ровно то, что в итоге не произошло: «...вы не наступите даже на кончик хвоста неприятеля, ибо сообщения его на Камышовую бухту и Балаклаву останутся неприкосновенными. Положение Севастополя не улучшится ни на один волос, а вы найдете в положении весьма рискованном, даже при удаче вашего предприятия». ¹⁷⁰

Дальнейшее трудно объяснимо. Меншиков молчал. Попов намекал. Липранди стоял на своем, отказываясь принимать навязываемый ему план как единственно верное руководство к действию. У него было свое решение.

Упорство Липранди имело основания. Едва прибыв в Крым, он (кстати, по поручению Меншикова) три дня (7, 8 и 9 октября) осматривал неприятельские позиции. Вот описание им увиденного своими глазами:

«Позиция неприятельская растянута была на расстоянии 20-ти верст, начиная от горы Спилии, близ Балаклавы, до Стрелецкой бухты.

Вблизи Балаклавы расположены были турки. На Сапун-горе до балки, идущей к Южной бухте — англичане; остальное же пространство до Стрелецкой бухты заняли французы. Впереди селения Кадыкой, на высотах стоял отдельный неприятельский отряд, который занимался во время моей рекогносцировки усилением укреплений на своей позиции. Неприятельская кавалерия расположена была между деревнями Кадыкой и Караны. Близ дер. Кадыкой располагался неприятельский парк. Большая часть неприятельских войск расположена была отдельными лагерями на Сапун-горе, которая перерезана тремя глубокими балками». ¹⁷¹

Основываясь на увиденном, Липранди решил:

- атаковать неприятеля от Чоргуна и взять укрепленные редуты;
- после продолжать действовать наступательно, в том числе против Сапун-горы, используя ее слабую укрепленность и разобщенность противника;
- все дальнейшие действия производить только после прибытия дополнительных подкреплений. ¹⁷²

Для выполнения задачи в полном объеме предполагалось собрать 3–4 дивизии пехоты (как минимум 10-ю, 11-ю и 12-ю) с их артиллерией, 4-й стрелковый батальон, три полка драгун, два полка гусар, три казачьих полка с двумя конно-батарейными и двумя конно-легкими батареями: 65 батальонов пехоты, 52 эскадрона, 18 сотен и почти 200 орудий.

¹⁶⁸ Записки Александра Ефимовича Попова о пребывании его в Крымской армии с 1-го октября по 1-е декабря 1854 г. // Русская старина. Том 24. СПб., 1879 г. С. 317.

¹⁶⁹ Записки Александра Ефимовича Попова о пребывании его в Крымской армии с 1-го октября по 1-е декабря 1854 г. // Русская старина. Том 24. СПб., 1879 г. С. 316–317.

¹⁷⁰ Записки Александра Ефимовича Попова о пребывании его в Крымской армии с 1-го октября по 1-е декабря 1854 г. // Русская старина. Том 24. СПб., 1879 г. С. 317.

¹⁷¹ Журнал генерал-лейтенанта Липранди, о событиях в Крыму со дня прибытия туда его дивизии и до конца Инкерманского сражения // Военный сборник. № 5. СПб., 1902 г. С. 214.

¹⁷² Журнал генерал-лейтенанта Липранди, о событиях в Крыму со дня прибытия туда его дивизии и до конца Инкерманского сражения // Военный сборник. № 5. СПб., 1902 г. С. 214.

В первый день операции должны были быть взяты редуты. На второй день, оставив на взятых позициях часть артиллерии и пехоты, Липранди предполагал:

«...подняться на Сапун-гору с тремя колоннами. Правая и самая сильная должна была идти по шоссе и, зайдя на Сапун-гору, направиться на хутор Ознобишина. Отдельный отряд, поддерживая эту колонну, прошел бы мимо резервуара и караульни и, поднявшись на Сапун-гору, соединился бы со своей колонной. Назначение этой колонны было идти на хутор Маклюкова, стремительно атаковать англичан, кои, быв отделены от французов глубокой балкой, могли бы быть разбиты до прибытия подкрепления от французов. Средняя колонна должна была идти между шоссе и дорогой из Кадыкия

Дивизионный генерал Боске с офицерами штаба.
Фото Р. Фентона. 1855 г.

в Севастополь, подняться на Сапун-гору и выстроиться в боевой порядок, примыкая правым флангом к хутору Папкресте. Назначение этой колонны было: удержать французов и не позволить им подавать помощи англичанам. В левую колонну назначались вся кавалерия и часть пехоты. Кавалерия должна была направиться на Караны и отбросить неприятельскую кавалерию; а пехота, поднявшись на Сапун-гору, стать на позицию между хуторами Соколовского и Егормышева. Так как мы преимуществовали перед неприятелем в кавалерии и в особенности в конной артиллерии, то наша кавалерия должна была смять неприятельскую и, отбросив ее на Сапун-гору, преследовать до хутора Егормышева, где и остановиться, примыкая правым флангом к этому хутору. Дивизия, оставленная в резерве на редутах, имела целью наблюдать за движениями неприятеля из Кадыкия и не позволять этому отряду двинуться к Сапун-горе».¹⁷³

Второй этап сражения предполагал по плану Липранди наличие в его распоряжении 49 пехотных батальонов, 49 батарейных и 72 легких, 16 конных батарейных и 16 конных легких артиллерийских орудий, 52 эскадронов регулярной кавалерии, 18 сотен иррегулярной кавалерии.¹⁷⁴

Успех дела виделся не только в возросшей численности и свежести войск, но и, как считали, в откровенных просчетах союзников в организации обороны своего

¹⁷³ Журнал генерал-лейтенанта Липранди о событиях в Крыму со дня прибытия туда его дивизии и до конца Инкерманского сражения//Военный сборник. №5. СПб., 1902 г. С.215.

¹⁷⁴ Журнал генерал-лейтенанта Липранди о событиях в Крыму со дня прибытия туда его дивизии и до конца Инкерманского сражения//Военный сборник. №5. СПб., 1902 г. С.216.

Лагерь 5-го Принцессы Шарлотты Уэльской драгунского (5th (Princess Charlotte of Wales's) Dragoon Guards) полка. Фото Р. Фентона. 1855 г.

правого фланга. Протяженность оборонительной линии, по мнению Тотлебена, не соответствовала небольшой численности и войск, выделенных для ее защиты.¹⁷⁵

Как видим, план логичный и вполне осуществимый в рамках разумного риска. Но самое главное — он не отрицал предложенного Поповым, но позволял совершить дело не прямолинейно и с большими потерями, которые неизбежно принесли бы лобовые атаки, а последовательно, поступательно, поэтапно.

Его возможную перспективу отметил и прибывший вскоре в Крым генерал-адъютант Философов, сопровождавший царственных отпрысков в их «крестовом походе» на войну. Очевидно, что, кроме функции гида, Философов имел еще одну задачу, с которой справился блестяще: точного информирования Императора о происходящем под Севастополем.

Не желавший докладывать ни о чем, что могло запятнать его репутацию, и не желавший посвящать в свои запутанные многоходовые комбинации никого, кто мог лишь навредить советами, не зная и не понимая истинного положения вещей, Меншиков создал парадоксальную ситуацию. Тот, кто по должности был обязан знать все, что творилось в любом из уголков Великой империи, не знал того, что происходит на главном участке уже больше года идущей войны — в Крыму.

«В Крымскую войну было тяжело и безгласно, по выражению известного публициста и бывшего военного корреспондента Гр. Конст. Градовского (Гамма). Сам Госу-

¹⁷⁵ Описание обороны города Севастополя. Составлено под рук. генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 235.

дарь Николай Павлович был мало осведомлен о том, что делалось в Крыму. О высадке неприятеля, об Альминском сражении, о понесенном нами поражении Государь узнал из иностранных газет». ¹⁷⁶

В одном из своих первых писем князю Горчакову, Философов писал, что излишняя торопливость Меншикова привела к тому, что успех, достигнутый им 13 октября, не был развит. Признаем, что это справедливое обвинение. Мы упомянем его более подробно, когда разговор коснется судьбы Попова, которая, к его несчастью, решится совсем скоро и совсем не так радостно, как о том мечтал императорский представитель. ¹⁷⁷

И, кстати, даже ставя в вину главнокомандующему излишнюю, по его разумению, поспешность, Философов не ведет речь о взятии Балаклавы, лишь намекая на правильность действий по ее изоляции как базы снабжения от основных сил Раглана.

На что еще, пожалуй, стоит обратить внимание, это на детальную привязку к местности. Подобный план не мог быть составлен без наличия точных карт или хотя бы схем, составленных после разведок и рекогносцировок. Думаю, что это напрочь «сносит» миф о скором уже «сражении без карты», как оправдательно именовали битву под Инкерманом. Даже если мы согласимся, что русский штаб (пусть и самый плохой) не имел карт, то само собой напрашивается вопрос: чем же вы там занимались, что не удосужились позаботиться изучением района боевых действий, где вам даже не воевать, а просто организовывать жизнь огромного числа войск нужно?

Похоже, что подобный миф стал одним из многих оправдательных, которыми изобиловала Крымская война (со всех сторон, кстати).

Уже потом, после очередного бездарно проигранного сражения, начинали в тени штабных палаток рождаться всевозможные оправдательные причины военной бесталанности большего числа генералов. Так было после Альмы, то же случится после Инкермана. Одну из них мы назовем, забегаая вперед, так как она имеет прямое отношение к разработке диспозиции. Ее так полюбили, за нее так ухватились как за спасательную соломинку, что со временем она стала даже похожей на правду, в нее стали верить и даже сделали именем собственным по отношению к Инкерманскому бою. Речь вновь идет о карте, точнее, о ее отсутствии, за что сражение именуют «сражением без карты».

Трудно сказать, зачем вообще этот миф появился на свет, тем более что внимательное изучение совершенно известных материалов говорит об ином. Например, за несколько дней до описываемых событий командир 6-й кавалерийской дивизии генерал Рыжов, по его же воспоминаниям, «...был знаком с местностью по карте», а уже через несколько дней карта исчезла. ¹⁷⁸ Ее что, адъютанты скурили?

В воспоминаниях Андрианова, имевшего не косвенное, а прямое отношение к штабу Русской армии, говорится, что хорошие карты были лишь в Петербурге, но тут же, противореча самому себе, он все-таки признает, что рекогносцировки с глазомерными съемками местности проводились постоянно. Извините, но сие и есть то, что должен делать любой командир, готовясь к действиям на незнакомой террито-

¹⁷⁶ Алушкин Вл. Война 1877–1878 гг. в корреспонденции и романе (статья первая)//Военный сборник. № 5. СПб., 1902 г. С. 197.

¹⁷⁷ Русская военная старина. Письма генерал-адъютанта Философова князю М. Д. Горчакову//Военный сборник. № 6. СПб., 1902 г. С. 201.

¹⁷⁸ О сражении под Балаклавой. Записки генерал-лейтенанта И. И. Рыжова//Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. СПб., 1872 г. С. 4–5.

рии. По результатам этих рекогносцировок и должен появиться тот самый план, по которому ставится задача и проводится планирование! Это при том, что действовать нужно было не на незнакомой территории, а на своей земле, досконально известной едва ли не каждому матросу севастопольского гарнизона, но вдруг ставшей настоящей terra incognita для большой компании полковников и генералов.

Любой имеющий нормальное военное образование скажет, что выдвижение войск в условиях ограниченной видимости (ночью, в горах и т.д.) ведется не по топокарте, а по заранее назначенным ориентирам.

Более того, картографирование Крыма находилось не в той зачаточной форме, какой его периодически пытаются представить. В первой половине XIX в. на территории полуострова были проведены топографические, триангуляционные и астрономические измерения. Работы проводились топографами военно-топографического корпуса с использованием современных средств измерений и исчислений полученных результатов. Их итогом стало полное картографирование Крыма.

В распоряжении командования Севастопольской крепости имелась прекрасная подробнейшая карта с нанесенными элементами рельефа местности, доминирующими высотами, дорожной сетью, вплоть до отдельных троп, колодцев и проч.¹⁷⁹

Меншиков понимал правоту и логичность предлагаемого им Липранди, но принять чью-то сторону не спешил. Вскоре выяснилось, почему. В разгар дискуссии в штабе появился явно заблаговременно вызванный главнокомандующим князь Горчаков, который, как только понял, что ему, а не штабному из столицы, придется идти в лоб на укрепленную позицию, вспомнив силу английских нарезных ружей, испытанную им на Альме, выкосивших чуть ли не четверть дивизии Квицинского, тут же заявил Попову: «...а я понимаю отлично, что этот план не может удалиться».¹⁸⁰

Дальнейшее сразу показало, в чем была суть многозначительного молчания Меншикова. Как оказалось, «собака» была зарыта совсем неглубоко. Князь понял, что желающих не только нести ответственность, но и идти с атакующими колоннами не найдется. Лобовая атака будет стоить больших потерь. Взять батарею еще было можно, но вот с удержанием могли возникнуть проблемы. Устроив неподалеку новые батареи, союзники быстро сровняли бы рискнувших защищать ее героев с землей.

Липранди же имел разумное зерно в своем плане. По мнению командира 12-й дивизии, сильный удар по тылу неприятеля мог привести к его параличу. Кроме того, русские, исполнив первую часть задуманного, могли подняться на Сапун-гору не только пехотой и кавалерией, но и поднять на нее сильную артиллерию. Неприятель в этом случае делился на части, терявшие между собой связь. Что очень важно, оставленные на взятых у неприятеля редутах войска, в случае неудачи наступления против Сапун-горы, могли прикрыть отступление.¹⁸¹

Готовящееся дело не предполагало грандиозного масштаба сражения, позволяя небольшой маневренной акцией против слабых сил неприятеля достичь такого успеха, о котором в Петербург доложить было бы не стыдно. А это больше всего Меншикова устраивало, пусть даже не совсем совпадало с его первоначальным предложением,

¹⁷⁹ Коротя А., Осадчий Е. Картографирование Крымского полуострова накануне войны 1853–1856 гг. // «Крымская война»: история и уроки. 1853–1856 гг. Научный сборник. Материалы международной научной военно-исторической конференции. Севастополь, 2013 г. С. 29.

¹⁸⁰ Записки Александра Ефимовича Попова о пребывании его в Крымской армии с 1-го октября по 1-е декабря 1854 г. // Русская старина. Том 24. СПб., 1879 г. С. 317–318.

¹⁸¹ Журнал генерал-лейтенанта Липранди о событиях в Крыму со дня прибытия туда его дивизии и до конца Инкерманского сражения // Военный сборник. № 5. СПб., 1902 г. С. 215–216.

хотя в перспективе не исключало его уже как развитие начатой Липранди операции.

Но князь не мог позволить даже в мелочах проиграть некрасиво. Ему нужно было сохранить лицо, желательно с маской великого мученика. Потому прекрасно разыгравший партию Меншиков лишь произнес: «Что же я могу делать с такими генералами?».¹⁸²

Это был сигнал к волне интриг, которые часто губили на корню все, чего удавалось достичь ранее, пусть даже ценой человеческих жизней. Попов, по-своему интерпретировав настроение патрона, предложил отстранить ушедшего к тому времени Липранди от командования дивизией и найти более послушного исполнителя, например, Жабокрицкого.

В своих записках он даже не скрывает, что для него это был шанс, прикрывшись чужой спиной, добыть себе военную славу: «...Я хотя не знаю военных качеств этого генерала но знаю, однако, только, что он несуетлив и имеет опытность в командовании войсками; но, кроме того, я буду находиться при выдвигающихся войсках, и ваша светлость можете быть уверены, что в качестве начальника штаба армии я не допущу нарушения утвержденного вами плана, а, может быть, ваша светлость найдет нужным и лично наблюдать за выполнением оног».¹⁸³

«Наблюдать» за выполнением? Ну уж Меншиков не был бы Меншиковым, если бы на это пошел. Он не боялся свиста пуль, он боялся ответственности. Вспомним, до этого что бы ни предпринимал главнокомандующий, им всегда «назначался» виновный, ответственный на случай, если что-то пойдет не так. На Альме это был Кирьяков (обошли, не устоял), в Севастополе — Корнилов (корабли топить не хотел). Теперь нужно было выбрать: Липранди или Попов?

Еще раз попробуем понять князя. Меншиков не так прост и уж совсем не глуп. И то, и другое он сумел убедительно доказать, восстановив положение после проигранной им первой битвы 8 (20) сентября. Он прекрасно понимал, что вылазки лишь изматывали союзников и только мощный удар по коммуникациям мог надолго парализовать их активность, даже если он не будет иметь продолжения в последующем наступлении. Требовалось создать угрозу их тылу, вынуждая в дальнейшем или

Офицер французских африканских егерей.
Фото Р. Фентона. 1855 г.

¹⁸² Записки Александра Ефимовича Попова о пребывании его в Крымской армии с 1-го октября по 1-е декабря 1854 г. // Русская старина. Том 24. СПб., 1879 г. С. 316–317.

¹⁸³ Записки Александра Ефимовича Попова о пребывании его в Крымской армии с 1-го октября по 1-е декабря 1854 г. // Русская старина. Том 24. СПб., 1879 г. С. 318.

Вид Балаклавской долины от Гвардейского холма до холма Канробера, на котором располагался турецкий редут № 1. Наверное, единственная возможность увидеть поле сражения в том виде, в котором оно было во время Крымской войны. Фото Р. Фентона. 1855 г.

постоянно усиливать войска на обсервационной линии, отрывая от осадных работ, либо создавать сильные оборонительные рубежи вокруг Балаклавы, которая с этого времени оказывалась под реальной угрозой внезапной атаки с самыми непредсказуемыми последствиями.¹⁸⁴

Для укрепления обсервационной линии ввиду постоянной ее угрозы союзникам требовались люди, имущество и время. Отвлечение первого, второго и третьего от главных осадных работ перед Севастополем само собой затягивало их, а приближающиеся перспективы зимовки на открытой местности не радовали. Надвигающиеся холода делали ее серьезным испытанием. Тут уж ни о каком штурме и речи не могло быть.

Меншиков же как человек природно коварный всегда считал, что «месть — это такое блюдо, которое нужно подавать холодным». В случае его успеха союзников ждала месть за легко взятую ими Евпаторию в виде отобранной у них Балаклавы.

Эту операцию отодвигали на зиму, чтобы «продукт» был по-настоящему холодным... Меншиков увидел в действиях против союзников со стороны их циркумвальной линии перспективу «...положить основание дальнейшим наступательным действиям в обширном размере».¹⁸⁵ Это наступление должно было положить начало

¹⁸⁴ Хрущев А. П. История обороны Севастополя. СПб., 1888 г. С. 31.

¹⁸⁵ Описание обороны города Севастополя. Составлено под рук. генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 235.

целому циклу ударов по неприятелю, которые могли отбить у последнего всякое желание штурмовать крепость и вместо укрепления передовых позиций обустроить сильные тыловые. Это намерение косвенно подтверждал Стеценко, который уже после 13 (25) октября утверждал, что дело у Кадыкия не только «...блестящая атака и овладение редутами», но и «...связывалось с общим планом большой инкерманской вылазки, для коей это дело служило необходимым подготовлением, а редуты — опорным пунктом».¹⁸⁶

Что касается взятия Балаклавы, то об этом ничего нет ни у Тотлебена, ни у Панаева, ни в рапортах Меншикова и Липранди. Последний четко указывает, что единственным желанием князя было, как он сам ему сказал: «...сделать что-нибудь для отвлечения неприятеля от Севастополя».¹⁸⁷

Даже Тарле ни словом не обмолвился о чем-то похожем на такой приказ, упомянув лишь на фоне якобы полного пессимизма главнокомандующего, что тот «...решил напасть на турок, охранявших подступы к Балаклаве, на английский лагерь у Балаклавы».¹⁸⁸ Малочисленность сил, имевшихся в распоряжении русских, не могла возбудить мысли об атаке самой базы. Это понимали все — от генерала Липранди до прусского врача на русской службе Фердинанда Пфлюга.¹⁸⁹

Главнокомандующий был трезвомыслящим человеком и понимал, что наступление силами одной пехотной дивизии, пусть и с сильной кавалерией, против главной неприятельской базы — не более чем безумие. Но Меншиков чувствовал уязвимость коммуникаций, по которым шло снабжение передовых линий союзников из Балаклавы: «Два города соединяли 3 мили сельского тракта, который соединялся с Воронцовской дорогой, которая вела на юго-восток от Севастополя. Она пересекала военные лагеря, затем спускалась через равнину Балаклавы к реке Черной и через 2 мили после моста через реку вела к поселку Чоргун».¹⁹⁰

Подобное расположение дороги делало ее одновременно артерией снабжения передовых линий, а пересечение с Балаклавской еще и рокадным путем, предназначенным для быстрой переброски войск вдоль циркумвалационной линии. Это было ее сильное и, одновременно, слабое место. И этим надеялся воспользоваться русский главнокомандующий, перекрыв ее в самом уязвимом месте: «Дорога шла через равнину Балаклавы справа налево на узком клочке земли, который военные называли Верхним проходом. Расположенный чуть выше в районе Федюхиных высот ровный участок земли получил название Северной долины, а полоска земли на ближайшем склоне была названа Южной долиной».¹⁹¹

Удержать коммуникацию для союзников жизненно важно. Потерять ее «...означало утратить единственную нормальную дорогу, ведущую к лагерю союзных войск, осаждавших город».¹⁹²

¹⁸⁶ Стеценко В. Крымская кампания. Воспоминания и рассуждения//Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами. Том I. СПб., 1872 г. С. 243.

¹⁸⁷ Журнал генерал-лейтенанта Липранди о событиях в Крыму со дня прибытия туда его дивизии и до конца Инкерманского сражения//Военный сборник. № 5. СПб., 1902 г. С. 216.

¹⁸⁸ Тарле Е. В. Крымская война. Том 2. М.-Л., 1941–1944 гг. С. 157–158.

¹⁸⁹ Pflug, Ferdinand. Souvenirs de la campagne de Crimée: journal d'un médecin allemand au service de l'armée russe. Paris. 1862. P. 93–97.

¹⁹⁰ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 152.

¹⁹¹ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 152.

¹⁹² Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 152.

То, что до сих пор не могут понять некоторые исследователи, было абсолютно ясно чуть ли не каждому английскому рядовому, по колено в грязи и на минимальном рационе вкалывавшему на осадных работах и с ужасом ожидавшем, что со дня на день русские решатся уполовинить и этот скромный рацион, перекрыв единственную удобную дорогу от базы к передовым траншеям. Одним из таких нижних чинов был королевский фузилер Гоунг: «...по пробуждении мы обнаружили, что враг пытается перерезать наши сообщения с Балаклавой, что и стало причиной сражения».¹⁹³

В тот момент, когда нужно было действовать, под рукой князя оказался толковый генерал, которому можно было поручить исполнение плана, пусть даже и первоначально отличавшегося от предложенного Меншиковым. Наверное, это был единственный случай за время всей кампании в Крыму, когда выбор (хотя и не без описанных выше интриг) пал на наиболее подходящую для роли исполнителя кандидатуру, тем более инициировавшего выбор направления главного удара вопреки воле князя.

Липранди был известен, с одной стороны, как «...самолюбивый, хитрый, но дельный»,¹⁹⁴ с другой — как «...один из лучших боевых генералов нашей армии. Человек прекрасно образованный, всегда следивший за всеми усовершенствованиями в военном деле и за военной литературой».¹⁹⁵

Период его командования одним из наиболее элитных полков российской гвардии, Семеновским, лучше всего свидетельствует о способностях генерала: «...в формулярном его списке о теоретических его познаниях в военном деле обозначено: «пристойные военные науки знает».¹⁹⁶

Он слыл в военной среде не только хорошим теоретиком, но и не менее достойным практиком: «...его служба и карьера была совершенно боевая ...генерал Липранди мог считаться образцом боевого офицера».¹⁹⁷ Его организаторские способности были общеизвестны: «...был страшно любим дивизией; штаб его был обставлен прекрасно».¹⁹⁸

Его отношения с главнокомандующим сразу стали сложными. Нельзя сказать, что бы Меншиков любил или не любил генерала. По своей недоверчивости он скорее был склонен видеть в нем вынужденную необходимость, ибо альтернативы не было. Князь Васильчиков, будущий начальник штаба Севастопольской обороны, писал, что когда он прибыл с докладом к главнокомандующему, тот «...спросил меня: что такое Липранди? Не успел я отвечать, что ген. Липранди бывалый военный человек, знает войска, умеет с ними обращаться и пользуется их доверием, и напомнить князю, что он еще в полковничьем чине получил Георгия 3-й степени, как его светлость прервал меня словами: «Да, интриган-фанфариот! Я его помню в то время, когда он командовал Семеновским полком».¹⁹⁹

Васильчиков, будучи человеком искренним, передал сказанное князем Липранди — и, понятно, доверия между двумя этими людьми уже быть не могло. Попытку же Ва-

¹⁹³ Тимоти Гоунг. Голос из строя (Gowing T. Voice from the Ranks: a personal narrative of the Crimean Campaign. Nottingham, 1895) Перевод Е. Тупахиной//«Military Крым». №3. Симферополь, 2006 г. С. 22.

¹⁹⁴ Степанов М. Севастопольские записки 1854, 1855 и 1856 годов//Военный сборник, №4, СПб., 1905 г., С. 48.

¹⁹⁵ Дубровин Н. Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя. Том II. СПб., 1900 г. С. 120.

¹⁹⁶ Дирин П. История Лейб-гвардии Семеновского полка. Том II. СПб., 1883 г. С. 166–167.

¹⁹⁷ Дирин П. История Лейб-гвардии Семеновского полка. Том II. СПб., 1883 г. С. 166–167.

¹⁹⁸ Степанов М. Севастопольские записки 1854, 1855 и 1856 годов//Военный сборник, №4, СПб., 1905 г., С. 49

¹⁹⁹ Записки начальника штаба Севастопольского гарнизона князя Виктора Иларионовича Васильчикова//Русский архив. Том 6. М., 1891 г., С. 167–256.

Капитан Халфорд. 5-й Принцессы Шарлотты Уэльской драгунский (5th (Princess Charlotte of Wales's) Dragoon Guards) полк. Фото Р. Фентона. 1855 г.

сильчикова, осмелившегося защищать Липранди, Меншиков, продолжая быть верным себе, беспощадно подавил, отправив «...курьером в Кишинев с самыми пустыми депешами».²⁰⁰

На всякий случай, чтобы не подвергнуть свои действия сомнению, главнокомандующий конфиденциально сообщил князю В. А. Долгорукову, что «...подполковник князь Васильчиков не только не был руководим правилами должной подчиненности, но и вышел из пределов прав и обязанностей, которые он мог бы приводить в действие и исполнение по званию начальника штаба».²⁰¹ То есть, современным языком говоря, не слушает старших, грубит и слишком много себе позволяет.

Объяснить подобное поведение не трудно. Меншиков, оставаясь верным, продолжая даже во время войны «...всех подозревать, во всех видеть врагов»,²⁰² не мог терпеть никакой конкуренции, и появление Липранди, генерала со связями, с расположением самого Императора, раздражало его. С одной стороны, он прав: постоянная толкотня в штабе не помощников, а соглядатаев, путающихся под ногами, плетущих интриги, не давала возможности нормально работать.

²⁰⁰ Записки начальника штаба Севастопольского гарнизона князя Виктора Иларионовича Васильчикова//Русский архив. Том 6. М., 1891 г., С. 167–256.

²⁰¹ Из переписки князя А. С. Меншикова с князем В. И. Васильчиковым 1854 г.//Военный сборник. №7. СПб., 1902 г. С. 237–238.

²⁰² Записки начальника штаба Севастопольского гарнизона князя Виктора Иларионовича Васильчикова//Русский архив. Том 6. М., 1891 г., С. 167–256.

Мы уже видели, как за несколько дней до ответственной операции он умудрился столкнуть лбами двух человек, которых считал скорее столичными «фазанами», чем своими помощниками: Попова и Липранди. Зато теперь было на что и на кого свалить вину, в случае если что-то пойдет не так, и можно было спокойно начинать.

Смелости и уверенности Меншикову придавало мнение М.Д.Горчакова, намекавшего на якобы слабую инициативность Липранди: «В последний раз вы мне писали, что генерал Липранди всегда и всюду на своем пути видит затруднения. Правда, он совсем не русский человек. Но что такое наши генералы: призовите одного из них и решительно прикажите ему штурмовать небо; он ответит «слушаю», передаст этот приказ своим подчиненным, сам уляжется в постель, а войска не овладеют и кротовой норкой. Но если вы спросите его мнение о способе выполнения марша в 15 верст в дождливую погоду, то он вам представит тысячу соображений, чтобы доказать невозможность столь сверхчеловеческого усилия. Имеется только один способ прийти с ними к какому-либо результату: спросить их мнения, выслушать все идиотские затруднения, которые они вам доложат, объяснить им, каким путем их можно и должно преодолеть и, объяснив им все с большим терпением, отдать приказ, не допускающий прекословия. Я думаю, что если вы будете действовать таким путем с Липранди, это будет человек, который лучше других сделает дело. Понятно, что при этом случае вы ему скажете, что задача, которую вы ставите ему, имеет самое важное значение, и что только он один, по своему уму и энергии, годится для того, чтобы разрешить ее...».²⁰³

В конце концов, поразмыслив, взвесив все pro и contra, Меншиков «назначил» виновного. Липранди исключался. Его авторитет подкреплялся рекомендательным письмом Императора, которое главнокомандующий генералу продемонстрировал,²⁰⁴ явно намекая, что столь высокое доверие требует к себе и должного отношения: «...генералу Липранди можно поручить отдельный отряд и на него можно смело положиться как на опытного генерала. Я уверен, что он оправдает мое к нему доверие».

Не рискуя дискутировать «с самим», князь тут же приказал Павлу Петровичу 8-е и 9-е октября употребить на личную рекогносцировку всего неприятельского расположения, а 9-го вечером доложить ему ее результаты. Для помощи ему выделялся капитан Генерального штаба Фектистов.

Рекогносцировка, проведенная генералом Липранди и его штабом, показала, что Балаклава была прикрыта двумя рядами английских укреплений. Ближе к Чоргуну, на вершинах высот, служивших разделом Балаклавской долины от долины Черной речки, было видно 6 редутов, из которых левый крайний № 1, известный также под названием холма Канробера, был расположен на высоте к северо-западу от селения Комары. Правее его, вдоль по хребту гор, тянулись в одну линию еще 3 вооруженных редута (№№ 2, 3, 4), из которых последний находился на высоте за Воронцовской дорогой и в весьма недалеком расстоянии от циркумвальной линии.

За этой передовой линией укреплений виднелась вторая линия, состоявшая из одного сомкнутого укрепления № 4, расположенного впереди селения Кадыкой, и двух батарей № 5 и № 6, построенных позади этой деревни. Левее этих батарей вокруг Балаклавы тянулась непрерывная линия укреплений, упиравшаяся правым флангом

²⁰³ Свечин А. А. Эволюция военного искусства. Том II. М., 1928 г. С. 29–30.

²⁰⁴ Дубровин Н. Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя. Том II. СПб., 1900 г. С. 115–116.

Среди группы офицеров английского и французского штабов — один из «иностранцев» участников атаки Легкой бригады под Балаклавой 25 октября 1855 г. сардинский лейтенант Дж. Говоне (5-й справа). Ранее указывался автором фото как неизвестный. Фото Р. Фентона. 1855 г.

в неприступные горы Спилии. Этот последний ряд состоял из двух батарей, соединенных между собой траншеей.

Траншею эту предполагалось со временем довести не только до укрепления № 4, но и продолжить далее до Сапун-горы, где она должна была соединяться с циркумвальной линией. Теперь же траншея не была доведена и до селения Кадыкой, и оканчивалась впереди церкви св. Ильи, близ дороги, ведущей из Балаклавы через Трактирный мост к Симферополю. Кроме этой системы укреплений, посредине между селениями Кадыкой и церковью, и несколько позади них, была расположена батарея № 7.²⁰⁵

Успокоившийся Меншиков был уверен в выборе как исполнителя, так и назначенной жертвы. Доверившегося ему Попова он, выждав время, уже после неудачи Инкерманского сражения не просто изгнал из Крыма, но и буквально уничтожил. Вернувшись в Петербург без славы и наград, Попов с удивлением обнаружил, что его должность занята и для него нет и не предвидится в ближайшее время ничего подходящего вообще. Наивный полковник обратился к барону Ливену узнать, не его ли участие в составлении диспозиции привело к краху карьеры: «...сколько я вижу, командировка в Крым сломала мне шею?». Ответ был краток: «Конечно, да».²⁰⁶

²⁰⁵ <http://www.dslib.net/vseobwaja-istoria/anglijskaja-armija-v-vostochnoj-vojne-1853-1856-gg.html>

²⁰⁶ Записки Александра Ефимовича Попова 1854—1856 гг./Русская старина. Том 30. СПб., 1881 г. С. 210.

Балаклава. Вид с Гвардейского холма. Фото Р. Фентона. 1855 г.

Балаклава «сломала шею» не только доверчивому Попову. Прибывший в Крым сопровождать царских наследников генерал Алексей Иларионович Философов в тяжелом поражении при Инкермане увидел отзвук балаклавской суетливости самого Меншикова, о чем незамедлительно изволил донести князю М. Д. Горчакову: «Если бы вместо того, чтобы поручить Липранди произвести его атаку 13-го октября, князь имел терпение переждать до 20-го, т. е. до прибытия всего корпуса, и атаковал бы 22-го и притом позицию напротив той, которую атаковал Липранди 23-го, — атака, вероятно, удалась бы, ибо укреплены были только подступы к Балаклаве — тогда как Сапун-гора и плато между рейдом и Инкерманом не были укреплены; наши войска вышли бы в тыл атакуемым англичанам, отрезали бы их от их же складов и от лагеря их союзников ранее, чем эти последние успели бы прийти к ним на выручку, ибо они отделены непроходимым оврагом, им пришлось бы подняться вдоль него, чтобы потом обойти его почти напротив того места, где мы взобрались бы на Сапун-гору; наша многочисленная кавалерия с ее прекрасной артиллерией заняла бы этот пункт немедленно.

Князь Меншиков утверждает, что не исполнив этого плана, который был его собственным, он только исполнил повеление Государя Императора, опасавшегося гибельного отступления в случае нашего успеха с этой стороны; но это не может служить оправданием его светлости, так как Государь, судя по нашим плохим картам, мог быть введен в заблуждение, но он (т. е. князь Меншиков) очень хорошо знал, что отступление было вполне обеспечено редутами, которые были заняты

Липранди и между которыми неприятель должен был неизбежно пройти, чтобы нас преследовать — под огнем нашей артиллерии и атаками нашей многочисленной кавалерии...». ²⁰⁷

Конечно, тактик — Философов еще тот и его теоретические выкладки больше похожи на донос, «куда надо и кому надо», тем более написаны были после тяжелого поражения под Инкерманом. И хотя Меншиков был не той фигурой, которую свалить легко, свою роль они сыграли. Неудачи начала следующего года привели к тому, что новый Император решил освободить Крымскую армию от главнокомандующего. Правильное это было решение или нет, нам предстоит разбирать не скоро, и даже не в этой книге.

Попрепившись вдоволь, начали планировать. Хотя вначале предполагалось действовать одновременно тремя дивизиями, Меншиков, совершенно неожиданно для Липранди и уж точно вопреки его замыслу, приказал начать действия только первой из прибывших — 12-й.

Для генерала такое отклонение от вроде бы согласованного стало неприятной неожиданностью. Он активно начал высказывать недовольство, предсказывая самые плохие последствия подобной спешки: «...наступление с одной дивизией пехоты немыслимо, так как она пробудит только внимание неприятеля, откроет ему цель наших дальнейших действий и укажет, можно сказать, на единственное место, где он должен ожидать решительного удара с нашей стороны». ²⁰⁸

Переубедить князя не получилось. Не будем представлять Меншикова окончательным самодуром. В его давлении на Липранди имелась определенная логика и присутствовал некоторый смысл. У главнокомандующего было слишком мало времени, чтобы позволить противнику, усиленно укреплявшему свои позиции вдоль Воронцовской дороги, сделать их непреодолимыми. В противном случае после промедления действия русских могли оказаться лобовой атакой закрепившегося на сильной позиции неприятеля, всегда сопряженной с большими потерями.

С одной дивизией Липранди мог взять передовые редуты, а с подходом остальных, если 12-й дивизии будет сопутствовать успех, продолжать действовать во исполнение намеченного.

Поэтому главнокомандующий все сетования Липранди вообще отказался слушать (явно учтя рекомендации Горчакова) и, дав ему лишь день на подготовку, порекомендовал больше думать о том, чтобы задуманное «...непрерывно было приведено в исполнение». ²⁰⁹ Так сказать, ты задумал — ты и исполняй.

Как и следовало ожидать, «...Липранди с полным успехом исполнил волю начальства». ²¹⁰

МЕСТНОСТЬ

Избранный путь в тыл и фланг союзникам самими свойствами местности обеспечивал наступающим возможность маневрирования по фронту и таким образом по-

²⁰⁷ Письма генерал-адъютанта Философова князю М. Д. Горчакову (из Севастополя, 1854—1855 гг.)//Военный сборник. № 6. СПб., 1902 г. С. 201—202.

²⁰⁸ Дубровин Н. Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя. Том II. СПб., 1900 г. С. 118.

²⁰⁹ Дубровин Н. Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя. Том II. СПб., 1900 г. С. 119.

²¹⁰ Степанов М. Севастопольские записки 1854, 1855 и 1856 годов//Военный сборник, № 4, СПб., 1905 г., С. 54

звоял быстро концентрировать свои силы на нужном участке. Рельеф на подступах к Балаклаве был достаточно ровным, представляя удобное место для применения кавалерии.²¹¹

Самым удобным путем к Балаклаве была дорога, которая вела через Трактирный мост по двум ущельям в долину Черной речки, образованную с севера восточными склонами Федюхиных гор, а с юга — сплошной грядой холмов (Кадыкойских высот), тянувшейся по направлению к Сапун-горе. Там, за гребнем Сапун-горы, на Херсонесском плато, находились крупные силы союзников (французский наблюдательный корпус генерала Боске и две английские пехотные дивизии). По Кадыкойским высотам проходила шоссейная дорога (Воронцовская), соединявшая Керчь с Севастополем. Спускаясь с высот, она шла затем сквозь гребень Сапун-горы через так называемый Балаклавский проход. Южнее Кадыкойских высот простиралась другая долина, ограниченная непосредственно перед Балаклавой так называемыми Балаклавскими высотами, впереди которых на дороге, ведущей из Балаклавы в Симферополь, находилось селение Кадыкой.²¹²

Конечно же, лучшее описание панорамы местности, на которой произошли описываемые нами события, принадлежит перу Рассела.

«Цепочка холмов пересекала Балаклавскую равнину в двух с половиной милях от города. Если бы читатель поднялся на одну из высот в тылу нашего севастопольского лагеря, то справа он увидел бы Балаклаву с ее старыми фортами, горсткой лодчонок и узкой полосой воды. Внизу до подножия противостоящих величественных гор на другой стороне простиралась бы равнина, покрытая жесткой травой и испещренная палатками наших кавалеристов. В нескольких футах ниже по склону читатель увидел бы французские траншеи, полные зуавов, под ними — турецкий редут и еще один на равнине. На одной линии с ним он заметил бы какие-то угловатые укрепления, за ними два других редута и холм Канробера.

В двух — двух с половиной милях от читателя резко вздымалась бы горная цепь самой неправильной и причудливой формы. Местами ее украшают заросли кустарника, местами тянутся к небу голые вершины и каменные плато. Очертаниями и видом эта местность удивительно напоминает лесистые ложины Троссакса. Справа нависающие скалы Балаклавы, закрывая вход в бухту, пленили кусочек синего моря.

Повернувшись спиной к Севастополю и имея по правую руку Балаклаву, читатель увидел бы перед собой лагерь морской пехоты, расположенный на холмах более чем в 1000 футов над уровнем моря. Под этими холмами, там, где дорога подходит к самому городу, стоял 93-й Шотландский полк.

Чуть ближе к своему наблюдательному пункту читатель обнаружил бы кавалерию, а еще ближе — турецкие редуты.

На равнине тут и там волнами вздымаются небольшие холмики. Слева холмы и скалистые горные цепи постепенно сходятся к реке Черной, пока, наконец, в трех-четырех милях от Балаклавы равнина не обрывается, поглощенная ущельями и глубокими балками, над которыми поднимаются террасы беловатого камня, кое-где скрашенного пучками хилой травы. Простираясь к югу и юго-востоку, террасы достигают головокружительной высоты Чатыр-дага».²¹³

²¹¹ Wood, Evelyn. The Crimea in 1854, and 1894. Chapman & Hall, Id., London. 1895. P. 104–106.

²¹² <http://www.dslib.net/vseobwaja-istoria/anglijskaja-armija-v-vostochnoj-vojne-1853-1856-gg.html>

²¹³ Russell, W.H. The British Expedition to the Crimea. London. 1858. (<http://archive.org/details/britishepediti00russgoog>).

Балаклава. Фото Р.Фентона. 1855 г.

Рассел, правда, упускает одну важнейшую деталь, без которой трудно представить смысл происходившего на этой живописной местности 25 октября 1854 г. — Воронцовскую дорогу.

По описанию Хибберта: «...расстояние от Балаклавы до Севастополя составляет около 7 миль. Два города соединяли 3 мили сельского тракта, который соединялся с Воронцовской дорогой, которая вела на юго-восток от Севастополя. Она пересекала военные лагеря, затем спускалась через равнину Балаклавы к реке Черной и через 2 мили после моста через реку вела к поселку Чоргун.

Дорога шла через равнину Балаклавы справа налево на узком клочке земли, который военные называли Верхним проходом. Расположенный чуть выше в районе Федюхиных высот ровный участок земли получил название Северной долины, а полоска земли на ближайшем склоне была названа Южной долиной. Эти две равнины, разделенные Верхним проходом и отрезанные одна от другой острыми вершинами холмов, вскоре стали ареной одного из интереснейших эпизодов военной истории.

Верхний проход был жизненно важен не только для защиты Балаклавы и прикрытия флангов и тыла союзников. Он был частью их коммуникаций. Потерять его означало утратить единственную нормальную дорогу, ведущую к лагерю союзных войск, осаждавших город».²¹⁴

²¹⁴ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854—1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 152.

Сержант. Трубач и рядовые 13-го легкого драгунского полка в походной форме. 1854 г. Рисунок А. Хейса.

Хибберт прав. Грядущее сражение было схваткой за коммуникации, то есть тем, ради чего часто разворачиваются и более масштабные события.

МЕТЕОСВОДКА

Традиционно, для лучшего и правильного восприятия читателями происходивших событий, попытаемся описать погоду в эти дни. Как и при Альме, ничего не было более красивого, чем Крым в это время года. По крайней мере время для убийств было совсем не симпатичное: середина крымской осени характерна невероятной красотой окружающей природы, многоцветием трав, теплым дневным солнцем и холодными «свежими»²¹⁵ октябрьскими ночами. Как с гусарским поэтизмом вспоминал офицер лейб-эскадрона Ингерманландского полка Евгений Арбузов: «...погода была прекрасная. С первым лучом восходящего солнца между гор раскатился и первый выстрел наших орудий».²¹⁶

Правда, давали знать приближающиеся ненастья осени поздней, из-за которой уже проглядывалась зима с ее мерзкими и мокрыми холодами. Как будто доказывая это, днем и вечером 12 (24) октября «...пошел небольшой дождь, потянулся туман с гор, и

²¹⁵ Кожухов С. Из крымских воспоминаний о последней войне//Дубровин Н. Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Выпуск IV. СПб., 1872 г. С. 66.

²¹⁶ Арбузов Е. Воспоминания о кампании на Крымском полуострове в 1854 и 1855 годах//Военный сборник. №4. СПб., 1874 г. С. 398.

ясный южный день сменился северным осенним сумрачным вечером».²¹⁷ Ночь, предшествовавшая сражению, была «темная и дождливая».²¹⁸ К утру установился туман, скрывавший передвижение войск.²¹⁹

Осень иногда давало знать о себе пронизывающим ветром. Как раз такой задул за несколько дней до сражения: «До сих пор у нас стояла прекрасная мягкая, теплая погода, только несколько дней назад подул сильный северо-восточный ветер».²²⁰

К утру 25 октября ветер стих и, по воспоминаниям участников, стал слабым, хотя у Балаклавы ощущался: «...Утро выдалось холодное и ветренное».²²¹

²¹⁷ Кожухов С. Из крымских воспоминаний о последней войне//Дубровин Н. Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Выпуск IV. СПб., 1872 г. С. 66.

²¹⁸ Розин А. Очерки из Крымской войны (дневник очевидца)//Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами (репринт). М., 1998 г. С. 206.

²¹⁹ Калинин Б. М. Материал для истории Донской артиллерии. Новочеркасск, 1907 г. С. 146.

²²⁰ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854—1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 154.

²²¹ Тимоти Гоуинг. Голос из строя (Gowing T. Voice from the Ranks: a personal narrative of the Crimean Campaign. Nottingham, 1895) Перевод Е. Тупахиной//«Military Крым». №3. Симферополь, 2006 г. С. 22—23.

БАЛАКЛАВА: ПОБЕДА БЕЗ ПОРАЖЕНИЯ

«Зачем идти самим на русских? Предоставим им идти на нас: мы на превосходной позиции, не будем отсюда трогаться!».

Дивизионный генерал Сертэн Канробер перед сражением под Балаклавой²²²

«Хотя храбрость, бодрость и мужество всюду и при всех случаях потребны, только тщетны они, если не будут истекать от искусства, которое возрастает от испытаний, при внутренних и затвержениях каждому должности его».

Генералиссимус А. В. Суворов

Когда настало время приступить к работе над описанием Балаклавского сражения — стали одолевать мысли о невероятной скучности темы. Если начальный период войны вплоть до первой бомбардировки Севастополя имел массу «белых пятен», то события 25 октября 1854 г. за многие прошедшие во времени годы были детально изучены и описаны исследователями. Повторять уже сказанное ими не хотелось, а искать и найти что-то новое, казалось, уже невозможно. Гигантское количество легенд, мифов, героизация не столько тех, кто защищал (удачно или неудачно, но свое Отечество), а тех, кто пришел на нашу землю явно не с дружескими намерениями, вполне в духе популярной ныне идеологической войны, сработало.

Героями этого дня стали английские кавалеристы, включая чудесных персонажей вроде мясника с разделочным ножом, ринувшегося в забрызганном кровью переднике кромсать «русских зверей». Да что там мясник! Тот хоть человек. Мы часто не можем называть фамилии командиров русских артиллерийских батарей, разогнавших эту компанию, зато едва ли не все могут назвать кличку терьера, принадлежавшего одному из командиров английских полков.

И все это только потому, что...

БАЛАКЛАВСКОЕ СРАЖЕНИЕ — ИСХОДНЫЙ ПУНКТ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Не самое выдающееся сражение кампании было, говоря современным языком, «раскручено» благодаря единственному человеку, вошедшему в мировую историю в двух ипостасях: как первый военный корреспондент и как основоположник информационной войны.

Балаклава стала первым сражением Крымской кампании, которое было оперативно и на уровне, достойном зависти многих современных журналистов, описано журналистом “London Times” Вильямом Расселом. Репортажи с места событий,

²²² Тарле Е. В. Крымская война. Том II. М., 1941–1944 гг. С. 159–160.

Балаклава. Рисунок начала XIX в.

с передовой, практически из-под огня, заставили британскую публику, до сего не слишком чествовавшую свою армию, кардинально изменить отношение к английскому солдату.²²³

В ожидаемо грянувшем мировом катаклизме, впоследствии названном Восточной (Крымской) войной, признанно ставшем моделью грядущих мировых боен, сошлись в схватке не только люди и даже не только образцы новых видов оружия. Впервые было доказано, что вести боевые действия можно и нужно не обязательно за взятие позиций и истребление масс неприятельских солдат, а за мозги собственных обывателей, формируя в их головах общественное мнение. В результате рождался тот самый пресловутый патриотизм, готовность сложить голову за интересы совершенно чуждых людей, в том числе правительство часто бессовестно утешавшей простого человека страны, которая внезапно назвала себя Родиной и отправила умирать.

Крым стал тем полигоном, на котором впервые были обкатаны технологии информационно-войны, отныне ставшей таким же видом боевых действий, как и все остальные, разве что крови проливалось меньше. Этому способствовали прежде всего два фактора: возрастание скорости прохождения информации, произошедшее благодаря появлению такого технического новшества, как электрический телеграф, и штатных корреспондентов СМИ на театрах военных действий. Если военный аспект сражения при Балаклаве стал для англичан катастрофой, то первое сражение информационной войны закончилось безоговорочной победой британцев.

По его итогам был разыгран первый в истории грандиозный пиар-проект с громким именем «атака Легкой бригады». Ценой гибели нескольких сот человек удалось достигнуть доселе недостижимого. Война отныне получала все, что ей было нужно. В первую очередь деньги. Отныне любая трагедия в военной истории Англии объявлялась «атакой Легкой бригады» и на героизм солдат списывалось все, включая глупость генералов и недомыслие государственного военного руководства. Что делать, власть всегда оплачивается и не всегда деньгами. И кто не будет платить за власть, естественным образом ее лишится. Как писал Киплинг, «коль кровь цена владыче-

²²³ Hemingway, Al. The Heroism of vision: photographs from the battlefield//Military heritage. June 2006. New York. P. 59–60.

ству, то мы уплатили с лихвой». И потому властный класс всегда должен быть готов кем-то жертвовать, чтобы «нести бремя белых».²²⁴

Середина XIX в. стала не только временем индустриальных революций, но и периодом глобальной «медиализации» населения. Появление среднего класса, все больше и больше влиявшего на внутреннюю политику, стремившегося активно участвовать в жизни страны и государственном строительстве, изменило внутреннюю структуру общества. Газеты стали общедоступными, часто банально обязательной составляющей утреннего ланча джентльменов, примерно как знаменитый английский пудинг.

Это был настоящий подарок для правящих классов, получивших еще один инструмент влияния на массы и манипулирования общественным сознанием. При поддержке государства, политических партий и крупного капитала началось возникновение медиаимперий, одной из первых и наиболее влиятельных из которых стала лондонская газета «Таймс» (“The Times”). Отныне с благословения «власти предержащих и сильных мира сего» пресса вышла на передовые рубежи борьбы за души, голоса и совесть.

«Таймс» не случайно оказалась лидером, который к середине XIX в. считался синонимом респектабельности. Со времени, когда английский типограф Джон Уолтер начал в 1785 г. издавать газету “Universal Daily Register”, переименованную в 1788 г. в “The Times”, она прошла большой путь, войдя в начале следующего столетия в ранг непререкаемых авторитетов в мире информации, закрепив за собой статус влиятельного издания мирового уровня. Взвешенная позиция «Таймс», не допускавшая явного радикализма, ориентация на традиционные ценности среднего класса выгодно отличали ее от популистских и радикальных изданий того времени, не говоря о бульварной прессе.

Публикации «Таймс» сыграли важную роль в таких важных политических событиях Англии, как первая парламентская реформа 1832 г., давшая право голоса мелкой и средней буржуазии и уничтожившая часть «гнилых местечек» в пользу промышленных центров, принятие закона об эмансипации католиков, отмена хлебных законов в 1846 г.

В середине XIX в. «Таймс» получила прозвище «Громовержец». Ее ежедневный тираж достиг 60 000 экз., тогда как тираж ближайшего конкурента едва приближался к 6000. Точность и качество репортажей, своевременность освещения событий, высокий уровень передовиц и аналитических статей, осведомленность в хитросплетениях европейской политики сделали «Таймс» эталоном европейского периодического издания. Во многих европейских столицах собственные корреспонденты «Таймс» пользовались таким же вниманием, как и послы иностранных держав. Пресса в лице «Таймс» становилась подлинной «четвертой властью». Даже королева Виктория в одном из писем сетовала на влиятельность этой газеты.

Пик популярности «Таймс», пришедшийся на события Крымской войны, совпал с периодом редакторства талантливого организатора Джона Дилейна. Освещать военные действия был отправлен знаменитый к тому времени журналист «Таймс» 32-летний ирландец Вильям Ювард Рассел, первый военный корреспондент в истории британской прессы.

Дилейн, чутьем опытного редактора понявший значение этой войны, а также какие рейтинги могут дать «горячие» публикации из эпицентра событий, командировал туда лучшего из штата сотрудников, одновременно на высшем уровне решив вопросы

²²⁴ <http://povstanez.livejournal.com/2206.html>

его аккредитации в действующей армии. Это было безошибочное решение и точный выбор исполнителя! Репортажи Рассела с места боев вдохновляли поэтов, строки его репортажей становились крылатыми выражениями, а его разоблачения военных и политических кругов привели к отставке правительства и смене военного руководства. Он стал первым представителем СМИ, отправившимся с армией на театр военных действий, пройдя с ней через все испытания одной из тяжелейших войн мировой истории, открыв эпоху военной журналистики. С этого времени

Английский способ использования турецких солдат в качестве вьючных животных. Крым. Зима 1854–1855 гг.

кредо большинства журналистов, работавших в военное время, выражалось в формировании четко определенного общественного мнения, а также оказании как можно более весомого влияния на ход ведения кампании и результат всей войны, естественно, в контексте политики издания и стоящих за ним политических кланов.

Рассел был первым, но не единственным. Кроме него, в Турцию отправились и другие. Не менее острыми были репортажи Томаса Ченери, который написал статью, опубликованную 12 октября 1854 г., разнесшую вдребезги медицинскую систему Британской армии: «... пусть с чувством удивления и гнева общественность узнает, что у нас нет достаточно медицинских препаратов, что ничего не было сделано для правильного ухода за ранеными. Здесь не только нет достаточного числа врачей, что может еще быть оправдано, но тут нет никаких санитаров и медицинских сестер. Это результат работы системы, в которой никто никогда и ни в чем не виноват. Ответственность за все лежит на правительстве, пренебрегающем исполнением своих обязанностей».²²⁵

На следующий день «Таймс» разразилась еще одним «воплем души» Ченери, который сыграл на традиционной национальной нелюбви британцев к какому-либо французскому превосходству: «Французы в этом значительно превосходят нас. Их медицинское обеспечение очень хорошее, их медики более многочисленны и у них есть помощь сестер милосердия, которые сопровождают экспедицию в необходимом количестве».²²⁶

Нужно сказать, что первоначально не планировалось использовать Рассела непосредственно на театре военных действий, а ограничиться постоянным корреспондентским пунктом на Мальте, бывшей перевалочной базой британских войск по дороге на восток, где имелся мощный телеграфный узел. Но такое положение не устраивало самого журналиста, понявшего, что основные события развернутся в Черноморском регионе и потому рискнувшего отправиться с армией дальше на восток, в самое горнило войны.

²²⁵ <http://lifeandtimesofflorenceightingale.wordpress.com/crimea-war/>

²²⁶ <http://lifeandtimesofflorenceightingale.wordpress.com/crimea-war/>

Майор Бартон с офицерами. 5-й Принцессы Шарлотты Уэльской драгунский (5th (Princess Charlotte of Wales's) Dragoon Guards) полк. Фото Р. Фентона. 1855 г.

Деятельность Рассела на поприще военного репортажа в Крыму стала одним из трех знаковых «столпов» Восточной войны для Британии. Двумя другими были атака Легкой бригады под Балаклавой 25 октября 1854 г., но не как военное событие, а как сюжет одноименного эпического творения Теннисона и подвижничество Флоренс Найтингейл.

Конечно, трудно назвать Рассела военным журналистом в современном смысле этого слова. Его личный военный опыт сводился к репортажам о военном конфликте между Пруссией и Данией в 1850 г. Специальные знания репортера были минимальными, а система подчинения неопределенной. Но отрицать первенство как первого, кому удалось обеспечить сначала информационную поддержку действующей армии, а потом, когда война затянулась, показать обнажившиеся язвы закостенелой военной машины Англии, нельзя. Кстати, сам он презирал звание «военный корреспондент», считая себя свободным от каких-либо отношений с армией.

Рассел был обречен на успех. Этот, как описал его один из коллег, «упитанный очкарик с двойным подбородком, ясными глазами, живым языком» легко становился душой компании и быстро заводил нужных друзей. Природно коммуникабельный, обладавший удивительным умением располагать к себе собеседника, будь то солдат из траншей или генерал из штаба, он быстро узнавал то, что ему было нужно узнать, попадал туда, куда ему нужно было попасть.

Рассел изменил само представление о войне и отчасти дополнил методы ее ведения. Его статьи с резкой критикой отвратительного тылового обеспечения Британской армии, описаниями страданий раненых и больных, не получающих медицинской помощи, негодного снаряжения, беспорядка и плохого снабжения войск вызвали в Британии настоящий скандал. «Рассказывать мне об этом или придержать язык? — терзался Рассел, когда командующий Британским экспедиционным корпусом в Крыму лорд Раглан попытался заткнуть ему рот. — Ведь он запросто может запретить нам находиться в войсках». Отчеты Рассела вызвали недовольство королевской семьи (принц Альберт назвал его «жалким шелкопером»), но одновременно породили настоящую волну возмущения в обществе и всплеск сочувствия к «нашим беднякам-солдатам».²²⁷

Нападая на военное руководство, он одновременно оправдывал неудачи, утверждая, что солдат со многим может смириться: с низким жалованьем, запущенными казармами, опасностью, возможностью ранения и даже смерти. Но в чем он все-таки убедил британское общество — ни от одной армии нельзя требовать идти в бой, если она недостаточно подготовлена, не снабжена всеми необходимыми «инструментами» для выполнения «работы» и если правительство не готово выделять на все это деньги.

25 октября журналист ни на шаг не отходил от Раглана и свиты его штаба, понимая, что наступил его «звездный час» — на раскинувшейся перед ним равнине генералы и люди в солдатском строю вершили историю. Нужно было лишь добавить красок в детали.

Что из этого получилось — мы сейчас узнаем.

ПОДГОТОВКА К СРАЖЕНИЮ: СОЮЗНИКИ

Уныние — не значит паралич. Мы уже говорили, что усиление русских войск в Крыму не осталось незамеченным союзным командованием. Фей, адъютант Боске, вспоминал после войны о постоянном ощущении опасности, усиливавшемся от понимания, что Русская армия, до этого времени находившаяся где-то в складках местности за Бельбеком, вдруг стала все увеличивающейся реальностью.²²⁸

И чем ближе к решающему дню, тем более пугающей становилась информация.²²⁹ О грядущей битве заговорили все. 9 (21) октября Педжет уверенно заявляет сослуживцам, что в ближайшие дни нужно ждать атаки русских.²³⁰ Что это рано или поздно произойдет, понимал узнавший и понявший противника командир зуавского полка полковник Клер, чувствуя близость «мощной отвлекающей атаки на балаклавские линии».²³¹

²²⁷ Британская армия в Афганистане забыла уроки Крымской войны (<http://vlasti.net/news/81121>).

²²⁸ Fay, Charles Alexandre. *Souvenirs de la guerre de Crimée, 1854—1856*. Paris. 1889. P. 87.

²²⁹ Layard, Austen Henry. *La Première campagne de la Crimée ou les batailles mémorables de l'Alma, de Balaklava et d'Inkermann*, par Austin Layard. Traduction, autorisée par l'auteur, par A.-E.-S. Jervis. Bruxelles. 1855. P. 66—67.

²³⁰ The Light Cavalry Brigade in the Crimea Extracts from the Letters and Journal of General Lord George Paget. London. 1881. (<http://www.victorianweb.org/history/crimea/paget/paget1.html>).

²³¹ Воспоминания офицера 2-го полка зуавов/Орехов В. Французская армия у стен Севастополя 1854—1856 гг. Симферополь, 2003 г. С. 58.

11 (23) октября Раглан, основываясь на донесениях перебежчиков,²³² докладывал в Лондон, что ожидает нападения русских на Балаклаву и ее судьба зависит лишь от стойкости и храбрости турок.²³³

Страх от ощущения неизбежности русской атаки в этом направлении основывался не на пустых домыслах. Воспоминания английских участников кампании свидетельствуют, что Раглан еще до получения им информации о прибытии под Севастополь полнокровной 12-й пехотной дивизии русских предполагал, что именно ее Меншиков использует для прорыва к Балаклаве, которая становилась «ахиллесовой пятой» англичан.²³⁴ Английский главнокомандующий укрепился во мнении, что имеющихся в его распоряжении сил явно недостаточно для одновременного прикрытия базы, ведения осадных работ и защиты флангов.²³⁵

Ни одно из сражений Крымской войны не удавалось совершить с полным сохранением тайны. И в этот раз русским не удалось скрытно провести приготовления к наступлению. Французы, всегда исповедовавшие принцип, известный со времен Фридриха II, что «войско может быть разбитым, но никогда не должно быть застигнутым врасплох»,²³⁶ еще за неделю до событий поняли, что со дня на день что-то произойдет, а за сутки были в этом совершенно уверены. Возросшая активность казачьих и гусарских патрулей в направлении Балаклавы выдавала подготовку к нападению.²³⁷ Об этом же докладывали офицеры, выезжавшие на рекогносцировки.²³⁸

Не обошлось и без предательства, традиционно замешанного на национальных проблемах Российской империи. 22 октября с бастиона на Малаховом кургане к французам перебежал матрос-поляк, сообщивший о значительном усилении гарнизона крепости новыми войсками числом до 10 тыс. чел.²³⁹ Хотя цифры оказались явно завышенными, да и в готовности доказать свою верность и преданность неприятелю, матрос напел еще массу несуровости, сомневаться в том, что готовится что-то серьезное, не приходилось. О том же свидетельствовала информация, данная другими словоохотливыми дезертирами.²⁴⁰ Последние даже указали, откуда прибыли войска и их свежесть.²⁴¹

Когда подобные случаи перехода к врагу стали явлением обычным, в Севастополе, особенно среди нижних чинов, развернулась настоящая «антипольская истерия»: «...странно подумать, что у нас и среди нас живут, а быть может, и служат такие злодеи-изменники. О, поляки, поляки! Не мудрено после этого, что солдаты наши в Се-

²³² Wade, Stephen. *Spies in the Empire: Victorian Military Intelligence*. Anthem Press, 2007. P. 65–66.

²³³ Harris, M. Stephen. *British Military Intelligence in the Crimean War, 1854–1856*. Routledge. 1999. P. 51.

²³⁴ Kelly, Tom. *From the fleet in the fifties. A history of the Crimean war*. London. 1902. P. 183–184.

²³⁵ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 152.

²³⁶ Эрнрот К. Об охранении и разведывании на войне//Военный сборник. №7. СПб., 1875 г. С. 36.

²³⁷ Harris, M. Stephen *British Military Intelligence in the Crimean War, 1854–1856*. Routledge. 1999. P. 51; Guerin, Leon. *Histoire de la dernière guerre de Russie: 1853–56*. Том 1. Paris. 1858. P. 334–338.

²³⁸ Bazancourt, César Lecat. *L'expédition de Crimée : l'armée française à Gallipoli, Varna et Sébastopol, chroniques militaires de la guerre d'Orient*. Tome 2. Paris. 1858. P. 16–17.

²³⁹ Harris, M. Stephen *British Military Intelligence in the Crimean War, 1854–1856*. Routledge. 1999. P. 52.

²⁴⁰ Layard, Austen Henry. *La Première campagne de la Crimée ou les batailles mémorables de l'Alma, de Balaklava et d'Inkermann*, par Austin Layard. Traduction, autorisée par l'auteur, par A.-E.-S. Jervis. Bruxelles. 1855. P. 66–67.

²⁴¹ Layard, Austen Henry. *La Première campagne de la Crimée ou les batailles mémorables de l'Alma, de Balaklava et d'Inkermann*, par Austin Layard. Traduction, autorisée par l'auteur, par A.-E.-S. Jervis. Paris. 1855. P. 6–7.

востополе осторожны донельзя и часто по одному подозрению задерживают своих офицеров, им не знакомых».²⁴²

Но если бы только рассказы перебежчиков раскрывали планы русского командования. Куда ж без ставшей уже привычной русской недисциплинированности. По воспоминаниям Кожухова, «...лишь только в отряде сделалось известно, что на другой день предполагается дело, как толпы любопытных со зрительными трубами отправились на близлежащие высоты для обозрения неприятельской позиции».²⁴³

Успешнее дезертиров были турецкие шпионы, хорошо знавшие местность и в большом количестве шнырявшие по тылам, а то и прямо по позициям русских войск часто под видом мелких торговцев. Один из таких туземцев докладывал 24 октября турецкому бригадному генералу Рустем-паше о готовности русских к атаке позиций, прикрывающих Балаклаву.²⁴⁴ Похоже, это тот самый шпион, который как раз накануне сражения пришел (скорее, был направлен по команде турецким командиром) к Кемпбелу²⁴⁵ с подробным изложением планов Меншикова.

Получив столь ценный материал, Кемпбел и Лукан срочно составили докладное письмо на имя Раглана, которое доверили доставить в штаб главнокомандующего сыну Лукана и его адъютанту лорду Бингхэму. Последний благополучно прибыл в штаб, где вручил документ генералу Эйри. Он, по словам Энгельса, «...явился одним из тех шести или восьми офицеров, которых обвиняют в том, что они под командой лорда Раглана довели Английскую армию до гибели посредством рутин, формализма при выполнении обязанностей, отсутствия здравого смысла и инертности».²⁴⁶

Трудно сказать, чем руководствовался Эйри, но он решил не придавать значения бумаге, под которой видел, в том числе, подпись Лукана, утомившего начальника штаба своими семейными скандалами. Очевидно, принял за простую кляузу.

Вильям Аффлек (справа), лейтенант 4-го легкого драгунского (4th (The Queen's Own) Regiment of (Light) Dragoons) полка. Фото Р. Фентона. 1855 г.

²⁴² Записки Порфирия Николаевича Глебова//Русская старина. Том 121. СПб., 1905 г. С. 263.

²⁴³ Кожухов С. Из крымских воспоминаний о последней войне//Дубровин Н. Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Выпуск IV. СПб., 1872 г. С. 66.

²⁴⁴ Harris, M. Stephen British Military Intelligence in the Crimean War, 1854–1856. Routledge. 1999. P. 52; Wood, Evelyn. The Crimea in 1854, and 1894. Chapman & Hall, Id., London. 1895. P. 104–106.

²⁴⁵ Francis Duberly. Mrs Duberly's War: Journal and Letters from the Crimea, 1854–1856. Oxford University Press. 2007. P. 334.

²⁴⁶ Энгельс Ф. Эри (<http://lugovoy-k.narod.ru/marx/14/006.htm>).

Вообще, нужно сказать, создается впечатление, что система доставки, обработки и реализации донесений в Английской армии была даже не плохой. Ее вообще не было. Отсюда записки на грязном вонючем клочке бумаги, обрекающие на гибель целую кавалерийскую бригаду, непонятые приказы, доставляемые добровольцами-спортсменами, которые, добравшись до исполнителя, забывали, что хотели передать, и т. п.

Конечно, подобных донесений приходило по несколько в день, войска устали подниматься по тревоге и совершать многокилометровые марши в пустоту, как это пришлось сделать за сутки до сражения 4-й дивизии. Видимо, решив, что это очередной, написанный перестраховщиками раздражитель, Эйри, как и положено джентльмену, поблагодарил молодого офицера за примерную службу и отправил назад.²⁴⁷ Единственное, что приказали с 15 октября, и то по инициативе Кемпбела, это войскам иметь при себе снаряжение в готовности.²⁴⁸ Парад ошибок начал набирать силу...

Но как бы то ни было, частые рекогносцировки, возросшая активность пехоты и кавалерии, проводимые войсками Меншикова, помноженные на сведения шпионов, пленных и дезертиров, убедили союзников, что князь планирует «...произвести на верхней Черной наступательное движение, целью которого, вероятно, было бы разрушение Балаклавы».²⁴⁹ Русские отныне совсем не походили на потерпевших поражение, скорее напоминая хищника, обозленного ранением, но сохранившего силы, отдохнувшего и изготовившегося к смертельному броску из засады.

Французы восприняли информацию гораздо серьезнее. 21 октября Боске переводит два батальона пеших егерей на аванпосты: с передовой линии поступает информация о выдвижении 7 или 8 русских батальонов со стороны Черной речки. Происходит вялая перестрелка, закончившаяся ничем, лишь стоившая обеим сторонам нескольких раненых. Но французы еще больше утвердились в мысли, что подобные, кажущиеся бесцельными и бессмысленными вылазки происходят не просто так. Русские профессионально коварны, а на войне от них можно ждать всего. Боске предупреждает Канробера об этом.²⁵⁰

Последний, сам уже понявший, что «...Меншиков и Горчаков несколько дней прощупывают эти подходы»,²⁵¹ отправляет в войска приказ о нахождении в постоянной готовности к действиям. Но Канробер не верит, что Меншиков решится атаковать тыл союзных войск, надеясь, что Раглан должным образом укрепил позиции у Балаклавы, а потому особое внимание уделяется возможным атакам со стороны крепости.²⁵²

Майор Монтодон приводит своих стрелков в состояние полной готовности.

«Войска генерала Боске, ведущие наблюдение за позициями Балаклавы, также под властью постоянной тревоги: они находятся напротив армии Меншикова, восстанавливающейся и получающей крупные подкрепления. 24-го нам сообщают о большом скоплении батальонов в верхней части Чернореченской долины. Нужно готовиться

²⁴⁷ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 153–154.

²⁴⁸ Sterling, C. Letters from the Army in the Crimea written during the Years 1854, 1855 and 1856, by Staff-officer who was there. London. 1857. P. 109.

²⁴⁹ Осада Севастополя 1854–1856. Составлено капитаном прусской артиллерии Вейгельтом. СПб. 1863 г. С. 59.

²⁵⁰ Auger, Charles. Guerre d'Orient: siège de Sébastopol: historique du service de l'artillerie (1854–1856). Tome 1. Paris. 1859. P. 116–120.

²⁵¹ Russell, W H. The British Expedition to the Crimea. London. 1858. (<http://archive.org/details/britishexpediti00russgoog>).

²⁵² Воспоминания офицера 2-го полка зуавов//Орехов В. Французская армия у стен Севастополя 1854–1856 гг. Симферополь, 2003 г. С. 58.

к скорой атаке либо на позиции, занятые турками, либо со стороны Балаклавы».²⁵³

Балаклава лишь относительно была готова ко встрече русских. Ее оборона, хотя и «сильная по природным свойствам, но уязвимая для предприимчивого врага»,²⁵⁴ носила характер временных слабо укрепленных позиций и состояла из двух линий.

Первую (передовую), которая была в стадии незаконченного строительства, удерживали два турецких пехотных батальона, занимавшие шесть возвышенностей. Вторую (внутреннюю) — Горская (Шотландская) бригада 1-й (Гвардейской) дивизии под командованием героя Альмы бригадного генерала Колина Кемпбела, хотя и не самого молодого, но невероятно инициативного, опытного и популярного среди солдат и офицеров начальника.²⁵⁵

Осенью, как и последующей зимой, горцы были задействованы службой на охране коммуникаций, осадных работах и снабжением передовых позиций. Ежедневно от каждого полка на инженерные работы выделялось примерно 150 чел. под командой одного из старших офицеров.

Редуты, помимо чисто оборонительной роли передовой линии, выполняли главнейшую роль прикрытия важнейшего «кровеносного сосуда» правого фланга осадных работ — Воронцовской дороги, шедшей вдоль фронта циркумвалационной линии²⁵⁶ и обеспечивавшей снабжение английских войск на передовых позициях.

Для централизации управления обороной Балаклавы Раглан принял разумное решение передать ее в руки человека, которому, особенно после Альмы, доверял полностью, зная его способность к инициативе и умелой импровизации в самых трудных обстоятельствах.

Это был лучший выбор. Шотландец Кемпбел в отличие от английских коллег не страдал характерным для них снобизмом и уже за одно это был любим не только своими солдатами и офицерами, но и французами. Ему удалось поддерживать переросшие в настоящую человеческую дружбу теплые отношения с командиром ближайшей к нему французской бригады — генералом Вино. Их дружба продолжалась всю жизнь.

Сержант Бирдсли. Батарея «С» Королевской конной артиллерии. 1856 г.

²⁵³ Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона. Пер. с французского Орехова Д. В. // Историческое наследие Крыма. № 9. Симферополь, 2005 г. С. 56.

²⁵⁴ Calthorpe, Somerset John Gough. Letters from head-quarters; or, The realities of the war in the Crimea, by an officer of the staff. Vol. I. London. 1857. P. 309–311.

²⁵⁵ В 1858 г. Кемпбел, уже имевший все основания для отдыха от военной службы, «уже покрытый свежими лаврами в Крыму, несмотря на близость к естественному концу, не опасаясь утратить прославленного уже имени в кампании сомнительной, предложил свои услуги, оторвался от семейства и роскоши, и через два дня по назначению мчался уже в Индию» (Шестаков И. А. Старые мысли на новое дело (извлечения из статьи) // Морской сборник. № 1. СПб., 1858 г. С. 8).

²⁵⁶ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 152–153.

Когда французский генерал умер, Кемпбел прислал на могилу венок с надписью «Мо-
ему другу Вино».²⁵⁷

Тыловой гарнизон в Балаклаве, все время живший в страхе, что вот-вот придут русские и отберут назад и город, и склады, и даже полковые прачечные с работавшими в них солдатскими женами, со всеми вытекающими последствиями, стал чувствовать себя увереннее, ощутив «твердую руку» и сильный характер нового командира.

С этого времени Кемпбел, помимо 93-го полка своей бригады (ее временным командиром стал командир 42-го полка «Черная стража» подполковник Камерон),²⁵⁸ получал начальство над турецкими батальонами с приданной (скорее, переданной) им английской артиллерией и морскими пехотинцами из Морской бригады («лучшие солдаты, которых только можно было пожелать»)²⁵⁹, занимавшими последний рубеж перед непосредственно Балаклавой.²⁶⁰ Этот рубеж представлял несколько артиллерийских батарей, оснащенных преимущественно 32-фунтовыми орудиями.

Отныне под его подчинение переходил любой солдат или офицер, оказавшийся на территории прилегавшей к Балаклаве местности.

Нужно сказать, что выбор у Раглана был невелик. Кадровый «резерв» Английской армии был не лучше, чем у их противников — русских, и если бы не такие «приятные» исключения, как Кемпбел или Липранди, то события в Крыму закончились бы неизвестно чем. Во всяком случае для французов в английском генералитете существовало лишь несколько авторитетных исключений: Эванс, Кемпбел и, пожалуй, все...

При этом бесспорно самый талантливый из этой когорты, один из наиболее блестящих офицеров Английской армии в Крыму командир Шотландской бригады, бригадный генерал Колин Кемпбел хотя и сумел в свое время наскрести денег и купить должность подполковника, но три года не мог продвигаться по служебной лестнице дальше из-за отсутствия средств. Только личные качества и несомненный талант военачальника помогли ему сделать отличную карьеру.²⁶¹

Это решение предопределило судьбу будущего сражения. Раглан продемонстрировал свое отношение к ничтожным военным дарованиям генерала Лукана, видевшего свою высокую роль в начавшейся войне не в боях с русскими, а в борьбе со своим родственником — Кардиганом. Уже совсем скоро их семейные дразги будут оплачены жизнями нескольких сотен английских солдат и офицеров. Правда, непонятно, имели ли Кемпбел право отдавать приказы кавалерии, скорее, что все-таки нет, но статус безродного бригадного генерала внезапно вырос, достигнув той высоты, которая ранее в основном была по плечу только пусть не самым умным, но обязательно родовитым представителям английского генералитета.

14 октября офицер штаба главнокомандующего подполковник Стил прибыл к Кемпбелу с приказом Раглана об ускорении инженерных работ. Генерал уже на следующий день форсировал укрепление как передовой линии, занимаемой турками, так и позиций у самой Балаклавы.²⁶²

²⁵⁷ Skene, James Henry. With Lord Stratford in the Crimean war. London. 1883. P. 104.

²⁵⁸ Historical records of the 79th Queens Own Cameronian Highlanders. Captain A. Mackenzie, Lieutenant and adjutant J. S. Ewart and lieutenant C. Findlay, from the orderly room records. Debonport. 1887. P. 113.

²⁵⁹ Calthorpe, Somerset John Gough. Letters from head-quarters; or, The realities of the war in the Crimea, by an officer of the staff. Vol. I. London. 1857. P. 300–301.

²⁶⁰ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 153.

²⁶¹ Dixon, Norman. On Psychology of Military Incompetence. Vintage Digital; New Ed edition. 2011. P. 36–37.

²⁶² Sterling, C. Letters from the Army in the Crimea written during the Years 1854, 1855 and 1856, by Staff-officer who was there. London. 1857. P. 107.

Балаклаве предстояло второй раз стать местом, вокруг которого разворачивались одни из самых драматических событий первой половины Крымской кампании. Два основных противника, русские и англичане, готовились к сражению, которое должно было свести их лицом к лицу, остальным же предполагалась роль статистов.

Несмотря на кажущееся различие у противников было много общего. Обе армии страдали одной и той же болезнью, которая к середине XIX в. создавала для них огромные проблемы — слабостью боевого управления и недостатком инициативных самостоятельных военачальников.

Британская армия, покрывшая славой свои знамена в войне с Наполеоном, время, прошедшее после нее, уделила в основном почиванию на лаврах и неумеренному пожинанию плодов славы. На вершине триумфальной пирамиды стояло имя человека, военные взгляды которого почти 40 лет спустя после сражения при Ватерлоо были аксиомой величия британской военной теории. Это был герцог Веллингтон, бесспорно талантливый военачальник, сокрушивший Французскую армию, общепризнанный военный гений, «...возможно, самый великий военный руководитель, когда-либо командовавший Британской армией и так долго сохранивший эту армию в состоянии застоя».²⁶³

Британская пехота, принеся ему славу как военачальнику, была предметом его самого плохого отношения. До самой смерти герцога в 1852 г. никто и ничто не могло уверить Британию в ошибочности теории победителя Наполеона.

Войны, в которой Британская армия могла убедить себя в необходимости кардинального изменения своей военной доктрины, не было, а колониальные войны, ведшиеся метрополией в колониях, не требовали какого-либо большого военного искусства — достаточно было стойкости и храбрости английских солдат и офицеров (чего традиционно им было не занимать). К началу Крымской войны Британская армия не сражалась с континентальным противником почти сорок лет. Хотя имелся значительный опыт войны в Индии, но воинские части в самой Англии представляли из себя «...скопление полков, хотя и состоящих из профессионалов хорошего качества...».²⁶⁴

Одной из причин такого, мягко говоря, халатного отношения к собственной армии было то, что Англия, будучи прежде всего морской державой, всегда традиционно считала армию низшей ступенью. Свою силу Британия всегда обеспечивала за

Сержант Макнамара. 5-й Принцессы Шарлотты Уэльской драгунский (5th (Princess Charlotte of Wales's) Dragoon Guards) полк. 1856 г.

²⁶³ Chappell, Mike. British infantry equipments 1808–1908. Men-At-Arms series. #107. P. 3.

²⁶⁴ Perrett, Bryan. Vor valour. London. 2003. P. 13–42.

Редиф. 1855 г.

счет мощных военно-морских сил, армии же отводилась второстепенная роль вспомогательной силы.

Это привело к тому, что армия самой передовой в экономическом отношении страны являлась одной из отсталых в Западной Европе. Сам Веллингтон незадолго до своей смерти говорил о ее состоянии: «Британская пехота неспособна двигаться, кавалерия — скакать, офицеры невежественны, солдаты не знают, как пользоваться оружием».²⁶⁵

Веллингтон прав. Кроме неграмотных офицеров, Англия имела еще и не менее невежественных солдат. В этом она чем-то походила на своего противника — Российскую императорскую армию. Точно так же она имела отличный качественный человеческий материал («лучший по телосложению, какой я когда-либо видел»), но совершенно необразованный.²⁶⁶

Консерватизм английской армии представлял совершенно исключительное для Европы явление — отсутствие в Британии системы единого управления вооруженными силами. В государстве не существовало какого-либо объединенного штаба с функциями общего руководства и вообще всей политикой государственной обороны.

Анализ итогов Крымской войны против России, последовавший после окончания кампании, наглядно продемонстрировал, что даже несмотря на одержанную победу налицо были слабое взаимодействие армии и флота и чрезвычайно забюрократизированный неэффективный характер работы военного министерства Великобритании.

Лишь созданная в 1890 г. Комиссия Харрингтона предложила создать пост начальника Генерального штаба для координации мероприятий в военной области!

Настоящей проблемой стало массовое проникновение в руководящие структуры большого числа родственников из аристократических семей, многие из которых не

²⁶⁵ Weintraub S. Albert — Uncrowned King. London. 1997. P. 272.

²⁶⁶ Dixon, Norman. On Psychology of Military Incompetence. Vintage Digital; New Ed edition. 2011. P. 35–36.

имели даже надлежащего военного образования, хотя в Великобритании более шестидесяти лет прекрасную военную подготовку давала Королевская военная академия в Сандхерсте. В это учебное заведение принимались юноши с 13 лет и обучались в нем в течение четырех лет. После Крымской войны, когда «...в Англии осознали потребность более целесообразного военного воспитания, ... возраст поступающих был возвышен ...до 15 и 16 лет и, соответственно тому, сокращен срок обучения с четырех лет до двух лет, полутора и года...».²⁶⁷

Из 221 одного офицера штаба лорда Раглана только 15 прошли обучение в этом учебном заведении.²⁶⁸ При этом все уровни были пропитаны явлением, известным ныне как кумовство. К примеру, 5 офицеров штаба Раглана имели с ним родственные отношения.²⁶⁹

Не удивительно, что во время Крымской войны британская пехота продолжала оставаться все тем же «расходным» материалом, которым была при Веллингтоне.

Почти теми же «болезнями» страдала основная масса российского генералитета, за крайне малым исключением привыкшего действовать «с оглядкой» по принципу «как бы чего не вышло». Но под Балаклавой военная судьба столкнула лучших: русского Липранди и шотландца Кемпбела. Если к ним в компанию добавить еще и Боске, то можно представить, насколько интересным могло стать ожидаемое сражение. И оно вполне могло стать таким, если бы в этот же день та же судьба на свела наряду с лучшими и худших: британских скандалистов Лукана и Кардигана с российским гусаром Рыжовым.

СИЛЫ СТОРОН: СОЮЗНИКИ

Русские оценивали оборону противника как достаточно сильную. Полковник Хрущов в своих воспоминаниях описывает ее как две линии, прикрывавшие подступы к Балаклаве.

Первая — 4 редута, образующие линию, идущую от Сапун-горы до Кадыкойской равнины: «...в долине почти по прямой выстроились четыре островерхих холма, и чем дальше был холм от наших линий, тем он был выше. Самый дальний, слившийся с горной грядой, что высилась напротив, получил название холм Канробера в честь встречи двух главнокомандующих, состоявшейся там после Балаклавского марша».²⁷⁰ На вершине каждого из холмов турки возвели земляные редуты, которые со стороны русских создавали вид неприступной позиции.²⁷¹

Судя по письму французского майора Вико, прикомандированного к штабу Раглана, более 2000 турецких солдат начали их строительство сразу после взятия Балаклав-
вы.²⁷²

²⁶⁷ Обзорение иностранных военных журналов//Военный сборник. №6. СПб., 1870 г. С. 181.

²⁶⁸ Woodham-Smith, Cecil. The Reason Why. The Story of the Fatal Charge of the Light Brigade. 1987. P. 168.

²⁶⁹ Dixon, Norman. On Psychology of Military Incompetence. Vintage Digital; New Ed edition. 2011. P. 36–37.

²⁷⁰ Russell, W H. The British Expedition to the Crimea. London. 1858. (<http://archive.org/details/britishexpediti00russgoog>).

²⁷¹ Кожухов С. Из крымских воспоминаний о последней войне//Дубовин Н. Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Выпуск IV. СПб., 1872 г. С. 66.

²⁷² Campagnes de Crimée, d'Italie, d'Afrique, de Chine et de Syrie, 1849–1862. Lettres adressées au maréchal de Castellane par les maréchaux Baraguey-d'Hilliers, Niel, Bosquet, Pélissier, Canrobert, Vaillant et les généraux Changarnier, Cler, Mellinet, Douai, etc., etc. E. Plon, Nourrit et Cie. Paris. P. 111.

Наиболее сильным считался № 1. На нем предполагалось наличие трех орудий.²⁷³ Слабыми сторонами первой линии обороны союзников считались: защита ее турецкими гарнизонами, удаленность от основной линии, теснота укреплений и отсутствие какой-либо системы обороны.²⁷⁴

Тотлебен тоже говорит о такой же организации обороны, но называет уже 5 редутов, «...из которых крайний на правом фланге находился на высоте, лежащей к северо-западу от селения Комары и назван французами Канроберовым холмом (tamelon Canrobert). Остальные редуты тянулись левее первого, вдоль по хребту...».²⁷⁵ Пять редутов называет и Руссе.²⁷⁶ У Молло речь идет тоже о шести, но само название «редуты» взято в кавычки, явно намекая на их не слишком академическое устройство.²⁷⁷

Англичане говорят о шести редутах,²⁷⁸ которые военно-историческая «Мурзилка» «Balaclava 1854» перечисляет подробно. Расстояние между укреплениями было в среднем 500–400 м.²⁷⁹ Общий их фронт растянулся на две мили. Укрепления № 1 и № 2 можно увидеть на фотографиях Р. Фентона, сделанных в 1855 г.

Исследователи нечасто уделяют внимание технической стороне возведения укреплений, хотя здесь можно обнаружить немало интересного. Если в области армейских и флотских вопросов главными учителями были англичане и французы, то в вопросах фортификации непререкаемыми авторитетами были прусские военные инженеры. «В каждой крупной турецкой крепости, поверьте, вы встретите прусака или немца, инструктирующего, советующего или командующего либо артиллерией, либо инженерами...».²⁸⁰

Крым не был исключением. Строительством передовых укреплений под Балаклавой руководил прусский военный инженер капитан Вагман. В его распоряжение привлекли почти 2000 солдат турецкого контингента. Компанию ему составил, по воспоминаниям Стерлинга, офицер восточного происхождения в звании капитана Английской армии.²⁸¹ Этим самым капитаном был лейтенант Бомбейской артиллерии Чарльз Несмитт, отправленный на Средиземное море для лечения полученного в 1853 г. в Индии ранения, но имея неугомонный характер, по собственной воле, не дожидаясь открытия Англией военных действий, присоединился к туркам. Он успел отличиться, помогая им создавать систему укреплений в Силистрии, за что был одним из 7 англичан, награжденных турецкой медалью за защиту этой крепости, успешно противостоявшей русским. Теперь Несмитт пытался перенести свой опыт под Севастополь, командование надеялось повторить под Балаклавой успех защиты этой дунайской крепости.²⁸²

²⁷³ Хрущев А. П. История обороны Севастополя. СПб., 1888 г. С. 31–32.

²⁷⁴ Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 годов. Том III. СПб., 1876 г. С. 111–118.

²⁷⁵ Описание обороны города Севастополя. Составлено под рук. генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 235–236.

²⁷⁶ Rousset, Camille. Histoire de la guerre de Crimée. Tome 1. Edition 2. Paris. 1878. P. 331.

²⁷⁷ Mollo, John and Boris. Into the Valley of Death. The British Cavalry Division at Balaclava 1854. London. 1991. P. 20.

²⁷⁸ Historical records of the 93rd Sutherland Highlanders now the 2d battalion, Princess Louise's Argyll and Sutherland Highlanders. Compiled and edited by Roderick Hamilton Burgoyne, late 93rd Highlanders. 1883. London. P. 110–111.

²⁷⁹ Sweetman, John. Balaclava 1854. Osprey. Campaign series. 6. 1990. P. 38.

²⁸⁰ Woods I. A. The Past Campaign: A Sketch of the War in the East, from the Departure of Lord Raglan to the Capture of Sevastopol. Vol. II. London. 1855. P. 81.

²⁸¹ Sterling. C. Letters from the Army in the Crimea written during the Years 1854, 1855 and 1856, by Staff-officer who was there. London. 1857. P. 110.

²⁸² Lawson. J. Whalley. Gold war medals awarded to British military & naval forces from Elizabeth to Victoria. Lancaster. 1883. P. 15.

Хотя часто говорят, что эти укрепления (по крайней мере, первое из них) имели вид четырехугольника, это не совсем так. Несмитт строил их по типу уже проявивших себя силистрийских пятиугольных выносных фортов, что, кажется, соответствует истине. Каждое укрепление представляло пятиугольный бруствер, что позволяло защищать его фронт и фланги,²⁸³ но незавершенность и небрежность строительства, отмечаемая русскими офицерами, снижала их боевую ценность.²⁸⁴ По крайней мере, так утверждают американские исследователи.²⁸⁵

Правда, доктор Пфлюг, оказавшись после сражения на одном из них, посчитал, что они четырехугольной формы, вероятно, из-за нечетко просматриваемого тупого угла в вершине укрепления.²⁸⁶

Немного теории. Что же действительно представляли из себя укрепления у Балаклавы? Они строились по классическому принципу полевой фортификации. Каждое состояло из земляной насыпи, называемой бруствером, приспособленной к стрельбе из-за нее и прикрывающей позади расположенные войска, и наружного рва, дающего землю для насыпки бруствера и служащего преградой возможному штурму.

Высота бруствера была необходимой для прикрытия располагающихся за ним войск от выстрелов. Судя по тому, что укрепления были хорошо видны, в них если и был внутренний ров, то неглубокий, так как при его существовании внутренний бруствер может быть сравнительно ниже, укрепление становится менее заметным и его легче замаскировать.

Для приспособления бруствера к стрельбе к нему присыпают ступеньку, куда люди становятся во время стрельбы, которая называется банкетом, или стрелковой ступенью. Форма укрепления в плане обуславливается местностью и предполагаемыми направлениями огня, а также действиями своих войск и неприятельских. Укрепления такого типа могли быть двух типов: открытые (люнет) и сомкнутые (редут). В нашем случае строились сомкнутые, которые имеют оборонительную ограду со всех сто-

Турецкий часовый на позиции. 1854 г.

²⁸³ Historical records of the 93rd Sutherland Highlanders now the 2d battalion, Princess Louise's Argyll and Sutherland Highlanders. Compiled and edited by Roderick Hamilton Burgoyne, late 93rd Highlanders. 1883. London. P. 110.

²⁸⁴ Корибут-Кубитович. Воспоминания о Балаклавском деле 13-го октября 1854 г. // Дубровин Н. Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Выпуск IV. СПб., 1872 г. С. 49.

²⁸⁵ Clarence R. Geier, Lawrence E. Babits, Douglas D. Scott. The Historical Archaeology of Military Sites: Method and Topic. Published by Texas A&M University Press. 2010. P. 152.

²⁸⁶ Pflug, Ferdinand. Souvenirs de la campagne de Crimée: journal d'un médecin allemand au service de l'armée russe. Paris. 1862. P. 91–92.

Солдат турецкой регулярной пехоты. Рисунок
Э. Лейка. Сер. XIX в.

рон и возводятся для обороны упорной и вполне самостоятельной, когда можно ожидать атаку со всех сторон. То есть, очень похожие на те, которые возводились при обороне крепости Силистрия годом раньше.

На расположение и начертание бруствера укрепления оказывала влияние местность, что исходя из сказанного выше, вероятно, и послужило причиной появления пятого угла, направленного в сторону возможной атаки русских.

Укрепления возводились с использованием местного грунта, укрепленного деревом. Фронт их был направлен в сторону Федюхиных высот.

Перед ними дополнительно устраивались заграждения: засеки (иногда их называют завалами). Несмотря на свою кажущуюся простоту они представляли серьезное препятствие для наступающей пехоты, способное задержать строй, разорвать боевую линию, увеличить потери. Главным же их предназначением было продержаться противника под сильным огнем с позиции или укрепления и тем увеличить его потери от огня. Их принято было располагать в 50–150 шагах от линии огня, вынуждая расстроенного преодолением препятствия неприятеля пробыть еще некоторое время под

пулями. О наличии таковых свидетельствуют рапорта непрерывно разведовавшего подступы к Балаклаве генерала Семякина. Меншиков указывал в «Журнале боевых действий», что «...высоту, лежащую выше с. Комары (ее можно назвать большим курганом) он (неприятель) действительно укрепил, как подошву, так и вершину, ретраншементом для ружейной обороны; внутри находятся палатки».²⁸⁷

Пушки могли находиться как внутри редута, так и вне его. В нашем случае, судя по воспоминаниям поручика Ушакова, их поставили внутри укрепления.²⁸⁸

Рассел оставил записки о строительстве этих редутов, представлявшем в его глазах совсем нерадостную картину.

«На пяти «курганах», глядящих на Балаклавскую дорогу, оживленно копошились турки, строившие укрепления для редутов под руководством прусского инженера капитана Вагмана, находившегося в подчинении сэра Джона Бургойна.

²⁸⁷ Журнал боевых действий Крымской армии 1854 г. Симферополь, 2009 г. С. 31.

²⁸⁸ Ушаков Н. Описание атаки русских войск на Кадыкойские высоты 13-го (25-го) октября 1854 года//Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. Под ред. Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 33.

В каждом из этих фортов было размещено по две пушки и 250 турок. Эти бедняги работали с самым горячим усердием, хоть и подвергались наибольшему лишению. По неведомым причинам турецкое правительство направило сюда не ветеранов из войска Омер-паши, а солдат последнего призыва, отслуживших лишь по два года и происходивших из мирного сословия цирюльников, портных и мелких торговцев. Но все они были выносливы, упорны, сильны, а сколь терпеливы — и сказать совестно. Я узнал из достовернейшего источника, что при высадке никто не дал себе труда позаботиться об их пропитании. Им было отпущено лишь малое количество марсельских сухарей, которые вскоре вышли. С самого Альминского сражения и до 10 октября им выдавали всего по два сухаря в день! Остальную пищу им приходилось промышлять самостоятельно. Вдобавок ко всему в этой чужой и враждебной стороне они не могли достать табаку — единственного своего утешения. И все же день за днем они шли вперед и делали что нужно. Гордые османы бродили вокруг наших лагерей в поисках корки от сухаря».²⁸⁹

С самого начала возведения укреплений англичане оказались под влиянием целой цепи заблуждений, постепенно переросших в ошибки. Их богатый опыт заморских экспедиций предполагал свой принцип инженерного оборудования позиций, ориентированный главным образом на противодействие иррегулярным воинским формированиям. Опыт же недавней Силистрии говорил, что в войне с сильным противником это было бесполезной тратой сил, материалов и людских ресурсов.

Проломить одну линию несвязанных укреплений для русских никогда не было сложной задачей. Поэтому когда Вагман узнал, что его начальник рекомендовал Раглану ограничиться одной линией укреплений, а в прикрытии почти не оставив пехоты, доверив дело почти непригодной к этому кавалерии, он буквально сорвался на крик: «Вы ошибаетесь!...».²⁹⁰

Еще раз обратим внимание на Бургойна. В обозначенный период кампании его действия заставляли не раз сомневаться в его же компетентности. Очередной раз попавшись на русскую хитрость, «умный» Бургойн валил все на русскую гениальность или на их невероятные способности. Не преувеличиваю и не играю словами. Проблемы, по его словам, которые привели к английским неудачам, это то, что русские солдаты и офицеры «энергичны, умелы и мужественны», военные инженеры талантливы, а по умению возводить укрепления русские не имеют равных. Ну и еще, оказывается, что любимые им дезертиры, которых он долго и с удовольствием допрашивал после Альмы, почти все врут.²⁹¹ Мягко говоря, не слишком профессионально для офицера, в круг обязанностей которого входили в том числе (после смерти Тайдена) разведка, анализ и подготовка обоснований для принятия решений главнокомандующим.

Британский военный инженер имел лишь одно положительное качество — он умел признавать свои ошибки, но лучше бы он имел фундаментальные знания в своем деле. Бельгийский фортификатор Дегиз в начале XX в. констатировал, что спустя полтора столетия после эпохи Вобана русские доказали свое умение блестяще противостоять одновременно двум сильнейшим державам Европы во всех видах современной войны, особенно крепостной: «...под руководством инженера Тотлебена

²⁸⁹ Russell, W. H. The British Expedition to the Crimea. London. 1858. (<http://archive.org/details/britishexpediti00russgoog>).

²⁹⁰ Adkin, Mark. The Charge. The Real Reason Why Light Brigade was Lost. Leo Cooper Books. London. 1996. P. 74–75.

²⁹¹ Burgoyne, John Fox. The military opinions of General Sir John Fox Burgoyne. London. 1859. P. 202–204.

старались уничтожить все то, что в вобановской школе обеспечивало батареям атаки быстрое приобретение перевеса над артиллерией крепости».²⁹²

Конечно, Бургойн был не единственным военным инженером, имевшимся под рукой Раглана. В конце концов, нельзя игнорировать капитана Джона Гордона, прозванного в Морской бригаде за личную храбрость и невозмутимость под огнем «старым фейерверкером». Но он был занят работами на осадных позициях и никакого влияния на ход работ под Балаклавой не оказывал.

В основу обороны ложилась укрытая артиллерия, равномерно распределенная по позиции.

Редут №1 «Холм Канробера». Наиболее сильное укрепление с почти полностью выполненным объемом инженерных работ. На нем располагались три 12-фунт. орудия, снятые с HMS "Diamond"²⁹³ и переданные в пользование турецким артиллеристам.²⁹⁴ Для управления ими на импровизированные батареи отправили по одному английскому офицеру из Королевской артиллерии «для надзора».²⁹⁵

Принадлежность орудий Королевскому флоту или непринадлежность ему — один из самых спорных вопросов сражения при Балаклаве, который по какой-то причине многие исследователи обходят вниманием, лишь констатируя факт. Несмотря на свою кажущуюся незначительность в дальнейшем он превращается в проблему и даже, в какой-то мере, повлиял на наиболее драматические события этого дня.

Известный английский военный историк Робинс считает, что все 9 орудий принадлежали не флоту, а относились к осадному поезду Королевской артиллерии.²⁹⁶ Но он, пожалуй, одинок в своем мнении. Другой не менее известный английский военный историк Флетчер считает, что именно HMS "Diamond" оснащал передовые укрепления вооружением.²⁹⁷ В пользу последнего говорит многое.

Действительно, этот корабль к октябрю 1854 г. оказался не только совершенно разоруженным, но и почти без экипажа. Это не было тайной. Лондонская "The Times" 13 октября писала, что на берег были отправлены орудия с верхних палуб HMS "London", "Queen", "Rodney" и др. кораблей, а также почти все орудия HMS "Diamond". С него сняли 20 из 27 или 28 орудий. Мало того — на берег сошел почти весь экипаж, а корабль по приказу Лайонса превращался в своеобразный плавающий пирс для приема раненых и последующей перегрузки их на транспорты.²⁹⁸

Те из команды, кто не был задействован на батарее, отправились на различного рода службы в самой Балаклаве: строительство Алмазной пристани, обслуживание госпиталей и т.д.²⁹⁹

Что касается столь оригинального названия балаклавской пристани, которое с легкой руки местного «специалиста по кладбищам» Крымской войны почему-то относят к свойствам местного грунта («...плотность мраморовидных пород круто-

²⁹² Библиография. Новые книги//Военный сборник. №9. СПб., 1904 г. С. 167.

²⁹³ Barrett. C.R.B. History of the XIII Hussars. William Blackwood and Sons. Edinburgh and London, 1911 (<http://www.pinetreeweb.com/13th-balaclava.htm>).

²⁹⁴ Тотлебен называет их крепостными (Описание обороны города Севастополя. Составлено под рук. генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С.236), но это ошибка. Все орудия были сняты с HMS "Diamond", в том числе и два Ланкастерских. Таким образом, из 28 орудий парохода на берегу оказалась ровно половина.

²⁹⁵ Mollo, John and Boris. Into the Valley of Death. The British Cavalry Division at Balaclava 1854. London. 1991. P. 20; Пассел....

²⁹⁶ Robins, Colin. Some common mistakes//The War Correspondent. Vol. 22. January 2005. P. 22.

²⁹⁷ Fletcher, Ian. Ishchenko, Natalia. The Crimean War. A Clash of Empires. Spellmount. 2004. P. 158.

²⁹⁸ Kinglake, Alexander. The Battle of Balaclava. Edinburgh and London. 1875. P. 30.

²⁹⁹ Lambert, Andrew. The Crimean War: British Grand Strategy (against Russia). 1853–56. Manchester University Press. 1990. P. 133.

го западного берега бухты англичане вполне могли сравнить с плотностью алмаза»³⁰⁰, все намного проще — ее строили матросы экипажа корабля HMS “Diamond”, то есть «Алмаз», откуда и пошло название. Сейчас гости Балаклавы, спешащие посетить подземное укрытие подводных лодок времен СССР, даже не задумываются, что это и есть та самая пристань, а вот кто руководил началом ее строительства, мы ниже скажем особо, думаю, это будет еще одна деталь, завлекающая туристов в Крым, Балаклаву и Севастополь.

Отправлять на передовые редуты 68-фунтовые орудия, отлично показавшие себя как в осаде, так и на море, было лишним, ибо готовились отражать атаки прежде всего сухопутных сил, а вот 12-фунтовые здесь оказывались, как говорится, в самый раз. Они уже показали свою эффективность в стрельбе по кавалерии, когда несколько дней назад турецкие солдаты отогнали ими русских казаков, попытавшихся приблизиться к Евпатории.³⁰¹

Кинглейк говорит, что орудия были отданы с кораблей Королевского флота по личному приказу Дандаса.³⁰² О морских, а не сухопутных на редутах орудиях говорил Кинглейк (переданы по распоряжению Дандаса)³⁰³ и говорит Суитман.³⁰⁴ Про них можно встретить упоминания и во французских источниках.³⁰⁵ О морских орудиях говорят и сами очевидцы событий, пусть даже такие оригинальные и совершенно «штатские», как мисс Дуберли.³⁰⁶

Решающим источником в пользу «морского» происхождения пушек, думаю, должны стать воспоминания командира британского флагмана HMS “Agamemnon”, который приводит точные цифры по артиллерии, переданной с кораблей Королевского флота на береговые батареи: шесть 68-фунтовых, пятьдесят 32-фунтовых, девять 24-фунтовых, девять 12-фунтовых орудий и шестьсот восемь 24-фунтовых ракет.³⁰⁷

Два 24-фунтовых и девять 12-фунтовых орудий³⁰⁸ с боекомплектом 150 выстрелов каждое были переданы «в аренду» туркам. В составе осадного парка Королевской ар-

Турецкие пехотинцы. 1854 г.

³⁰⁰ Иванов В. Б. Первая железная дорога в Севастополе (<http://ivb.com.ua/stat33.htm>).

³⁰¹ Eardley-Wilmot, Sydney Marow, Sir. Life of Vice-Admiral Edmund, lord Lyons. With an account of naval operations in the Black Sea and Sea of Azoff, 1854–56. London. 1898. P. 232–233.

³⁰² Kinglake, Alexander William. The Invasion of the Crimea. Vol. 5. London. 1868. P. 38.

³⁰³ Kinglake, Alexander. The Battle of Balaklava. Edinburgh and London. 1875. P. 36–37.

³⁰⁴ Sweetman, John. Balaklava 1854. Osprey. Campaign series. 6. 1990. P. 38.

³⁰⁵ La Bédollière, Émile de. Sébastopol : histoire de la guerre d'Orient / Émile de La Bédollière...; troisième série illustrée par Janet-Lange; avec carte de la Crimée et le plan de Sébastopol par A. H. Dufour. Paris. P. 76–80.

³⁰⁶ Francis Duberly. Mrs Duberly's War: Journal and Letters from the Crimea, 1854–1856. Oxford University Press. 2007. P. 334.

³⁰⁷ Eardley-Wilmot, Sydney Marow, Sir. Life of Vice-Admiral Edmund, lord Lyons. With an account of naval operations in the Black Sea and Sea of Azoff, 1854–56. London. 1898. P. 261–262.

³⁰⁸ Девять орудий насчитал Кинглейк (Kinglake, Alexander William. The Invasion of the Crimea. Vol. 5. London. 1868. P. 38–39).

тиллерии таких орудий не было. В двух 24-фунтовых орудиях и кроется разница в общем числе, часто встречающаяся у различных исследователей (9 или 11). Хотя, думаю, считать их с такой точностью не имеет смысла — никакого влияния на исход сражения они не оказали, тем более что сами англичане и некоторые другие иностранные исследователи с серьезными именами до сих пор с уверенностью не говорят, сколько точно их было. Марк Конрад, например, вообще называет 10, опираясь на информацию некоего капитана Рейли из штаба артиллерии.³⁰⁹

Турецкий гарнизон укрепления № 1 составлял (по Вуду) почти батальон, а еще пол-батальона занимали другие редуты.³¹⁰

Редут №2. Два 12-фунт. орудия.³¹¹

Редут №3 «Арабтабия». Три или два 12-фунт. орудия.³¹²

Редут №4. Три 24-и, одно 12-фунт. орудия.³¹³ Наличие двух 24-фунт. орудий на этом редуте подтверждают многие (например, Адкин)³¹⁴, говоря, что в нем были захвачены тяжелые орудия, гаубиц и проч. Действительно, положение этого укрепления делает наличие в нем 12-фунт. орудий бессмысленным. Эффективными могли быть только более тяжелые пушки, способные доставать по вероятным путям наступления противника.

Два других редута (№№5 и 6) часто не упоминают вообще. Это не ошибка. По своей инженерной готовности они не могли сравниться с первыми четырьмя, над которыми усердно несколько дней трудились английские и турецкие военные инженеры с привлеченными к фортификационным работам турецкими солдатами. Скорее это были лишь заготовки будущих укреплений, на которых не было вооружения и которые вряд ли могли сыграть хоть какую роль в сражении, да это от них и не требовалось.³¹⁵

Турецкие (английские) пушки могли вести огонь в радиусе 1200 м. Основным типом боеприпаса предполагалась шрапнель.³¹⁶

Не полагаясь на турок, Раглан приказал усилить редуты в случае нападения английской полевой артиллерии. При нападении русских сильная батарея W Королевской артиллерии (девять 9-фунтовых и два 2-фунтовых орудия, капитан Джордж Баркер) должна была занять позицию между редутами №№3 и 4 (у входа в Южную долину), а более слабая батарея Королевской конной артиллерии I (капитан Джордж Мод) — между редутами №№2 и 3.³¹⁷

Все укрепления при развитии позиции предполагалось связать между собой траншеей от батареи №4 у Балаклавы до циркумвальной линии, которая ко дню сражения еще не была готова и заканчивалась у церкви Св.Илии.

³⁰⁹ Conrad, Mark. *Menshikov on Balaklava...*//The War Correspondent. Vol.21. Numb.3. October, 2003. P. 45.

³¹⁰ Wood, Evelyn. *The Crimea in 1854, and 1894*. Chapman & Hall, Id., London. 1895. P. 104–106; Sweetman, John. *Balaclava 1854*. Osprey. Campaign series. 6. 1990. P. 29–39.

³¹¹ Robins, Colin. *Some common mistakes*//The War Correspondent. Vol. 22. January 2005. P. 22.

³¹² Robins, Colin. *Some common mistakes*//The War Correspondent. Vol. 22. January 2005. P. 22; Kinglake, Alexander William. *The Invasion of the Crimea*. Vol. 5. London. 1868. P. 36–38.

³¹³ Robins, Colin. *Some common mistakes*//The War Correspondent. Vol. 22. January 2005. P. 22.

³¹⁴ Adkin, Mark. *The Charge. The Real Reason Why Light Brigade was Lost*. Leo Cooper Books. London. 1996. P. 75.

³¹⁵ Robins, Colin. *Some common mistakes*//The War Correspondent. Vol. 22. January 2005. P. 22.

³¹⁶ Adkin, Mark. *The Charge. The Real Reason Why Light Brigade was Lost*. Leo Cooper Books. London. 1996. P. 74–75.

³¹⁷ Adkin, Mark. *The Charge. The Real Reason Why Light Brigade was Lost*. Leo Cooper Books. London. 1996. P. 74–75.

Между церковью и Кадыком располагалась английская батарея №7 (4 орудия). Еще три батареи непосредственно в Балаклаве (по Тотлебену, №№1, 2, 3) вооружения не имели.

Командовал турками Рустем-паша. Английский офицер штаба Стерлинг, помогавший в укреплении редутов, упомянул о нем лишь, что последний говорит по-немецки, облегчая общение.³¹⁸

Численность защитников оценивается разными авторами от 800 до 1500 чел.³¹⁹ В их число входило полтора (или два) батальона пехоты и примерно 200 артиллеристов из осадного парка.³²⁰

Вторую оборонительную линию образовывал «закрытый верк» с шотландским гарнизоном, за которым, как писал Хрущов, стояла английская кавалерия.³²¹ Русские оценивали его как «сильный».³²² Это очень условная характеристика, ибо на самом деле 93-й полк не предполагалось использовать «позиционно», да и кавалерия находилась не совсем там, куда ее ставит Хрущов.

Почти половину наличных сил англичан под Балаклавой составляла кавалерия, которой, за исключением небольших столкновений на Булганаке и Каче, еще не удавалось толком померяться силами с русскими «коллегами по оружию» и которую Раглан, изъявив намерение «хранить в шляпной коробке», не отпускал далеко от себя.³²³

В середине XIX века в Британии она традиционно делилась на Легкую и Тяжелую и насчитывала:

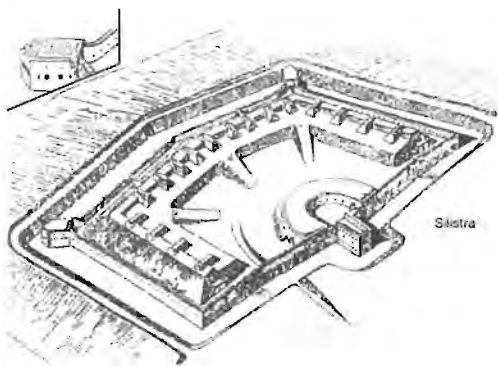
в Тяжелой: 7 гвардейских драгунских полков (с 1-го по 7-й), 3 драгунских полка (1-й, 2-й и 6-й);

в Легкой: 4 легких драгунских полка (3-й, 4-й, 13-й и 14-й), 5 гусарских полков (7-й, 8-й, 10-й, 11-й и 15-й) и 4 уланских полка (9-й, 12-й, 16-й и 17-й).³²⁴

Под Балаклавой 25 октября 1854 г. находились:

Кавалерийская дивизия. Командир дивизии генерал-лейтенант Лукан. Человек, в общем, серый. Если и был в его жизни звездный час, когда он, еще молодой капитан, был облакан самим Веллингтоном, то он закончился задолго до Крымской войны. Он больше аристократ, чем генерал. В свои 54 года привык больше побеждать в подковой борьбе, нежели на поле боя, потому должности соответствует мало.

Тяжелая кавалерийская бригада. Командир бригады генерал-майор Скарлет, лучшими качествами которого, как писал Кинглейк, были скромность и здравый

Меджидие-табия, один из фортов крепости Силистрия. Очевидно, по его подобию строились турецкие редуты у Балаклавы.

³¹⁸ Sterling. C. Letters from the Army in the Crimea written during the Years 1854, 1855 and 1856, by Staff-officer who was there. London. 1857. P. 108.

³¹⁹ Mawson M. The True Heroes of Balaklava, or "Ship! Johnny! Ship!". Kent; Bedford. 1996. P. 7.

³²⁰ Осада Севастополя 1854–1856 с подробным изложением действий артиллерии. Составлено капитаном прусской артиллерии Вейгельтом. СПб., 1863 г. С. 17.

³²¹ Хрущов А. П. История обороны Севастополя. СПб., 1888 г. С. 32.

³²² Попов Ф. Г. История 48-го пехотного Одесского полка. Том II. М., 1911 г. С. 62.

³²³ Russell, W. H. The British Expedition to the Crimea. London. 1858. (<http://archive.org/details/britishepediti00rusgoog>).

³²⁴ Mollo, John and Boris. Into the Valley of Death. The British Cavalry Division at Balaklava 1854. London. 1991. P. 8.

смысл.³²⁵ Его бригада находилась в постоянной готовности отразить ожидаемую атаку русских. В некоторые ночи весь личный состав приходилось держать под ружьем. 18 сентября бригада поменяла место лагеря.

1-й Королевский (1st Royal Dragoons) драгунский полк (подполковник Джон Йорк). Дислоцировался в Манчестере. Перед посадкой на корабли для отправки в Крым в Ливерпуле 30 мая 1854 г. насчитывал в эскадронах: 19 офицеров, 17 сержантов, 6 трубачей, 276 капралов и рядовых, 281 лошадь (не считая офицерских).³²⁶

На момент высадки в Крыму имел в строю в 4-х эскадронах примерно 240 сержантов, капралов и рядовых (в Варне на 10 июня 1854 г.: 42 сержанта и 277 капралов и рядовых).³²⁷ В связи с тем, что в полку оказалась нехватка лошадей, 75 недостающих получили из Легкой бригады.

Шотландские Серые (2nd Dragoons): (полковник Гриффит). Средняя численность личного состава ко времени высадки на побережье Крыма – 223 человека.³²⁸

6-й драгунский Иннискиллингский (6th (Inniskilling) Dragoons) полк (подполковник Генри Уайт). На момент отправки из гарнизона Йорка для отправки в Крым в Девенпорт 30 мая 1854 г. насчитывал в эскадронах: 20 офицеров, 22 сержантов, 4 трубачей, 273 капралов и рядовых, 250 лошадей (не считая офицерских).³²⁹

Полку крепко досталось от холеры в Болгарии и Турции. Кроме того, в результате пожара на транспорте было потеряно 75 строевых лошадей.³³⁰

4-й Королевский Ирландский гвардейский драгунский (4th Royal Irish Dragoon Guards) полк (подполковник Эдвард Ходж). На момент отправки из гарнизона Дундолка для погрузки в Крым в Кингстоне 3 июня 1854 г. насчитывал в эскадронах: 20 офицеров, 18 сержантов, 4 трубачей, 272 капралов и рядовых, 250 лошадей (не считая офицерских).³³¹

5-й Принцессы Шарлотты Уэльской драгунский (5th (Princess Charlotte of Wales's) Dragoon Guards) полк (капитан Адольфус Бартон). На момент отправки из гарнизона Корка для погрузки в Крым в Куинстауне 30 мая 1854 г. насчитывал в эскадронах: 19 офицеров, 18 сержантов, 4 трубачей, 272 капралов и рядовых, 295 лошадей (включая офицерских).³³²

По причине потерь от холеры в Болгарии и недостатка лошадей оба полка были сведены под единое командование, переданное командиру 4-го полка подполковнику Ходжу как старшему по званию и более опытному офицеру.

Легкая кавалерийская бригада

13 (25) октября 1854 г. по своей численности составляла лишь 42% от первоначального числа людей в строю.³³³ В ее состав входили гусарские (2), легкие драгунские (2) и уланский (1) полки. В середине XIX в. подобное деление было совершенно условным и означало, скорее, различие в униформе, чем в тактике. Командовал Легкой бригадой уже известный нам по предыдущим своим «чужаествам» генерал-майор

³²⁵ Kinglake, Alexander. The Battle of Balacava. Edinburgh and London. 1875. P. 24.

³²⁶ Mollo, John and Boris. Into the Valley of Death. The British Cavalry Division at Balacava 1854. London. 1991. P. 11.

³²⁷ Ainslie, De, General. Historical record of the First or the Royal Regiment of Dragoons containing an account of its formation in the reign of King Charles the Second, and of its subsequent services to the present time. 1887. London. P. 184–186.

³²⁸ Almack, Edward. The history of the Second dragoons : «Royal Scots Greys». London. 1908. P. 80–81

³²⁹ Mollo, John and Boris. Into the Valley of Death. The British Cavalry Division at Balacava 1854. London. 1991. P. 11.

³³⁰ The Inniskilling Dragoon – A brief history (<http://www.inniskillingmuseum.com/the-inniskilling-dragoons-a-brief-history>).

³³¹ Mollo, John and Boris. Into the Valley of Death. The British Cavalry Division at Balacava 1854. London. 1991. P. 11.

³³² Mollo, John and Boris. Into the Valley of Death. The British Cavalry Division at Balacava 1854. London. 1991. P. 11.

³³³ Adkin, Mark. The Charge. The Real Reason Why Light Brigade was Lost. Leo Cooper Books. London. 1996. P. 11.

лорд Кардиган, что делало самой подходящей для ее характеристики фразу, сказанную Наполеоном в прекрасном фильме «Ватерлоо» в отношении, правда, другой, но тоже английской кавалерии: «Лучшая в мире под худшим в мире командованием».

Объективно говоря, это был человек, лишенный элементарных военных дарований и не достойный командования даже эскадромом. Вся его служба — череда скандалов, интриг, служебных процессов. Ненавидимый большинством офицеров, он не командовал купленным им полком, не руководил его обучением. За него это делали деньги. Притом немалые — до 10 тыс. фунтов в год. Полк в основном занимался службой в метрополии и по элитности почти приблизился к гвардии.³³⁴

Считая личное материальное состояние первичным, а субординацию вторичной, если вообще не лишней, после прибытия в Балаклаву откровенно наплевал на все приказы своего родственника и заклятого врага, правда, при этом и прямого начальника Лукана. Отказался делить все тяготы войны с личным составом и с комфортом проживал на борту собственной комфортабельной яхты «Драйад», став, таким образом, первопроходцем в развитии Балаклавы как центра яхтенного туризма.

Трудно понять аристократические детали взаимоотношений начальника и подчиненного, совершенно неуместные на войне, но по каким-то одному ему ясным деталям командир дивизии не мог «привести в чувство» подчиненного ему командира бригады и предпочел жертвовать подчиненными солдатами и офицерами, но соблюсти нормы общения двух ненавидящих друг друга джентльменов.

Кавалерийские начальники Британской армии в Крыму были столь выдающимися личностями, что удивительно хотя бы уже то, что Легкая бригада сумела дожить до октября, а не была или истреблена, или просто не вымерла по какой-либо другой причине раньше. Удивительно, как эти люди вообще смогли доставить ее в Крым. Современные английские исследователи вообще говорят, что поставить этих двух господ в положение подчиненности — то же, что подчинить змею мангусту.³³⁵

Мы не будем их критиковать, дабы не приобрести славу англофобов. Предоставим это право самим англичанам, у которых некоторые офицеры уже совершенно не таясь заявляли, что «...генералы Кардиган и Лекэн, получившие прозвища Яхтсмен и Тиран, «заслужили ненависть всей армии». Особенно не любили Кардигана, кото-

Французские африканские конные егеря.
Рисунок 1847 г.

³³⁴ Thomas, Donald. Charge! Hurrah! Hurrah: A Life of Cardigan of Balaklava.: Routledge & Kegan Paul. London. 1974. P. 23–33.

³³⁵ Dixon, Norman. On Psychology of Military Incompetence. Vintage Digital; New Ed edition. 2011. P. 36–37.

рый с личного разрешения Раглана переселился жить на собственную яхту. Генерал был не вполне здоров, к тому же считал, что для него будет лучше держаться как можно дальше от Лекэна. Разделяя эту точку зрения, Раглан приказал двум полкам Легкой бригады расположиться лагерем отдельно от остальных частей кавалерии. Как ядовито заметил Пейджет, «теперь диспозиция кавалерии зависит от капризов двух избалованных дитятей». Царивший в кавалерии беспорядок не замедлил дать о себе знать. 7 октября кавалерийский пикет обнаружил крупные силы русских на правом фланге. Кавалерийская дивизия построилась для преследования противника. Однако генерал Осторожность (Лекэн), как всегда, оправдал свое прозвище. Кардиган же в это время находился на борту яхты. Узнав о происшествии, он вышел из себя — кричал, что ожидал достойного поведения по крайней мере от офицеров своего 11-го гусарского полка, те же повели себя, как «старые бабы». Но чего еще можно было ожидать от людей, которыми командует Лекэн, продолжал Кардиган, ведь это просто «трусливый осел». Проблемой было то, что Кардиган, в свою очередь, был «безрассудным ослом». Один из офицеров 4-го драгунского полка считал, что между двумя этими генералами очень мало разницы. О Кардигане он писал, что «у него мозгов в голове не больше, чем в моем ботинке. В интеллекте с ним может соперничать только его вечный противник Лекэн. Во всей Британской армии было бы трудно найти еще двух подобных тупиц».³³⁶

No comments.

В подчинении одного и второго бездарного начальника находились не самые плохие кавалерийские части.

4-й Королевы Легкий драгунский полк (4th (The Queen's Own) Regiment of (Light) Dragoons). Отправился в Крым из гарнизона Брайтона, погрузившись на транспорты в Плимуте 19 июля 1854 г.³³⁷ 25 октября имел 126 человек в строю. Командовавший им подполковник (бrevet-полковник) лорд Джордж Педжет был одним из самых способных офицеров бригады.

8-й Королевский Ирландский гусарский полк (8th (The King's Royal Irish) Regiment of (Light) Dragoons (Hussars)). На момент отправки из гарнизона Экзетера для погрузки в Крым в Плимуте 19 апреля 1854 г. насчитывал в эскадронах: 20 офицеров, 393 сержантов, трубачей, капралов и рядовых, 297 лошадей (включая офицерских).³³⁸

25 октября имел 115 человек в строю. Один из заслуженных полков английской кавалерии, но все его заслуги были добыты в боях с Наполеоном. 25 октября им командовал штатный командир подполковник Фредерик Шуэлл — чрезвычайно религиозный, моралист и сторонник точнейшего исполнения всех требований воинской дисциплины. За мелочность и постоянные нравоучения в полку заслужил прозвище Старая тетка ("Old Woman").

11-й Принца Альберта гусарский полк (11th (Prince Albert's Own) Regiment of (Light) Dragoons (Hussars)). На момент отправки из гарнизона Дублина для погрузки в Крым в Кингстоне 10 мая 1854 г. насчитывал в эскадронах: 20 офицеров, 295 сержантов, трубачей, капралов и рядовых, 250 лошадей (не считая офицерских).³³⁹

25 октября имел 142 человека в строю. Полк имел в строю не только штатного командира подполковника Джона Дугласа, но и своего «полковника» (шефа, а по сути —

³³⁶ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854—1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 150.

³³⁷ Mollo, John and Boris. Into the Valley of Death. The British Cavalry Division at Balacava 1854. London. 1991. P. 11.

³³⁸ Mollo, John and Boris. Into the Valley of Death. The British Cavalry Division at Balacava 1854. London. 1991. P. 11.

³³⁹ Mollo, John and Boris. Into the Valley of Death. The British Cavalry Division at Balacava 1854. London. 1991. P. 11.

собственника) генерала Кардигана, командира Легкой бригады. Как «шефский» полк был сборищем необычайно интересных персонажей, таких как лейтенант Данн, канадец, типичный искатель приключений. Но был там человек в звании рядового, общением с которым гордились многие офицеры всего английского контингента. Рядовой Вильям Пеннингтон, говоря современным языком, «звезда» лондонского бомонда, актер, которого в армию загнал не голод, как его сослуживцев-ирландцев, а очередной любовный скандал с соблазнением одной влиятельной дамы и последовавшим преследованием рогоносца-мужа. Естественно, такой солдат мог попасть только в 11-й полк к Кардигану.

Солдат 5-го Принцессы Шарлотты Уэльской драгунского (5th (Princess Charlotte of Wales's) Dragoon Guards) полка.

13-й Легкий драгунский полк (13th Regiment of (Light) Dragoons). Командир полка в день сражения капитан Олдхэм, ветеран полка, служивший в нем с 1847 г.

На момент отправки из гарнизона Брайтона для погрузки в Крым в Портсмуте 12 мая 1854 г. насчитывал в эскадронах: 20 офицеров, 16 сержантов, 4 трубачей, 272 капралов и рядовых, 298 лошадей (включая офицерских).³⁴⁰

25 октября имел 126 человек в строю. Штатный командир полка подполковник Дозэрти заболел и за несколько дней до сражения его на транспорте эвакуировали в Скотланд.

17-й уланский полк (17th Regiment of (Light) Dragoons (Lancers). На момент отправки из гарнизона Брайтона для погрузки в Крым в Портсмуте 25 апреля 1854 г. насчитывал в эскадронах: 20 офицеров, 18 сержантов, 5 трубачей, 271 капралов и рядовых, 297 лошадей (включая офицерских).³⁴¹

25 октября имел 147 человек в строю. Полк, еще не скрестив сабли с русскими, умудрился потерять двух своих лидеров. Командир полка подполковник Лоуренсон был травмирован, едва высадившись в Крыму, а сменивший его майор Виллетт умер от холеры где-то между Альмой и Балаклавой. 25 октября должность принял капитан Моррис, строгий и принципиальный офицер, выпускник Сандхеорста и друг капитана Нолана, адъютанта Раглана.

ПЕХОТА

Количество пехоты у Балаклавы было совершенно недопустимо малым, особенно в пропорции к сомнительно необходимой кавалерии. Правда, командование было столь же несравнимо лучшим.

93-й горский полк Сазерленда (93rd (Sutherland Highlanders) Regiment of Foot): В Балаклавском сражении им командовал штатный командир подполковник Уильям

³⁴⁰ Mollo, John and Boris. Into the Valley of Death. The British Cavalry Division at Balaklava 1854. London. 1991. P. 11.

³⁴¹ Mollo, John and Boris. Into the Valley of Death. The British Cavalry Division at Balaklava 1854. London. 1991. P. 11.

Генерал-лейтенант Каткарт. В сражении под Балаклавой 13 (25) октября 1854 г. командовал 4-й дивизией.

Эйнсли. В строю насчитывалось: по русским и французским данным (Тотлебен, Руссе), 650 чел.³⁴² Англичане приводят немного другие данные. «Исторический очерк 93-го...» уточняет, что полк был разделен на две части. Одной командовал сам Эйнсли, другая (8 офицеров, 16 сержантов, 2 воынышика, 304 рядовых) под командованием майора Гордона находилась в готовности, выполняя роль передового пикета.³⁴³

Королевский военно-морской флот — Морская бригада: 1100 чел.³⁴⁴

У Балаклавы находились 1-й и 2-й сводные батальоны Морской бригады³⁴⁵ (капитаны Хопкинс и Мехекс).

Вместе с Морской бригадой находилась рота инвалидов. Иногда ее воспринимают примерно так же, как массу аристократов в Легкой бригаде. То есть воображение рисует сотню убогих калек в старых потертых латаных мундирах и частично на костылях. На деле это не совсем так. Подобные формирования создавались с 1757 г. для усиления Королевской артиллерии из военнослужащих старших возрастов, но решивших продолжить службу на более выгодных, чем обычные солдаты, условиях. Как правило, это были опытные специалисты, предназначенные прежде всего для осадной артиллерии. В Крымской кампании участвовали сначала роты 13-го батальона, с апреля 1855 г. смененные 14-м батальоном.³⁴⁶ Несмотря на нумерацию, они были временными формированиями. В Крыму их сформировали 25 сентября 1854 г., собрав по 20–25 человек от разных полков.

25 октября в распоряжении Кемпбела набралось около 100 чел. из этого подразделения.³⁴⁷ Командовал ими и остальными разрозненными людьми из разных частей, по различным причинам находившихся в районе Балаклавы, майор (бrevet-подпол-

³⁴² Описание обороны города Севастополя. Составлено под рук. генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 236; Rousset, Camille. Histoire de la guerre de Crimée. Tome 1. Edition 2. Paris. 1878. P. 332.

³⁴³ Historical records of the 93rd Sutherland Highlanders now the 2d battalion, Princess Louise's Argyll and Sutherland Highlanders. Compiled and edited by Roderick Hamilton Burgoyne, late 93rd Highlanders. 1883. London. P. 110; Kinglake, Alexander William. The Invasion of the Crimea. Vol. 5. London. 1868. P. 30.

³⁴⁴ Описание обороны города Севастополя. Составлено под рук. генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 236.

³⁴⁵ McGuigan, Ron. Into Battle!: British Orders of Battle for the Crimean War 1854–1856. Withcut House, Bowdon. 2001. P. 21.

³⁴⁶ Carman W.Y. The Royal Artillery. Osprey Publishing. 1973. P. 25–26.

³⁴⁷ Sterling. C. Letters from the Army in the Crimea written during the Years 1854, 1855 and 1856, by Staff-officer who was there. London. 1856. P. 122; Calthorpe, Somerset John Gough. Letters from head-quarters; or, The realities of the war in the Crimea, by an officer of the staff. Vol. I. London. 1857. P. 301.

ковник³⁴⁸) Бартон Девени из 1-го Королевского полка.³⁴⁹ По приказу Раглана от 9 октября 1854 г. в его подчинение поступал Временный (сводный) батальон, сформированный из находившихся в Балаклаве разрозненных подразделений, в том числе 93-го полка и Королевского флота.³⁵⁰

Еще одно аналогичное подразделение у Балаклавы, которым командовал капитан Александер, входило в состав Королевской морской артиллерии.

Артиллерия

Подвижной артиллерией в распоряжении Кемпбела, способной быстро поддержать передовые позиции, были батареи W Королевской артиллерии (капитан Баркер),³⁵¹ временно переданной из 3-й дивизии, и I Королевской конной артиллерии (капитан Г.А.Мод)³⁵² от кавалерийской дивизии. Последнюю еще в Болгарии придали Легкой бригаде.³⁵³

Этого было мало, но предполагалось, что остальные артиллерийские подразделения, принадлежащие разным дивизиям, подойдут в ходе боя.

Похоже, Раглан надеялся лишь на видимость, создаваемую массой войск, особенно малопригодной в условиях позиционной войны кавалерией. С одной стороны, ему это удалось. По крайней мере кавалерийский лагерь русское командование упорно считало артиллерийским парком и во что бы то ни стало желало уничтожить, для чего и усилило назначенные силы кавалерией.

Ошибкой, ставшей в этот день роковой, стало поручение им защиты важнейших передовых укреплений самому худшему османскому контингенту.³⁵⁴ О его истинном боевом качестве мы еще скажем. Но и того «пушечного мяса», что было предназначено английским командующим к насаживанию на русские штыки, было явно мало. Вынесенные далеко за главную линию редуты, по мнению офицера штаба русского главнокомандующего подполковника Циммермана, требовали для защиты больше людей, чем имели.³⁵⁵

³⁴⁸ Приставка «бrevet» означает, что чин присвоен временно, в рамках какой-либо операции или задания. Brevet promotion – существующая в армиях США и Великобритании практика временного присвоения воинского звания, обычно без прибавки к жалованию. Существует специальный глагол-термин to brevet, например: He was brevetted major general («Он был временно повышен в звании до генерал-майора»). Такое повышение должно отражаться в офицерском звании.

³⁴⁹ Historical records of the 79th Queens Own Cameronian Highlanders. Captain A. Mackenzie, Lieutenant and adjutant J. S. Ewart and lieutenant C. Findlay, from the orderly room records. Debonport. 1887. P. 114; Historical records of the 93rd Sutherland Highlanders now the 2d battalion, Princess Louise's Argyll and Sutherland Highlanders. Compiled and edited by Roderick Hamilton Burgoyne, late 93rd Highlanders. 1883. London. P. 110.

³⁵⁰ General orders issued to the Army of the East from April 30, 1854 to December 31, 1855. London. 1856. P. 58.

³⁵¹ McGuigan, Ron. Into Battle!: British Orders of Battle for the Crimean War 1854–1856. Withycut House, Bowdon. 2001. P. 21.

³⁵² Kinglake, Alexander William. The Invasion of the Crimea. Vol. 5. London. 1868. P. 39.

³⁵³ Adkin, Mark. The Charge. The Real Reason Why Light Brigade was Lost. Leo Cooper Books. London. 1996. P. 51; Mollo, John and Boris. Into the Valley of Death. The British Cavalry Division at Balaklava 1854. London. 1991. P. 19.

³⁵⁴ Slade, Adolphus. Turkey and the Crimean war; a narrative of historical events. Smith, Elder and co. London. 1867. P. 327–328.

³⁵⁵ Циммерман А. Заметки о Крымской войне//Военный сборник. № 4. СПб., 1859 г. С. 405–406.

СИЛЫ СТОРОН: РУССКИЕ

Готовились к бою тщательно, стараясь не допустить просчетов недавней Альмы. Основную надежду возлагали на 12-ю пехотную дивизию с ее амбициозным, агрессивным и вполне самостоятельным командиром, заслуженно считавшимся одним из когорты наиболее талантливых командиров Российской императорской армии.³⁵⁶

О его личных качествах выше мы уже говорили. Что касается военных дарований, то Липранди из немногих, кто выработал единственно верный стиль руководства войсками в мирное время и на войне, предполагавший содействие инициативе младших командиров и поддержание должного уровня готовности в полках. При этом он обладал редким для того времени качеством не жертвовать напрасно солдатскими и офицерскими жизнями, предпочитая тщательное планирование до начала сражения пышным похоронам после него.

В обществе генералов Павел Петрович слыл весьма оригиналом: за все время своего 17-летнего командования различными полками Липранди не арестовал ни одного офицера и не подверг телесному наказанию ни одного нижнего чина. Союзные военные командиры считали его одним из наиболее ярких русских военачальников Крымской войны.³⁵⁷

Под его непосредственное командование поступали значительные силы, соединявшие пехоту, артиллерию, кавалерию и саперов.

Диспозицию генерал Липранди составил обстоятельно.³⁵⁸ Каждый полковой, батальонный и батарейный командир имел точнейшие задачи на весь период боя, притом даже в зависимости от той или иной ситуации его развития. В письменном виде ее получил каждый полковой и батарейный командир. Планировали действовать тремя отрядами, каждый под своим командованием, имевшими разные задачи, но согласованные цели, с выделением общего резерва и войсками, прикрывающими фланг.

Мы помним, в каком напряжении шло планирование операции, с какими интригами пришлось столкнуться Липранди при этом, и потому, думаю, читателю будет интересно прочесть документ полностью.

Диспозиция на 13-е число октября 1854 г. Бивак при с. Чоргунь.

Всем войскам в 5 часов утра быть в совершенной готовности к выступлению в бой.

Левая колонна под начальством генерал-майора Гриббе: 1-й, 2-й и 3-й батальоны Днепровского пехотного полка, с 6-ю орудиями легкой № 6-го батареи, выступает по ущелью, ведущему на Байдарскую долину, вытянувшись в лошину, поворачивает направо и идет дорогою, ведущей к с. Комары, которое и занимает.

Сотня казаков, при колонне находящаяся, быв вначале в голове, по выходе на высоты оставляет человек 50 при колонне; остальные бросаются быстро к монастырю Иоанна Постного и там занимают дорогу, идущую в Балаклаву, послав разъезды по оной далее.

Два дивизиона Сводного уланского полка находятся при сей колонне и, следуя вначале в хвосте, впоследствии действуют по усмотрению генерал-майора Гриббе.

Средняя колонна, имеющая назначение овладеть высотой, где расположен лагерь неприятеля, составляется из двух отделений:

³⁵⁶ Дубровин Н. Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя. Том II. СПб., 1900 г. С. 115.

³⁵⁷ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 153.

³⁵⁸ Хрущов А. П. История обороны Севастополя. СПб., 1888 г. С. 32.

Первое отделение — из первых трех батальонов Азовского пехотного полка, с 6-ю орудиями легкой №6-го батареи.

Второе отделение — 4-й батальон Днепровского пехотного полка и 4-й же Азовского, с 4-мя орудиями батарейной №4-го батареи.

Оба отделения подчиняются командиру 1-й бригады, генерал-майору Семякин, и действуют по его указанию.

Правая колонна, под командою командира Одесского егерского полка полковника Скюдери — из четырех батальонов Одесского егерского полка, с 8-ю орудиями легкой №7-го батареи.

Назначение этой колонны — овладеть редутом, ближайшим к высоте.

При сей колонне, на правом фланге, будет три сотни казаков №53-го полка, из которых одна сотня немедленно, с переходом войск через мост, занимает высоту направо.

Резерв, под начальством командира 2-й бригады генерал-майора Левуцкого, состоит из Украинского егерского полка, с четырьмя орудиями батарейной №4-го батареи.

Один батальон сего полка, с легкой №8-го батареею, остаются на позиции при с. Чоргунь.

Когда выйдут на высоты, за мостом влево батарейная батарея становится на выгодную позицию и прикрывается по флангам двумя батальонами этого полка, построенными в ротные колонны в две линии. При 3-м батальоне сего полка четыре орудия легкой №7-го батареи.

Особые части действуют по моим приказаниям:

4-й стрелковый батальон отделяет в каждую из трех колонн по одной роте; 4-я рота остается при резерве. При ротах этих действуют и штуцерники от полков.

Два полка 6-й кавалерийской дивизии и Уральский казачий №1-го полк, выйдя из ущелья, идущего к Черной речке, и перейдя через мост, строятся в колонны к атаке на равнине и действуют по моему приказанию.

Кавалерия с конной батареей состоит под начальством генерал-лейтенанта Рыжова.

При войсках должны находиться: в пехоте по одному патронному ящику на батальон, которые останавливаются сзади резерва, вместе с артиллерийскими вторыми и третьими зарядными ящиками и запасными лафетами.

Весь прочий обоз остается за с. Чоргунь, на месте, где ныне находится легкий вагенбург, которому иметь лошадей запряженными.

Император Николай I в мундире Лейб-гвардии конного полка. Портрет работы В. Сверчкова. 1856 г. Музей Гвардии, Эрмитаж, Санкт-Петербург.

При каждом батальоне иметь определенное число носилок с назначенными для отнеса раненых людьми под командою благонадежных унтер-офицеров и от полка офицера.

Перевязочных пунктов первоначально назначается два: для левой колонны у моста через ручей, текущий из Байдарской долины; для средней и правой — у моста через канал Черной речки.

На этих пунктах от частей, колонны составляющих, должны быть все телеги, медики, фельдшера, цирюльники и, для помощи, музыканты.

Смотря на удаление действия войск, перевязочные пункты продвигаются ближе.

Всех раненых, по подании первой помощи, отправлять в с. Чоргунь, где дивизионному доктору распорядиться временно разместить доставленных людей, и для сего отрядить от всех войск одного или двух медиков, с приличным числом фельдшеров, а рабочими снабдить командира остающегося в селении Украинского батальона.

Общее приказание.

Войскам действовать: первой линии в ротных колоннах, имея штуцерников рассыпанными впереди; ротным же колоннам второй линии быть не ближе 100 шагов; третьей линии иметь колонны к атаке и быть от второй не ближе 200 шагов.

Из фронта строго воспретить кому-либо выходить для отвода раненых, кроме команд, для сего назначенных; пехоте убирать раненых всех частей без разбора.

Обращаю внимание гг. частных начальников, что при подобных предприятиях штык есть главное оружие к достижению верного и скорого успеха.³⁵⁹

Таким образом, единственная главная задача, действительно указанная главнокомандующим и отраженная в диспозиции, заключалась в атаке высот у деревни Кадыкой,³⁶⁰ где располагался укрепленный неприятельский лагерь, прикрывающий дорогу из Севастополя на Балаклаву.³⁶¹ «...желая воспользоваться прибытием свежих войск и положить основание дальнейшим наступательным действиям в обширном размере, князь Меншиков решился провести наступление на тыл неприятельской армии со стороны Чоргуна, по направлению к Балаклаве».³⁶²

После ее выполнения все дальнейшее теряло смысл и сражение можно было считать успешно завершенным. Даже удержание за собой отдельных укреплений не считалось необходимым. Фронтальная атака на редут № 3, даже в случае успеха и его занятия, не имела бы продолжения, ибо «...если бы наши войска и заняли это укрепление, то не могли бы там держаться, подвергаясь перекрестному огню с командующего местностью редута № 1 и выстрелам с редута № 4; вести же единовременно атаку и на последнее укрепление мы не могли, не открывая своего правого фланга французским батареям генерала Боске, расположенным на горе Сапун».³⁶³

У Липранди было мало времени, и не подлежит сомнению, что в основание его плана легла разработанная им же несколько дней назад идея, которую пришлось

³⁵⁹ Журнал генерал-лейтенанта Липранди о событиях в Крыму со дня прибытия туда его дивизии и до конца Инкерманского сражения//Военный сборник. №5. СПб., 1902 г. С. 218–219.

³⁶⁰ Попов Ф. Г. История 48-го пехотного Одесского полка. Том II. М., 1911 г. С. 62.

³⁶¹ Донесение генерал-адъютанта князя Меншикова о наступательном действии отряда генерал-лейтенанта Липранди против лагеря союзников, перекрывающих дорогу из Севастополя в Балаклаву//Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. Под ред. Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 20.

³⁶² Описание обороны города Севастополя. Составлено под рук. генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 235.

³⁶³ Ушаков Н. Описание атаки русских войск на Кадыкойские высоты 13-го (25-го) октября 1854 года//Материалы по истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина, Вып. IV. СПб., 1872 г. С. 38–39.

скоординировать, исходя из отличного от планируемого им числа задействованных войск.

Довели ее до бригадных, полковых и батарейных командиров вечером 12 (24) октября перед наступлением темноты на совете близ Чоргуна. Ближе к полуночи командиры собрали офицеров, те, в свою очередь, разъяснили задачу грядущего дня солдатам.³⁶⁴ Кстати, обратим внимание, насколько разнится начало операции от недавних событий на Альме, где еще за несколько дней до сражения никто не знал, что будет и что ему делать, а когда дело дошло до стрельбы, вел бой по своему усмотрению, своей воле и на свой страх и риск.

Балаклавский бой в его основной стадии был управляемым, а потому невероятно скучным. Альминское сражение при полном отсутствии централизованного управления, рухнувшего спустя час после начала, было «частным делом» нескольких дивизионных, а в большинстве случаев полковых и даже батальонных командиров и потому чрезвычайно интересным. Представляю, какой шок вызвала эта фраза у большинства читателей, для которых Балаклава — это прежде всего атака Легкой бригады, но рискну их разочаровать.

В военном деле все, что хорошо управляется и проходит успешно — скучно. Нас чаще побуждают к изучению, спорам и дискуссиям героические неудачи, чем естественные, рационально спланированные и организованно проведенные победы.

Мы не любим профессионалов, а приходим в восторг от дилетантов. И в этом смысле Балаклава едва ли не эталон. Первая часть сражения, то есть само выполнение задачи (об этом немного дальше) занимает несколько строк в повествованиях о нем, а апофеоз дилетантизма (то есть действия кавалерии, о которых речь тоже еще впереди) порождают восторг, невероятные эмоции и фантастические мифы. Вот ровно это и случилось с Балаклавским сражением.

Интрига началась с того, что утонченный интеллектual Меншиков счел ниже достоинства делиться планами с теми, кого считал недостойными или, что, пожалуй, важнее, неспособными понять его (пусть и неплохой) план дальнейших действий. К счастью, не менее утонченный, дружащий с лучшими представителями российской интеллигенции Липранди позаботился, чтобы в свете завещания великого Суворова не только генералы и офицеры, но и каждый солдат «знал свой маневр».

Исполнение главной задачи возлагалась на отряд, который возглавлял генерал-майор Константин Романович Семякин, «...человек большого ума, обладавший не-

Генерал-адъютант, князь А. С. Меншиков. Главнокомандующий Российской армией в Крыму. Портрет неизвестного художника. Сер. XIX в.

³⁶⁴ Арбузов Е. Воспоминания о кампании на Крымском полуострове в 1854 и 1855 годах // Военный сборник. № 4. СПб, 1874 г. С. 397.

Генерал-адъютант Э. И. Тотлебен. В 1854 г. — подполковник. Создатель инженерной обороны Севастополя.

дюжинными способностями и сильным духом, он с первых же шагов своего служебного поприща выделяется из массы. и всякого рода деятельность, исполненная им, является в высшей степени плодотворною.

Ярче всего обрисовывается его сильная фигура во время славного севастопольского сидения. Среди всех ужасов осады, ежеминутно рискуя жизнью, в зависимости от всякого рода случайностей, он является одним из самых надежных и мужественных оборонителей города. Одного присутствия его было достаточно, чтобы влить спокойствие и презрение к опасности в окружающих, и, глядя на него, солдат знал, что Семякин не выдаст, и благодаря этому совершал чудеса храбрости».³⁶⁵

О нем мы говорили не раз. Генерал, несомненно, опытный, неоднократно награжденный, выполнявший не раз сложнейшие поручения. из которых более всего удавались операции маневренные, авангардные, в отрыве от главных сил (как, например. в Польше и Венгрии).

Во время похода 1848–1849 гг. на подавление Венгерского мятежа союзных русским австрийцев не раз удивляли действия возглавляемого им Брянского пехотного полка, который Семякин, не раздумывая, бросал в штыковые атаки, появляясь именно там, где решалась судьба сражения. В сражении у дер. Перед полк дважды выручал союзников из опасного положения.

Заслуги Семякина были оценены, и за это сражение он был произведен в генерал-майоры, а австрийский император пожаловал ему командорский знак ордена св. Леопольда 2-й степени. За отличие при осаде крепости Коморн был награжден орденом Св.Станислава 1-й ст.

Притом в военной биографии генерала множество странностей, «белых пятен, труднообъяснимых событий, в том числе уходы или увольнения со службы и возвращение на нее, быстрые смены равных должностей и недолгие пребывания в подчинении у больших начальников. Скорее всего, подобное свидетельствует о сложном характере, независимости и постоянном стремлении отличиться, пусть даже любой ценой. Такие люди как никто лучше подходят для выполнения главных задач, особенно если это потребует определенной инициативы и импровизации. Участник обороны Севастополя Андрианов недаром поставил его в число наиболее выдающихся «главарей» Крымской войны».³⁶⁶

³⁶⁵ <http://ru.wikipedia.org>

³⁶⁶ Андрианов И. Инкерманский бой и оборона Севастополя (наброски участника) (статья вторая)//Военный сборник. №3. СПб., 1903 г. С. 10.

Под его командование поступала **средняя (главная) колонна**:

Первый эшелон: 4 батальона Азовского пехотного полка, 1 батальон Днепровского пехотного полка, рота 4-го стрелкового батальона, батарейная №4 батарея (4 орудия) и легкая №6 батарея (6 орудий) 12-й артиллерийской бригады. Самые опытные части отряда, с боевым опытом и богатыми традициями. Неудивительно, что командование над ними принял сам Семякин.

Второй эшелон (генерал-майор Федор Григорьевич Левуцкий, командир 2-й бригады 12-й пехотной дивизии): 3 батальона Украинского егерского полка (командир — полковник Димитрий Степанович Лишень), батарейная № 4 батарея (4 орудия) и легкая №7 батарея (4 орудия) 12-й артиллерийской бригады.

Задача Семякина была в движении по дороге из Чоргуна на Кадыкой с последующим занятием неприятельского лагеря.³⁶⁷ Для обеспечения фланга ему требовалось выделить силы, которыми занять монастырь Св. Ионы.³⁶⁸

Колонна не имела кавалерии, но включала в себя почти половину дивизии, усиленной артиллерией, являясь, по сути, тараном, который должен был пробить брешь в неприятельской оборонительной линии и к которой потом подтягивались остальные части.

Левая колонна (генерал-майор Николай Карлович Гриббе):

3 батальона Днепровского пехотного полка, 1 рота 4-го стрелкового батальона, батарейная №4 батарея (4 орудия), легкая №6 батарея (6 орудий) 12-й артиллерийской бригады, 4 эскадрона Сводного уланского полка, одной сотни Донского №53 казачьего полка.³⁶⁹

Остановимся немного на личности командира. Николай Карлович чем-то похож на своего напарника — генерала Семякина. Они почти ровесники (Семякин 1802 года рождения, Гриббе — 1800-го). Оба дворяне, но Семякин из благодатной Киевской губернии, Гриббе — из сибирской глуши. У них схожее движение по служебной лестнице. почти одни награды, среди которых выслужной орден Св. Георгия 4-й ст.

Но при этом путь Гриббе к генеральским эполетам сложнее. Выходец из Иркутска, имевший имение с целыми тремя (!) крепостными «душами», он делал карьеру трудно. Помогла, в том числе, женитьба на княгине Мещерской, имевшей 300 крепостных душ в двух имениях и дом в Москве.

Но к 1854 г. он лишь командир Днепровского пехотного полка, на который поставлен в марте 1853 г. вместо генерал-майора Марковского, отправленного «в отпуск по болезни». Среди офицеров был известен как «непонятый полком и потому не любимый ни офицерами, ни солдатами: его природную грубость в разговоре считали невежеством».³⁷⁰

Гриббе должен был двинуться по ущелью в Байдарскую долину, занять деревню Комары. Казаки выходили на высоту у монастыря Св. Ионы Постного и перекрывали ее разьездами.

Эти войска обеспечивали безопасность левого фланга Липранди, одновременно создавая угрозу глубокого охвата позиций союзников, постоянно создавая им угрозу.

³⁶⁷ Описание обороны города Севастополя. Составлено под рук. генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 238–239.

³⁶⁸ Ушаков Н. Описание атаки русских войск на Кадыкойские высоты 13-го (25-го) октября 1854 года//Материалы по истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. IV. СПб., 1872 г. С. 38–39.

³⁶⁹ Описание обороны города Севастополя. Составлено под рук. генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 238.

³⁷⁰ Степанов М. Севастопольские записки 1854, 1855 и 1856 годов//Военный сборник. №4. СПб., 1905 г. С. 53.

Одновременный выход к монастырю войск из обеих отрядов не ошибка — этим обеспечивалась их «локтевая» связь.

Кроме того, Липранди должен был разделить силы еще по одной немаловажной причине. Генералы, при кажущейся схожести, не переносят друг друга. Понятно, что Павел Петрович, ставя им задачу, указал каждому, что именно от него зависит успех дня и всего сражения. Таким образом, можно было быть спокойным, что оба, стремясь быть лучшими, сосредоточатся исключительно на своей роли и не будут мешать друг другу.

Правая колонна (полковник Александр Петрович Скудери, командир Одесского егерского полка):

4 батальона Одесского егерского полка, 1 рота 4-го стрелкового батальона, легкая №7 батарея 12-й артиллерийской бригады (8 орудий) и 3 сотни Донского №53 казачьего полка.

Скудери должен был перейти Черную и двинуться для взятия редута №3.³⁷¹

Как правило, когда говорят о действиях этого отряда, их определяют как второстепенные: взаимодействие с основными силами (отрядом Семякина) и его поддержка. На самом деле Липранди приказал Скудери как можно энергичнее, но одновременно не спеша вести действия против редута №3, чтобы создать у союзников впечатление, что именно здесь проходит ось направления главного удара.³⁷²

Что важно — все действия трех основных колонн согласовывались по задачам. Отчетливо видна «классика военного жанра» всех времен: давление на фронт, обход и охват, пусть даже демонстративный.

Общий резерв:

Батальон Украинского егерского полка, 1 рота стрелкового батальона и легкая №8 артиллерийская батарея.³⁷³

Помимо этих подразделений, диспозиция предписывала находиться в резерве конной №12 батарее. Тотлебен в таблицах распределения сил по отрядам ее даже не упоминает, хотя в ходе боя показывает ее действия.³⁷⁴

Кожухов утверждает, что, ознакомившись с диспозицией, полученной от командира батареи, обнаружил, что «...наша батарея ни в один из этих отрядов не попала; она как только пришедшая из похода назначена была с батальоном Украинского полка прикрывать вагенбург и защищать Чоргунское ущелье».³⁷⁵

Относительно небольшой резерв позволяет предположить, что не планировалось нечто масштабное, а ставилась ограниченная по времени и целям задача.

Кавалерия (генерал-лейтенант И.И.Рыжов):

2-я бригада 6-й Легкой кавалерийской дивизии (генерал-майор Иван Альбертович Халецкий) в составе:

11-й гусарский Его Императорского Высочества Князя Николая Максимилиановича (Киевский) полк (штатный командир — генерал-майор Величко в кампании

³⁷¹ Описание обороны города Севастополя. Составлено под рук. генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 239.

³⁷² Ушаков Н. Описание атаки русских войск на Кадыкийские высоты 13-го (25-го) октября 1854 года/Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. Под ред. Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 33.

³⁷³ Попов Ф. Г. История 48-го пехотного Одесского полка. Том II. М., 1911 г. С. 61–62; Описание обороны города Севастополя. Составлено под рук. генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 240.

³⁷⁴ Описание обороны города Севастополя. Составлено под рук. генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 240–245.

³⁷⁵ Кожухов С. Из крымских воспоминаний о последней войне//Дубровин Н. Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Выпуск IV. СПб., 1872 г. С. 66.

не участвовал и полком в Крыму командовал И.А. Халецкий).³⁷⁶

12-й гусарский Гросс-Герцога Саксен-Веймарского (Ингерманландский) полк³⁷⁷ (полковник Бутович).³⁷⁸

Очень трудно оценивать боевое качество русской кавалерии вообще. Тем более в сложнейший военно-технический период середины XIX в., когда не было ясно, какие из тех боевых умений, которые оказывались наиболее ценными в эпоху наполеоновских войн, могли быть столь же успешными теперь. Без сомнения, это были не самые худшие из кавалерийских частей Российской армии, прибывшие в Крым из благодатных районов Харьковской губернии, где дислоцировались до января 1854 г.³⁷⁹ Вышедший 2 января из Балаклеи, Ингерманландский полк до 31 августа «...спокойно ожидал дальнейших приказаний, переходя по временам из одного места полуострова в другое».³⁸⁰

Генерал-майор И.П. Жабокрицкий. В сражении при Балаклаве командовал войсками правого фланга.

Для своего времени они имели вполне типичную подготовку, которая, может быть, вполне соответствовала началу столетия, но безнадежно устарела к началу Крымской войны.

В строю было много офицеров, прибывших в полки с началом кампании, не знавших ни нижних чинов, ни даже офицеров. Пример — полковник Василий Павлович Кутузов, ушедший давно в отставку по возрасту из Преображенского полка. С началом войны он вернулся на службу, был направлен тем же чином (полковником) в Киевский гусарский полк и впоследствии стал его командиром.³⁸¹

Сводный уланский полк (полковник Василий Иванович Еропкин). Был сформирован «по недостатку кавалерии» из резервных частей 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й и 6-й легких кавалерийских дивизий. По качеству полк далеко не самый лучший, «...большинство эскадронов состояло из рекрутов годового срока службы».³⁸²

Резервная кавалерия — это временное образование, боевая ценность которогократно ниже, чем у обычных армейских частей. Ее основная задача состояла в попол-

³⁷⁶ Арбузов Е. Воспоминания о кампании на Крымском полуострове в 1854 и 1855 годах//Военный сборник. №4. СПб., 1874 г. С. 391.

³⁷⁷ Дивизионами командовали: полковники Шаристанов (1-й), Декинлейн (2-й), фон Фохт (3-й), майор Полозов (4-й). Эскадронами: капитан Матвеевский (лейб-эскадрон), майор Марков (2-й), капитан Марин (3-й), штабс-капитан Алещенко (4-й), капитан Саковнин (5-й), капитан Аристов (6-й), капитан Зейбах (7-й), капитан Хитрово (8-й).

³⁷⁸ Генерал Бутович по причине болезни в сражении не участвовал.

³⁷⁹ Геништа В. И., Борисевич И. В. История 3-го драгунского Ингерманландского полка 1709–1904 гг. Ч. 2. СПб., 1904–1906 гг. С. 129.

³⁸⁰ Арбузов Е. Воспоминания о кампании на Крымском полуострове в 1854 и 1855 годах//Военный сборник. №4. СПб., 1874 г. С. 389.

³⁸¹ Записки Владимира Ивановича Дена//Русская старина. Том 66. СПб., 1890 г. С. 309.

³⁸² Корибут-Кубитович. Воспоминания о Балаклавском деле 13-го октября 1854 г.//Дубровин Н. Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Выпуск IV. СПб., 1872 г. С. 41.

Генерал-лейтенант П. П. Липранди. Начальник 12-й пехотной дивизии.

нении убыли в полках, к которым относились их резервные составляющие, носившие в том числе полковую униформу.

Донской № 53 казачий полк (полковник Александров);

Уральский № 1 казачий полк (подполковник Павел Борисович Хорошихин).³⁸³

Казачьи полки были укомплектованы опытными людьми и по качеству, пожалуй, даже превосходили армейскую кавалерию.

Современный исследователь истории кавалерии Российской императорской армии А.Сакович приводит данные, основываясь на воспоминаниях Г.А.Бако, что в составе сводной кавалерийской группы в Балаклавском сражении принимала участие и льготная часть **Лейб-гвардии Крымско-татарского полуэскадрона**, но сегодня ни подтвердить это, ни опровергнуть не представляется возможным.³⁸⁴ Единственным источником остается упоминание Рыжова о

переходе полуэскадрона («сотня резерва гвардейских крымских татар») в его подчинение.³⁸⁵

До 11 октября кавалерия (кроме Донского полка) находилась на биваках на Каче, неподалеку от Бахчисарая, но в этот день Рыжов получил приказ Меншикова передвинуть все, находившиеся в его распоряжении силы, включая артиллерию, прибыть «...к девяти часам вечера на Мекензиеву гору и оттуда с одним егерским полком и четырьмя стрелковыми батальонами, спустившись с Мекензиевой горы, со всеми военными предосторожностями направиться прямым путем в с. Чоргунь для присоединения к отряду генерала Липранди, под начальство которого я поступал».³⁸⁶

Задачу кавалерии Чоргунского отряда ставил лично Липранди. Приказ, как и всем войскам, отличался детальностью, точностью и последовательностью, то есть именно тем, что должно отличать грамотного командира от бездарных вождей. Обратим внимание, что Липранди втолковывал Рыжову не просто диспозицию, которая, как известно, только документ, указывающий командиру его и общую боевую задачу. А вот как ее выполнять — каждый должен был решать сам. Липранди, понимая, что уровень инициативности и творческого подхода у нижестоящих командиров не сильно отличается от аналогичного уровня начальников, над ним вышестоящих, подстраховался.

Судя по воспоминаниям самого Рыжова, ему все втолковали подробно: «...все его распоряжения до самых мелочей были самые благоразумные и самые дельные; каж-

³⁸³ Описание обороны города Севастополя. Составлено под рук. генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 366.

³⁸⁴ Сакович А. Лейб-гвардии Крымско-татарский полуэскадрон. 1827—1864//Цейтгауз. № 48. М., 2012 г. С. 88.

³⁸⁵ О сражении под Балаклавой. Записка генерал-лейтенанта Ив. Ив. Рыжова//Русский вестник. Том 86. СПб., 1870 г. С. 463.

³⁸⁶ О сражении под Балаклавой. Записка генерал-лейтенанта Ив. Ив. Рыжова//Русский вестник. Том 86. СПб., 1870 г. С. 463—464.

дому начальнику части были переданы меры на всякий могший произойти случай ясно, основательно и подробно».³⁸⁷

По его словам, единственной задачей бригады было «...по занятии последнего редута нашею пехотой немедленно и даже с самого места в карьер броситься на английскую кавалерию, занимавшую укрепленную позицию вблизи с. Кадыкиной и город Балаклаву».³⁸⁸

Рыжов откровенно врет. Сами участники сражения говорят, что генерал слишком уж вольно трактует приказ Липранди, в котором, как и для пехоты, для кавалерии ни о каком занятии Балаклавой речи не шло. Тем более куда-то и на кого-то бросаться не требовалось совершенно, ибо после занятия редутов английская кавалерия ничего исправить не могла и все, что было нужно гусарам, так это разрушить имевшиеся в британском лагере постройки, коновязи и проч., что могло доставить противнику если не проблемы, то хотя бы досаду.

Могу лишь предположить, что когда Липранди довел пехотным и артиллерийским командирам диспозицию с точно обозначенными задачами, Рыжов задал вопрос: «А что мне тут делать?». Липранди обозначил ему простую и понятную работу, о которой выше было сказано: выйти между взятыми к тому времени редутами, атаковать ближайшую цель (обозначенную как вагенбург) и отойти.

Это очень похоже на правду, так как когда полковник Попов еще в штабе Меншикова спросил о намерении атаковать Балаклаву самого Липранди, тот категорически ответил: «Нет, на это у меня нет достаточных сил».³⁸⁹

Еще одно подтверждение этому можно без особого труда обнаружить у Ушакова: «...начальник отряда приказал гусарской бригаде генерала Рыжова и Уральскому полку с конно-легкою № 12-го батареєю, перейдя через перевал между редутами № 3 и № 4, спуститься в долину и атаковать расположенный у с. Кадыкиной английский вагенбург».³⁹⁰

И никаких Балаклав....

Таким образом, кавалерии предписывалась важная, но совершенно второстепенная задача — взять на себя функции прикрытия захваченных редутов. Единственная порученная ей активность выражалась в том, что регулярно делала пехота в вылазках под Севастополем: в порче неприятельского имущества, уничтожении произведенных работ и предании огню найденных запасов. Что и подтверждает Арбузов в своих воспоминаниях: «...по диспозиции предполагалось взять у турок четыре редута, устроенные на Балаклавских высотах, и вытеснить их из деревни Комары; потом направить Киевский и Ингерманландский гусарские полки, через взятые уже Балаклавские высоты, на неприятельский артиллерийский парк, стоявший правее Кадыкиной. Гусары, приведя в негодность парковые повозки, должны были отступить; после чего артиллерийским огнём предполагалось произвести взрыв в парке, отвести который неприятель был бы уже лишен возможности».³⁹¹

³⁸⁷ О сражении под Балаклавой. Записка генерал-лейтенанта Ив. Ив. Рыжова//Русский вестник. Том 86. СПб., 1870 г. С. 464.

³⁸⁸ О сражении под Балаклавой. Записка генерал-лейтенанта Ив. Ив. Рыжова//Русский вестник. Том 86. СПб., 1870 г. С. 464.

³⁸⁹ Записки Александра Ефимовича Попова о пребывании его в Крымской армии с 1-го октября по 1-е декабря 1854 г.//Русская старина. Том 24. СПб., 1879 г. С. 315–316.

³⁹⁰ Описание атаки русских войск на Кадыкиинские высоты 13 (25) октября 1854 г. поручика Н. Ушакова//Н. Ф. Дубровин. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Выпуск IV. СПб., 1872 г. С. 30–40.

³⁹¹ Арбузов Е. Ф. Воспоминания о кампании на Крымском полуострове в 1854 и 1855 годах//Военный сборник. № 4. СПб., 1874 г. С. 397–398.

Арбузов все правильно прокомментировал. Но только как рядовой гусар. Это настораживает, ибо будучи командиром взвода, он обязан был знать задачу точно. Но как только доходит до этого, brave гусар начинает заикаться: «...как было слышно, 13-го октября по диспозиции предполагалось взять у турок...», ну и так далее, что уже говорилось выше. Это, увы, не боевой приказ и даже не задача, это предложение на уровне «а не пойдём-ка мы слегка турок поколотим, а попутно барахлишко пограбим и пожжём что унести не сможем».

Что-то похожее у Толстого в «Войне и мире» есть, когда командир гусарского полка вместо того, чтобы для поджога моста отправить взвод гусар, бросает туда весь полк, неся бессмысленные потери, но зато заметно и эффектно. Так и здесь: если предполагалось предать «вагенбург» огню с помощью артиллерии, зачем туда еще кавалерию бросать?

Только для того, чтобы гусары действительно смогли найти в английских палатках свои ментики, потерянные ими в уведенном английской кавалерией обозе, прежде чем эти самые палатки артиллерия превратит в прах?

Прикрытие правого фланга (генерал-майор Осип (Иосиф) Петрович Жабокрицкий):

Чтобы безнаказанно разгромить беспечных британцев, требовалось обезопасить наступающих от неприятности в виде атаки французов со стороны Сапун-горы в открытый фланг русских войск.

Для этого назначались 3 батальона Владимирского пехотного полка (1724 чел.), 4 батальона Суздальского пехотного полка (2658 чел.), 2 роты вполне обстрелянного 6-го стрелкового батальона (289 чел.), сотня Черноморского пешего батальона, 2 эскадрона Гусарского гротс-герцога Саксен-Веймарского полка (200 чел.), 2 сотни Донского №60 казачьего полка (200 чел.), батарея №1 батарея (10 орудий)³⁹² 16-й артиллерийской бригады, Легкая №2 батарея 16-й артиллерийской бригады.³⁹³

Командовавший отрядом генерал Жабокрицкий имел задачу скрытно следовать по ущелью между Федюхиными горами правее Слюдери, обеспечивая безопасность фланга основных сил.³⁹⁴

Генерал был человеком немолодым, прошедшим через многое, но не отличавшимся инициативой и потому годившимся исключительно для выполнения второстепенных задач с минимальным маневрированием, не требовавших быстрых и радикальных решений.

Медицинское обеспечение. Для приема раненых развернули большой полевой лазарет у Чоргуни, для которого определили лучшие дома, заранее заготовили достаточное количество соломы для подстилок. Первоначальную помощь раненым предполагалось оказывать на двух передовых перевязочных пунктах, от одного из которых, правда, в последний момент решили отказаться. На оставшемся сосредоточили весь санитарный транспорт 12-й пехотной дивизии и медицинский персонал, включая назначенную для выноса раненых с поля боя команду музыкантов.³⁹⁵

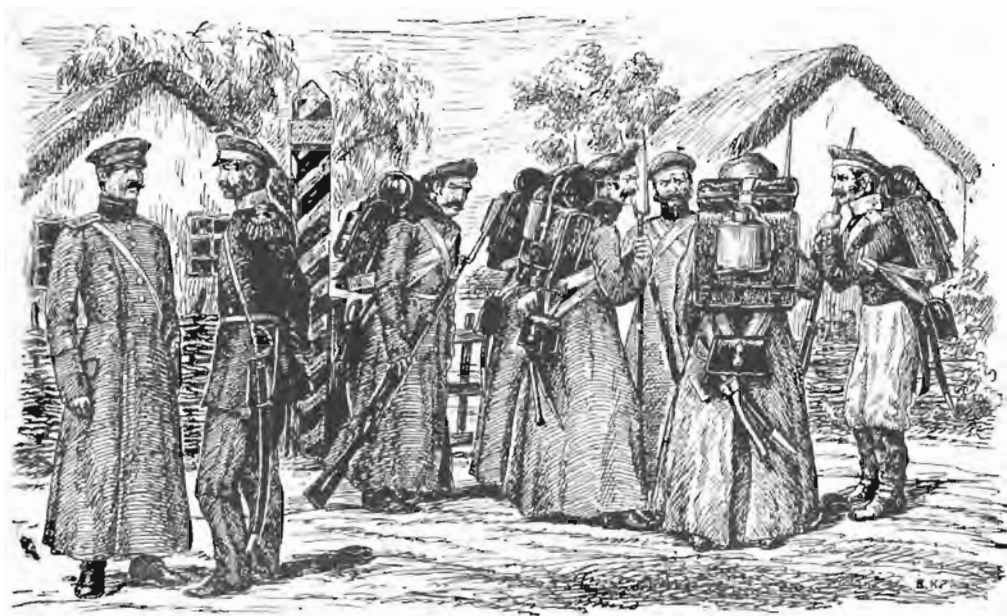
Русские военные медики, собранные к тому времени в Севастополе и в Крыму, вполне были готовы к работе с ранеными самой разной сложности их состояния.

³⁹² Два орудия были потеряны на Альме 8 (20) сентября 1854 г.

³⁹³ Описание обороны города Севастополя. Составлено под рук. генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 240; Попов Ф. Г. История 48-го пехотного Одесского полка. Том II. М., 1911 г. С. 61–62.

³⁹⁴ Хрущов А. П. История обороны Севастополя. СПб., 1888 г. С. 31.

³⁹⁵ Наумова Ю. А. Ранение, болезнь и смерть: русская медицинская служба в Крымскую войну 1853–1856 гг. М., 2010 г. С. 148.

Офицеры и нижние чины Российской императорской армии. Сер. XIX в.

Можно говорить что угодно об общей отсталости Императорской армии России, но ее медицина однозначно была в числе наиболее передовых. И даже не в яркой личности Н.И. Пирогова дело, хотя он своим величием, но не по своей вине, затенил других, не менее знаменитых врачей — собственных учеников. К примеру, уже после Альмы один из них М. П. Дземешкевич, старший ординатор военно-временного госпиталя № 1 в Одессе, за десять месяцев до Пирогова применил гипсовую повязку, что подтвердил сам великий хирург.³⁹⁶

То, что планировали ограничиться одним медицинским пунктом, еще раз свидетельствует о том, что большого продвижения не планировали и потому к большим потерям не готовились.

Начало: сосредоточение и выдвижение русских войск.

Общее начало действий назначалось на 5 часов утра. Старая военная истина гласила, что из всех случайностей на войне самая редкая — гениальный полководец.³⁹⁷ Следовательно, для достижения успеха нужно было позаботиться о численном превосходстве, ибо другую истину о Боге, который на стороне больших батальонов, тоже никто не отменял. Когда стало ясно, что численный перевес достигнут, было решено позаботиться и о внезапности. С этим традиционно было сложнее.

Но решилась проблема просто и задолго до сражения. 1(13) октября буквально в тыл англичанам под покровом ночи выдвинулся Владимирский пехотный полк. В ночь на 2(13) октября подполковник Ракович вывел свои три батальона от хутора Мекензи, спустился к Черной речке, откуда перешел в Чоргун, заняв деревню. В

³⁹⁶ Оборин Н. А. Отечественные врачи польской национальности — ученики и последователи Н. И. Пирогова//Асклепий. Историко-медицинский журнал. Том 5. № 2. Евпатория, 2002 г. С. 45—46.

³⁹⁷ Драгомиров М. Армейские заметки//Военный сборник. № 3. СПб., 1883 г. С. 73.

Русская пехота в бою. Рисунок английского полковника (в Крыму — лейтенанта Стрелковой бригады) Вильяма Томаса Маркхема показывает стойкость солдат Российской императорской армии периода Крымской войны. 1854 г.

этот же день он установил связь с уланским полком, действовавшим в Байдарской долине.³⁹⁸

Благодаря этому несложному маневру в руках русских оказалась обширная территория, которую вполне можно было использовать как место концентрации войск и при этом противник не всегда мог определить, в каком направлении эти войска будут действовать.

Через 10 дней, 11 сентября 1854 г., русская кавалерия сконцентрировалась у деревни Чоргунь. Хотя по приказу командования старались соблюдать максимальную осторожность, не выдавая себя неприятелю, находившемуся в паре километров (запрещалось разводить костры, избегать лишних передвижений)³⁹⁹, избежать обнаружения не получилось.

Уже поздней ночью Липранди вызвал к себе командиров всех частей, назначенных для действий. Достаточно коротко им была поставлена уточненная задача. Суть ее состояла в следующем:

1. Пехота затемно выдвигается к неприятельской передовой линии и с рассветом в точно установленное время начинает атаку 4 из 6 неприятельских редутов.

2. Кавалерия в числе обоих гусарских полков занимает неприятельский лагерь у Кадыкоя. После его занятия должны быть выведены из строя обозный и артилле-

³⁹⁸ Описание обороны города Севастополя. Составлено под рук. генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 236–237.

³⁹⁹ Арбузов Е. Воспоминания о кампании на Крымском полуострове в 1854 и 1855 году//Военный сборник. №4. СПб., 1874 г. С. 389–410.

рийский парк англичан. Закончив такую диверсию, кавалеристы покидали лагерь, который после этого уничтожился огнем приданной артиллерии.⁴⁰⁰

Небольшое время, оставшееся до начала действий, солдаты и офицеры использовали для приготовления к бою. Кто-то писал письма, кто-то пытался заснуть, кто-то просто перебирал свой небольшой скарб, завещая товарищам скромные пожитки на случай смерти.

Липранди по мере возможности обошел войска. Взглядом опытного командира он пытался понять готовность людей, их настроение. Конную №12 батарею поздравил с прибытием, стрелкам пожелал удачи: «...Завтра, может, придется поработать; смотрите же — ни одной пули на ветер!»,⁴⁰¹ и так же спокойно удалился, совершенно уверенный в успехе.

Около двух часов ночи войска без лишнего шума были подняты, построены и постепенно пришли в движение. Хотя, казалось, идти было недалеко, низкая скорость ночного марша, сложная местность и плохая видимость сделали его долгим и утомительным. На марше не спешили, чтобы в ночи не растерять людей. Впереди шла пехота, за ней артиллерия и в замыкании — кавалерия.⁴⁰²

Шли тремя колоннами: правая, Одесский полк, рота стрелков и 6 орудий, под начальством командира Одесского полка Скюдери, двинулась от моста по ущелью Федюхиных гор. За ней вел гусарскую бригаду и Уральский казачий полк Рыжов.

Главная колонна Семякина имела в первом эшелоне Украинский полк, роту стрелков и 10 орудий, а во втором — Азовский полк, один батальон Днепровского полка, роту стрелков и дивизион артиллерии. Эта колонна направилась к редуту №1.

Левая колонна, три батальона Днепровского полка, рота стрелков, сводный Уланский полк и 10 орудий под начальством командира Днепровского полка, Гриббе в 5.30⁴⁰³ двинулась по Байдарской дороге и, свернув вскоре на селение Комары, направилась в обход правого фланга неприятельской позиции.⁴⁰⁴

Примерно в середине пути сделали привал. Солдаты радовались такой возможности, в темноте велся привычный русскому солдату «...один неизменный в то время разговор о недостатке сухарей, которых не могла для них заменить усиленная порция мяса...».⁴⁰⁵ О подобном, совсем не возвышенном, земном, бытовом, но жизненно необходимом, сотни лет до Крымской войны и десятки лет после нее на разных языках говорили солдаты всех армий и всех стран.

Подойдя к Черной, пехота перешла ее, вслед за ней начали переход по каменному (Трактирному) мосту орудия. Несколько батарей переправилось вброд. Кавалерия оставалась на «своем» берегу.

⁴⁰⁰ Арбузов Е. Воспоминания о кампании на Крымском полуострове в 1854 и 1855 году//Военный сборник. №4. СПб., 1874 г. С. 389—410.

⁴⁰¹ Кожухов С. Из крымских воспоминаний о последней войне//Дубровин Н. Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Выпуск IV. СПб., 1872 г. С. 64.

⁴⁰² Арбузов Е. Воспоминания о кампании на Крымском полуострове в 1854 и 1855 году//Военный сборник. №4. СПб., 1874 г. С. 389—410.

⁴⁰³ Виновник единственной победы//Родина. №3—4. М., 1995 г. С. 59.

⁴⁰⁴ Хрущов А. П. История обороны Севастополя. СПб., 1888 г. С. 32.

⁴⁰⁵ Розин А. Очерки из Крымской войны (дневник очевидца)//Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами (репринт). М., 1998 г. С. 206.

Казак казачьих войск. 1845–1855 гг. Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск, с рисунками, составленное по высочайшему повелению. 1841–1862 гг.

Усилилось предчувствие грядущего боя. Люди стали чаще тихо повторять молитвы. Пластуны, «необщительные и молчаливые», удивили солдат своими необычными заговорами, молитвой на восток и раскольничьей убежденностью.⁴⁰⁶

Отряд Гриббе

Строго следуя диспозиции, Гриббе занял Комары, вытеснив оттуда передовые посты англичан, и остановился. Сотня (полусотня)⁴⁰⁷ находившихся в его подчинении казаков перекрыла Байдарскую дорогу, заняв часовню Св. Илии, едва не взяв в плен кавалерийский пикет англичан майора Лоу, которым пришлось бегством спасать свою жизнь.⁴⁰⁸

Дивизион батарейной № 4 батареи установили на гребень возвышенности. Для поддержки войск, атакующих редут № 1, в его сторону развернули 4 орудия легкой № 6 батареи. Гриббе безупречно выполнил задачу: отныне правый фланг русских войск был надежно прикрыт.⁴⁰⁹ Одновременно он мог безнаказанно расстреливать фланг турецкого укрепления наиболее опасным для его защитников видом огня — продольным.

Калторп говорит, что именно огонь этой батареи решил судьбу укрепления, позволив русской пехоте войти в него, найдя там только мертвых защитников.⁴¹⁰ Позволю не согласиться с ним — о том, как «мертвецы» сражались за свои жизни, мы поговорим ниже.

⁴⁰⁶ Розин А. Очерки из Крымской войны (дневник очевидца)//Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами (репринт). М., 1998 г. С. 207.

⁴⁰⁷ Ушаков Н. Описание атаки русских войск на Кадыкойские высоты 13-го (25-го) октября 1854 года//Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. Под ред. Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 32.

⁴⁰⁸ The Light Cavalry Brigade in the Crimea Extracts from the Letters and Journal of General Lord George Paget. London. 1881. P. 164.

⁴⁰⁹ Ушаков Н. Описание атаки русских войск на Кадыкойские высоты 13-го (25-го) октября 1854 года//Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. Под ред. Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 32; Описание обороны города Севастополя. Составлено под рук. генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 240.

⁴¹¹ Calthorpe, Somerset John Gough. Letters from head-quarters; or, The realities of the war in the Crimea, by an officer of the staff. Vol I. London. 1857. P. 309–311.

БОЙ ЗА ПЕРЕДОВЫЕ РЕДУТЫ

«Всего лишь толпа; войско дурно одетое, худо обутое, плохо вооруженное, но способное маневрировать, подчиняться, сражаться и умирать...».

Маршал Леруа де Сент-Арно
о турецких солдатах.

Бою за передовые укрепления исследователи Балаклавского сражения, как правило, уделяют мало внимания. Действительно, а о чем там, казалось, можно говорить. Все, на первый взгляд, произошло быстро и без особых затруднений. Подошли в сумерках, обстреляли из пушек, атаковали пехотой, турки привычно бежали, по пути еще и избиваемые солдатскими женами англичан. В результате трофеи, шанцевый инструмент и 170 турецких трупов впридачу. Вот только откуда взялось почти столько же русских тел на подступах и в самом редуте как-то странно молчат.

Смею утверждать, что легкое взятие турецких укреплений – это один из множества устойчивых мифов Балаклавского сражения, направленных на безоговорочное возвеличивание славы британского оружия и оправдание виновных в поражении, как и последовавшая вскоре после этого атака Легкой бригады. Сами англичане объясняют появление столь значительного числа фантазий на тему “Balaclava” исключительно «...эмоциональным настроением на восприятие войны и в обществе, и в армии».⁴¹¹

На самом деле бой за редуты при всей его простоте и очевидности исхода – очень интересный эпизод сражения, совершенно по-иному рисующий османского солдата.

Сначала определим главное – что такое взятие передовых укреплений вообще. Ответ прост и не требует академического образования. Сражение за передовые позиции и есть кульминация Балаклавского сражения. Любой, кто решал тактические задачи по планированию боя хотя бы на карте, знает, что бой считается завершенным после выполнения задачи. Это если успешно. Если не успешно, то после выполнения маневра отхода и возвращения на исходные позиции. Задача дня более чем ясна: линия передовых редутов. Взяли – победили, ждем ордена, не взяли – не победили и ждем, когда начнется разбор с подведением итогов, наказанием невиновных и награждением не причастных.

Все, что произошло у Кадыкоя и Балаклавы после занятия редутов русскими, не более чем суета, возня, трата времени и усилий, сопровождавшаяся совершенно

⁴¹¹ Последний «Военный корреспондент» // Родина. № 3–4. М., 1995 г. С. 66.

Обер-офицер и рядовой гусарских полков. 1845–1855 гг. Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск, с рисунками, составленное по высочайшему повелению. 1841–1862 гг.

бессмысленными жертвами с обеих сторон. И русские, и англичане истребили несколько сотен человеческих душ совершенно бессмысленно, бездарно и бесцельно. Правда, у русских ошибок все-таки меньше было. Они не пытались продвигаться дальше, лишь попытавшись «погромить» вражеский лагерь. Но «топорно» исполненный Рыжовым приказ Липранди не дал каких-либо успешных результатов, обернувшись неоправданными и ненужными потерями.

В свою очередь, англичане не думали предпринять что-либо по отбитию взятых редутов, ограничившись сначала никому ничего не доказывающей схваткой Тяжелой бригады с кавалерией Рыжова, а потом вообще совершив героическую глупость, попытавшись отбить никому не нужные пушки.

Какие бы ошибки ни совершили русские кавалерийские командиры под Балаклавой, ни одна из них не носила характер роковой. При всей несуразности действий Рыжова сами англичане отметили, что в использовании кавалерии русские не дошли до той несуразности ее применения, какой страдали сами:

«...на протяжении всей войны их кавалерия проявляла скорее благоразумие, нежели смелость».⁴¹²

Трудно сказать, чего в этом сравнении больше: похвалы или пренебрежения. Но не будем забывать старую военную, проверенную веками истину, что хорошей армии герои не нужны, ибо всякий героизм — не более чем исправление чьих-то ошибок. Русская кавалерия как могла выполняла свою работу на том уровне, которому была обучена в мирное время.

Не менее смешно считать за серьезное противостояние, а уж тем более за сражение пару залпов 93-го полка по гарцевавшей вдали казачьей коннице. Русская артиллерия израсходовала снарядов при обстреле турецких редутов больше, чем горцы «красной линии» патронов. При всем желании мы не увидим здесь никаких следов ожесточенного боя пехоты и кавалерии: кучи трупов людей и лошадей в нескольких шагах от первой шеренги, окровавленные штыки и тем более пустые патронные сумки пехотинцев, как это можно было наблюдать при Прейсиш-Эйлау, Бородино или Ватерлоо и много еще где, когда противостояние пехоты и кавалерии становилось ожесточенной схваткой.

Из сказанного нами выше (подтверждено диспозицией) понятно, что первой (и главной) задачей русских было занятие передовых укреплений, гарнизоны которых

⁴¹² Russell, W H. The British Expedition to the Crimea. London. 1858. (<http://archive.org/details/britishepeditio00russgoog>).

составляли два (или полтора) турецких батальона. На этом задача дня считалась в основном выполненной.

Да и противник у русских солдат 12-й пехотной дивизии был долгожданный. Аппетит усиливался тем, что они знали, что их встретит не умелый, опытный и стойкий английский или французский пехотинец, а второсортный турецкий новобранец, с которым они имели старые неоплаченные счета.⁴¹³

Русские все же несколько поторопились с уверенностью в низком качестве противостоявшего им вражеского солдата в отношении которого даже «...английское командование усвоило себе правильное, по существу, воззрение, что турки отсиживаются от русских за укреплениями гораздо успешнее, чем выдерживают их натиск в открытом поле».⁴¹⁴

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЗАЩИТНИКАХ...

Итак, главное. Не подлежит сомнению, что именно бой за передовые редуты стал той самой кульминацией Балаклавского сражения, которая породила все последующие события, в том числе и мифологические. Начнем с первых из привычных легенд — о слабых и никуда не годных их защитниках.

Первый из современных исследователей, кто детально разобрал участие турецкой армии в Восточной войне — М.Нечитайлов, и именно его труды мы положим в основу нашего анализа неприятельских солдат, которые в октябре 1854 г. были «проклятыми и забытыми» английскими союзниками защитниками первой оборонительной линии перед Балаклавой.⁴¹⁵

Если до настоящего времени для многих интересующихся Крымской войной понятие «турок» означало полудикий, плохо одетый и слабо вооруженный солдат, то благодаря М.Нечитайлову, О.Шкеде и др. авторам (я говорю в данном случае об исключительно русскоязычной литературе) сегодня взгляд на этого противника стал диаметрально противоположным. Если турецкий солдат и не был лучше своих союзников, то он не был и худшим из них, а по некоторым показателям (устойчивость к тяжелым условиям) даже превосходил их.

Русские в описываемое нами время традиционно не считали турок серьезными противниками, равно как и англичане с французами не считали их равноправными союзниками. Один вид турецкого армейского пехотинца вызывал печаль и грусть. В Крыму, вспоминал французский моряк, турецкие солдаты «были обуты так же плохо, как и солдаты первой республики до Итальянской кампании. Большинство носило туфли без задников и каблуков, плохо державшиеся на ступне; часто на них отсутствовала подошва. У других был просто кусок недубленной кожи, прикрепленный к ступне с помощью ремней, завязывавшихся вокруг ноги. Башмаки не заменялись новыми, приходилось проявлять изобретательность, чтобы помочь себе — и, в конце концов, турецкая армия обулась в сандалии».⁴¹⁶

⁴¹³ Kelly, Tom. From the fleet in the fifties. A history of the Crimean war. London. 1902. P. 183–184.

⁴¹⁴ Тарле Е. В. Крымская война. Том 2. М.-Л., 1950 г. С. 167.

⁴¹⁵ Нечитайлов М., Дуда В. Османская армия в Восточной войне (1853–1856 гг.)//Military Крым. Специальный выпуск №3. Симферополь, 2011 г. С. 68–84.

⁴¹⁶ Pallu de La Barrière L.-C. Six mois à Eupatoria (souvenirs d'un marin). Paris. 1858. P.9.

Дубровин приводит слова корреспондента бельгийской газеты, который, ссылаясь на очевидца, писал, что при Балаклаве турки «...сражались в туфлях (бабушах), и эта обувь, конечно, мешала им бежать».⁴¹⁷ Действительно, обувь турецких солдат была такого низкого качества, что многие из них вообще отказывались ее носить.⁴¹⁸

В том числе и потому на всех театрах Восточной войны первое, что делал турецкий солдат на поле сражения — повально мародерствовал, особенно преуспевая в охоте за русскими сапогами от бедности, выворачивании карманов убитых от жадности и добивании раненых просто от соблюдения веками сложившихся традиций ведения войны. Русские снисходительно относились к таким проявлениям варварства и дикости, но при случае платили той же монетой.

Турецкий пехотинец, как показывал опыт предыдущих войн и кампании на Дунае, не любил изолированную оборону и, не имея опоры на фланги, был склонен к оставлению позиций. В то же время опыт Дунайской кампании, где укрепления турецких крепостей (Силистрия, к примеру) были умело включены в оборонительную систему, свидетельствовал не в пользу мнений о его отсталости и повальной склонности к бегству с поля боя.⁴¹⁹

Кроме того, многие современники отмечали, что турецкий солдат не торопился доверять своим офицерам, но прекрасно проявлял себя под руководством иностранных.⁴²⁰ Хотя союзники надеялись на опыт кампании на Дунае, в Крыму уроки вполне успешной Силистрии были забыты.⁴²¹ Турок доверили своим начальникам, которые скорее озаботились качеством кофе, в поглощении которого проводили все свободное время, а не укреплением занимаемых позиций. Несколько английских артиллерийских офицеров скорее выполняли роль инструкторов, нежели командиров.

НАЧАЛО БОЯ ЗА РЕДУТ №1

Защитники редутов с их традиционно безобразно организованным охранением еще ничего не подозревали, когда «...войска генерала Семякина прошли после переправы позади небольших возвышений и развернулись правее Воронцовской дороги против редута № 1, примкнув своим флангом к войскам левой колонны. Генерал-майор Левуцкий выстроился перед редутами № 2 и № 3».⁴²²

Та самая свойственная туркам небрежность в охранении⁴²³ на сей раз стоила им дорого. В 6 часов утра русские внезапно появились из темноты перед фронтом обсервационной линии. Атака русскими войсками первых трех укреплений была прекрасно организована. Наблюдавший ее врач Фердинанд Пфлюг был поражен согласованностью действий наступающей пехоты и поддерживающей ее артиллерии. Пока пехота разворачивалась для атаки, артиллеристы держали редут под огнем. Как только пе-

⁴¹⁷ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Вып. IV. СПб., 1872. С. 90.

⁴¹⁸ Cliff, D. The Turkish Army in the Crimea/Soldiers of the Queen. 1983. P. 2.

⁴¹⁹ Rousset, Camille. Histoire de la guerre de Crimée. Tome 1. Edition 2. Paris. 1878. P. 333–334.

⁴²⁰ Осман-бей. Заметки о турецкой армии//Военный сборник. № 6. СПб., 1874 г. С. 341–342.

⁴²¹ Kelly, Tom. From the fleet in the fifties. A history of the Crimean war. London. 1902. P. 183–184; Нечитайлов М. В. № 12.

⁴²² Ушаков Н. Описание атаки русских войск на Кадыкийские высоты 13-го (25-го) октября 1854 года//Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. Под ред. Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 33.

⁴²³ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856. Том I. СПб., 2002 г. С. 602.

хота начинала «разбираться» с защитниками одного укрепления, артиллеристы принимались за другой.¹²⁴

Первыми, кто вышел к неприятельской позиции, были солдаты Украинского полка, поддерживаемые 4 орудиями батареи № 4 (дивизион поручика Постникова) и 6 орудиями легкой № 6 (подполковник Афанасьев) батарей. Украинский полк, наступая по главному дефиле, ведущему из Чоргуна в Кадыкой, и выйдя из него, развернулся перед редутами № 1 и № 2.

После того, как Липранди удостоверился, что войска готовы действовать, а все батареи вышли на позиции, он дал команду к открытию огня.¹²⁵ Артиллерийские адъютанты быстро развезли его по подразделениям, каждое из которых уже знало свои цели. На головы турок обрушился шквал металла. Огонь велся не только по фронту, но и во фланг и тыл укреплений.

Калторп (и не только он)¹²⁶ высоко оценил эффективность огня русской артиллерии, нанесшего тяжелые потери защитникам редута № 1.¹²⁷ При этом турки умудрялись вести интенсивный ответный огонь.

Под прикрытием орудийных выстрелов перед фронтом редута № 1 развернулись Азовский пехотный полк, батальон днепровцев и стрелки.

Картина русского наступления, увиденная Расселом, впечатлила журналиста своей жестокой, грозящей неотвратимостью смерти, мощью и организованностью: «...Русские наступали медленно, с мрачной торжественностью. Прямо перед ними двигалась линия орудий счетом не менее двадцати. Еще две легкие батареи опередили их на милю и уже лихо действовали против редутов, над которыми кое-где изредка поднимался дымок. Меж батареями и пехотой видны были огромные массы

Рядовой гусарских полков. 1853–1855 гг. Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск с рисунками, составленное по высочайшему повелению. 1841–1862 гг.

¹²⁴ Pflug, Ferdinand. Souvenirs de la campagne de Crimée: journal d'un médecin allemand au service de l'armée russe. Paris. 1862. P. 93–97.

¹²⁵ Ушаков Н. Описание атаки русских войск на Кадыкойские высоты 13-го (25-го) октября 1854 года // Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. Под ред. Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 33.

¹²⁶ Ladimir, Jules. La guerre, histoire complète des opérations militaires en Orient et dans la Baltique pendant les années 1853, 1854, 1855: précédée d'un Aperçu historique sur les Russes et les Turcs. Tome 1. Paris. 1857. P. 70–72.

¹²⁷ Calthorpe, Somerset John Gough. Letters from head-quarters; or, The realities of the war in the Crimea, by an officer of the staff. Vol I. London. 1857. P. 302–304.

кавалерии. Они шли поэшелонно шестью плотными квадратами, по три с каждого фланга, освещая равнину блеском сабель, пик и яркого позумента».⁴²⁸

СРАЖЕНИЕ НАЧАЛОСЬ...

Развернувшись и несколько продвинувшись вперед, пехота остановила движение, ожидая, пока орудия подготовят атаку. Огонь вели только стрелки, добавляя своими выстрелами дезорганизацию в ряды защитников передовых позиций, заставляя турок искать укрытие от пуль. До подходившей к Черной речке русской кавалерии доносились крики «ура!» и звуки ожесточенной перестрелки.⁴²⁹

Нельзя сказать, что Липранди отказался от привычной для Российской армии шаблонности действий. Речь идет о пресловутых стандартных боевых порядках. Как таковые они не были проблемой и при известной творческой инициативе, если военачальник применялся к местности, могли стать полезным подспорьем в организации сражения. Если бы не одно «но».

В своей массе «...начальники не имели никакой инициативы, применение боевых порядков к местности не практиковалось, почему войска обречены были нести огромные потери. Слабые стрелковые цепи делали невозможной подготовку атаки ружейным огнем, а массивные колонны к атаке первой линии от меткого нарезного оружия должны были нести большие потери».⁴³⁰

Русская пехота вышла на рубеж атаки⁴³¹ и ожидала команду. Сама атака была отлично («блестяще»)⁴³² подготовлена артиллерией, выпустившей по туркам едва ли не все свои заряды.

Артиллеристы 12-й дивизии (артиллерией командовал полковник Немов) вообще всегда отличались умением стрелять: «...Смотрел практическую стрельбу 12-й полевой артиллерийской бригады, — доносит князь Гурчаков Николаю I 11 сентября 1853 г., — стрельба была отличная».⁴³³

Кроме армейских артиллеристов, в дело включились иррегулярные батареи. 1-й дивизион Донской батареи (4 орудия) выехал перед редутом №1. Едва казаки по команде есаула Поздеева развернули орудия, сняв их с передков, как над их головами пронеслось первое ядро, выпущенное из неприятельского орудия, не причинив, к счастью, вреда.⁴³⁴

2-й дивизион сотника Пономарева занял огневую позицию «уступом», немного впереди 1-го. Во время разворачивания очередной турецкий снаряд снес голову у ез-

⁴²⁸ Russell, W H. The British Expedition to the Crimea. London. 1858. (<http://archive.org/details/britishepxedit00russgoog>).

⁴²⁹ Арбузов Е. Воспоминания о кампании на Крымском полуострове в 1854 и 1855 году//Военный сборник. №4. СПб., 1874 г. С. 389—410.

⁴³⁰ Михневич Н. П. Основы русского военного искусства. Сравнительный очерк состояния военного искусства в России и Западной Европе в важнейшие исторические эпохи. СПб., 1898 г. С. 155.

⁴³¹ Прошу прощения у читателя за употребление современной военной терминологии.

⁴³² Донесение генерал-адъютанту князю Меншикову начальника 12-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Липранди от 14-го октября, №3.076//Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. Под ред. Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 27.

⁴³³ Зайончковский А. М. Восточная война 1853—1856. Том I. СПб., 2002 г. С. 524.

⁴³⁴ Калинин Б. М. Материал для истории Донской артиллерии. Новочеркасск, 1907 г. С. 146.

Французская гравюра середины XIX века, изображающая захват русскими Европы. Русофобия, тлеющая во французском обществе со времен поражения Наполеона I, достигла своего апогея накануне Крымской войны.

дового 5-го орудия казака Сазонова, который не сразу «...упал с лошади, а проехал некоторое расстояние без головы и свалился на землю».⁴³⁵

Но уже ничего не могло остановить неумолимо рускручивавшийся маховик русского наступления. Казаки, стремительно открыв огонь,⁴³⁶ быстро пристрелялись, и вскоре на редуте прогремел первый взрыв. Пехота, до этого ведшая «живую перестрелку», прекратила огонь и двинулась вперед, под прикрытием орудий подойдя почти к подошве холма.⁴³⁷

Офицеры Донской батареи, не дожидаясь приказов, двинули свои орудия к редуту №2, демонстрируя импровизацию, вообще свойственную иррегулярным частям: «Лошади, выбившись из сил, двигались шагом и заезды исполняли этим же аллюром. Это обстоятельство имело большое значение на меткость стрельбы, ибо номера находились в спокойном состоянии, не наволнованные быстрой ездой. Позиция батареи представляла ломаную линию. Каждое орудие старались поставить по возможности за прикрытием, возвышением или холмиком. Через это интервалы значительно увеличились, поэтому и прислуга, и лошади менее терпели от неприятельского огня. Расстояние до редута определялось в 800 саж., и батарея меткими выстрелами заставила замолчать его».⁴³⁸

⁴³⁵ Калинин Б. М. Материал для истории Донской артиллерии. Новочеркасск, 1907 г. С. 146.

⁴³⁶ Воспоминания об участии при защите г. Севастополя бывшего в то время полковым адъютантом Владимирского пехотного полка поручика, ныне отставного майора Наума Александровича Горбунова // Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами. Том I. СПб., 1872 г. С. 65.

⁴³⁷ Описание атаки русских войск на Кадыкойские высоты 13-го (25-го) октября 1854 года // Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. Под ред. Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 34.

⁴³⁸ Калинин Б. М. Материал для истории Донской артиллерии. Новочеркасск, 1907 г. С. 146.

Штаб-офицер уланских полков. 1852–1855 гг. Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск, с рисунками, составленное по высочайшему повелению. 1841–1862 гг.

Русские артиллеристы действовали исключительно грамотно. Ни одна из батарей не занимала огневую позицию в полном составе, а маневрировала исключительно действовавшими самостоятельно дивизионами. Адьютант от артиллерии при Липранди поручик Ушаков вспоминал: «...Большая часть орудий (турецких — Авт.) действовала через амбразуры и, следовательно, не имела необходимого при обороне полного обстрела местности. Наши же орудия, расположенные большею частью подивизионно, на значительных между собою расстояниях, сосредоточивали свои выстрелы только на то укрепление, на которое должна была направляться состоявшая при них пехота».⁴³⁹

Когда батарея Поздеева, расстреляв боезапас, вышла из боя и по разрешению Липранди направилась к реке Черной дать отдых коням, напоить их, привести в порядок орудия, она проходила по дороге, на которой стоял генерал Рыжов с Веймарским полком. Впечатленный стрельбой, начальник кавалерии скомандовал своим офицерам, отдавая честь казакам, и обнял командира батареи.⁴⁴⁰

Турки какое-то время еще держались, надеясь на огонь своей артиллерии, к которой имели неограниченное доверие.⁴⁴¹ Потом их способность к сопротивлению резко упала. Они поняли, что русские настроены решительно и дальнейшее сопротивление может стоить им жизни.

О мастерстве турецких артиллеристов мнения разные. Под Карсом русские артиллеристы отмечали, что «нельзя сказать, чтобы артиллерийский огонь турок был действителен; большая часть их гранат, обыкновенных и картечных, лопалась высоко над нашими головами, не нанося нам никакого вреда».⁴⁴² Но при Мачине,⁴⁴³ Четати⁴⁴⁴ и под Балаклавой это у них получалось неплохо.⁴⁴⁵

Турецкие артиллеристы под Балаклавой, как это уже было при Башкадыкларе и Кюрюк-дара, стояли до последнего на своих батареях, самоотверженно их защищая,

⁴³⁹ Ушаков Н. Описание атаки русских войск на Кадыкийские высоты 13-го (25-го) октября 1854 года//Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. Под ред. Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 33.

⁴⁴⁰ Калинин Б. М. Материал для истории Донской артиллерии. Новочеркасск, 1907 г. С. 146–147.

⁴⁴¹ Нечитайлов М., Дуда В. Османская армия в Восточной войне (1853–1856 гг.)//Military Крым. Специальный выпуск №3. Симферополь, 2011 г. С. 68–84.

⁴⁴² Дондуков-Корсаков А. Воспоминания о кампании 1855 года в Азиатской Турции//Кавказский сборник. Том 1. Тифлис, 1876 г. С. 349 (Прим. 3).

⁴⁴³ За много лет. Воспоминания Неизвестного. 1844–1884 год//Русская старина. Том 83. СПб., 1895 г. С. 129–133.

⁴⁴⁴ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856. Том II. Часть 1. СПб., 2002 г. С. 346–386.

⁴⁴⁵ Нижегородский драгун. Действия на левом фланге в сражении при Кюрюк-дара, 24-го июля, 1854 года//Кавказский сборник. Том 1. Тифлис, 1876 г. С. 227.

независимо от отсутствия прикрытия, «продолжали пальбу и гибли на своих орудиях, зафеты и тела почти всех отбитых орудий облиты кровью храброй их прислуги». ⁴⁴⁶ Но так же, как и тогда, когда артиллерия не могла огнем своим остановить неприятеля, в пехоте распространялась паника, начиналось бегство. ⁴⁴⁷ Без пушек турки воевать не любили, их наличие служило нравственной поддержкой для пехоты. ⁴⁴⁸

Стоять насмерть турки умели так же, как и солдаты любой другой армии. Русские отмечали это качество в турецкой пехоте и артиллерии, «...умевших владеть своим оружием и с достоинством защищать свою честь, в особенности же артиллеристы, которые, например, под Башкадыкларом умерли на своих орудиях, взятых нами с боя...». ⁴⁴⁹

Да и не только там. Под Кюрюк-дара турецкая пехота «...дралась с большой неустрашимостью... Артиллеристы в обоих этих сражениях одинаково были храбры и умирали при своих орудиях, но не покидали их». ⁴⁵⁰

Добавили храбрости туркам и фортификационные сооружения. Мы уже упоминали, что при наличии укреплений они традиционно проявляли способность к упорной обороне. Ч.Дункан, по итогам поражений 1854 г., пришел к выводу, что «турецкие войска неспособны сражаться в открытом поле... За стенами, не сомневаюсь, пехота будет хорошо сражаться, но вывести ее из-за этих укреплений — значит, принести ее в жестокую жертву». ⁴⁵¹

По характеристике М. Чайковского, к 1853 г. турецкие войска «вовсе не были обучены и знали кое-как только бесполезные на практике ружейные приемы; они строились не довольно быстро и дружно. Лучшими их качествами была меткая стрельба, умение пользоваться всяким прикрытием и окапываться земляными укреплениями». ⁴⁵²

Поэтому, используя полевые укрепления, даже тактически слабо подготовленная турецкая пехота, как показал опыт всех военных кампаний России против Турции в XIX в., старалась переходить к их упорной защите. ⁴⁵³ А при умелом руководстве турецкий солдат мог проявить и отличные боевые качества. ⁴⁵⁴

Серьезной проблемой для защитников редутов оказалась уже упомянутая удаленность укрепления более чем на 2000 м от ближайших частей, способных оказать им помощь или поддержать в случае внезапной атаки русских. Хотя очень похоже, что никто этих несчастных спасать и не собирался. Адмирал Слейд, всегда уважительно относившийся к османским солдатам, считал, что, выставив турок подальше от себя, англичане, сами того не подозревая, заставили правоверных ощущать себя подготовленными к принесению в жертву. ⁴⁵⁵

⁴⁴⁶ Бобровский П. О. История 13-го Лейб-гренадерского Эриванского Его Величества полка. С. 486.

⁴⁴⁷ Бобровский П. О. История 13-го Лейб-гренадерского Эриванского Его Величества полка. С. 462.

⁴⁴⁸ Епанчин Н. очерк похода 1829 г. в Европейской Турции. Часть III//Военный сборник. № 5. СПб., 1904 г. С. 153–170.

⁴⁴⁹ Записки М. Я. Ольшевского. Кавказ с 1841 по 1866 г./Русская старина. Том 82. СПб., 1894 г. С. 102.

⁴⁵⁰ Записки М. Я. Ольшевского. Кавказ с 1841 по 1866 г./Русская старина. Том 82. СПб., 1894 г. С. 107.

⁴⁵¹ Нечитайлов М., Дуда В. Османская армия в Восточной войне (1853–1856 гг.)//Military Крым. Специальный выпуск № 3. Симферополь, 2011 г. С. 68–84.

⁴⁵² Нечитайлов М., Дуда В. Османская армия в Восточной войне (1853–1856 гг.)//Military Крым. Специальный выпуск № 3. Симферополь, 2011 г. С. 68–84.

⁴⁵³ Саранчов Е. Редуты или укрепления без внутреннего двора? По поводу статьи «Опыт стрельбы по фортификационным постройкам»//Военный сборник. № 8., СПб., 1884 г. С. 217.

⁴⁵⁴ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856. Том I. СПб., 2002 г. С. 602.

⁴⁵⁵ Slade, Adolphus, By Rear-Admiral. Turkey and the Crimean war; a narrative of historical events. London. 1867. P. 327–328.

Рядовой уланских полков в шинели. 1852–1855 гг. Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск, с рисунками, составленное по высочайшему повелению. 1841–1862 гг.

Хибберт робко пытается оправдать Раглана, якобы уже когда-то потом, позднее, изучившего опыт действий турок на Дунае и даже несколько изменившего отношение к ним.⁴⁵⁶ На деле Раглан оставался Рагланом. Типичный английский сноб, он с трудом терпел рядом с собой французов. Что касается турок, то их он и близко видеть не хотел, откровенно считая второсортным расходным материалом.

Так или иначе, но преодолев заграждения, русские ворвались в укрепление. Что именно происходило в редуте — неизвестно. Тот, кто мог об этом рассказать, вероятно не выжил. Те, кто успел уйти, или молчали, или валили на тех, кто побежал первым. Единственным доступным источником может быть рассказанное Вудсу — неким английским офицером, командовавшим в укреплении №1 артиллерией. По его словам, защитники были солдатами никудышными, многие пожилые, другие совсем юнцы.⁴⁵⁷ Пока русские ограничивались артиллерийским обстрелом, они отбивались стойко, но как только их пехота прошла линию заграждений и была готова ворваться в укрепление, запаниковали.

Англичанин прав лишь отчасти. Турки продержались, может быть, еще какое-то время, но все изменило взятие с. Комары Днепровским пехотным полком, которое не только ставило их под угрозу мощной атаки с фланга, отрезания пути отхода, но и, соответственно, полного истребления. Правда, даже в этой ситуации турки не бросились врассыпную сломя голову. Им удалось огнем артиллерии нанести днепровцам потери. В их числе первый русский офицер, погибший в этот день: капитан Днепровского пехотного полка Яков Джебко (Джебка).⁴⁵⁸ По данным севастопольского исследователя сражения у Балаклавы Г. Мешковского — прямым попаданием артиллерийского снаряда в голову.⁴⁵⁹ Смерть, конечно, странная, но копаться в ее деталях не будем.

Судьбу первого укрепления решила атака Азовского пехотного полка. По приказу Семякина, лично возглавившего бригаду,⁴⁶⁰ прикрывшись густой цепью стрелков (2-я рота 4-го стрелкового батальона под командованием капитана Калакуцкого,⁴⁶¹ а за

⁴⁵⁶ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 152–153.

⁴⁵⁷ Woods I. A. The Past Campaign: A Sketch of the War in the East, from the Departure of Lord Raglan to the Capture of Sevastopol. Vol. II. London. 1855. P. 62.

⁴⁵⁸ Шавшин В. Г. Над «Долиной смерти». (Балаклавское сражение). Симферополь, 2002 г. С. 117.

⁴⁵⁹ Мешковский Г. Балаклавское сражение. Русские офицеры, павшие в бою (<http://gratskaya.com/?p=5433>).

⁴⁶⁰ Заметка на статью «Воспоминания о кампании на Крымском полуострове в 1854 и 1855 гг. // Военный сборник. №5. СПб., 1874 г. С. 356.

⁴⁶¹ Донесение генерал-адъютанту князю Меншикову начальника 12-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Липранди от 14-го октября, №3.076//Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. Под ред. Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 23.

вей в ротных колоннах развернули еще 2 батальона⁴⁶²), пехота вышла на 150 шагов к укреплению.

Полковник барон Вильгельм Миронович Криденер⁴⁶³ атаковал разумно, стараясь не терять людей: «...Ротные колонны первой линии быстро подошли к подошве возвышения и, по знаку полковника Криденера, с криком «ура!» стали подниматься к укреплению. Ни значительная крутизна, ни меткий батальный огонь штуцерников с редута ни на минуту не остановили храбрых батальонов азовцев.

Солдаты, видя офицеров впереди, смело бросились на амбразуры — и начался рукопашный бой. Турки, известные своею храбростию при защите укреплений, не устояли. Мужество и быстрота атаки наших войск увенчались блистательным успехом».⁴⁶⁴

В 7.30 все было кончено: «...знамена азовцев ...водружены на главной укрепленной горе, а вместе и два соседних укрепления очищены от неприятеля».⁴⁶⁵ Все находившиеся в редуте орудия стали трофеями победителям.

Русские бесспорно победили. Досконально исследовавший Крымскую войну венгерский генерал Клапка отметил, что первая атака русских в сражении у Балаклавы «была полностью успешной».⁴⁶⁶ Турки, хотя и «...известные своей храбростию при защите укреплений, не устояли».⁴⁶⁷

Но своей гибелью турецкие пехотинцы и артиллеристы, можно сказать, спасли Английскую армию от более тяжелых последствий. Не имея ни малейшего шанса получить от нее помощь, они дали союзникам главное, что требовалось от них — время.

ВЗЯТИЕ УКРЕПЛЕНИЯ И СУДЬБА ЗАЩИТНИКОВ

Что же произошло на редутах, после того как туда ворвалась русская пехота? Упомянутый английский артиллерист утверждал, что солдаты потеряли голову и начали быстро поддаваться панике.⁴⁶⁸ Кстати, интересно, а как он остался цел? Похоже, он и был одним из тех, кто сразу устремился к Балаклаве.

⁴⁶² В третьей линии в атаке на редут №1 принимал участие и 4-й батальон Днепровского пехотного полка (Донесение генерал-адъютанту князю Меншикову начальника 12-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Липранди от 14-го октября, № 3.076//Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. Под ред. Н.Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 23).

⁴⁶³ За отличие в сражении под Балаклавой произведен (6 декабря 1854 г.) в генерал-майоры (Виновник единственной победы//Родина. №3—4. М., 1995 г. С. 59).

⁴⁶⁴ Ушаков Н. Описание атаки русских войск на Кадыкойские высоты 13-го (25-го) октября 1854 года//Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. Под ред. Н.Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 33.

⁴⁶⁵ Виновник единственной победы//Родина. №3—4. М., 1995 г. С. 59; Описание обороны города Севастополя. Составлено под рук. генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 240.

⁴⁶⁶ Klapka, Georges. La Guerre d'Orient en 1853 et 1854 jusqu'à la fin de juillet 1855 : esquisse historique et critique des campagnes sur le Danube en Asie et en Crimée, avec un coup d'oeil sur les éventualités prochaines. Bruxelles. 1855. P. 96—97.

⁴⁶⁷ Описание атаки русских войск на Кадыкойские высоты 13-го (25-го) октября 1854 года//Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. Под ред. Н.Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 34.

⁴⁶⁸ Woods I.A. The Past Campaign: A Sketch of the War in the East, from the Departure of Lord Raglan to the Capture of Sevastopol. Vol.II. London. 1855. P. 62.

Рядовой Бугского уланского полка. 1852–1855 гг. Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск, с рисунками, составленное по высочайшему повелению. 1841–1862 гг.

Когда азовцы перевалили за бруствер, бой перешел в резню: офицер Морской бригады Хейт говорил, что турки выдержали не более 5 минут.⁴⁶⁹ Но даже это было много.

Кажется, основания для такого поведения у османских солдат были. Военный опыт турецких кампаний показывал, что ничто так не раздражало русского пехотинца в борьбе с османами, как их упорное сопротивление, особенно если оно сопровождалось большими потерями. Турки имели привычку не сильно церемониться с попавшими в их руки русскими ранеными и пленными. Недаром в середине XIX в. считалось, что «...чем менее культурен народ, с которым ведется война, тем легче ожидать, что наши пленные, как здоровые, так и раненые (последние в особенности), будут замучены или просто приколоты».⁴⁷⁰

Естественно, и мы об этом уже не раз говорили, что им платили той же монетой — с турками по-другому не получалось. Другого способа подавить волю к сопротивлению у противника, зубами вцепившегося в позицию, не было.

В этом смысле при Балаклаве туркам не особенно повезло. Они столкнулись с 12-й пехотной дивизией, у которой с турками были старые, замешанные на большой крови, счеты.

Редут №1 атаковал Азовский пехотный полк, 1-й батальон которого вел опытный майор Леонард-Максимилиан Игнатьевич Фредро. Во время войны с Турцией 1828–1829 гг. полк участвовал во взятии Браилова, действовал у Эски-Стамбула, в сражении при Куртепэ, за бесстрашную атаку в котором начальник отряда назвал азовцев «бешеными». Под Адрианополем в полку осталось едва 100 чел.

Другой полк дивизии, Одесский егерский, в той войне с Турцией принимал участие в осаде крепости Браилов и блокировании Шумлы. 18 сентября 1828 г. у горы Курье-Тене одесцы приняли участие в атаке «безумной храбрости» против превосходящих сил турок. По свидетельству немецкого фельдмаршала Мольтке-старшего, эта атака «является одним из самых блестящих дел войны 1828-го, и в нем русский солдат покрыл себя славой».

В 1854 г. в строю полков могло быть лишь несколько штаб-офицеров, участников той кампании, но солдатская молва надежно хранила память и потому новое столкновение в бою с жестоким противником грозило такой же жестокой мстью. Про-

⁴⁶⁹ Leopold George Heath. Letters from the Black Sea During The Crimean War. London. 1897. P. 92.

⁴⁷⁰ Май-Маевский В. Работа штыком в современном бою//Военный сборник. № 8. СПб., 1898 г. С. 74.

шное освежили во время Дунайской кампании 1854 г., в которой полки 12-й дивизии участвовали в нескольких жесточайших столкновениях с турками.

Тот же Одесский егерский полк в ожесточенном бою у Четати 25 декабря 1853 г. почти весь вышел из строя, выручая Тобольский пехотный полк. Пройдя за два часа 12 верст, полк атаковал превосходящие силы противника. Турки были разбиты и отброшены за Дунай. Опоздай полк хоть на полчаса, тобольцы были бы полностью истреблены. Из боя солдаты вынесли раненного двумя пулями и тяжело контуженного осколками ядра тогдашнего командира полка, предшественника на этом посту полковника Скюдери, генерала Жигмонта, который за проявленное в этом сражении мужество получил золотую шпагу, украшенную бриллиантами, с надписью «За храбрость». 18 офицеров и 60 солдат полка были также награждены боевыми наградами.

И Четати, и другие, предшествовавшие Балаклавскому сражению события, укрепили у русских мнение, что иначе как штыком и повальным убийством говорить с турками нельзя. Подобную репутацию османские солдаты «сделали» себе сами. Низкий уровень развития солдат, подогреваемых религиозным фанатизмом, стал виновником варварски жестокого и зверского отношения к убитым, раненым и пленным противникам.

Многие солдаты и офицеры 12-й дивизии участвовали в тяжелейших боях под Силистрией. Многие знали, что после отражения штурма Араб-Табии турки отрезали головы более чем 60 убитым в надежде получить награду, но перед ними закрыли ворота (в городе заправляли англичане, не одобрявшие подобные мерзости). Грешили этим «промыслом» не только неуправляемые иррегулярные башибузуки, но и солдаты регулярной армии: «турецкий солдат очень любит головы и никак не может понять возможности сражаться, не снимая голов с плеч своих неприятелей».⁴⁷¹

При Четати множество раненых одессцев было турками добито самым изуверским образом. Два офицера, майоры Стефанский и Поздняков, мало что были заколоты в беспомощном состоянии, но еще и подверглись глумлению. Последнему отрезали уши, затолкав их в рот, и изрубили тело саблями.⁴⁷² Участник Четатского сражения вспоминал: «Наших раненых турки добивали, снимали с них сапоги, амуницию и хорошие шинели».⁴⁷³

Давайте подумаем, много ли шансов было уцелеть даже у пытавшихся сдаться турок, попавших под горячую руку солдатам, например, Одесского егерского полка, чья очередь вступить в бой подойдет вот-вот? Или «бешеным» азовцам? Скорее всего, очень и очень мало. Русский пехотинец библейскими принципами не отвечать злом на зло не страдал и потому с не меньшим удовольствием «вернул должок» османским коллегам под Балаклавой.

Похоже, Криденер не преувеличивал, когда писал домой, что «...много турок и англичан положил наш русский штык».⁴⁷⁴ Правда, речь шла в основном о первых. Донской артиллерист Калинин уточнил: «Пехота наша, поддержанная Донской батареей, подбывавшей ближе к редуту, быстро овладела им и перебила всех его защитников».⁴⁷⁵

⁴⁷¹ Воспоминания 1855 года. События в Грузии и на Кавказе, майора Осман-бея//Кавказский сборник, Том 2. Тифлис, 1877 г. С. 156.

⁴⁷² Попов Ф. Г. История 48-го пехотного Одесского полка. Том II. М., 1911 г. С. 53.

⁴⁷³ П. Б. Воспоминания офицера о военных действиях на Дунае в 1853 и 1854 годах. Из дневника//Русский вестник. Том. 188. № 4. СПб., 1887. С. 595.

⁴⁷⁴ Виновник единственной победы//Родина. № 3—4. М., 1995 г. С. 59.

⁴⁷⁵ Калинин Б. М. Материал для истории Донской артиллерии. Новочеркасск, 1907 г. С. 146.

Три сотни защитников редута вряд ли могли оказать серьезное сопротивление русскому пехотному полку, даже если только один его батальон ворвался в укрепление. Невзирая на практиковавшееся обучение штыковому бою турецкая пехота на него в полевом сражении не решалась.⁴⁷⁶

Чаще всего самой угрозы штыковой атаки турки не выдерживали. В истории эриванских grenадер описан случай, когда при Башкадыкларе батальон эриванцев столкнулся «...нос к носу с турецким батальоном... державшим ружья на руку. Мы видели хорошо испуганные лица турецких солдат и их батальонного командира... разъезжавшего за фронтом переднего дивизиона и энергично понуждавшего своих людей броситься на нас, но турки... уперлись и не двигались с места».⁴⁷⁷

К октябрю 1854 г. союзники успели на себе убедиться, что в этой войне есть как минимум две вещи, которые явно были не склонны формировать образ кампании в Крыму как «последней джентльменской» — это штык в руках разозленного сопротивлением врага русского пехотинца и совершенно беспощадная русская артиллерия. При Балаклаве в первой истине убедились турки, во второй спустя несколько часов — англичане, успевшие подзабыть о смертельной точности русской картечи после Альмы.

Все, что оставалось туркам, это принять бой. И они его приняли. Вудс прямо пишет, что «отчаяние породило мужество» и большинство турецких солдат смело приняло схватку.⁴⁷⁸ Тотлебен, явно беседовавший с кем-то из участников сражения, признал упорную оборону турок.⁴⁷⁹

Прекрасно знавший турецких солдат и их психологию, Слейд сказал, что редут №1 они защищали храбро и с доблестью.⁴⁸⁰ Лучшим тому доказательством служат потери русских при его штурме. 2 офицера и 149 нижних чинов — это сравнимо с потерями английской Легкой дивизии при взятии батареи на Альме и уж никак не свидетельствует о легкости схватки.

Даже упорный в своем стремлении принизить роль турецкого контингента Хибберт супо выдавил из себя, что «...Атаковавшие их русские имели тройное преимущество в артиллерии и десятикратное в живой силе. Конечно, турки не смогли бы выстоять против такой силы, но никто не покинул позиций. Огонь артиллерии русских усилился, но турки несмотря на потери, продолжали держаться. Только после того, как русская пехота ударила в штыки, турки отступили, потеряв в бою 170 солдат. Они обеспечили союзникам полтора часа, чтобы перебросить подкрепления, но этого было недостаточно».⁴⁸¹

В пользу упорной обороны турок говорит еще одно обстоятельство, о котором говорит Нечитайлов: турецкое «пушечное мясо» было отменного качества, выносливое, послушное, умеренное в пище и трезвое (впрочем, вино не пили, а вот водку

⁴⁷⁶ Дневник П. Д. Рудакова о войне в Малой Азии в 1854–1855 годах // Русская старина. № 4. СПб., 1905 г. С. 288–289; Нечитайлов М., Дуда В. Османская армия в Восточной войне (1853–1856 гг.) // Military Крым. Специальный выпуск № 3. Симферополь, 2011 г. С. 68–84.

⁴⁷⁷ Бобровский П. О. История 13-го Лейб-гренадерского Эриванского Его Величества полка. Ч. 4. СПб., 1895 г. С. 484–485; Нечитайлов М., Дуда В. Османская армия в Восточной войне (1853–1856 гг.) // Military Крым. Специальный выпуск № 3. Симферополь, 2011 г. С. 68–84.

⁴⁷⁸ Woods I. A. The Past Campaign: A Sketch of the War in the East, from the Departure of Lord Raglan to the Capture of Sevastopol. Vol. II. London. 1855. P. 64–65.

⁴⁷⁹ Описание обороны города Севастополя. Составлено под рук. генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 240.

⁴⁸⁰ Slade, Adolphus, By Rear-Admiral. Turkey and the Crimean war; a narrative of historical events. London. 1867. P. 327–328.

⁴⁸¹ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 155–156.

Казаки в перестрелке. Рисунок сер. XIX в.

или ракию⁴⁸² — без ограничений), стойкий, храбрый исходный материал, к тому же фаталист по природе. Считалось, что во время Восточной войны «...турки заслуживают высокую похвалу, которую произнес Монтекулли: «они храбры, трезвы и терпеливы»; но эти качества поражены бессилием, по недостатку организации».⁴⁸³ Правда, британцы устойчиво придерживались иного мнения, считая, что все турки «...трусы, воры, развратники и пьяницы».⁴⁸⁴

Одним из первых погиб ворвавшийся в укрепление прусский офицер на русской службе поручик Эйнцидель, за сутки до боя пообещавший сослуживцам: «...Вы увидите завтра, где я буду». Получив три смертельные раны, немец Эйнцидель погиб в редуте, построенном его соотечественником, немцем Вагманом. Попытавшийся защитить поручика рядовой Иван Заровный пал рядом с ним.⁴⁸⁵

Бытует версия, что досталось и Константину Романовичу Семякину: при атаке редута он был контужен в левую височную часть головы, последствием чего осталась глухота на левое ухо. Для облегчения мучавших его после этого головных болей Николай I разрешил ему носить вместо каски фуражку.

И все-таки, что же произошло в самом редуте, после того, как русские, разъяренные сопротивлением ворвались в укрепление? Как это не удивительно, но версия, возможно, самая близкая к правде имеет место. Правда, первоначально ее трудно

⁴⁸² Нечитайлов М., Дуда В. Османская армия в Восточной войне (1853–1856 гг.)//Military Крым. Специальный выпуск №3. Симферополь, 2011 г. С. 68–84.

⁴⁸³ Снесарев Н. Турция. Ее правительство и ее армия во время Восточной войны//Военный сборник. Том 18. СПб., 1861 г. С. 60.

⁴⁸⁴ Снесарев Н. Турция. Ее правительство и ее армия во время Восточной войны//Военный сборник. Том 18. СПб., 1861 г. С. 60.

⁴⁸⁵ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. Под ред. Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 27.

принять за «крымскую» ибо относится она и к другой эпохе, и к другому сражению. Но вот описана она выдающимся русским военным автором Василием Ивановичем Немировичем-Данченко в его выдающемся рассказе, относящемся к периоду русско-турецкой войны (1877–1878 гг.) «Редут взят». Но, казалось бы, причем здесь Крымская война и тем более Балаклавский бой?

Не будем сразу безоговорочно отрицать связь между событиями. Один из тех, с чьих слов автор описывал штурм турецкого редута – старый солдат Парфенов, которому, как пишет Немирович-Данченко, этот бой напомнил ... Балаклаву.

Думаю, читатель, сам сможет убедиться в схожести происходившего в 1854 г. и 1878 г., а стиль автора доставит удовольствие:

«... На минуту разбросало туман, ветром повеяло с севера; но его холодный воздух не освежил эти разгорячившиеся лица, не пахнул свежестью в эти разгорячившиеся груди... Скорей, скорей! Рвутся остальные... В свирепой злобе своей, царапая землю, на место боя ползут раненые... Умирующие, приподнимаясь на руках, орут «ура», выбрасывая в этот предсмертный крик последние отблески утасоющей жизни... Уже на штыках красные полосы... Кровь бежит по дулам ружей, кровь на руках на лицах... Не разберешь – где своя, где чужая... Тщедушный, робкий Хабаров неузнаваем: вырос, голова закинута назад, голос звучит металлическими нотами, рука так схватилась за саблю, что, почти ломаясь, впивается в рукоять; он бодро, смело и стройно ведет своих; Парфенов не отстает от него. Старику почудилась Балаклава...

...Генерал врывается на насыпь редута, скатывается оттуда вниз, подымается опять, весь покрытый грязью, облепленный ею, и хрипло зовет за собою солдат... На нем лица нет – что-то черное, кровавое, бешеное... Хабаров, Доронович и Ивков уже на валах. Вскипает последний акт этой трагедии, – последний и самый ужасный... Штыковой бой уже начался по окраинам... В амбразуру, откуда орудие, напоследок, прямо в густую толпу, выбросило картечь, вскочил генерал... Штык ему навстречу – уже коснулся груди... Но парень со своим ружьем тут как тут. Тяжелый приклад с глухим звуком встречает висок низама, и генерал уже впереди, не видя кому он обязан своим спасением, не зная даже, какая опасность ему грозила... Зверь сказывался в нем, зверь и этих врывающихся сюда толпах... Зверь, попробовавший крови; зверь, не дающий никому пощады... Никакой правильности в этом бое. В одном месте мы надели на турок – они подались; в другом – обратно... Здесь мы бьем, там бьют нас. Боевая линия изломана таким образом, что часто мы с тылу бьем турок, часто турки выбегают нам в затылок.

Редут взят.

Земляные насыпи, стальные орудия, серые шинели солдат, лица их и руки забрызганы кровью... Кровь стоит лужами, внутри редута лужи и вне его. Кровь испаряется в тумане, точно делая его еще тяжелей. Сапоги победителей уходят в кровь. Жаждающие отдыха после устали беспощадной бойни садятся, ложатся в кровь... Кажется, что и сверху падает она с дождевыми каплями... Кажется, что эта мгла насквозь пропитана ею...

Защитники редута почти все остались здесь...

Кому удалось выбраться из-за этой земляной насыпи, тот улегся на скатах холма... Вон весь склон его покрыт этими разбросанными, исковерканными телами.

Внутри повернуться негде.

Точно набили этот редут мертвецами. По углам их груды... Из-под них порою прорывается болезненный стон... На одну из этих груд с ужасом смотрит Парфенов: старику помнится, что сюда, словно испуганное стадо, сбились бросившие орудие

Казак казачьих войск. 1844–1845 гг. Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск с рисунками, составленное по высочайшему повелению. 1841–1862 гг.

турки... На коленях стояли, кричали «аман»... Перед стариком — до сих пор эти умоляющие лица, эти руки, простертые к победителям, эти покорно склонившиеся под солдатские приклады головы... Парфенов недоуменно оглядывался — неужели никто не уцелел? Нет, синие куртки лежат... Груды насквозь пробиты штыками... истребление бушевало здесь, не зная предела... Страшно становится Парфенову... Он оглядывается на своих, видимо, и другие чувствуют то же самое.

Молча сидят на брустверах... Дымки закуранных трубок курятся кое-где. Не слышно говора... Вон паренек — новичок в ратном деле — остановился над громадным турком, раскинувшимся в кровавой луже, и вглядывается в его лицо, точно хочет допроситься чего-то. И на него пристально смотрит турок — только неподвижным, полным ужаса взглядом... Разбросал руки — и смотрит; и оба они — мертвый и живой — не могут отвести глаз один от другого...

— Хоть бы этих не видеть... Хоть бы их убрали, — волновался Доронович, указывая на сотни трупов, лежавших в самых разнообразных положениях внутри редута.

В одном из углов стеной стояли эти трупы. Здесь во время боя нашел себе последнюю защиту гарнизон редута. Сюда сбежались те, которые не хотели бросать, подобно своим товарищам, оружие, падать на колена, кричать «аман!». Здесь турки умирали, не сдаваясь. Сюда они отступали и здесь же продавали жизнь за жизнь: падали, убивая, убивали, падая...⁴⁸⁶

Теперь об итогах. Хрущов бодро говорит о том, что турки «...ретиrowались в Кадый, оставив 170 тел, три орудия и лагерь». Липранди в рапорте докладывает о том, что в редуте №1 турки оставили «...одними убитыми более 170 человек».⁴⁸⁷

На первый взгляд картина самая радостная. Но настораживают две вещи: большое число погибших турок и почти совершенное отсутствие пленных. Ни один русский источник не говорит об их большом числе, хотя счастливых (примерно 100 чел., в том числе 5 офицеров)⁴⁸⁸ изредка указывают. Вероятно, их оказалось

⁴⁸⁶ Немирович-Данченко Вас. И. Редут взят // Русская военная проза XIX века. Л. 1989 г., С. 436–462.

⁴⁸⁷ Донесение генерал-адъютанту князю Меншикову начальника 12-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Липранди от 14-го октября, №3.076//Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. Под ред. Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 23.

⁴⁸⁸ Pflug, Ferdinand. Souvenirs de la campagne de Crimée: journal d'un médecin allemand au service de l'armée russe. Paris. 1862. P. 93–97.

Обер-офицеры казачьих войск. 1844–1845 гг.
Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск, с рисунками, составленное по высочайшему повелению. 1841–1862 гг.

все-таки меньше, ибо трудно представить, кому из турецких солдат повезло уцелеть в этой схватке.

Нет и пропорционального числа раненых. Часто говорят про 200–250 чел. При таком числе погибших их должно было бы быть никак не менее 450–500 человек, но уж никак не почти равное убитым число. Конечно, часть потянулась из редута, получив травмы в начале боя, когда это еще можно было сделать относительно безопасно. Видимо, их увидели в подзорную трубу Калторп и, вероятно, с его слов «высокохудожественно» изобразил этот процесс в своей книге Адкин, проиллюстрировав, таким образом, бегство турок с поля боя.

После такой элементарной арифметики вывод напрашивается только один: турки дрались упорно, сопротивление оказали отчаянное, и потому русские сделали единственное, что могли сделать в данном случае, чтобы их деморализовать и сломить волю — перекололи раненых, а заодно и тех, кто пытался сдаться в плен. Уцелевшие раненые — это те, кто в ходе боя после получения травмы покинул позицию и направился в тыл. Раненому не место в строю. Он

больше мешает, чем помогает, иногда даже может одним своим видом деморализовать тех, кто еще продолжает сопротивление. У раненых тоже было не очень много шансов дойти целыми до безопасного места. Вудс пишет, что за ними устроили буквально охоту казаки, и крики убиваемых ими несчастных доносились издалека.⁴⁸⁹ Он, кстати, не одинок в своем описании избиения турок русскими казаками, это можно найти еще у нескольких исследователей.⁴⁹⁰

Рассел вообще детально живописует картину массового истребления тех, кому удалось покинуть укрепление: «...И снова плотная колонна кавалерии развернулась подобно вееру, и длинные «пальцы» стрелковых цепей рассыпались по равнине, ловя убегающих турок. В воздухе заблестела сталь, и один за другим несчастные магометаны в предсмертных судорогах повалились наземь, рассеченные от фески до ключиц и грудных ремней».⁴⁹¹

⁴⁸⁹ Woods I. A. The Past Campaign: A Sketch of the War in the East, from the Departure of Lord Raglan to the Capture of Sevastopol. Vol. II. London. 1855. P. 63–64.

⁴⁹⁰ Ladimir, Jules. La guerre, histoire complète des opérations militaires en Orient et dans la Baltique pendant les années 1853, 1854, 1855: précédée d'un Aperçu historique sur les Russes et les Turcs. Tome 1. Paris. 1857. P. 70–72.

⁴⁹¹ Russell, W. H. The British Expedition to the Crimea. London. 1858. (<http://archive.org/details/britishexpedit00russgoog>).

Кемпбел в своем рапорте по итогам сражения докладывал, что именно при отступлении турки понесли большие потери.⁴⁹² Таким образом, у бежавших в тыл тоже было не много шансов уцелеть.

Пленные — это те, кого все-таки пощадили, вероятно, обнаружив спустя какое-то время после схватки, когда пыл русских пехотинцев остыл, а отойдя от схватки, они могли раненого и водой напоить, и коркой хлеба угостить. Даже если это был турок... Или, как в нашем случае, не совсем турок. Вот об этом немного подробнее.

ТУНИСЦЫ ПОД БАЛАКЛАВОЙ

Привычно именуя защитников редутов турками, мы делаем, сами того не подозревая, небольшую ошибку. Турками они были скорее по государственной, а не по национальной принадлежности. Редуты защищали не самые лучшие из числа османского контингента, да и совсем не турки — это были тунисцы.⁴⁹³

Собственно, турецкая дивизия располагалась под Севастополем, на левом фланге французских позиций, в тылу 4-й дивизии. Редуты же занимали подразделения тунисских полков из числа недавно прибывших в Крым: «...у нас есть восемь тысяч тунисцев и турок, которые практически не были в бою», — писал о них французский военный инженер Леон Герен.⁴⁹⁴

В Восточной войне с турецкой стороны участвовало около 500 тыс. человек. Регулярная армия насчитывала 140 тыс., резерв — 140 тыс., иррегулярные войска — 70 тыс. и вспомогательные контингенты — 119 тыс. человек. Войска последней категории включали 10 тыс. солдат из Албании, 30 тыс. из Боснии и Герцеговины, 6 тыс. из Валахии и Молдавии, 20 тыс. из Сербии, 19 тыс. из Туниса и Триполи, 40 тыс. из Египта.⁴⁹⁵ Непосредственно тунисский корпус (по данным современных турецких историков примерно 6–7 тыс. чел.)⁴⁹⁶ убит в Стамбул 26 июля 1854 г. Он воевал на Балканах, а в первой неделе октября 1854 г. был переброшен из Варны в Крым, где обратил на себя внимание полным отсутствием боевого опыта и жестоким обращением с местным населением.⁴⁹⁷

При этом качество октябрьских подкреплений (около 3000–4000 чел. до боя при Балаклаве) оценивается достаточно высоко.⁴⁹⁸ 9 октября британский посол из Турции писал лорду Раглану: «Я получил Ваш запрос о турецких подкреплениях утром 7-го и сделал все возможное, чтобы удовлетворить его. Шесть батальонов (три регулярных и три султанской гвардии) должны завтра утром погрузиться на три па-

⁴⁹² Sterling. C. Letters from the Army in the Crimea written during the Years 1854, 1855 and 1856, by Staff-officer who was there. London. 1857. P. 121.

⁴⁹³ Layard, Austen Henry. La Première campagne de la Crimée ou les batailles mémorables de l'Alma, de Balaklava et d'Inkermann, par Austin Layard. Traduction, autorisée par l'auteur, par A.-E.-S. Jervis. Paris. 1855. P. 67–68; Guerin, Leon. Histoire de la dernière guerre de Russie: 1853–56. Tom 1. Paris. 1858. P. 329–333.

⁴⁹⁴ Guerin, Leon. Histoire de la dernière guerre de Russie: 1853–56. Tom 1. Paris. 1858. P. 334–338.

⁴⁹⁵ Горячкин Г. В. Египетские войска в Крымской и русско-турецкой войнах (1877–1878 гг.) // Восточный архив. № 22. 2009 г. С. 42.

⁴⁹⁶ Gandan Badem. The Ottoman Crimean War (1853–1856). Hardcover. 2010. P. 81.

⁴⁹⁷ Woods I. A. The Past Campaign: A Sketch of the War in the East, from the Departure of Lord Raglan to the Capture of Sevastopol. Vol. II. London. 1855. P. 13–14; Нечитайлов М., Дуда В. Османская армия в Восточной войне (1853–1856 гг.) // Military Крым. Специальный выпуск № 3. Симферополь, 2011 г. С. 68–84.

⁴⁹⁸ Calthorpe, Somerset John Gough. Letters from head-quarters; or, The realities of the war in the Crimea, by an officer of the staff. Vol. I. London. 1857. P. 261–262.

рохода, присланных принять их. Я уверен, что насчитывают до 4000 чел; но и 350⁴⁹⁰ хватило бы, чтобы исполнить мои ожидания. Они снабжены оружием, боеприпасами, снаряжением, месячным провиантом и миллионом пиастров наличными. Они подчиняются исключительно Вам и имеют особого командира, которого я рекомендовал выбирать тщательно... Также прилагаю инструкцию к командиру в Батуме, который пришлет Вам все войска, которые сможет выделить — полагаю, не меньше 2500 и, надеюсь, не более чем почти четыре тысячи [солдат]... Несколько (семь) батальонов пехоты также ждут в Фессалии средств их доставки из Воло... Не могли бы Вы выслать пароходы с этой целью из Балаклавы? Отсюда, из Варны, с Дарданелл, нельзя выделить ни одного турка. Здесь нам приходится использовать в качестве гарнизонных войск тунисцев. Прибытие египтян под вопросом».⁴⁹⁰

Раглан подтвердил 13 октября, что около 2600 турок уже высадилось в Балаклаве и ожидается третий корабль с примерно таким же числом войск на борту. Спустя два дня прибыли новые силы турок (в весьма похвальном состоянии), и главнокомандующий оценивал полученное им подкрепление в 6 батальонов (до 4400 чел.). 24 октября Раглан сообщил, что «был бы рад получить батальоны из Воло».⁵⁰⁰

Внешне тунисцы были «почти как турки», но гораздо более убогие. Тунисская униформа явно ориентировалась в цветовой символике на Французскую армию. Как пишет Вансон, туниссские униформы были «плохо пригнаны и измяты, белые шейные платки у всех. Старые белые ремни с большими патронными сумами. Сабли на белых ремнях для унтер-офицеров, сабля-тесак без темляка или украшений».⁵⁰¹

На современников тунисцы (и офицеры, и солдаты) внешне производили впечатление чернокожих арабов, причем худошавых и малого роста. Их боевые качества заслужили крайне скромную оценку. После реформ в Тунисе, проведенных Ахмад-беем, в частности отмены работорговли в 1841 г. и освобождения рабов в 1847 г., множество бывших бесправных оказалось на улице и к своему удивлению, получив свободу, они стали еще более бесправными. Большая часть этих вольноотпущенных не смогла найти себе место в повседневной жизни и устремилась в армию, гарантировавшую более-менее приличный социальный статус и стабильное пропитание.

Те, кто видел этих несчастных в Крыму, испытывал чувства одновременно ужаса, жалости и отвращения: «Боже, какие же они грязные! Только б увидеть, как они чистятся».⁵⁰² Огнестрельное вооружение тунисцев также оставляло желать лучшего — старые европейские образцы, закупленные некогда во Франции⁵⁰³. Отмечалось, что тунисцев избегали задействовать в боях именно из-за состояния их оружия — несчастные случаи при обращении с ним погубили бы больше людей, чем противник⁵⁰⁴.

⁴⁹⁰ Нечитайлов М., Дуда В. Османская армия в Восточной войне (1853–1856 гг.)//Military Крым. Специальный выпуск №3. Симферополь, 2011 г. С. 68–84.

⁵⁰⁰ Нечитайлов М., Дуда В. Османская армия в Восточной войне (1853–1856 гг.)//Military Крым. Специальный выпуск №3. Симферополь, 2011 г. С. 68–84.

⁵⁰¹ Нечитайлов М., Дуда В. Османская армия в Восточной войне (1853–1856 гг.)//Military Крым. Специальный выпуск №3. Симферополь, 2011 г. С. 68–84.

⁵⁰² Нечитайлов М., Дуда В. Османская армия в Восточной войне (1853–1856 гг.)//Military Крым. Специальный выпуск №3. Симферополь, 2011 г. С. 68–84.

⁵⁰³ Нечитайлов М., Дуда В. Османская армия в Восточной войне (1853–1856 гг.)//Military Крым. Специальный выпуск №3. Симферополь, 2011 г. С. 68–84.

⁵⁰⁴ Нечитайлов М., Дуда В. Османская армия в Восточной войне (1853–1856 гг.)//Military Крым. Специальный выпуск №3. Симферополь, 2011 г. С. 68–84.

При этом в Крыму их отправили в самое опасное место — на передовые позиции. Это объяснимо. Так как служба на отдаленных редутах, опасная, требовавшая ежедневного тяжелого труда по их укреплению и имевшая проблемы со своевременным снабжением, была не в большом почете у истинных солдат Османской империи, они, не сильно задумываясь о ее важности, направили туда тех, кого считали ниже себя. То есть, кроме привычной для англичан «колоннальной» дискриминации турок, в их среде существовала еще и своя кастовость, в которой несчастным тунисцам отводилась одна из низших ступеней: «худшие солдаты Турецкой армии: люди, которые едва ли знали, как обращаться с оружием, на них никак нельзя было полагаться».⁵⁰⁵

Сражение под Балаклавой — единственный случай активного участия тунисцев в боевых действиях в Крыму. В 1855 г. их 10 батальонов, 2 эскадрона и 2 батареи были вывезены на Черноморское побережье Кавказа, где действовали в составе армии Омер-паши и постепенно вымирали от болезней.⁵⁰⁶ Лишь половина тунисского контингента (3800 чел.) весной 1856 г. вернулась в Тунис живыми.⁵⁰⁷

Английский взгляд на трусость турок быстро стал одной из причин объяснения неудачного исхода событий под Балаклавой. Скорее это была удобная причина, потому не все в него сразу безоговорочно поверили, зная любовь британцев перекладывать свои проблемы на чужие головы. Например, Энгельс стал одним из первых усомнившихся в этом: «Оставление этих редутов турками может принести пользу тем, что развеет укоренившееся со времени Ольтеницы и Силистрии нелепое представление о чудовищной храбрости турок; но все-таки английские генералы и английская печать в данном случае ведут себя не очень красиво, внезапно обрушив свой гнев на турок. Винить следовало бы не столько турок, сколько инженеров, ухитрившихся так нелепо построить их оборонительную линию и не позаботившихся о ее своевременном окончании, а также командиров, которые подставили первую линию под сокрушительный удар, не обеспечив ей никакой поддержки».⁵⁰⁸

Обер-офицер казачьих войск. 1845—1855 гг. Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск с рисунками, составленное по высочайшему повелению. 1841—1862 гг.

⁵⁰⁵ Higginson, George Wentworth Alexander, Sir, *Seventy-one years of a guardsman's life*. London. 1916. P. 184.

⁵⁰⁶ К 21 сентября 1855 г. «из 10-ти тыс. тунисцев, находившихся в Чурук-су, только 360 чел. способны были носить оружие» (Нечитайлов М., Дуда В. Османская армия в Восточной войне (1853—1856 гг.)//*Military Крым. Специальный выпуск №3*. Симферополь, 2011 г. С. 68—84.).

⁵⁰⁷ Воспоминания 1855 года. События в Грузии и на Кавказе майора Осман-бея//*Кавказский сборник*, Том 2. Тифлис, 1877 г. С. 185.

⁵⁰⁸ Энгельс Ф. Сражение под Балаклавой (<http://luginovoy-k.narod.ru/marx/10/72.htm>).

И, конечно, идея поручить важнейшую задачу самым слабым войскам союзного контингента — это дорого стоившая ошибка Раглана.⁵⁰⁹

Вполне возможно, что не только у союзников были под руками шпионы, не только они брали пленных и не только к ним бежали перебежчики: Липранди вполне мог знать, что редуты были заняты второсортными войсками, состоящими из тунисцев и малоподготовленных новобранцев.

БОЙ ЗА РЕДУТЫ №2, 3 и 4

Редуты №2 и №3 брал Украинский пехотный полк. Его командиру потребовалось меньше времени, чтобы выполнить задачу, нежели потерявшему почти полторы сотни человек Криденеру.

Артиллерийскую поддержку вначале оказывала конная №12 батарея, подошедшая от резервов, но едва достававшая гранатами до редута и потому быстро прекратившая напрасную трату снарядов. Правда, хватило и того, чтобы решить участь укрепления.

Напуганные судьбой своих коллег, которых к этому времени добивали на редуте №1, разъяренные их упорным сопротивлением русские (жуткие вопли убиваемых штыками несчастных утренний воздух доносил до соседних укреплений), защитники этих позиций решили судьбу не испытывать и зря солдат-украинцев не злить. Из всех возможных вариантов действий они выбрали наиболее безопасный — бросились бежать, положившись, по словам Слейда, на волю Аллаха — кысмет.⁵¹⁰

Руссе видит причину последующего негативного отношения к туркам именно в том, что упорно защищая первый из редутов (правильнее сказать, пытаясь спасти свои жизни), они быстро оставили остальные.⁵¹¹ Продержавшись более часа, турки так и не дождались помощи, которую им наверняка обещали «английские братья». В то, что эта помощь придет, они больше не верили.

Ускорило принятие ими «мудрого» решения прибытие Донской №3 батареей батареи, которая, отойдя после взятия редута №2 к реке Черной, напоила лошадей, видимо, сменила передки, получила поздравление, с успехом переданное Липранди через одного из своих адъютантов — князя Оболенского (командовавшего казачьей артиллерией),⁵¹² и, пополнив боезапас, с хорошим настроением вернулась на поле боя. Приказ Липранди сменить конную №12 батарею выполнили быстро. После непродолжительной стрельбы по редуту турки оттуда ушли и пехота, двинувшись в атаку, взяла укрепление, а вместе с ним палатки и орудия.⁵¹³

Стреляли вновь до полного опустошения передков. Гусарский офицер Арбузов видел, как после занятия редутов командир Донской батареи проезжал мимо гусарского полка, везя за собой из парка новые зарядные ящики.⁵¹⁴ Но и лишнего расхо-

⁵⁰⁹ The Light Cavalry Brigade in the Crimea Extracts from the Letters and Journal of General Lord George Paget. London. 1881. P. 166.

⁵¹⁰ Slade, Adolphus, By Rear-Admiral. Turkey and the Crimean war; a narrative of historical events. London. 1867. P. 327–328.

⁵¹¹ Rousset, Camille. Histoire de la guerre de Crimée. Tome 1. Edition 2. Paris. 1878. P. 333–334.

⁵¹² О сражении под Балаклавой. Записка генерал-лейтенанта Ив. Ив. Рыжова/Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. Под ред. Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 73.

⁵¹³ Калинин Б. М. Материал для истории Донской артиллерии. Новочеркасск, 1907 г. С. 147.

⁵¹⁴ Арбузов Е. Воспоминания о кампании на Крымском полуострове в 1854 и 1855 году/Военный сборник. №4. СПб., 1874 г. С. 389–410.

не допускали: «...Тридцать артиллерийской бригады, действовавших в продолжение 10 часов, от 6 утра до 4 часов пополудни, выпустили 1 300 выстрелов, в том числе 162 выстрела картечных; следовательно, каждое орудие делало в час от пяти до шести выстрелов. Этот расчет ясно показывает, что взводные офицеры производили пальбу с правильной наводкою и тщательным наблюдением за действием своего выстрела, имея в виду сбережение снарядов, что при тогдашнем составе Крымской армии было крайне необходимо».⁵¹⁵

Изучая историю Крымской кампании, сложно не обратить внимание на отличную подвижность русской артиллерии: армейской, конной и особенно иррегулярной. Артиллерия закупала лошадей не у популярных конезаводчиков, а за гораздо меньшие деньги, но значительно лучших, у малоизвестных провинциальных производителей (к примеру, в Тамбовской, Саратовской или Пензенской губерниях). Таким образом, удалось избежать откровенной коррупции и получать более качественный и менее дорогостоящий конский состав. На его качество обратил внимание Николай I еще во время кавалерийского смотра в Чугуеве в 1845 г. Там же он, кстати, указал на это и другим кавалерийским начальникам, в том числе 6-й легкой кавалерийской дивизии.⁵¹⁶

Выбив турок, два батальона Украинского полка заняли редуты № 2 и № 3. Один батальон расположился у редута № 3, а один оставался в резерве у Трактирного моста на р. Черной.⁵¹⁷

Донская № 3 батарея отошла к редуту № 1 и развернулась фронтом в сторону Балаклавской долины.⁵¹⁸ Конфигурация линии русских войск делала невозможной атаку со стороны Сапун-горы, кроме как ценой больших потерь. Это предусмотрительное решение уже скоро сделает артиллеристов героями дня, вышедшими победителями из тяжелой схватки с английскими кавалеристами. Ее соседями справа и спереди была пехота Жабокрицкого на Федюхиных высотах, слева — Семякин со своими батальонами и стрелками на редутах.⁵¹⁹

“Well, Jack, here's good news from home. We're to have a medal.”
“That's very kind. Maybe one of these days we'll have a coat to stick it on.”

Страдания Британской армии зимой 1854–1855 гг. Это результат успеха русской армии под Балаклавой 13(25) октября 1854 г.

⁵¹⁵ Н. Ушаков Описание атаки русских войск на Кадыккойские высоты 13-го (25-го) октября 1854 года//Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. Под ред. Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 33.

⁵¹⁶ Ковалевский А. Заметка о лошадях//Военный сборник. № 10. СПб., 1874 г. С. 358–359.

⁵¹⁷ Грабовский С. В. Историческая хроника полков 37-й пехотной дивизии (1700–1880). СПб., 1883 г. С. 87–88.

⁵¹⁸ Калинин Б. М. Материал для истории Донской артиллерии. Новочеркасск, 1907 г. С. 147.

⁵¹⁹ Калинин Б. М. Материал для истории Донской артиллерии. Новочеркасск, 1907 г. С. 147.

Турецкий часовой.

Из редута №3 турки («некоторое число их»)⁵²⁰ отходили и следующему в линии, организованно отбиваясь от наседавших русских кавалеристов.⁵²¹

Редут №4 пал последним, продолжив «домино». Оставив Одесскому полку и легкой №7 батарее остальные, последние «арендованные» орудия и окончательно испортив настроение британцам, турки отступили к редуту №5. Кроме пушек, русским достались «...палатки, порох, шанцевый инструмент».⁵²²

Сказать, что укрепление досталось одессцам без крови, нельзя. Хотя бы потому, что в числе подвигов этого дня значится штуцерник 5-й роты Одесского полка Дементий Комиссаров, ко-

торому во время боя за редут №4 оторвало осколком гранаты концы среднего и указательного пальцев левой руки.⁵²³ Но и свою задачу одессцы выполнили полностью. Решив, что именно сюда Липранди нанесет главный удар, в его направлении начали двигаться резервы союзников.⁵²⁴

Это укрепление долго занимать не стали, оно было слишком выдвинутым вперед. По приказу Липранди орудия заклепали, сбросили, предварительно изрубив лафеты, а сам редут срыли,⁵²⁵ использовав для этого, вероятно, найденный на месте трофейный шанцевый инструмент.

Герен считает, что турки отступили после ожесточенного сопротивления, так и не дождавшись помощи от англичан.⁵²⁶ Он мыслит правильно. Как и следовало ожидать, англичане не слишком озаботились помощью своим союзникам. Хотя их артиллерия и выдвинулась было вперед, эту попытку русские быстро пресекли: «...Во время нашей атаки шесть английских полевых орудий выехало между редутами №1 и №2 для действия во фланг атакующим, но штуцерные Украинского полка и дивизион

⁵²⁰ Calthorpe, Somerset John Gough. Letters from head-quarters; or, The realities of the war in the Crimea, by an officer of the staff. Vol. London. 1857. P. 309–311.

⁵²¹ Woods I. A. The Past Campaign: A Sketch of the War in the East, from the Departure of Lord Raglan to the Capture of Sevastopol. Vol. II. London. 1855. P. 64–65.

⁵²² Описание обороны города Севастополя. Составлено под рук. генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 241.

⁵²³ Грабовский С. В. Историческая хроника полков 37-й пехотной дивизии (1700–1880). СПб., 1883 г. С. 99.

⁵²⁴ Н. Ушаков Описание атаки русских войск на Кадыкойские высоты 13-го (25-го) октября 1854 года/Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. Под ред. Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 33.

⁵²⁵ Донесение генерал-адъютанту князю Меншикову начальника 12-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Липранди от 14-го октября, №3.076/Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. Под ред. Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 23–24.

⁵²⁶ Guerin, Leon. Histoire de la dernière guerre de Russie: 1853–56. Том 1. Paris. 1858. P. 334–338.

батареи № 4 батареи под командою поручика Постникова заставили их немедленно отступить и тем много облегчили атаку. По занятии редута полковник Афанасьев с четырьмя орудиями легкой № 6 батареи поднялся на высоту и открыл огонь по начинавшему устраиваться неприятелю, который, видя, что укрепление уже занято артиллериею, оставил свои покушения и отошел к с. Кадыкой». ⁵²⁷

Дальше пути уцелевших турок разделились. Одни, как говорит Руссе, отступив, заняли позиции рядом с кавалерией. ⁵²⁸ О них мы еще упомянем. Другие устремились по направлению к подходившим горцам. О них мы тоже еще вспомним.

Русские оценили сопротивление турок как серьезное, но успешно преодоленное. ⁵²⁹

По достоинству оценили турок и их упорное сопротивление на редутах ⁵³⁰ французы, вообще считавшие, что при хорошем отношении, снабжении и заботе турецкий солдат был не хуже союзного, что не раз демонстрировал во время этой войны. ⁵³¹

БЫЛА ЛИ ПАНИКА У ТУРОК, или ЛЕГЕНДА О «БОНО ДЖОННИ»...

Едва ли не все, кто брался за описание поведения турецких солдат при Балаклаве, рисуют орущую, бегущую с криками «на корабли!» толпу, по пути грабящую английские палатки и по этой причине жестоко битую солдатскими женами.

Да что там жены, пнуть турок не хотел только самый ленивый! Артиллерист капитан Ванделир, который сам в деле не был, по причине обгаженных накануне из-за дизентерии штанов, но много слышавший о сражении от участвовавших в нем коллег по батарее, все свалил на головы несчастных османов: «...трусливые негодяи, отвечавшие за пять фортов на гребне высот, оставили врагу все наши пушки, не произведя ни единого выстрела». ⁵³²

На самом деле это, мягко говоря, ложь, порожденная колониальным мышлением английского журналиста. «Турки дрались столько, сколько могли», ⁵³³ — эти слова Кемпбела лучшим образом характеризуют бой за редуты.

Известные своим неистовым хамством британские полковые тетки могли, конечно, сильно не церемонясь, по примеру мужей оскорбить или ударить раненого турецкого солдата, из последних сил доковылявшего до Балаклавы. «Исторический очерк 93-го...» говорит о некой солдатской жене Кокане Смит, которая, собрав женщин, успешно отражала атаку турок на семейное добро. ⁵³⁴ При этом им было совершенно безразлично, кто перед ней, раненый солдат, пытающийся найти тряпку, чтобы перемотать рану, или действительно в панике удирающий боец.

⁵²⁷ Н. Ушаков Описание атаки русских войск на Кадыкойские высоты 13-го (25-го) октября 1854 года//Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. Под ред. Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 33.

⁵²⁸ Rousset, Camille. Histoire de la guerre de Crimée. Tome 1. Edition 2. Paris. 1878. P. 334.

⁵²⁹ Энциклопедия военных и морских наук. Под. ред. генерал-лейтенанта Леера. Том 1. СПб., 1888 г. С. 312–313.

⁵³⁰ Auger, Charles. Guerre d'Orient: siège de Sébastopol: historique du service de l'artillerie (1854–1856). Tome 1. Paris. 1859. P. 116–120.

⁵³¹ Layard, Austen Henry. La Première campagne de la Crimée ou les batailles mémorables de l'Alma, de Balaklava et d'Inkermann, par Austin Layard. Traduction, autorisée par l'auteur, par A.-E.-S. Jervis. Paris. 1855. P. 67–68.

⁵³² Marsh, Catherine. The life of Arthur Vandeleur, Major, Royal Artillery. London. 1862. P. 139–140.

⁵³³ Kelly. Tom. From the fleet in the fifties. A history of the Crimean war. London. 1902. P. 183–184.

⁵³⁴ Historical records of the 93rd Sutherland Highlanders now the 2d battalion, Princess Louise's Argyll and Sutherland Highlanders. Compiled and edited by Roderick Hamilton Burgoyne, late 93rd Highlanders. 1883. London. P. 113–114.

Отправка 4-го Королевского Ирландского гвардейского драгунского (4th Royal Irish Dragoon Guards) полка в Крым. 1854 г. Рисунок неизвестного английского художника. Сер. XIX в.

Свое прозвище «Кокана» она получила, по английской версии, когда, собрав женщин, вышла навстречу бегущим туркам и стала избивать их палкой. Когда турки пытались ей что-то объяснить (возможно, говоря, что они ранены и нуждаются в помощи), тетка впала в ярость и подключила пинки своими ногами (а по воспоминаниям была она высокой и плечистой), обутиыми в солдатские ботинки.

Турецкие солдаты (вместо того чтобы тупо ткнуть ей в живот штыком) вежливо просили, называя «Коканой», как они обычно обращались к европейским женщинам высокого ранга, отстать от них. Неизвестно, чем завершилась эта история, но «подвиг» шотландки стал известен всем.⁵³⁵

После сражения турок обвиняли в трусости все или почти все английские командиры. По их мнению, первыми бросились бежать офицеры, а за ними «рванули» к Балаклаве солдаты.⁵³⁶

Хотя думаю, что первыми бросились бежать именно английские офицеры. Причина для этого у них была (если конечно они о ней знали). До принятия в 1854 г. нового Положения о содержании пленных взятым в плен турецким пашам было предписано выплачивать денежное содержание, равное жалованию русских генералов. Пашей и штаб-офицеров указано отправлять на почтовых, а обер-офицеров на обывательских подводах. Всех остальных пленных, включая иностранцев, служивших в Турецкой армии и взятых с оружием в руках, следовало невзирая на звания отправлять пешком этапным порядком, принятым для движения арестантов. Новое Положение о пленных было утверждено 16 марта 1854 г. В него были включены все принятые до этого распоряжения. Сохраняя в целом принятые еще в 1829 г. правила содержания пленных, новое Положение ужесточало отношение к иностранцам, воевавшим в составе Турецкой армии. Их, независимо от чинов, предписывалось

⁵³⁵ Skene, James Henry. With lord Stratford in the Crimean war. London. 1883. P. 106.

⁵³⁶ Layard, Austen Henry. La Première campagne de la Crimée ou les batailles mémorables de l'Alma, de Balaklava et d'Inkermann, par Austin Layard. Traduction, autorisée par l'auteur, par A.-E.-S. Jervis. Paris. 1855. P. 67–68.

препровождать этапным порядком и довольствоваться наравне с турецкими нижними чинами.⁵³⁷

Правда, при этом британцы соглашались, что по причине выдвинутого положения редутов, их удаленности от главных сил турки не чувствовали за спиной силы Английской армии. Правда, тут есть неясности. Вуд, как мы помним, упомянул избивание бегущих английскими кавалеристами.⁵³⁸ Но ведь со своей позиции он вполне мог принять за это убийство турецких солдат русскими казаками.⁵³⁹

Точно также, вероятно, не совсем точен Калторп, находившийся рядом с Рагланом. Подполковник говорит, что они наблюдали бегущих с редута людей через несколько минут после начала атаки русских.⁵⁴⁰ Но мы уже говорили, что ими могли быть первые раненные, которые, естественно, потянулись из укрепления в тыл.

Правда, он же вскоре поправляется. Частично османские солдаты с редута № 2, куда, как выясняется, добежали и некоторые уцелевшие из уже взятого № 1,⁵⁴¹ не дружно «рванули на корабли», а перебежали на редут № 3, укрепив его гарнизон.⁵⁴²

Это и потребовало вмешательства русской артиллерии, о котором пишет Калинин. Иначе зачем Оболенскому потребовалось передавать приказ Липранди Донской батарее выдвигаться к редуту № 3, если, как гласит основная бытовавшая до настоящего времени версия событий, турки оттуда в страхе бежали. Вероятно, лишь для того, чтобы «намекнуть» защитникам укрепления: уходите скорее, иначе смерть.

На самом деле турки действительно бежали, но в большинстве своем не с поля боя, а из укрепления в укрепление. Предпоследний бросок они сделали после падения редута № 3, когда часть его защитников перешла в редут № 4⁵⁴³ и только оттуда покинула поле боя, вероятно, все-таки примкнув к линии 93-го полка. По его словам, их было не менее 300 чел., которых Кемпбел поставил на флангах горского полка.⁵⁴⁴

Кемпбел «пристроил» их к одной из элитных рот полка — гренадерской, которой командовал капитан Росс.⁵⁴⁵ В этом случае на известной картине Гибба должны быть изображены солдаты в синих турецких мундирах, а не в килтах цветов клана Сазерленд, так как правый фланг горцев составляли или турки, или кто-то еще, но только не шотландцы. Таким образом, еще даже не вступив в дело, «тонкая красная линия» начала откровенно синеть.⁵⁴⁶

⁵³⁷ В. Бессонов Военнопленные Крымской войны (1853–1856 гг.) в Калужской губернии//Иностранные военнопленные и российское общество в годы Крымской войны//Российская история. №5. М., 2010 г. С. 153–164.

⁵³⁸ Wood, Evelyn. The Crimea in 1854, and 1894. Chapman & Hall, Id., London. 1895. P. 104–106.

⁵³⁹ Woods I. A. The Past Campaign: A Sketch of the War in the East, from the Departure of Lord Raglan to the Capture of Sevastopol. Vol.II. London. 1855. P. 64.

⁵⁴⁰ Calthorpe, Somerset John Gough. Letters from head-quarters; or, The realities of the war in the Crimea, by an officer of the staff. Vol. I. London. 1857. P. 303.

⁵⁴¹ Woods I. A. The Past Campaign: A Sketch of the War in the East, from the Departure of Lord Raglan to the Capture of Sevastopol. Vol.II. London. 1855. P. 64.

⁵⁴² Calthorpe, Somerset John Gough. Letters from head-quarters; or, The realities of the war in the Crimea, by an officer of the staff. Vol. I. London. 1857. P. 304–305.

⁵⁴³ Calthorpe, Somerset John Gough. Letters from head-quarters; or, The realities of the war in the Crimea, by an officer of the staff. Vol. I. London. 1857. P. 304–305.

⁵⁴⁴ Calthorpe, Somerset John Gough. Letters from head-quarters; or, The realities of the war in the Crimea, by an officer of the staff. Vol. I. London. 1857. P. 305.

⁵⁴⁵ Robins, Colin. "Ship, Johnny, Ship?" – Battlefield Detectives, UK Channel 5, August 2003//The War Correspondent. Vol.21. Num.3. October 2003. P. 12.

⁵⁴⁶ У турок мундиры были синего цвета, как у солдат Морской бригады, морских пехотинцев и роты инвалидов.

Сержант, трубач и рядовые 4-го легкого драгунского полка в походной форме. 1854 г. Рисунок А. Хейса.

Другая часть отошла к недостроенному редуту № 5 и закрепилась в нем. О них Калторп упоминает одну интересную вещь. Турки (те, которые не рискнули еще раз попасть под русские сабли) держались в редуте № 4 и после того, как на всех остальных уже были русские. Покинули они его только после того, как увидели приближающиеся массы русской кавалерии, и только по причине страха быть отрезанными.⁵⁴⁷ Они-то знали, что ждет их, если противник ворвется в укрепление, а отступить будет уже некуда.

Но и это не все. Калторп прекрасно видел и честно сообщил, что даже из редута № 4 турки не всей толпой бросились бежать, а вполне организованно частью отошли к невооруженному редуту № 5, где и находились до конца сражения и в котором их обнаружили французы.⁵⁴⁸

Это формально давало союзникам основание считать, что линия передовых укреплений была не взята русскими полностью. Может быть, потому в русской исторической литературе оставшиеся два редута № 5 и 6 просто исключили из оборонительной линии, а турок (с помощью англичан) сделали банальными трусами? Таким образом, получается вполне себе альминская ситуация, когда в результате нашего исследования из второстепенных участников турецкие солдаты становятся если не героями дня (а при Балаклаве они имеют полное право таковыми быть), то хотя бы полноправными участниками события.

⁵⁴⁷ Calthorpe, Somerset John Gough. Letters from head-quarters; or, The realities of the war in the Crimea, by an officer of the staff. Vol. I. London. 1857. P. 308.

⁵⁴⁸ Calthorpe, Somerset John Gough. Letters from head-quarters; or, The realities of the war in the Crimea, by an officer of the staff. Vol. I. London. 1857. P. 310–311.

Поведение османских войск в сражении, невзирая на робкие попытки оправдать их⁵⁴⁹ стало причиной того, что особенно для англичан турки стали в дальнейшем объектом абсолютного презрения и самого жестокого отношения: общение стало простым — «удар или пинок для этих бедолаг и одни только самые отборные ругательства».⁵⁵⁰

Отныне доверия к туркам не было, и они продолжали войну на самых тяжелых работах. Корнет Фишер сравнивал: «Русские — ангелы по сравнению с этими собаками».⁵⁵¹ Их считали главными виновниками тяжелых потерь, понесенных вскоре в этот день британцами.⁵⁵² Всем было безразлично, что их ряды косили холод, голод, тиф, холера и дизентерия. Кроме физических оскорблений, турок унижали морально, не считаясь даже с их религиозными чувствами: интендантство додумалось выдавать туркам солонину (свинину), которую те, естественно, есть не могли.⁵⁵³

Возможности туркам проявить себя под Севастополем англичане после Балаклавского сражения больше не предоставляли, хотя совсем скоро события под Евпаторией доказали, что при грамотном управлении турки могут воевать ничуть не хуже их европейских друзей.

Меняли даже их национальную принадлежность. Войска, сражавшиеся у Балаклавы, сначала были турками, потом стали тунисцами, а под конец уже египтянами — «никто не хочет принадлежать к отряду, защищавшему балаклавские редуты».⁵⁵⁴

⁵⁴⁹ Higginson, George Wentworth Alexander, Sir, *Seventy-one years of a guardsman's life*. London. 1916. P. 13–17.

⁵⁵⁰ Gandan Badem. *The Ottoman Crimean War (1853–1856)*. Hardcover. 2010. P. 275–276.

⁵⁵¹ Gandan Badem. *The Ottoman Crimean War (1853–1856)*. Hardcover. 2010. P. 275–276.

⁵⁵² Robinson, Frederick. *Diary of the Crimean War*. Richard Bentley. London. 1856. P. 192.

⁵⁵³ Нечитайлов М., Дуда В. Османская армия в Восточной войне (1853–1856 гг.) // *Military Крым. Специальный выпуск №3*. Симферополь, 2011 г. С. 68–84.

⁵⁵⁴ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Вып. IV. СПб., 1872.

СТИПЛЬ-ЧЕЗ ПОД БАЛАКЛАВОЙ

Стипельчез (англ. steeple-chase) – первоначально скачка по пересечённой местности до заранее условленного пункта. Сейчас это один из наиболее зрелищных видов конно-спортивных соревнований, требующий от лошади невероятной силы, резвости и выносливости, отличающийся повышенной опасностью получения травм.

Столь оригинальное название, больше похожее на спортивную, чем на военную терминологию, выбрано для описания столкновения русской и союзной кавалерии не случайно. В сравнении с логическими играми мы описывали события первых трех книг. Речь шла в основном о шахматах, когда Меншиков попытался сыграть с союзниками по правилам и проиграл Альминское сражение, и с картами, когда князь поняв, что имеет дело с банальными жуликами, их же способами обвел вокруг пальца во время лихой партии в покер.

События под Балаклавой в отдельных случаях мало поддаются логике и потому не будем сравнивать их с играми, требующими напряжения ума. Тут больше действий и более уместен другой спорт, как в нашем случае — конный. Если уж речь зашла об аллегориях, то признаюсь, «лошадиное» сравнение — не моя выдумка. Это от Гоуинга, который, волею случая став зрителем сражения, написал в своих воспоминаниях: «Мы слышали пальбу под Балаклавой, но думали, что это перестрелка между турками и русскими, которая обычно заканчивается вничью. Увидали мы и ординарцев, и штабных офицеров, несущихся сломя голову, будто на скачках в Дерби».⁵⁵⁵

Точно так же сказал француз Руссе, впоследствии метко назвавший кавалерийские схватки у Кадыкоя «кровавым стипль-чезом».⁵⁵⁶

Действия русской кавалерии у Балаклавы подвержены нещадной, часто даже уничижительной критике как со стороны современников, так и в более поздних исследованиях. Мы не собираемся ни опровергать, ни подтверждать происходившее, тем более, что в этом нет никакого смысла.

Для русской кавалерии Балаклавское сражение — суровое испытание. Впервые с эпохи победоносных наполеоновских войн ей пришлось скрестить клинки с одной из европейских конниц. Можно сколько угодно говорить о грандиозных реформах Николая I, касающихся кавалерии, в том числе о тщательном изучении и внедрении опыта «грозной стратегической конницы Мюрата» эпохи побед начала века. Вот

⁵⁵⁵ Тимоти Гоуинг. Голос из строя (Gowing T. Voice from the Ranks: a personal narrative of the Crimean Campaign. Nottingham, 1895. Перевод Е. Тулахиной//«Military Крым». № 3. Симферополь, 2006 г. С. 22–23.

⁵⁵⁶ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 169.

только к моменту апробирования этих реформ эпоха кавалерии в прежнем ее виде приблизилась к закату и Балаклава суждено было стать одним из его рубежей.⁵⁵⁷

В целом то, что случилось в этот день, много незначительнее внимания, которое оно к себе привлекло и продолжает привлекать. Особенно пугает повышенное внимание к мелочам, затеняющим детали намного более интересные и значимые.

Вся «кавалерийская суета» с обеих сторон свелась к совершенно бестолковым (сначала русским, потом английским) столкновениям и существенного влияния на ход и исход боя не оказала. Меншиков даже не указал на нее в своем рапорте об итогах дня.⁵⁵⁸ Конные схватки этого дня внесли большой вклад в мировую литературу, чем в историю войн и военного искусства. Все без исключения их участники демонстрировали храбрость, индивидуальное искусство, но результат не стоил затраченных усилий, не говоря о жизнях людей, которые цены не имеют.

Балаклава началась для англичан столь же обычно, как почти все большие и малые сражения Крымской кампании, когда непринятие должных мер охраны не всегда проходит безнаказанно, а иногда за него приходится расплачиваться гибелью солдат и репутацией военачальников.⁵⁵⁹

Это было тем более удивительно, что нападения русских ждали, к нему готовились, но... по привычке прозевали. Не удивительно — аванпостная и разведывательная служба англичанами по-прежнему неслась отвратительно.⁵⁶⁰

Итак, русская кавалерия. События, в которых она стала главным действующим лицом, порождают много вопросов и дают мало на них ответов. Например, как получилось, что Липранди блестяще, можно сказать, академически организовавший взаимодействие пехоты, артиллерии, отдельных отрядов, взятие передовых позиций, затем совершенно логично расставивший свои войска на «шахматной доске» поля боя, вдруг перестает ими управлять.

До сих пор точно непонятно, кто и зачем отдал приказы на действия кавалерийской бригаде. Под словом «приказ» в данном случае я подразумеваю его классическое отдавание и исполнение, а не «киношный» взмах рукой под истерические крики «все вперед!» или что-то в этом роде. Пара английских военачальников в этот день именно по

Сержант 17-го уланского (17th Regiment of (Light) Dragoons (Lancers) полка.
Рис. Ш. Пайоля.

⁵⁵⁷ Хухарук А. В. Реформирование армии правительством Николая I в 1830-е годы//Русский сборник: исследования по истории России. Том VII. М., 2009 г. С. 202.

⁵⁵⁸ Донесение генерал-адъютанта князя Меншикова о наступательном действии отряда генерал-лейтенанта Липранди против лагеря союзников, перекрывающих дорогу из Севастополя в Балаклаву//Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. Под ред. Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 20—22.

⁵⁵⁹ Эрнрот К. Об охране и разведывании на войне//Военный сборник. № 7. СПб., 1875 г. С. 37.

⁵⁶⁰ Денисон Дж. История конницы. Кн. 1. М., 2001 г. С. 383—385.

Сержант 1-го Королевского (1st Royal Dragoons) драгунского полка. Рис. Ш. Пайюля.

такой схеме попыталась руководить войсками. и мы скоро узнаем, к чему это привело.

Начнем сначала. По диспозиции Липранди действует с целой кавалерийской бригадой: конницы в составе Чоргунского отряда более чем достаточно, но четкая задача для нее не указана, хотя общая задача Чоргунского отряда обозначена четко: атака редутов.

Конечно, особенно страшного ничего в этом нет. Для усиления войск, перекрывших коммуникацию союзников, действующих на широком пространстве с наличием открытых флангов, конница очень даже к месту.⁵⁶¹ Тем более для закрепления на занятых укреплениях будет важно удерживать какое-то время за собой обширную территорию, не давая неприятелю принять меры для ее возвращения или его же попыткам помешать русским огнем нескольких выдвинутых вперед батарей.

Сам Рызов в своих воспоминаниях туманно. нехотя, говорит о полученной задаче и, похоже, преднамеренно уходит от точного ответа на вопрос: что же, собственно, требовалось от

него — как командующего конницей — в бою. По его словам, бригаде нужно было после занятия редутов подойти к ним и в карьер атаковать неприятельскую артиллерию.⁵⁶²

При этом самое главное — какая это артиллерия и где она вообще должна была дожидаться атаки русской кавалерии — не говорится». Да и от самого понятия атаки кавалерией устроенных или открытых батарей как-то пахнет чем-то невероятным.

При этом подразумевалось, если верить Рызову, что английская армия и особенно кавалерия будет спокойно стоять на месте и ждать, когда ее разнесут в клочья.

Его начальники вообще стараются на эту тему не говорить. В рапорте Меншикова, о чем выше сказано, кавалерия впервые упоминается как атакованная бригадой Кардигана.⁵⁶³

В рапорте Липранди ее действия представлены как незначительное движение вперед и столь же быстрый отход на исходные позиции.⁵⁶⁴

Если молчат свои, то можно посмотреть, что думают по этому поводу противники. Во французских исследованиях сразу после событий Восточной войны действия

⁵⁶¹ Описание обороны города Севастополя. Составлено под рук. генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 237.

⁵⁶² О сражении под Балаклавой. Записка генерал-лейтенанта Ив. Ив. Рыжова//Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. Под ред. Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 74.

⁵⁶³ Донесение генерал-адъютанта князя Меншикова о наступательном действии отряда генерал-лейтенанта Липранди против лагеря союзников, перекрывающих дорогу из Севастополя в Балаклаву//Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. Под ред. Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 20–22.

⁵⁶⁴ Донесение генерал-адъютанту князю Меншикову начальника 12-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Липранди от 14-го октября, №3.076//Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. Под ред. Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 24.

Рыжова приводятся как героическая ошибка (почти как у англичан). По их мнению, имея за спиной опору на уже взятые укрепления, дававшие русским тактическое преимущество, можно было совершенно по-иному воспользоваться кавалерией, не бросаая ее в бессмысленную рубку с заведомо более сильными английскими драгунами.⁵⁶⁵

Немецкие военные исследователи второй половины XIX в., уже готовясь к кампании против Франции, тщательно изучали опыт применения в том числе русской кавалерии и пришли к выводу, что она в делах под Балаклавой и позднее у Евпатории могла быть «...употреблена с большей пользой».⁵⁶⁶

Есть еще одна причина, возможно сыгравшая свою роль — моральный фактор. Русские гусары середины XIX в. — это особое явление российской военной истории. Видевшие в Симферополе офицеров Саксен-Веймарского полка обыватели обратили внимание на большое число молодых людей, празднично проводивших время, как будто рядом не было войны, они выехали на полевые маневры как «...танцующие на вулкане».⁵⁶⁷

Им не удалось проявить себя под Альмой, им не удалось показать себя при отходе Русской армии и при выполнении флангового маневра. В первом случае они почти все сражение простояли на месте, во втором — умудрились потерять полковой обоз. Оставался еще один шанс — Балаклава.

Гусары рвались в бой и при первой возможности считали своим долгом скрестить сабли с англичанами или французами.

РАГЛАН ДУМАЕТ...

Турки более часа отчаянно сдерживали русскую пехоту, постоянно оглядываясь назад в ожидании помощи от надежных союзников. Французы, находившиеся в отдалении, не могли понять, что происходит у англичан, а англичане никак не могли поверить, что русские все-таки атакуют турок. В результате пехоте и артиллерии Липранди никто не мешал и, похоже, вмешиваться в сражение не собирался.

Хотя Хибберт пытается придать описанию ситуации ранним утром серьезность, на деле все напоминало трагикомедию с плохими актерами. Как всегда, британцы, привыкшие воевать не спеша, искренне считавшие, что так же точно должны воевать все, прозевали начало боя. В первые часы какое-либо централизованное управление отсутствовало.

Лукан с двумя офицерами штаба и командиром 4-го легкого драгунского полка Педжетом совершает выезд восточнее линии редутов, невольно оказавшись как раз почти между турками и русскими. Но любуясь красотами раннего крымского утра, офицеры этого не замечают. Прилетевшее с турецкого редута пушечное ядро приводит их в недоумение, и только такой же снаряд, но уже со стороны русских — в чувство:

«Начинало светать, когда четверо офицеров, двигаясь восточнее редутов, вдруг заметили над одним из них два реющих флага.

— Что бы это значило? — растерянно спросил Лукан.

⁵⁶⁵ Giustiniani, Henri de. Commentaire sur les opérations militaires en Crimée. Paris. 1857. P. 56–57.

⁵⁶⁶ Библиография. Военные силы России, их преобразование и политическое значение. Берлин. 1870 г. //Военный сборник. № 8. СПб., 1870 г. С. 148.

⁵⁶⁷ Михно Н. Из записок чиновника о Крымской войне//Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. СПб., 1872 г. С. 4–5.

— Это сигнал о наступлении противника! — последовал ответ.

— Вы уверены?

Пока офицеры рассуждали, недоуменно разглядывая флаги, одно из орудий редута внезапно открыло огонь, развеяв их сомнения. Немедленно раздался ответный выстрел — и ядро упало неподалеку от Педжета.

— Смотрите, — пошутил один из офицеров, — как раз между копытами вашей лошади.

Было около шести часов утра». ⁵⁶⁸

Генерал отправляет к Раглану своего офицера штаба капитана Чартериса (которому не суждено было дожить до конца дня) с неприятной новостью — русские идут. Сам Лукан развернулся и направился к Кадыкою для принятия решения о совместном действии с Кемпбелом. Некоторых командиров еще нет на месте. В том числе тех, кто сейчас обязан быть на месте. К своим солдатам еще не прибыл Кардиган, с комфортом отдохнувший от военных будней на борту своей роскошной яхты в Балаклаве. ⁵⁶⁹

Но и без него офицеры знают свое дело — и вскоре кавалерия уже в строю («...обе бригады собрались с рассветом») ⁵⁷⁰ ждет команды: ⁵⁷¹ «...Люди, не успевшие ни напоить коней, ни поесть после долгой ночи, едва успели вскочить в седло при первых звуках трубы, как уже были построены на холме за редутами, стоящими впереди их лагеря, дабы отражать атаку вражеских эскадронов». ⁵⁷²

Очнувшись, наконец, от спячки и поняв, что русские его опередили, Раглан, уже и без Чартериса слышавший непрерывную канонаду, отдает приказ генералам герцогу Кембриджскому и Каткарту вести 1-ю и 4-ю дивизии навстречу противнику. Еще один офицер несется к Канроберу предупредить союзников, что русские начали сражение. Французы моментально трубят тревогу и в 7.30 начинают движение к месту событий. ⁵⁷³

Сам Раглан, на ходу собирая штаб, отправился к Сапун-горе, откуда и руководил всеми действиями от начала и до последней минуты.

Хотя адъютанты непрерывно мечутся с донесениями и приказами, англичане продолжают медлить. Если у капитана Макдональда с гвардейцами особых проблем не было и они через полчаса начали спускаться вниз (хотя в бой так и не вступили, прибыв на место к 10 часам, оставшись зрителями), ⁵⁷⁴ то с еще толком не воевавшей 4-й дивизией все обстояло сложнее. Встретивший прибывшего от Раглана штабного офицера капитана Эверта командир 4-й дивизии генерал-лейтенант Каткарт наивно сообщил последнему, что «...дивизию невозможно тронуть с места, так как большая часть людей только что из окопов». ⁵⁷⁵

⁵⁶⁸ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 157.

⁵⁶⁹ The Light Cavalry Brigade in the Crimea Extracts from the Letters and Journal of General Lord George Paget. London. 1881. P. 162; Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 157.

⁵⁷⁰ «Воспоминания молодого солдата о службе во время Крымской войны», написанные Гарри Пауэллом из бывшего 13-го Леркого драгунского полка (Recollections of a Young Soldier during the Crimean War by Harry Powell, late 13th Light dragons, Oxford, 1876). Перевод с англ. Ординат С./Military Крым. № 24. Симферополь, 2013 г. С. 14–23.

⁵⁷¹ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 155.

⁵⁷² Russell, W H. The British Expedition to the Crimea. London. 1858. (<http://archive.org/details/britishexpediti00russgoog>).

⁵⁷³ Du Casse, Albert. Précis historique des opérations militaires en Orient de mars 1854 à septembre 1855. Paris. 1856. P. 161.

⁵⁷⁴ Wyatt, John. History of the first battalion Coldstream guards during the Eastern Campaign. London. 1858. P. 24–25.

⁵⁷⁵ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 156.

Опешившего от подобного спокойствия посыльного командир дивизии пригласил позавтракать. Когда тот раздраженно отказался, намекнув Каткарту, что вообще-то идет война, совсем недалеко кипит ожесточенный бой, русские наступают на Балаклаву, Кемпбел один сдерживает противника и последствия непредсказуемы, генерал разозлился и заявил, что намерен посоветоваться с офицерами штаба и «...мы решим, что можно сделать».⁵⁷⁶

Только через два часа 4-я дивизия, выстроив батальоны, двинулась к Балаклаве. Ее участие в сражении можно считать примерно таким же, как и 46-го полка 8 (20) сентября на Альме. Разве что на этот раз солдаты Каткарта хотя бы издали, но увидели сражение. Несмотря на это спустя год все они получили медаль за Крымскую войну с планкой за Балаклаву. В 57-м полку этой же дивизии 19 сентября 1855 г. медаль с планками за Балаклаву и Инкерман получил каждый, кто участвовал в кампании.⁵⁷⁷ При этом полк не только не участвовал в Балаклавском сражении, но и вообще оставался на месте, обеспечивая прикрытие лагеря дивизии.⁵⁷⁸

Похоже, награждения «за неучастие» становились традицией Английской армии в Крыму, а некоторые полки неплохо таким образом «накосили» наград. Так же точно в очередной раз «отличился» 46-й полк, тот самый, который, не выпустив ни единого заряда на Альме, появившись там ровно тогда, когда пришло время хоронить убитых. Аналогично он «участвовал» в событиях у Балаклав. Рассыпавшись по окрестным холмам, солдаты и офицеры полка стали зрителями увлекательнейшего зрелища всей кампании, которое вошло в мировую военную историю под названием «атака Легкой бригады».

Как и после Альмы, полк после учреждения королевой Викторией Крымской медали получил на нее планки «Альма» и «Балаклава». Как учреждение последней из планок было усилением для королевы, никак не желавшей награждать за почти проигранное сражение, так для одного из полков становилось традицией получать награды за бои, в которых он не принимал участия. Но об этом мы еще скажем, когда будем подводить итоги дня.

А пока Лукан, поговорив с Кемпбелом, который быстро готовил к бою имевшийся под рукой 93-й полк и отправлял адъютантов к артиллерии и в Балаклаву за подкреплением, вернулся к своей кавалерии. Легкой бригаде, которую за неимением в строю командира временно взял под командование Педжет, было приказано выдвинуться к передовым редутам. Скарлету с Тяжелой бригадой предписывалось занять позицию на левом фланге 93-го полка. Предполагая, что русские начнут активно действовать в направлении Балаклав, англичане решили противодействовать им, «заткнув» кавалерией выход на равнину.

Лукан надеялся, что одна угроза атакой британской кавалерии заставит русских отказаться от самой затеи штурма редутов или остановит их продвижение к Балаклаве. Но убедившись в численном превосходстве неприятеля, решил от этой затеи отказаться и ограничиться лишь демонстрацией силы с поддержкой турок артилле-

⁵⁷⁶ Kinglake, Alexander William. *The Invasion of the Crimea*. Vol. 5. London. 1868. P. 66–67; Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 157; Adkin, Mark. *The Charge. The Real Reason Why Light Brigade was Lost*. Leo Cooper Books. London. 1996. P. 66–67.

⁵⁷⁷ Henry James Warre, *Historical Records of the Fifty-seventh, Or, West Middlesex Regiment of Foot*, W. Mitchell and Co., London, 1878, P. 131

⁵⁷⁸ Kingsford, Charles Lethbridge. *The story of the Duke of Cambridge's own (Middlesex regiment)*. London. 1916. P. 113.

рийским огнем. По его команде конная артиллерия начинает выдвигаться вперед. Следом начали движение обе бригады: Тяжелая слева, Легкая – справа.⁵⁷⁹

Стрельбой по самоуверенным британцам русская артиллерия подтвердила завоеванную на предыдущих полях сражений славу. Тем более что цели для огня вскоре оказались в зоне досягаемости: вместе с «Серыми» подходят две артиллерийские батареи капитанов Баркера (Батарея W Королевской артиллерии: четыре 9-фунтовые пушки)⁵⁸⁰ и Мода (батарея I Королевской конной артиллерии: четыре 6-фунтовые и две 12-фунтовые пушки)⁵⁸¹. Мод неосмотрительно выходит на гребень небольшой возвышенности между редутами №1 и №2 и открывает огонь по высотам, уже занятым русскими.⁵⁸²

Опять английские артиллеристы получают возможность убедиться, что их мало-мощные 6- и 9-фунтовые орудия не могут тягаться по дальности огня с неприятельскими.⁵⁸³ Зато они привлекают внимание своих русских коллег, и те немедленно отвечают. Артиллерийская дуэль быстро стала односторонней. Точность русских поразительная: буквально первые выстрелы накрывают цель, и англичане несут первые потери. Среди них тяжело раненный капитан Мод. Всего в крови его проносят мимо группы кавалерийских офицеров. Батареей теперь командует капитан Шекспир. Ее поддерживает батарея Баркера.

На следующее утро после сражения Раглан упомянет Мода как пример английской военной доблести.⁵⁸⁴ Отметим его и Лукан.⁵⁸⁵ Еще одна неприятная неожиданность: английские артиллеристы выехали на позиции с минимальным запасом снарядов.⁵⁸⁶ Кажется, они настолько привыкли к лагерной жизни, что война стала казаться делом далеким и излишним.

ОБОЮДНАЯ ПАУЗА

После взятия редутов и ухода из них оставшихся в живых турок Липранди останавливает войска, вызывая удивление англичан.⁵⁸⁷ Им еще непонятно, что не вступив «в дело», они уже проиграли сражение: «Положение было уже безнадежным. Прошло почти два часа, прежде чем пехота спустилась на равнину. Генерал Лекэн, проклиная Раглана за то, что тот накануне вечером не обратил внимания на донесение шпиона, совершал силами своей кавалерии лихорадочные маневры, безуспешно пытаясь отразить или задержать наступление русских и, к ярости своих офицеров, постоянно пятился назад. Генерал Кардиган все еще не прибыл со своей яхты».⁵⁸⁸

⁵⁷⁹ The Light Cavalry Brigade in the Crimea Extracts from the Letters and Journal of General Lord George Paget. London. 1881. P. 163.

⁵⁸⁰ Баркер взял с собой только один дивизион.

⁵⁸¹ Adkin, Mark. The Charge. The Real Reason Why Light Brigade was Lost. Leo Cooper Books. London. 1996. P. 80.

⁵⁸² The Light Cavalry Brigade in the Crimea Extracts from the Letters and Journal of General Lord George Paget. London. 1881. P. 163; Adkin, Mark. The Charge. The Real Reason Why Light Brigade was Lost. Leo Cooper Books. London. 1996. P. 77.

⁵⁸³ Woods I. A. The Past Campaign: A Sketch of the War in the East, from the Departure of Lord Raglan to the Capture of Sevastopol. Vol. II. London. 1855. P. 62–63.

⁵⁸⁴ The Light Cavalry Brigade in the Crimea Extracts from the Letters and Journal of General Lord George Paget. London. 1881. P. 164.

⁵⁸⁵ <http://crimeantexts.russianwar.co.uk/sources/documnts/1541027a.html>

⁵⁸⁶ Calthorpe, Somerset John Gough. Letters from head-quarters; or, The realities of the war in the Crimea, by an officer of the staff. Vol. I. London. 1857. P. 300–301.

⁵⁸⁷ Wood, Evelyn. The Crimea in 1854, and 1894. Chapman & Hall, Id., London. 1895. P. 106–107.

⁵⁸⁸ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 157.

Липранди переиграл противника полностью. Выиграв сражение, он логично отказывается от активных действий, его батальоны начинают малопонятные для англичан перестроения. До 11 часов решительно ничего не случается.

К этому времени положение русских предпочтительнее. Выполнив задачу операции, войска Липранди устраиваются на месте, при этом никакого противодействия им нет. Пехота начинает хозяйничать в редутах, артиллеристы устраивают неподалеку батареи. Лукан, уже после войны давая пояснения Кинглейку о случившемся в этот день, говорит, что у британцев просто не было сил и возможности оказать помощь туркам по причине недостаточности сил и удаленности их позиций.⁵⁸⁹

Раглан, не веря, что все закончилось, ждет от русских продолжения. В ужасе он начинает понимать, что главная база английского контингента находится под угрозой ее захвата.

Его последующие действия лишь подтверждают это. Перестав верить в удачу, командующий отправляет в Балаклаву письменное приказание кептену Тетхему (HMS "Simon"), коменданту порта, быть готовым к тому, что русские через полтора-два часа ворвутся в базу. К этому времени корабли должны быть готовы к выходу в море.⁵⁹⁰ Старший из командиров кораблей кептен Дакрес (HMS "Sans Pareil") должен был предпринять все возможное для очищения бухты.⁵⁹¹

Предполагалось, что в случае прорыва русских лейтенант Селби должен был собрать сколько возможно людей на борт HMS "Wasp" и развернуть его бортом ко входу в бухту.⁵⁹²

Тетхем тут же отдал команду бить сбор командам кораблей и запускать паровые машины. Больше всего тревог вызывали у него два корабля "Diamond" и сам "Wasp", экипажи которых частично были на батареях, частично на строительных работах по возведению причальных сооружений и на них могли быть проблемы с выходом из гавани.⁵⁹³

Англичане даже подумать не могли, что русские задействовали всего одну пехотную дивизию и с такими силами не имели намерения двигаться дальше. То, что им было нужно, они уже получили.

Итогом затянувшейся паузы стала расстановка сил на поле сражения, которое, по мнению русских, уже закончилось, а по убеждению англичан еще только начиналось.

Генерал-лейтенант, лорд Лукан. Во время Крымской войны — командир кавалерийской дивизии.

⁵⁸⁹ http://crimeantexts.russianwar.co.uk/sources/kinglake/k3_4_359.html

⁵⁹⁰ Woods I. A. The Past Campaign: A Sketch of the War in the East, from the Departure of Lord Raglan to the Capture of Sevastopol. Vol. II. London. 1855. P. 67–68.

⁵⁹¹ Lambert, Andrew. The Crimean War: British Grand Strategy (against Russia). 1853–56. Manchester University Press. 1990. P. 147.

⁵⁹² Kinglake, Alexander William. The Invasion of the Crimea. Vol. 5. London. 1868. P. 31–32.

⁵⁹³ Woods I. A. The Past Campaign: A Sketch of the War in the East, from the Departure of Lord Raglan to the Capture of Sevastopol. Vol. II. London. 1855. P. 67–68.

«ТОНКАЯ КРАСНАЯ ЛИНИЯ», или ЕЩЕ ОДИН КРАСИВЫЙ МИФ БАЛАКЛАВСКОГО СРАЖЕНИЯ

*«Шедвелл! А этот парень хо-
рошо знает свое дело!»*

Генерал-майор К.Кемпбел своему
адъютанту 25 октября 1854 г.

Описывая Балаклавское сражение, нельзя в очередной раз не вспомнить о легендарной «Тонкой красной линии» у деревни Кадыкой. С таким названием вошел скорее в мировую лингвистику, чем в военную историю, совершенно незначительный эпизод сражения под Балаклавой, который по абсолютно необоснованным причинам возведен в ранг эпического подвига. На самом деле за красивым мифом скрывается еще одна великолепно проведенная пиар-кампания, возвеличившая стойкость полка, который в этот день даже толком под огнем не побывал. Для англичан, помня их манеру отмечать в числе героев даже тех, кто «просто рядом проходил» (упомянутые выше 46-й полк при Альме, 57-й полк при Балаклаве и т.п.), история совершенно типичная.

На протяжении всего существования мифа исследователей не смущал факт, что первоисточником информации об этом эпизоде стал не какой-либо военный документ, не рапорт какого-либо военачальника с места сражения, даже не воспоминания какого-нибудь сержанта или рядового, а статья британского корреспондента Рассела в «Таймс», находившегося в этот день рядом с главнокомандующим и его штабом, и последующие ее многочисленные компиляции ура-патриотического характера.

Прочие упоминания об этом бое шотландской пехоты с российской кавалерией появились много позже окончания войны и были гораздо сдержаннее чем первые – переполненные эмоциями репортажи.

Но газетной статьи для английских историков оказалось достаточно, чтобы навсегда записать этот эпизод не только в полковую историю 93-го полка, но и в британскую военную историю как проявление выдающихся храбрости и стойкости. До сих пор зарубежные исследователи обязательно упоминают газетный текст в своих трудах о событиях в Крыму в 1854–1855 гг. как едва ли не официальной отчет о сражении под Балаклавой. К сожалению, в числе «подпевающих» оказались и многие наши соотечественники, с упоением смакующие набившие оскомину фантастические детали британского военно-патриотического эпоса.

«Тонкая красная линия». Художественная иллюстрация одного из самых успешных мифов Крымской войны и Балаклавского сражения, ничего общего не имеющая с реальными событиями 13(25) октября 1854 г.

Так что же произошло на самом деле. Думаю, если все рассказать по порядку, то от яркого события останется сплошная, в чем-то совершенно скучная банальность. Оговорюсь, современными крымскими исследователями это событие изучено досконально и, опираясь на их работы, я лишь дополню происходившее некоторыми интересными, на мой взгляд, деталями.

Начнем с главных героев. Раннее утро 25 октября 93-й полк встретил в своем лагере и с первыми выстрелами был поднят по тревоге. Тренированные солдаты не измотанного на траншейных работах полка быстро экипировались, вооружились и двинулись к линии редутов. У Кемпбела давно был выработан план действий на подобный случай. Выстрелы у редутов не стали для него и подчиненных большой неожиданностью.

Горцы прибыли к месту сражения, когда четыре из шести редутов были заняты русскими, уже прочно устроившимися на Воронцовской дороге. Полк вышел на линию, позволявшую ему перекрыть фронт Балаклавской позиции, и стал терпеливо ожидать дальнейших событий, готовясь ко встрече с превосходящими русскими силами. В том, что это случится, никто из находившихся в строю не сомневался.

Кавалерия Рыжова начала проявлять активность: «...после непродолжительного бездействия, последовавшего за занятием редутов, генерал-лейтенант И.И.Рыжов, начальник кавалерии нашего отряда, получил приказание произвести атаку с Лейхтенбергским и Веймарским гусарскими, Уральским казачьим полками и с конною № 12-го батареею».⁵⁹⁴

Движение больших масс конницы не осталось незамеченным Луканом и Кемпбелом. Последний предложил командиру кавалерийской дивизии отодвинуть кавалерию к краю долины, открыв пространство для ведения огня 93-му горскому полку, который разместил на середине дистанции от редутов до укреплений Балаклавы в

⁵⁹⁴ Корибут-Кубитович. Воспоминания о Балаклавском деле 13-го октября 1854 г.// Дубровин Н.Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Выпуск IV. СПб., 1872 г. С. 41–62.

Кемпел Пиль. В 1854 г. командир HMS "Diamond".
В сражении под Балаклавой командовал «Алмаз-
ной» батареей.

таком месте, которое позволяло ему быстро менять фронт, разворачивая его в любую сторону, откуда мог атаковать противник, одновременно закрывая главную базу.⁵⁹⁵

Кемпел оказался едва ли не самым разумным командиром, понявшим, что имея в руках мощное и дальнобойное стрелковое оружие, обученная и сплоченная пехота огнем с места без особых проблем справится с любой кавалерийской массой, если, конечно, последняя не решится своими трупами завалить взятую позицию. А если эта пехота еще и организована — то это худший кошмар для решившегося на ее атаку кавалерийского начальника. Да и кавалерия, действующая в одиночку, всегда была в очень невыигрышном положении против стойкой пехоты.

В то, что под Балаклавой русские решатся повторить самоубийственный бросок наполеоновских кирасир при Ватерлоо, он, видимо, сильно не верил. Но на всякий случай канаву перед строем горцев присмотрел.⁵⁹⁶

Хотя на эту самую канаву, если она и была, он сильно не полагался. Кемпел был прекрасным пехотным командиром и умел видеть перспективы новых типов вооружения. В его понимании век кавалерийских атак уже давно прошел, а звуки призывающих в атаку рожков под Балаклавой будут играть поминальную песню любому, решившемуся на действия в конном строю против пехоты.

Для скептиков могу лишь сказать, что плотность огня, создаваемая в данном случае горской пехотой, вполне могла создать по всем даже современным канонам расчета устойчивости непреодолимую оборонительную линию.

В успехе своего предприятия Кемпел был совершенно уверен, положившись не только на эффективность стрелкового оружия, но и на традиционную дисциплину горцев, помноженную на количество одновременно задействованных стволов. А их у него действительно было немало.

⁵⁹⁵ Calthorpe, Somerset John Gough. Letters from head-quarters; or, The realities of the war in the Crimea, by an officer of the staff. Vol I. London. 1857. P. 301.

⁵⁹⁶ В сражении при Ватерлоо (1815г.) неистовый порыв французской кавалерии разбился о хладнокровие и мужество британской пехоты. Атака была отвратительно спланирована и плохо проведена. Отброшенная огнем, французская кавалерия перестраивалась и вновь бросалась на позиции противника, но с тем же результатом. По свидетельству очевидца, «французская кавалерия совершала храбрейшие из всех виденных мною атак... никогда кавалерия так неустрашимо не выполняла свой долг и не была так неустрашимо отражена пехотой».

СИНЯЯ «ТОНКАЯ КРАСНАЯ ЛИНИЯ»

В его распоряжении оказались внушительная сила и много ружейных стволов, способных сокрушить любого, решившегося атаковать, ливнем свинца. И это тоже была часть тщательно спланированного.

Из Балаклавы подтянулись моряки Морской бригады, даже среди немаленьких горцев выделяясь своими широкими плечами и ростом выше среднего в армейской пехоте.⁵⁹⁷ Лушингтон (командир Морской бригады), явно следуя предварительной договоренности, направил к Кемпбелу всех, кто был свободен от службы на батареях.

Но только моряками дело не ограничилось. Из Балаклавы в строй к горцам отправили всех, кто мог ходить и держать оружие. В упомянутых выше материалах по истории 46-го полка говорится, что вместе с моряками в строю оказалась самая разношерстная публика из порта и госпиталя.

Хибберт говорит о 100 раненых (скорее, выздоравливающих больных) из Балаклавы и 50 солдатах разных полков, несших там службу с двумя офицерами. Из больных известно о 40 солдатах 38-го Стаффордширского полка, которых привел лейтенант Бойл (именно 41 планка «Балаклава» к Крымской медали была получена в этом полку).

Виатт, рассказывая о Колдстримской гвардии в Крымской кампании, упоминает некоторое число солдат гвардейского батальона (Стерлинг говорит о 30–40)⁵⁹⁸, тоже лечившихся в Балаклаве и вставших в строй горской пехоты.⁵⁹⁹ На левом фланге стала сотня ветеранов подполковника Девени,⁶⁰⁰ которые хотя и были инвалидами, но не настолько, чтобы не уметь управляться с оружием.⁶⁰¹

Точно известно, что на правый фланг шотландцев стали 3 сержанта и 36 рядовых 30-го полка.⁶⁰²

Некоторые современные английские военные историки эпическую сцену стойкости своей пехоты относят к событиям, принесшим славу исключительно английскому штыку.⁶⁰³ Но при этом многие из них скромно молчат о турецких пехотинцах и артиллеристах, которые, отступив с передовых редутов, стали в строй шотландской пехоты:⁶⁰⁴ «... Турки прибились к шотландцам и поротно встали у них на флангах».⁶⁰⁵

Об их числе судить трудно, обычно называют цифры от 150 до 300 (последнюю можно найти у Калторпа)⁶⁰⁶ человек. Но даже с минимумом общее количество сол-

⁵⁹⁷ Kelly, Tom. From the fleet in the fifties. A history of the Crimean war. London. 1902. P. 183–184.

⁵⁹⁸ Sterling, C. Letters from the Army in the Crimea written during the Years 1854, 1855 and 1856, by Staff-officer who was there. London. 1857. P. 107.

⁵⁹⁹ Wyatt, John. History of the first battalion Coldstream guards during the Eastern Campaign. London. 1858. P. 24–25.

⁶⁰⁰ Sterling, C. Letters from the Army in the Crimea written during the Years 1854, 1855 and 1856, by Staff-officer who was there. London. 1856. P. 122; Historical records of the 79th Queens Own Cameronian Highlanders. Captain A. Mackenzie, Lieutenant and adjutant J. S. Ewart and lieutenant C. Findlay, from the orderly room records. Debonport. 1887. P. 114.

⁶⁰¹ Kinglake, Alexander. The Battle of Balaclava. Edinburgh and London. 1875. P. 30.

⁶⁰² Downham, John. Heroes of Inkerman. The 30th and 47th Regiments at Balaklava and Inkerman, October / November 1854 (<http://www.lancashireinfantrymuseum.org.uk/heroes-of-inkerman-2/>).

⁶⁰³ Рипли, Тим. Штыки к бою! Штык на полях сражений XX века. М., 2006 г. С. 16–17.

⁶⁰⁴ Layard, Austen Henry. La Première campagne de la Crimée ou les batailles mémorables de l'Alma, de Balaklava et d'Inkermann, par Austin Layard. Traduction, autorisée par l'auteur, par A.-E.-S. Jervis. Paris. 1855. P. 69–70; Описание обороны города Севастополя. Составлено под рук. генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 241.

⁶⁰⁵ Russell, W H. The British Expedition to the Crimea. London. 1858. (<http://archive.org/details/britishexpediti00russgoog>).

⁶⁰⁶ Calthorpe, Somerset John Gough. Letters from head-quarters; or, The realities of the war in the Crimea, by an officer of the staff. Vol I. London. 1857. P. 309–311.

дат, оказавшихся в распоряжении Кемпбела, явно было близко к тысяче, вероятно, даже превосходя ее. Выстроенные в две шеренги, они растянулись почти на полкилометра. Понятно, что имея столько пехоты, усиленный артиллерией и прикрытый с фланга кавалерией, а с фронта, возможно, еще и достаточно глубокой канавой (упоминание о ней можно найти в записках Попова, который говорит, в том числе, и о ее искусственном происхождении),⁶⁰⁷ Кемпбел не особенно волновался за судьбу Балаклавы. Единственное, что уже могло его раздражать — потерянная Воронцовская дорога. О потерянных пушках он пока еще не думал.

Обсуждения действий горцев при Балаклаве до настоящего времени сводились к одному: Кемпбел, действуя на грани гениальности, совершил переворот в военном деле, построив полк в две шеренги. На деле командир бригады ничего не «переворачивал». Будучи человеком умным, а командиром талантливым, он сделал то, что и должна была сделать пехота, встречая атакующую кавалерию — максимально повысить огневую силу строя. Этот вид боевого построения был признан в Англии нормальным еще в 1808 г. В кампанию 1813 г. Наполеон тоже смотрел на него как на нормальный и пытался ввести для всей пехоты.⁶⁰⁸

Кемпбел ставил на то, что хорошо умела делать английская пехота и что всегда вызывало ярость у ее противников. Как Веллингтон при Ватерлоо, пользуясь рельефом местности, он не стал выставлять ее открыто, а приказал расположиться скрытно по возможности.⁶⁰⁹ По его словам, сделано это было для уменьшения потерь от огня русской артиллерии со стороны уже взятых редутов.⁶¹⁰

Крымская война показала (а Гражданская война в США подтвердила), что если атака кавалерии на пехоту, пусть и организованную, но вооруженную ружьями с эффективной дальностью стрельбы не более 200 м, ранее могла иметь успех, то атака на вооруженную нарезным оружием пехоту отныне в большинстве случаев была обречена на провал. Понимая это, генерал был почти уверен, что русские ничего не смогут сделать: «Об этом деле было много говорено: английские писатели старались выставить его важной победой пехоты над конницей, но на деле это совсем не так. Один известный английский кавалерийский офицер, присутствовавший при этом, говорит, что русские эскадроны совсем не собирались атаковать, а просто производили демонстрацию с целью побудить противника развернуть свои силы; поэтому когда 93-й полк показался на холме, то они, считая свое дело выполненным, повернули назад. Сэр Колин Кемпбел, командир 93-го полка, опытный офицер, очень хорошо понимал, чего добиваются русские, и сообразно этому принял свои меры; он же вполне признал искусство, выказанное командиром русской демонстрировавшей части, потому что сказал своему адъютанту: «Шедуэль, этот офицер понимает свое дело».⁶¹¹

Что касается другой фразы, сказанной Кемпбелом, то ее переводят по-разному. По воспоминанию генерал-лейтенанта Барраджа, который в это день в звании капитана стоял в строю 5-й роты полка, генерал произнес следующее: “There is no retreat from

⁶⁰⁷ Записки Александра Ефимовича Попова о пребывании его в Крымской армии с 1-го октября по 1-е декабря 1854 г. // Русская старина. Том 24. СПб., 1879 г. С. 319.

⁶⁰⁸ Тактическое устройство войск и их эволюции // Морской сборник. Том XL. № 4. СПб., 1859 г. С. 185–186.

⁶⁰⁹ Woods I. A. The Past Campaign: A Sketch of the War in the East, from the Departure of Lord Raglan to the Capture of Sevastopol. Vol. III. London. 1855. P. 67–68.

⁶¹⁰ <http://crimeantexts.russianwar.co.uk/sources/documnts/f541027b.html>

⁶¹¹ Денисон. Дж. История конницы. Кн. 1. М., 2001 г. С. 384–385.

Атака русской кавалерии на 93-й полк в сражении под Балаклавой. Французский рисунок. Сер. XIX в.

here, men! You must die where you stand!". На что ему кто-то ответил из строя: "Ay, ay, Sir Colin, and needs be, we'll do that!".⁶¹²

Атака?

Но вернемся к сражению. Наблюдавший происходившее Вудс заметил, как русская кавалерия разделилась на три части. Самая большая из них, примерно 1200 чел., направилась в сторону Тяжелой бригады, вторая, примерно 600 чел. казаков, двинулась к небольшой возвышенности перед фронтом горской пехоты, а третья оставалась на высотах в качестве резерва.⁶¹³

Похоже, первая часть — это гусарская бригада. Вторая — Уральский №1 казачий полк и три сотни Донского №53 полка (не более 300–350 чел.), которые первыми вошли в Южную долину из Северной, перешли за линию редутов и двинулись по направлению к неприятельским позициям.⁶¹⁴ «...в это самое время генерал Липранди дал мне знать, что находя два слабых полка недостаточными, он приказал туда же идти и полку уральских казаков».⁶¹⁵

Казачи немного отстали от главных сил, но, продвигаясь энергично, все-таки успели обогнать гусар.

⁶¹² Historical records of the 93rd Sutherland Highlanders now the 2d battalion, Princess Louise's Argyll and Sutherland Highlanders. Compiled and edited by Roderick Hamilton Burgoyne, late 93rd Highlanders. 1883. London. P. 112.

⁶¹³ Woods I. A. The Past Campaign: A Sketch of the War in the East, from the Departure of Lord Raglan to the Capture of Sevastopol. Vol. II. London. 1855. P. 69–70.

⁶¹⁴ Донесение генерал-адъютанту князю Меншикову начальника 12-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Липранди от 14-го октября, №3.076/Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. Под ред. Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 24.

⁶¹⁵ О сражении под Балаклавой. Записка генерал-лейтенанта Ив. Ив. Рыжова/Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. Под ред. Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 76.

Крым. Приготовление кофе. Французский рисунок сер. XIX в.

Таким образом, третья часть — это, возможно, Сводный уланский полк, остававшийся пока еще в резерве, но видневшийся где-то в районе редутов №2 и №3.

Почему Липранди неожиданно для всех, в том числе и самого Рыжова, усиливает гусар казаками? При чем сам Рыжов даже не понимает, какую задачу эти казаки имеют. Ни в одной из своих статей, посвященных его участию в Балаклавском сражении, он этого так и не сможет объяснить.

Похоже, Липранди, посчитав, что Рыжов может совершить любую глупость, в том числе попытаться в лоб атаковать пехоту и, стараясь не дать ему это сделать, поручил Хорошихину и Александрову «разворошить» британцев, обозначить их, заставить развернуться. Таким образом, вся кавалерия должна была завершить успешный боевой день — демонстрируя угрозу, дать возможность войскам (пехоте и артиллерии) укрепиться на высотах. Разгром, как его именуют кавалеристы, вагенбурга — это уже совсем мелочь, больше похожая на вспомогательную задачу, этакая сладкая месть английским квалеристам за разграбленный гусарский обоз.

Липранди, похоже, стремился избежать ошибки, уже совершенной им ранее под Каракаллой, когда полковник Карамзин бездарно погубил кавалерию и генерал «...мог доставить ему такой случай, не веряя ему судьбу более семисот человек и не подвергая опасности славу нашего оружия. Но он поручил Карамзину эти войска, полагая, что подробная инструкция, ему данная, могла служить достаточным ручательством в охранении его отряда от всех возможных случайностей».⁶¹⁶

Примерно в 10 часов, когда гусары еще выстраивались для действий против английских драгун, казаки устремились в сторону шотландской пехоты. Не думаю, что Хорошихин или Александров не видели столь большой массы пехоты, даже скрытой рельефом. Более чем вероятно, командир донцов решил оценить силы неприятеля и степень их угрозы, которую они могли представлять для уже подходившей гусарской бригады.

⁶¹⁶ Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 годов. Том III. СПб., 1876 г. С. 111–118.

Рыжов по этому поводу вспоминал: «Уральский казачий полк, принявший много ~~на~~право от неприятеля, по опушке горы, в том же порядке, как и с места, то есть по ~~в~~ести, двинулся со страшным «ура!», быстро носился взад и вперед какой-то верени- ~~ей~~. не сближаясь, впрочем, с неприятелем». ⁶¹⁷

Генерал, правда, почему-то путает донцов с уральцами, но думаю, что эта ошибка не принципиальна для случившихся событий.

Казачи, продемонстрировав намерение сокрушительной атаки, вдруг внезапно от ~~в~~се отказались и просто орали на находившихся в отдалении британцев, не слишком ~~их~~ этим пугая: «Тишина с обеих сторон была удивительная; одни казаки кричали, но ~~это~~ было поодаль и никто не обращал на них внимания». ⁶¹⁸

Честно говоря, на этой перебранке можно было бы все закончить и никакой бы «Тонкой красной линии» не случилось, но шотландцы решили пострелять, притом с ~~такой~~ дистанции, на которой обычно пугают, редко попадая в цель.

Раздались выстрелы. Корибут-Кубитович, командир эскадрона в Сводном улан- ~~ском~~ полку, рисует картину губительного огня, которым встретили горцы казаков, но ~~это~~ не более чем излишняя драматизация событий. ⁶¹⁹ К сожалению, подобные эмо- ~~циональные~~ излишне воспоминания и сыграли на руку англичанам, позволив «нари- ~~совать~~» грандиозное сражение, в котором «смешались в кучу кони, люди...».

Кроме ружейного огня, артиллерийская батарея англичан (батарея W капитана Баркера) встретила кавалерию несколькими залпами, но на таком расстоянии это было пустой тратой боеприпасов, хотя что-то казакам и «перепало». ⁶²⁰

Один из пластунов, оказавшихся неподалеку от казаков, Шульга, бывший в сотне фельдфебелем (после войны дослужился до хорунжего), заметил выдвижение не- ~~приятельской~~ артиллерии. Пластуны «...по кавказской привычке, начали раздвигать ~~звенья~~ своей цепи и разряжать кучки. В эту минуту выдвинулись к цепи уральские ~~казаки~~, вероятно вследствие замеченных на стороне противника сборов к кавале- ~~рийской~~ атаке — что действительно спустя некоторое время и последовало. Возле Шульги, бывшего на фланге цепи, остановилась одна сотня, и как она держалась в сомкнутом строю, то Шульга, указывая на приготовления неприятельской артилле- ~~рии~~ своему соседу, фланговому донцу, отличавшемуся, между прочим, большой окла- ~~дистой~~ бородой, высказал замечание, что сотне следовало бы рассыпаться. «А много ~~ты~~ знаешь, космата шапка», — сказал презрительно казак. — «Да, може, космата шапка ~~знае~~, колы косматой бороде бувае лыхо», — заметил добродушно пластун — и через ~~минуту~~, когда неприятель открыл убийственный артиллерийский огонь, увидел, что борода не сдобровала и сотня поневоле рассыпалась. Однако же и косматой шапке в том блистательном для пластунов деле досталось немного: расторопный Шульга был легко ранен в ногу». ⁶²¹

⁶¹⁷ О сражении под Балаклавой. Записка генерал-лейтенанта Ив. Ив. Рыжова//Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. Под ред. Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 76.

⁶¹⁸ О сражении под Балаклавой. Записка генерал-лейтенанта Ив. Ив. Рыжова//Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. Под ред. Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 77.

⁶¹⁹ Воспоминания о Балаклавском деле Корибут-Кубитовича 13-го октября 1854 г.// Дубровин Н. Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Выпуск IV. СПб., 1872 г. С. 52–53.

⁶²⁰ Возможно, что Баркер по банальной непредусмотрительности выехал на позицию с неполным комплектом боеприпасов.

⁶²¹ Есаул. Черноморцы-пластуны в Севастополе//Военный сборник. № XLV. СПб., 1874 г. С. 9.

На этом все и закончилось. Казаки не собирались атаковать неприятеля, намеревшись ограничиться демонстрационными действиями, не доводя ситуацию до абсурда, который мог стоить жизни нескольким из них. Хватило и этого. Кемпбел явно «клюнул» и развернул свою «красно-синюю» линию, открыв ее. Когда он это понял, то становится понятным смысл его фразы о русском командире, который «понимает свое дело».⁶²²

Безусловно, казаки оказались умнее, чем некоторые исследователи пытаются о них говорить. И уж глупость британских участников событий, называвших их действия трусливыми — не более чем смешна. Фронтальные атаки — не дело иррегулярной кавалерии. Фланкировка, связывание противника, его запутывание, провоцирование на развертывание — это как раз то, что от них требуется.

Не любившие нести напрасные неоправданные потери, даже не сблизившись с противником ближе, чем на 400–500 м,⁶²³ донцы не собирались входить в дистанцию эффективного ружейного огня. Казалось, они одним своим присутствием демонстрировали угрозу и, в конце концов, разрушили стройную неприятельскую защитную линию.

КАК РОЖДАЮТСЯ МИФЫ

Вудс, кажется, первый из иностранных авторов, который осмелился утверждать, что никакой атаки гусар на шотландцев не было. Шотландцы не выдержали нервного напряжения и открыли огонь. Они не смогли продемонстрировать великого военного искусства, свойственного лучшей пехоте — ее способности выдерживать психологическое давление атакующей кавалерии, не открывая огня с дальнего расстояния. А дистанция была запредельной.

Капитан 93-го Блекетт говорит о 500 метрах. Эффективность сомнительная, о точности даже говорить не приходится — это скорее стрельба не «по», а «в сторону». Похоже, выстрелы — всего лишь попытка шотландцев показать себя, обозначить намерение не отходить или попытаться морально воздействовать на противника. С таким же успехом они могли стрелять в воздух.

Сколько было залпов — непонятно. Рассел говорит о трех,⁶²⁴ другие — о двух. Блекетт о первом в наступающую кавалерию и втором — вдогонку. В любом случае не разу полк не стрелял всей линией, огонь вели одна или несколько рот.

Вот и Вудс говорит о первом залпе, который сделала гренадерская рота горцев (командир — капитан Росс)⁶²⁵, но без всякой эффективности: «...были ранены несколько русских кавалеристов, однако все оставались в седлах».⁶²⁶ После чего последовал второй залп с таким же результатом (о нем говорит Пфлюг, но явно с чьих-то слов).

Третий залп сделали уже турки, стоявшие плечом к плечу с гренадерами. По версии Калторпа, выстрелив без всякой команды, османские турецкие солдаты, нахо-

⁶²² Денисон. Дж. История конницы. Кн. 1. М., 2001 г. С. 384–385.

⁶²³ Woods I. A. The Past Campaign: A Sketch of the War in the East, from the Departure of Lord Raglan to the Capture of Sevastopol. Vol. I. London. 1855. P. 70.

⁶²⁴ Russell, W. H. The British Expedition to the Crimea. London. 1858. (<http://archive.org/details/britishexpediti00russgoog>).

⁶²⁵ Sterling. C. Letters from the Army in the Crimea written during the Years 1854, 1855 and 1856, by Staff-officer who was there. London. 1856. P. 123.

⁶²⁶ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 159.

⁶²⁷ Pflug, Ferdinand. Souvenirs de la campagne de Crimée: journal d'un médecin allemand au service de l'armée russe. Paris. 1862. P. 93–97.

двигавшиеся на одном из флангов при приближении русской кавалерии, бросились бежать к Балаклаве.⁶²⁸ Турок можно понять: перед их глазами стояла гибель товарищей под саблями уральцев, а в ушах — крики погибавших...

Калторпу можно было бы поверить, если бы не слишком уж явное желание выставить союзников не в лучшем свете. Он лишь следует генеральной линии своего шефа, стремившегося все проблемы свалить на головы безропотных турок, стоически сносивших оскорбления англичан. Те, кто был с ними в строю, не всегда согласны с теми, кто в этом строю не стоял. Тот же Блекетт, который в отличие от Калтора был в эпицентре событий, в письме отцу сообщил, что турки лишь дрогнули, но не оставили строй.

На этом героическая «Тонкая красная линия» закончилась, толком и не начавшись, совсем не став похожей на известную «картину маслом» Роберта Гиббса. Для сходства ей не хватало многого: уставших солдат с черными от порохового дыма лицами, трупов людей и лошадей, валяющихся в нескольких десятках метров от строя, пустых патронных сумок и линии штыков как последней надежды. Но не будем настолько ядовиты и зловредны. Шотландские пехотинцы хорошо сделали свою работу, а то, что было потом, уже не зависело ни от них, ни от Кемпбела, ни от Росса, ни Блекетта и многих других, честно исполнивших долг...

В Британской армии 93-й полк и поныне носит прозвище «тонкая красная линия». Во время Второй мировой войны батальоны горцев сражались на всех фронтах, но наибольшую известность получили действия второго батальона полка в Малайе во время неудачных для британцев событий 1941–1942 гг., в которых шотландцы потеряли только убитыми 244 человека из 940. В написанной в 1947 г. истории 2-го батальона этот эпизод называли «тонкой красной линией».⁶²⁹

Что касается вклада этого события в мировую культуру, то лингвистикой и изобразительным искусством дело не кончилось. Не менее интересна музыкальная сторона дела. Командир одной из рот 93-го полка капитан Мак Леод (MacLeod), страстный любитель волынки, в 1855 г. услышал игру сардинского военного оркестра (очевидно, берсальеров), игравшего мелодию из оперы «Вильгельм Телль». Офицеру показалось, что ее мотив лучше всего отражает его внутреннее состоя-

Уильям Рассел. Корреспондент "Times" в Крыму.
Фото Р. Фентона. 1855 г.

⁶²⁸ Calthorpe, Somerset John Gough. Letters from head-quarters; or, The realities of the war in the Crimea, by an officer of the staff. Vol. I. London. 1857. P. 305–306; Sterling. C. Letters from the Army in the Crimea written during the Years 1854, 1855 and 1856, by Staff-officer who was there. London. 1857. P. 118.

⁶²⁹ Mac A. Stewart. History of the Argyll & Sutherland Highlanders 2nd Battalion (The Thin Red Line). London. 1947. P. 7–9.

Интересный предмет британского военного быта периода Крымской войны – указатель на Балаклаву. Автор благодарен за предоставление иллюстрации А. Руденко (Киев).

ние во время отражения атаки русской кавалерии при Балаклаве 25 октября. и он с пятью полковыми музыкантами переложил ее для волынок под названием «Зеленые холмы Тироля». С этого времени она стала одной из официальных полковых композиций. В 1857 г. в Индии уже майор Мак Леод, ворвавшись одним из первых в Лахнау, исполнил ее с полковыми волынщиками под пулями. Волынка, на которой он играл в тот день, хранится в полковом музее 93-го полка.

ТРУДНЫЙ БОЙ С ТЯЖЕЛОЙ БРИГАДОЙ

*«Кое-кто из русских был поражен тем,
как владеют саблями наши люди».*

Сержант Генри Френки.
Тяжелая бригада кавалерии.

Это был короткий, но чрезвычайно динамичный эпизод сражения. Его продолжительность оценивают минимум 7, но не более чем 10 минут.⁶³⁰ В этом диапазоне имеют место быть все остальные цифры. К примеру, 9 минут в английской медицинской литературе.⁶³¹ Возможно, все произошло даже быстрее, притом настолько быстро, что в донесении Меншикова об этом событии не сказано ни единого слова.⁶³²

Попытаемся разобраться в происходившем хотя бы ради того, чтобы ответить на напрашивающиеся сами собой вопросы. Среди них, конечно, главнейший — для чего и кому нужно было это столкновение? Остальные вопросы, так сказать, второго уровня. Среди них наиболее популярны два. Почему численно превосходящая англичан русская кавалерия потерпела поражение от, как обычно принято считать, гораздо более малочисленной британской? Было это поражением или стороны после упорной, но короткой схватки разошлись, так и не выяснив отношения?

Начнем с русской стороны и в первую очередь выслушаем очевидцев, разбив происходившее на временные эпизоды.

Итак, очевидцы. Их можно разбить на две категории: те, кто видел, и те, кто участвовал. Есть еще третья категория — те, кто слышал, но к их свидетельствам мы будем прибегать в исключительных случаях. Хотя к любой из других категорий нужно тоже относиться внимательно.

Начнем с участников. Их трое. Старший по званию и должности — командующий кавалерией генерал-лейтенант Рыжов, который этим боем должен был руководить. Лучше, подробнее него никто не мог знать.

⁶³⁰ Mollo, John and Boris. Into the Valley of Death. The British Cavalry Division at Balaklava 1854. London. 1991. P. 26.

⁶³¹ Shepherd, John. The Crimean Doctors: A History of the British Medical Services in the Crimean War, Том 1. Liverpool University Press, 1991. P. 218–219.

⁶³² Донесение князя Меншикова о военных действиях 8-го и 10-го октября 1854 года//Дубровин Н. Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Выпуск IV. СПб., 1872 г. С. 20–22.

Он несколько раз писал о событиях этого дня, но каждый раз подвергался неслыханной критике.⁶³³ Следующий — штабс-ротмистр Арбузов, командир эскадрона 12-го гусарского Гросс-Герцога Саксен-Веймарского (Ингерманландского) полка.⁶³⁴ Он для нас главный свидетель, ибо был в гуще схватки и, нужно сказать, довольно объективен.

Неподалеку находился командир эскадрона в Сводном уланском полку поручик Корибут-Кубитович, непосредственно в бою с английскими драгунами не участвовавший, но бывший непосредственно на поле сражения.⁶³⁵ Его место где-то между участниками и свидетелями.

От участников перейдем как раз к ним. Это, конечно, генерал-лейтенант Липранди, командовавший всей операцией, без разрешения которого ни один взвод, ни один эскадрон не имели права сдвинуться с места.⁶³⁶ Следующий — поручик Ушаков, его адъютант по артиллерии.⁶³⁷

Есть еще Кожухов, Калинин, только их воспоминания противоречивы, потому что основываются на рассказах очевидцев или действительных участников, но иногда гораздо более эмоциональных, чтобы быть «правдой и только правдой». Есть несколько солдатских воспоминаний, записанных русскими журналистами (к примеру А.Ф.Погосским) и опубликованных в различных изданиях уже позже войны.

У англичан свидетелей тоже немало. Среди них даже двое гражданских: Кинглейв и Рассел. Один историограф, другой журналист.

Участников много больше. Иногда кажется, что тот, кто, по его мнению, лишился жизни хотя бы одного русского, писал сразу мемуары. Обязательным условием была великая и славная победа над русскими и их позорное бегство. Отсюда и пошло рождение еще одного мифа о великом подвиге солдат Королевы.

Много воспоминаний солдат и офицеров Тяжелой бригады. (Ходж, Форест, Хантер, Гудман, Френки и др.), но в их памяти отрывочные воспоминания, переполненные победной эмоциональностью (иногда с презрительно унижающей противника интонацией: «...били, как собак», «резали, как овец»), которую не задумываясь подхватили многие исследователи. Их можно понять, каждый хотел найти свое место в британской истории, притом в один из величайших ее дней. Но в то же время они настолько схожи, что прошу прощения у читателей, если не приведу их все.

Трудно найти в них рациональное зерно, хотя оно, конечно же, есть. Что ж, легче рассказать, кто с каким криком атаковал, чем попытаться дать объективную оценку бою.

⁶³³ О сражении под Балаклавой. Записка генерал-лейтенанта Ив. Ив. Рыжова//Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. Под ред. Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 77; О сражении под Балаклавой. Записка генерал-лейтенанта Ив. Ив. Рыжова//Русский вестник. Том 86. СПб., 1870 г. С. 463–469.

⁶³⁴ Арбузов Е. Ф. Воспоминания о кампании на Крымском полуострове в 1854 и 1855 годах//Военный сборник. №4. СПб., 1874 г. С. 389–410.

⁶³⁵ Корибут-Кубитович. Воспоминания о Балаклавском деле 13-го октября 1854 г.//Дубровин Н. Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Выпуск IV. СПб., 1872 г. С. 41–62.

⁶³⁶ Донесение генерал-адъютанту князю Меншикову начальника 12-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Липранди от 14-го октября, №3.076//Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. Под ред. Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 22–27.

⁶³⁷ Описание атаки русских войск на Кадыйиойские высоты 13-го (25-го) октября 1854 года//Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. Под ред. Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 30–40.

Атака Шотландских Серых. 13(25) октября 1854 г. Английский рисунок сер. XIX в.

Написал легшие в основу множества исследований Крымской войны офицер штаба Раглана подполковник Калторп. Оставили воспоминания офицеры Тяжелой и Легкой бригад. Последние хотя и не участвовали в схватке, но видели ее с близкого расстояния. Все они интересны, но слишком уж эмоциональны, чтобы быть единственной правдой.

Есть еще один свидетель, который внимательно наблюдал бой, при этом никакого отношения к происходящему не имея. Это сержант 7-го Королевского фузилерного полка, о котором мы уже говорили и в этой, и в предыдущих частях «Исторического очерка...», небезызвестный автор одних из интереснейших воспоминаний о Крымской кампании — Тимоти Гоуинг. Волею судьбы в этот день он, взяв с собою двадцать пять солдат, «...отправился из лагеря на работы в Балаклаву, чтобы принести одеяла для больных и раненых».⁶³⁸ Но о нем и том, что он увидел, ниже.

Предшествовавшие события начали стремительно развиваться, когда после взятия передовых редутов в бой вступили гусарские полки Рыжова. Вспомним, что в качестве задачи им ставилась атака на неприятельский артиллерийский парк (иногда его называют вагенбургом), вместо которого Рыжов наткнулся на полки Тяжелой кавалерийской бригады англичан. Сам он начало выдвижения описывает так: «Я вполне постигал возложенную на меня обязанность: с гусарскими полками 6-й дивизии, при слабом их составе (не имели более 10 рядов во взводе, а некоторые эскадроны

⁶³⁸ Тимоти Гоуинг. Голос из строя (Gowing T. Voice from the Ranks: a personal narrative of the Crimean Campaign. Nottingham, 1895) Перевод Е. Тупахиной//«Military Крым». №3. Симферополь, 2006 г. С. 22–23.

и того менее) подняться на гору, на которой вся английская кавалерия и даже часть пехоты в укрепленной позиции... Когда адъютант генерала Липранди передал мне приказание исполнить назначенное, я двинул бригаду, построенную в дивизионных колоннах, к атаке в две линии, имея Лейхтенбергский полк в передней».⁶³⁹

То есть мы можем себе представить происходившее. Бригада движется в две линии. Первую составляют дивизионы лейхтенбержцев — 4 дивизионные колонны к атаке по два эскадрона в каждой. Списочный состав восьми эскадронов — 800 человек.⁶⁴⁰

Вторая линия — ингерманландцы. Их меньше. Арбузов уточняет: «Вслед за взятием редутов 5-й и 6-й эскадроны нашего полка по приказанию генерала Липранди были отправлены на правый фланг за Федюхины высоты к Черной речке; 7-й эскадрон остался в прикрытии артиллерии, а остальные наши пять эскадронов и весь Кнезский гусарский полк были направлены на предполагаемый артиллерийский парк. В угол расположения неприятельских войск».⁶⁴¹

Предполагаемый, по Тотлебену, состав оставшихся — 500 человек. На деле меньше. Более того, не просто меньше, а значительно меньше. Вот об этом и поговорим, хотя бы для того, чтобы рассеять устоявшийся британский миф о глобальном численном превосходстве русской кавалерии. Сразу скажу для сильно сомневающих: то, что написано на бумаге, официально далеко не всегда соответствует тому, что есть фактически. Вековую командирскую практику давать «наверх» сведения о большем числе людей в строю, чем есть на самом деле, забывать не будем. В описываемый период она была болезнью Российской армии.

Отсутствие части людей в строю не только вне боя, но и в бою, было закоренелой болезнью русской армии во время Крымской войны. О таком непотребном состоянии вещей говорили многие, хотя еще больше молчали. Зайончковский указывает, что отрыв от полка возрастал именно тогда, когда требовалось держать людей в строю — в военное время. Тому есть причины объективные. В распоряжении командира было минимальное штатное число людей, которых удавалось привлечь к говоря современным языком, решению задач материально-технического обеспечения. В отрыве же от постоянного места дислокации нужда в них возрасталакратно. Солдат отрывали фуражировки, снабжение, охранные мероприятия, выделение на выполнение боевых задач, но в отрыве от части и т.д. Подобных задач было великое множество.

В 1855 г. сменивший Меншикова князь Гурчаков постоянно жаловался на недостаток войск под Севастополем, указывая боевую цифру полков; по сведениям же Военного министерства, цифра эта на бумаге была намного значительнее. Все старания главнокомандующего и его штаба подсчитать действительное состояние полков так и не привели к положительным результатам, настолько трудно было бороться с сильно укоренившейся привычкой».⁶⁴²

На более низком уровне штабная культура и организационная дисциплина были скорее исключением, чем необходимым для нормального ведения войны правилом. В одном из официальных донесений 1856 г. говорилось: «...Едва ли три четверти полка постоянно несут службу, потому что несмотря на строгость и надзор высшего

⁶³⁹ О сражении под Балаклавой (записка генерал-лейтенанта Рыжова)/Н. Ф. Дубровин. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Выпуск IV. СПб., 1872 г. С. 75.

⁶⁴⁰ Описание обороны города Севастополя. Составлено под рук. генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 237.

⁶⁴¹ Арбузов Е. Ф. Воспоминания о кампании на Крымском полуострове в 1854 и 1855 годах//Военный сборник. № 4. СПб., 1874 г. С. 389–410.

⁶⁴² Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856. Том 1. СПб., 2002 г. С. 516.

Шотландские Серые в бою под Балаклавой 13(25) октября 1854 г.

начальства все, кто только приказывать может, начиная от полкового командира до фельдфебеля, непременно скрывают людей сверх положенного на расходы и командировки из числа нижних чинов. Учесть эти командировки и наблюдать за верностью расходов нет никаких средств. Закоренелая привычка, так сказать, красть людей не поскоренилась».⁶⁴³

На полковом уровне было совсем плохо. Один из полковых командиров, князь Урусов (командир Полтавского пехотного полка) вспоминал после Крымской войны: «...Офицеры произвольно прикомандировывали к себе строевых как и сколько заблагорассудится; командиры утопали в роскоши. Дрались вообще превосходно, но все ли дрались, все ли выходили в строй? Теперь сделается, может быть, понятным, почему на Альме не было войска, под Инкерманом опять не было и т.д.».⁶⁴⁴

Все вышесказанное приводит к выводу, что учитывая условия службы, время года, ход боевых действий, организацию тыла, в строю полков могло отсутствовать от 25 до 30 процентов личного состава. С разрешения читателя я не буду расшифровывать систему подсчета, она настолько же проста, насколько и скучна, потому просто выведем цифру наличия личного состава в эскадронах: 75–85 чел. Не более. Как аргумент вспомним, что у Арбузова говорится о пошедших в бой 12 рядах во взводе, то есть 24 чел. С офицерами — почти 100 чел. Но это лейб-эскадрон, лучший и самый укомплек-

⁶⁴³ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856. Том 1. СПб., 2002 г. С. 516.

⁶⁴⁴ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856. Том 1. СПб., 2002 г. С. 516.

тованный.⁶⁴⁵ В других меньше. Рыжов уже сказал, что не более 10 рядов во взводах. то есть не более 20 чел.⁶⁴⁶

Значит в двух полках (13 эскадронах на момент боя) в лучшем случае 1000–1100 человек. Может, и меньше. Привычная цифра в 3000 чел. — это два кавалерийских полка в их почти штатном составе, то есть с полностью укомплектованными подразделениями.

А это, признаем, сильно меняет картину произошедшего спустя несколько минут.

Что же тогда говорить о противниках, которые, как утверждают англичане, были числом как минимум в три раза меньше. Сами британцы не любят называть общую численность полков в день сражения.

Но отдельные популярные источники, на которые часто ссылаются современные исследователи, называют ее в 900 чел.⁶⁴⁷ Еще говорят о 800.⁶⁴⁸ Мы возьмем за основу приведенную ранее численность полков по исследованию сражения английскими авторами братьями Джоном и Борисом Молло. Это как раз и будет максимум 900. минимум 800 человек.⁶⁴⁹

Где-то за гусарами, но пока еще отдельно от них, движутся Уральский №1 казачий полк и три сотни Донского №53 полка. Это пока еще резерв, притом даже не Рыжова. Он в руках Липранди, который не торопится, не рискует отдать его не в самые умелые руки кавалерийского командира. Артиллерия к тому времени ушла от кавалерии, задействованная для атаки на редуты. Уланы Еропкина остаются на месте, уже не надеясь, что им придется сегодня вступить в бой.⁶⁵⁰

Примерно в 8.30 русская кавалерия, «пройдя перевал между редутами №3 и №4»,⁶⁵¹ вошла на место английского лагеря.⁶⁵² Скорость движения невелика, «большая рысь».⁶⁵³ Рыжов посчитал, что идти им долго, и решил экономить силы. В конце концов, задача не самая сложная — войти в оставленный неприятельский лагерь, погромить там что можно, а потом отойти, предоставив артиллерии испепелить то, что осталось. Тем более что сам Рыжов, похоже, еще не догадывается, что там ждет неприятельская кавалерия, он не может даже видеть ее.⁶⁵⁴

До этого места все, вроде бы, ясно. Редуты взяты, задача выполнена — Воронцовская дорога перешла под контроль русской армии, перестав быть кровеносной артерией осадных позиций союзников. Кавалерия в этом не участвовала, оставаясь в тылу, выполняя роль подвижного резерва. Теперь можно было и ей дать возможность поучаствовать в бою, разгромив неприятельский лагерь, упорно именуемый артиллерийским парком.

⁶⁴⁵ Арбузов Е. Ф. Воспоминания из кампании на Крымском полуострове в 1854 и 1855//Военный сборник. №4. СПб., 1874 г. С. 389–410.

⁶⁴⁶ О сражении под Балаклавой (записка генерал-лейтенанта Рыжова)//Н. Ф. Дубровин. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Выпуск IV. СПб., 1872 г. С. 75.

⁶⁴⁷ <http://www.britishbattles.com/crimean-war/balaclava.htm>; <http://www.oocities.org/athens/acropolis/2691/cothb.html>

⁶⁴⁸ <http://www.nam.ac.uk/microsites/war-horse/explore/charge/the-heavy-brigade-the-crimean-war/>

⁶⁴⁹ Mollo, John and Boris. Into the Valley of Death. The British Cavalry Division at Balaclava 1854. London. 1991. P. 11.

⁶⁵⁰ Корибут-Кубитович. Воспоминания о Балаклавском деле 13-го октября 1854 г.// Дубровин Н. Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Выпуск IV. СПб., 1872 г. С. 50.

⁶⁵¹ Корибут-Кубитович. Воспоминания о Балаклавском деле 13-го октября 1854 г.// Дубровин Н. Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Выпуск IV. СПб., 1872 г. С. 52.

⁶⁵² Fay, Charles Alexandre. Souvenirs de la guerre de Crimée, 1854–1856. Paris. 1889. P. 89–90.

⁶⁵³ О сражении под Балаклавой. Записка генерал-лейтенанта Ив. Ив. Рыжова//Русский вестник. Том 86. СПб., 1870 г. С. 465.

⁶⁵⁴ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 160.

Генерал-майор Джеймс Йорк Скарлет. Командир Тяжелой бригады. Рисунок Ф.Гранта (в Крыму — офицер 5-го гвардейского драгунского полка).

Что касается самого Рыжова, то он все еще не видит неприятельскую кавалерию, две бригады которой «...выстроились перед своим лагерем, скрытые от противника складкой местности».⁶⁵⁵

Вскоре противники увидели друг друга — следовавший с частью Тяжелой бригады к Южной долине Скарлет, внезапно обнаружил у себя на фланге значительную массу русской конницы. Англичане отчетливо увидели две длинные линии кавалерии, которые медленно продвигались вперед, а потом вовсе остановились и сомкнулись, поразив Вудса великолепным зрелищем.⁶⁵⁶

В этот самый момент Рыжов по необъяснимой причине совершает роковую ошибку — начинает тормозить движение: «...имея в виду, что мне предстояло пройти до неприятеля версты полторы; причем неизбежно лошади не имели бы такой силы, какая требовалась для атаки».⁶⁵⁷

Торможение, естественно, приводит к тому, что державшие строй эскадроны начинают «налезать» друг на друга, терять интервалы, рвать дистанции. Тот строй, который недавно еще напоминал боевой порядок, рушится. Кавалерия, которой «...за

⁶⁵⁵ Russell, W H. The British Expedition to the Crimea. London. 1858. (<http://archive.org/details/britishexpediti00russgoog>).

⁶⁵⁶ Woods I. A. The Past Campaign: A Sketch of the War in the East, from the Departure of Lord Raglan to the Capture of Sevastopol. Vol.II. London. 1855. P. 71.

⁶⁵⁷ О сражении под Балаклавой. Записка генерал-лейтенанта Ив. Ив. Рыжова//Русский вестник. Том 86. СПб., 1870 г. С. 465.

всю войну представлялся в Балаклавском сражении единственный случай выстроить уставной боевой порядок, и тут она не могла этого сделать за недостатком времени и места».⁶⁵⁸

Дальше вал ошибок нарастает, как снежный ком. Причина торможения отчасти становится понятной: Рыжов покидает бригаду и уезжает к Липранди. Генерал вдруг засомневался в правильности направления своего движения (никакого парка нет, а кавалерии неприятельской, которую даже не планировалось встретить, подозрительно много) и потребовал себе сопровождающего офицера из штаба.

Как и следовало ожидать, Липранди не понял: зачем бригаде, получившей частную задачу на ограниченном пространстве, где все ориентиры находятся в видимости, а сам Рыжов «знаком был с местностью по карте»,⁶⁵⁹ еще и проводник? Более того, Липранди не может понять, почему командующий кавалерией вдруг бросил подчиненную ему бригаду (правда, формально он оставил при полках штатного командира — генерала Халецкого) и уехал за 2 км задавать вопросы, которые должны задаваться до боя, а не во время него.

Вероятно, командующий в раздражении отказал кавалерийскому начальнику и отправил назад к войскам, оставленным без управления. Рыжов пишет, что он вообще не собирался ни у кого просить разрешения на выделение сопровождающего, а просто потребовал, еще и в приказной форме, у одного из офицеров штаба Липранди следовать за собой. Когда тот отказался (будучи совершенно прав), генерал почти впадает в истерику: «имя этого господина не считаю нужным приводить».⁶⁶⁰

Липранди уступает и выделяет проводника — капитана генерального штаба Феоктистова. Ему становится понятно, что самостоятельно Рыжов действовать не умеет. Он отдает приказ Уральскому казачьему полку и донцам перейти через линию редутов, прикрыв фланги гусарской бригады. Действия гусар он не отменяет, очевидно предполагая под их прикрытием закрепиться на взятых редутах.

Судя по всему, именно это и говорил Липранди полковнику Хорошихину, который даже не выслушав Рыжова, «...без дальнейшего рассуждения бросился в карьер без всякого необходимого порядка и, что еще хуже, справа по шести».⁶⁶¹

Рыжов опять не говорит правду. Хорошихин лишь прикрыл своими эскадронами фланги гусар. А вот сотни донцов Александрова сделали что-то, взбудоражившее британцев.

Кстати, на схеме в книге Суитмана хорошо показаны действия казаков, которые не атакуя горцев, просто описывают круг перед их строем и возвращаются на исходную позицию.⁶⁶² Сам того не подозревая, автор ломает историю о «Тонкой красной линии», при этом просто блестяще показывая действия казаков.

Дальше происходит то, что уже описано выше. Донцы имитируют атаку на неприятельскую пехоту, вынуждают ее развернуться в линию (ту самую якобы «Тонкую и красную»), открыться, определив степень угрозы наступающей русской кавалерии. Отныне горцы «не в игре». Они обнаружили свое намерение в бой не вступать. контратакой утраченное положение не восстанавливать, ограничившись прикрытием Балаклавы.

⁶⁵⁸ Зайончковский А. М. Восточная война 1853—1856. Том I. СПб., 2002 г. С. 478—479.

⁶⁵⁹ О сражении под Балаклавой. Записка генерал-лейтенанта Ив. Ив. Рыжова//Русский вестник. Том 86. СПб., 1870 г. С. 465.

⁶⁶⁰ О сражении под Балаклавой. Записка генерал-лейтенанта Ив. Ив. Рыжова//Русский вестник. Том 86. СПб., 1870 г. С. 465.

⁶⁶¹ О сражении под Балаклавой. Записка генерал-лейтенанта Ив. Ив. Рыжова//Русский вестник. Том 86. СПб., 1870 г. С. 465.

⁶⁶² Sweetman, John. Balaclava 1854. Osprey. Campaign series. 6. 1990. P. 51.

В этот момент мы теряем Рыжова. Никто не знает, где он. А он молчит. Казалось, любой, кто говорит о действиях войск, которыми назначен командовать, должен прежде всего указать место своего нахождения, хотя бы для того, чтобы читателю было легче понимать происходившее.

Но Рыжов упорно молчит. Потом так же будет молчать Кардиган, потеряв третью своей кавалерии. Значит, не хочет сказать главное, отвлекая наше внимание второстепенными сюжетами, многие из которых трудно связываются в цельную картину, а иногда и совсем не совпадают с воспоминаниями участников. Рыжов в этот момент просто излишне осторожен, демонстрируя качества, которые не позволяют ему считаться хорошим кавалерийским командиром. У него нет ничего, что могло бы поставить его имя в один ряд с вошедшими в историю предшественниками и последователями:

«Кавалерийский генерал должен обладать такими способностями, сочетание которых в одном лице встречается очень редко. Он должен иметь высокий ум, необходимый всякому офицеру, занимающему ответственное положение, соединенный с мгновенной сообразительностью и чрезвычайной смелостью; полным хладнокровием в связи с величайшей стремительностью. Для составления плана действий необходим ум, для его выполнения — стремительность; при отступлении в случае неудачи — осторожность.

Начальник конницы должен наносить удары с быстротой молнии; слова «колебание», «нерешительность» должны быть раз и навсегда вычеркнуты из его лексикона. Но среди бурных порывов конной атаки, среди величайшего возбуждения быстрого преследования, среди рукопашного боя, среди сверкающих клинков и свистящих пуль начальник конницы должен сохранять полнейшее хладнокровие. Его соображения должны быть быстры и немедленно приведены в исполнение. Он должен обладать в полной мере способностью не выпускать из рук своих людей в самые горячие минуты. Без этого никто не может быть истинным великим кавалерийским генералом. Не мудрено после этого, что история занесла на свои страницы столь малое число их.

Все знаменитые кавалерийские генералы выделялись своей стремительностью, энергией, огнем; разница между ними заключалась только в большей или меньшей рассудительности или осторожности, которой они обладали. Бывали известные кавалеристы, вовсе этими последними качествами не обладавшие, но никогда не заслуживал названия хорошего кавалериста тот, у которого не хватало стремительности и энергии».⁶⁶³

Генерал, видимо, так и не понял происходившего и даже не направился к бригаде, ограничившись наблюдением за событиями (судя по всему, с редута №4), после чего начинаются совершенные несуслазицы. Назовем этот эпизод «Сближение».

СБЛИЖЕНИЕ

Видимо, ожидавший от британской кавалерии роли неподвижных статистов Рыжов действительно запутался, не мог правильно ориентироваться на поле сражения, не зная, что ему делать дальше. Трудно сказать, в каких отношениях он был с Липранди, но с этого момента последний в своем рапорте делает все, чтобы его оправдать.

⁶⁶³ Денисон Дж. История конницы. Кн. 1. М., 2001 г. С. 471–473.

Например, отражение русской кавалерии приписывается исключительно действиям неприятельской артиллерии и штурцерному огню. Об атаке английской кавалерии и схватке с ней не говорится ни слова.⁶⁶⁴

С позиции разумного, Рыжову в этот момент следовало развить действия иррегулярных сотен, приказав «прошупать» местность перед своим фронтом, но он не делает этого, как не делает ничего другого, что могло предотвратить напрасные жертвы.

В это же время англичане так же не спеша двигаются навстречу русским. Адьютант Скарлета лейтенант Эллиот, едва ли не самый опытный офицер Тяжелой бригады,⁶⁶⁵ внезапно замечает отряд кавалерии.⁶⁶⁶

Скарлет мудро подобрал команду своего штаба. Понимая, что собственный опыт командования в боевой обстановке не столь велик, чтобы позволить одерживать грандиозные победы, и будучи человеком напрочь лишенным какого-либо тщеславия, он держал рядом с собой двух опытнейших и умных офицеров, «...которые могли дополнять то, чего не хватало храброму и решительному их начальнику»⁶⁶⁷ — Эллиота и Битсона. Первый был его глазами, второй — головой.

Часто пишут про хроническую близорукость английских командиров. Ничего удивительного в этом нет: в середине XIX в. подобная «беда» была явлением распространенным. Это был бич всех офицеров и всех генералов всех армий. Кроме того своего рода «профессиональными заболеваниями» английского корпуса современные исследователи военной психологии называют: проблемы с памятью, неврозы и алкоголизм.⁶⁶⁸

Роковых последствий от этого не происходило, очки были известны обывателям и доступны задолго до событий. Но вот что у Скарлета была проблема с окулистом, это бесспорно. Судя по всему, генерал действительно страдал каким-то тяжелым глазным недугом. Лучшее тому подтверждение — каска 5-го драгунского полка, бывшая у него на голове 25 октября 1854 г. Она хранится до настоящего времени в собрании музея Бернли в Ланкашире. Исследователи обратили внимание на чрезмерно удлиненный и заостренный козырек каски, что позволило им сделать вывод о болезни глаз генерала. Возможно, это была одна из тяжелых форм конъюнктивита. Во всяком случае только благодаря адъютантам Скарлет обнаружил присутствие на поле русской кавалерии.

Намерение атаковать противника было у Скарлета изначально. По-другому не могло и быть, так как, видя русскую кавалерию, обходящую шотландцев (спасибо казакам), единственное, что он мог предположить — готовится атака на Балаклаву, и его кавалерия — последний рубеж обороны главной базы.

Ну и, конечно, как любой дослужившийся до генерала, но не ставший боевым генералом, он не мог упустить возможности исправить такое несправедливое положение

⁶⁶⁴ Донесение генерал-адъютанту князю Меншикову начальника 12-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Липранди от 14-го октября, № 3.076//Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. Под ред. Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 22–27.

⁶⁶⁵ Лейтенант Эллиот из 5-го драгунского полка до Крымской войны пять лет служил в Бенгальской кавалерии в Индии. Его послужной список и военный опыт помогли сделать карьеру, но при этом по непонятным обстоятельствам он все еще оставался лейтенантом. Не менее опытным был и второй адъютант Скарлета — полковник Битсон, воевавший еще с Наполеоном. После сражения лейтенант Александр Джеймс Харди Эллиот был повышен в звании до капитана «без покупки», что означало с присвоением ему его за воинские заслуги.

⁶⁶⁶ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 160–161.

⁶⁶⁷ Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 годов. Том III, СПб., 1876 г. С. 113–114.

⁶⁶⁸ Dixon, Norman. On Psychology of Military Incompetence. Vintage Digital; New Ed edition. 2011. P. 30–31.

вещей. Тем более что русские сами подставлялись для удачной их атаки.

Он не был самоубийцей и, сознавая численное превосходство противника, сделал то, что и должен был сделать любой адекватный командир в его ситуации — переиграл русских тактически, быстро перестроив своих кавалеристов применительно к той местности, на которой находились они и к которой приближались гусары.

Обе бригады сформировали две линии с выделением одного полка в резерв. Прибывший, наконец, к Легкой бригаде Кардиган в первую линию поставил 8-й, 13-й и 17-й полки, во вторую — 4-й и 11-й. Вторую линию лорд поручил полковнику Педжету и разместил недалеко в низине, скрыв от русских.⁶⁶⁹

Там Педжет располагался недолго и вскоре передвинул оба полка на 100 м вперед, откуда мог видеть оставленный ими лагерь. Здесь солдаты спешили и даже успели наскоро перекусить, используя благоразумно захваченный с собой небольшой продуктовый запас.⁶⁷⁰

С этого места Педжет внезапно увидел, как пространство между редутами начало заполняться большими массами русской кавалерии, внезапно появившейся в 300 метрах от Тяжелой бригады.⁶⁷¹

Почти в это время к Скарлету прибывает Лукан, уже знавший о приближении Рыжова.⁶⁷² У Скарлета уже готово решение и он докладывает о нем своему начальнику. Между противниками был старый виноградник и примыкавший к нему справа палаточный лагерь бригады Кардигана, которые затрудняли движение кавалерии, но Скарлет, заметив пару проходов, которые не были видны русским, решил воспользоваться ими.⁶⁷³

Этим решением на бой командир Тяжелой бригады проявил себя как исключительно умный военачальник. Понимая, что у него нет шансов выдержать удар массы русской кавалерии, он решил разделить свою бригаду на несколько частей и ослабить лобовой удар русских атаками по флангам.

Сам ли, или «с подачи» адъютантов (что более вероятно), но Скарлет использовал остатки виноградника и лагерь Легкой бригады как щит, которым прикрыл свой

Подполковник Ходж. В бою 13 (25) октября 1854 г. командовал 4-м гвардейским драгунским (4th Royal Irish Dragoon Guards) полком.

⁶⁶⁹ The Light Cavalry Brigade in the Crimea Extracts from the Letters and Journal of General Lord George Paget. London. 1881. P. 167–168.

⁶⁷⁰ The Light Cavalry Brigade in the Crimea Extracts from the Letters and Journal of General Lord George Paget. London. 1881. P. 169.

⁶⁷¹ The Light Cavalry Brigade in the Crimea Extracts from the Letters and Journal of General Lord George Paget. London. 1881. P. 173.

⁶⁷² Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 161; http://crimeantexts.russianwar.co.uk/sources/kinglake/k3_4_359.html.

⁶⁷³ The Light Cavalry Brigade in the Crimea Extracts from the Letters and Journal of General Lord George Paget. London. 1881. P. 174.

Английская сабля Р1853.

фронт от русской лобовой атаки. Свои же эскадроны он выстроил так, чтобы атаковать гусар по трем направлениям, ни одно из которых не было фронтальным.

1. Слева от виноградника: 1-й полк. Направление атаки — крайняя точка правого фланга русских: «слева на правый фланг русских».⁶⁷⁴

2. Между виноградником и лагерем Легкой бригады (самый сложный путь): 4 взвода 4-го гвардейского полка. Направление — правый фланг русских.

3. Справа от лагеря Легкой бригады: основные силы Тяжелой бригады в две линии. Направление — левый фланг русских.⁶⁷⁵

По его замыслу британцы должны были первыми дойти до виноградника, обойти его и, пользуясь ровной местностью, набрать скорость для атаки русских, замедливших движение. Лукан, не понявший командира дивизии, внезапно решил сам отдать приказ о наступлении, приказав находившемуся рядом трубачу играть сигнал атаки.⁶⁷⁶

Думаю, он не сомневался в успехе. И дело совсем не в отмечаемой даже его неэнтузиастами личной храбрости. Двадцатью годами раньше ему довелось участвовать в составе штаба Воронцова в войне России и Турции (1828–1829 гг.). Из приобретенного там опыта он твердо усвоил для себя не самое лучшее мнение о русской кавалерии и, наоборот, самое высокое — о русской пехоте.⁶⁷⁷

ВСТРЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Схватку с русской кавалерией Тяжелая бригада встретила в двух линиях с резервом. В первой — Королевские Шотландские Серые (в одну линию) и, немного правее и сзади,⁶⁷⁸ Иннискиллинские драгуны (в две линии). Первая линия (два эскадрона) — уступом вправо, вторая — строго за Серыми.

⁶⁷⁴ Ainslie, De, General. Historical record of the First or the Royal Regiment of Dragoons containing an account of its formation in the reign of King Charles the Second, and of its subsequent services to the present time. 1887. London. P. 187.

⁶⁷⁵ Mollo, John and Boris. Into the Valley of Death. The British Cavalry Division at Balaclava 1854. London. 1991. P. 24.

⁶⁷⁶ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Парлана. М., 2004 г. С. 161.

⁶⁷⁷ Kinglake, Alexander William. The Invasion of the Crimea. Vol. 5. London. 1868. P. 4.

⁶⁷⁸ Ainslie, De, General. Historical record of the First or the Royal Regiment of Dragoons containing an account of its formation in the reign of King Charles the Second, and of its subsequent services to the present time. 1887. London. P. 186–187.

Эти два полка не просто так стояли рядом. Едва ли не со времени формирования у старейших кавалерийских полков существовала и всячески поддерживалась командирами дружба между солдатами и офицерами. Когда они были в одной линии, можно было надеяться на взаимную поддержку.⁶⁷⁹

Впереди двигался сам командир Серых, подполковник Гриффит. За ним два эскадрона, которыми командовали майор Кларк (правый) и капитан Уильямс (левый). Вскоре Серые немного замедлились, обходя палаточный городок Легкой бригады.⁶⁸⁰

Вторая линия, примыкавшая правым флангом ко второй линии Серых — 4-й и 5-й полки, которые вел под единым командованием командир 4-го полка полковник Ходж, «малыш Ходж», прозванный так подчиненными за небольшой рост.⁶⁸¹ Но Ходж хотя и был мал ростом, имел прекрасно управляемое подразделение, и потому именно он получил приказ на наиболее сложный маневр. Ему поручалось пройти между лагерем Легкой бригады и виноградником, при этом часть движения нужно было проделать вдоль фронта русской кавалерии, не обнаружив дальнейшего намерения атаковать ее фланг. Как писал сам Ходж, для этого он приказал эскадронам двигаться медленным шагом и не вынимая сабель из ножен.⁶⁸²

В резерве — 1-й полк.⁶⁸³ Расположен коварно и резервом был только относительно. Во-первых, это самый многочисленный полк, избежавший больших потерь от болезней, имевший в строю не менее 300 человек. Я не преувеличиваю. После Балаклавского сражения в строю 4-х эскадронов полка было, не считая офицеров: 26 сержантов, 4 трубача, 16 капралов и 299 рядовых на 300 лошадях, то есть почти столько, сколько прибыло в Крым.⁶⁸⁴ Понимаю, что любимый многими миф о глобальном превосходстве русской кавалерии начинает рушиться на глазах, но сказанное не моя выдумка. Источник — в сноске.⁶⁸⁵

Во-вторых, это самый свежий полк, который совсем недавно прибыл в Крым (4 октября) и еще не измотан бессонными ночами и постоянными тревогами.⁶⁸⁶ Это скорее даже не резервы, это ударная сила, которая могла нанести решающий удар по флангу русской кавалерии. Резервом он мог стать в случае, если бы все пошло «не так» и потребовалось прикрыть отступление.

Впереди строя бригады находились Скарлет с Элиотом. Командир бригады проигнорировал сигнал Лукана и остановил рвавшихся вперед солдат.

Только поняв, что полки перестроены и выровнены, он приказал атаковать. Пять драгунских полков ринулись вперед.⁶⁸⁷

⁶⁷⁹ Almack, Edward. The history of the Second dragoons: «Royal Scots Greys». London. 1908. P. 82–83.

⁶⁸⁰ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 162.

⁶⁸¹ Его ценили в полку за заботу о солдатах и справедливость по отношению к ним. Он связал с полком всю свою жизнь, оставаясь его полковником до 1874 г. Ле Маршан, сын знаменитого Джона Гаспара Ле Маршана, основателя военной академии Сандхерст, служивший под его командованием, писал о Ходже: «Это был один из наиболее талантливых и выдающихся людей, сделавших все, чтобы заслужить наше уважение...» (<http://www.britishempire.co.uk/forces/armyunits/britishcavalry/4dghodge.htm>).

⁶⁸² Kinglake, Alexander. The Battle of Balaklava. Edinburgh and London. 1875. P. 140–141.

⁶⁸³ Woods I. A. The Past Campaign: A Sketch of the War in the East, from the Departure of Lord Raglan to the Capture of Sevastopol. Vol. II. London. 1855. P. 73–74.

⁶⁸⁴ Molloy, John and Boris. Into the Valley of Death. The British Cavalry Division at Balaklava 1854. London. 1991. P. 11.

⁶⁸⁵ Ainslie, De, General. Historical record of the First or the Royal Regiment of Dragoons containing an account of its formation in the reign of King Charles the Second, and of its subsequent services to the present time. 1887. London. P. 189.

⁶⁸⁶ Ainslie, De, General. Historical record of the First or the Royal Regiment of Dragoons containing an account of its formation in the reign of King Charles the Second, and of its subsequent services to the present time. 1887. London. P. 184–186.

⁶⁸⁷ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 162.

Рыжов оказался в самом невыгодном положении, в какое только может попасть кавалерия перед лицом неприятеля. Все имевшиеся преимущества были утеряны. Численное превосходство, а его почти нет, уже не играет никакой роли. Англичане доминировали над местностью, вынуждая русскую кавалерию идти по пересеченному рельефу. Кроме того, «...неприятель со своих укрепленных высот мог обстреливать свободно все поле, по которому нам нужно было идти».⁶⁸⁸

В результате движение происходило под непрерывным обстрелом, который из беспокоящего в начале движения по мере продвижения вперед становился все более и более плотным: «Едва гусары, шедшие в колоннах к атаке, перешли вершины Балаклавских высот и стали, на прибавленных рысях, подвигаться к упомянутому углу неприятельской позиции, как по ним из всех орудий с флангов неприятельского расположения был открыт жесточайший перекрестный огонь. Таким образом, до предполагаемого парка нам нужно было пройти под выстрелами противника ещё версты две или три. По мере нашего приближения к предназначенной нам цели, огонь значительно усиливался; к артиллерийскому прибавился еще и огонь стрелков, спущенных со всех сторон по скатам высот, занятых неприятелем. Мы шли буквально под огнем. Ряды гусаров редели ежесекундно, но эскадроны бодро продвигались вперед».⁶⁸⁹

Если принять воспоминания Арбузова за правду, то список потерь был бы непомерно большим. На деле он, конечно, многое преувеличивает.

Во-первых, ни одна французская батарея в этот день не произвела ни единого выстрела по русской кавалерии в частности и по русской армии вообще. Об этом нет ни единого слова ни у Фея, ни у Базанкура, ни у Герена. Единственные, кто мог стрелять по полкам, это турки, засевшие к тому времени в руде №5. Но не думаю, что они были способны нанести хоть какие-то существенные потери по причине ослабленной постоянными перебегами из укрепления в укрепление боеспособности.

Во-вторых, «удлиняет» расстояние едва ли не в два раза. Кроме того, ружейный огонь на таком удалении мог беспокоить гусар, но не укладывать их одного за другим на землю. Огонь артиллерии, конечно, эффективнее, но странно — до сближения с англичанами нет ни одного офицера, убитого картечью пулей.

Определенный скептицизм вызывают и видневшиеся «сервированные столы» англичан. Как-то не похоже, чтобы поднятая затемно по тревоге кавалерия вместо подготовки к бою готовилась к утреннему ланчу. Прямо как в «Трех мушкетерах»: завтрак под пулями у стен Ля-Рошели. Уж не отсюда ли легенда про истребленный под Балаклавой генофонд британской аристократии? Для кого же еще столы могли сервировать?

Но не будем осуждать Арбузова, военный романтизм всегда присущ молодому офицерству. Тем более гусару.

Достигнув рубежа начала атаки на предполагаемый артиллерийский парк, гусарские полки неожиданно оказались перед кавалерией англичан, которую до этого скрывали Балаклавские высоты. В ситуации, которая требовала от разумного командира только одного — действия, Рыжов повел себя, мягко говоря, неадекватно. Из

⁶⁸⁸ Арбузов Е. Ф. Воспоминания о кампании на Крымском полуострове в 1854 и 1855 годах//Военный сборник. № 4. СПб., 1874 г. С. 389—410.

⁶⁸⁹ Арбузов Е. Ф. Воспоминания о кампании на Крымском полуострове в 1854 и 1855 годах//Военный сборник. № 4. СПб., 1874 г. С. 389—410.

Рядовые Тяжелой бригады. Слева направо: 4-й гвардейский драгунский полк, 5-й гвардейский драгунский полк, 1-й Королевский драгунский полк, 2-й драгунский полк, 6-й (Иннискиллингский) драгунский полк. Рисунок генерала Вансона. Музей армии. Париж.

всех возможных вариантов он выбрал самый худший — остановил бригаду: «...В это время левый фланг русской кавалерии одолел холм на нашей стороне равнины, и русские увидели всего в полумиле от себя шотландцев, спокойно ожидавших их атаки. Передние шеренги русских остановились, давая подтянуться остальным. Эскадроны подходили один за другим, и вот уже вдоль гребня выстроилось 3500 человек — уланы, драгуны и гусары. Они встали в две колонны поэшелонно, и еще один эшелон составил резерв».⁶⁹⁰

Наблюдавший за этим Педжет удивлен, тем более что и англичане еще не готовы к атаке.

Теоретически российская бригада из двух полков легкой кавалерии в два раза превосходила по штатной численности английскую Тяжелую кавалерийскую бригаду, состоявшую из пяти драгунских полков.⁶⁹¹ Но под Балаклавой это могло произойти только в том случае, если в строй поставили бы 100 % личного состава. Как указывалось выше, 3 эскадрона Веймарских (Ингерманландских) гусар в бою не участвовали. Рыжов и Арбузов указали, что остальные эскадроны имели далеко не полный комплект личного состава. Значит в бою на Балаклавских высотах российские гусары если и превосходили английских драгун численностью, то некратно.

Бодро — не значит быстро. А быстро не получалось не только потому, что не смогли, а еще и потому, что местность, на которой происходили события, была покры-

⁶⁹⁰ Russell, W. H. The British Expedition to the Crimea. London. 1858. (<http://archive.org/details/britishepediti00russgoog>).

⁶⁹¹ Брикс Г. История конницы. Кн. 2. Пер. с нем. М., 2001 г. С. 255–256.

Атака Тяжелой бригады под Балаклавой 25 октября 1854 г. Рисунок В. Симпсона.

та мелким кустарником, который «...доставлял более выгод неприятелю, нежели нам».⁶⁹²

Вот он ключ к случившемуся! Это и есть те остатки виноградника, о которых говорят многие участники событий, которые вынудили русскую кавалерию почти остановиться и сделали возможной эффективную атаку англичан с нескольких направлений.

Остановка гусар — это не робость и тем более не трусость. Это случилось потому, что командующий русской кавалерией действовал слепо и, в конце концов, упершись в непредвиденное препятствие, она начала прямо перед противником искать пути его обхода, давая последнему, знавшему условия местности, выбрать направления самых выгодных ударов.

Может быть, в этом причина того, что ни он, ни Липранди не решились на выяснение обстоятельств. Если последний мог обвинить Рыжова в том, что он своим неуклюжим руководством завел бригаду в невыгодную для нее ситуацию, то и Рыжов мог обвинить Липранди в отказе от предоставления сопровождающего. Решили не обострять, тем более сражение было выиграно. На том и порешили, то и попало в последующие воспоминания и записки о Крымской войне...

Тем более что английский подполковник Педжет, видевший события, отметил, что русские действовали смело и энергично, что разрушает устоявшееся утверждение о

⁶⁹² Кожухов С. Из крымских воспоминаний о последней войне // Дубровин Н. Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Выпуск IV. СПб., 1872 г. С. 66.

пассивном поведении гусар, с чуть ли не рабской покорностью ожидавших лобового удара драгун.⁶⁹³

СТОЛКНОВЕНИЕ

Скарлет, ни разу не бывший в реальных кавалерийских боях, spolна воспользовался ошибкой своего, казалось, более опытного оппонента, обрушившись на фланги русских. Атака на нарушившего каноны кавалерийского боя Рыжова не могла быть иной, кроме как успешной, тем более что подходившие эскадроны, не понимая, что происходит, подошли вплотную к тылу эскадронов первой и второй линий.

Последовал кавалерийский бой, результат которого в будущем породил множество споров. Командир эскадрона спаги, составлявшего конвой Канробера, перешедший к нем по наследству от покойного Сент-Арно, лейтенант де Молен с восторгом описывает сцену кавалерийского боя, сравнивая его со схватками времен Шекспира.⁶⁹⁴

Вот как описал случившееся Рыжов. «Когда я прискакал на гору, взорам моим представилось следующее: вся английская кавалерия не далее как в 200 саженях от меня была построена в одну линию, упираясь правым флангом в изрытую местность и сверх того защищаясь довольно сильною батареей, устроенной в с.Кадыкийой. На левом фланге саженей во ста уступами в колоннах стояла пехота. ...В это самое время колонны гусар начали подниматься. Первым был дивизион Лейхтенбергского полка под командой истинно храброго полковника Войниловича, которому я приказал принять влево на столько, чтобы стать лицом к лицу с английскими гвардейскими красными драгунами. Прочие дивизионы, также по мере всхода их на гору, были мною направлены на части неприятельского строя так, что я вынужден был, соображаясь с протяжением английского фронта, вытянуть и свои оба полка в одну линию, оставаясь без резерва. Удивляться надобно, как неприятель, превосходя нас численностью, допустил нас свободно подняться на гору и, можно сказать, тут же перед своим носом дал мне время устроить свои части и направить на указанные пункты. Но это так было: неприятель стоял и спокойно ожидал, как будто по условию. ...Наконец, вся линия моя полетела на фронт врагов. ...Все мое внимание было обращено на это побоище. Я затаил дух, ожидая, какой конец этому будет. Если бы гусары повернули назад, в таком случае не имея резерва, я не имел бы средств остановить неприятеля, а спуск с горы при неизбежном беспорядке помог бы вражеской кавалерии нанести нам великое поражение...».⁶⁹⁵

Без сомнения, Рыжов пытается придать благообразный вид случившемуся, подменяя потерю управления бригадой доблестным поведением ее солдат и офицеров. Это сказано еще мягко. На деле генерал откровенно врет, стараясь использовать известный многим военачальникам традиционный многолетний прием ухода от ответственности — заменить свои ошибки героизмом солдат. Опыт применения кавалерии требовал от кавалерийского начальника перед атакой иметь под рукой все на-

⁶⁹³ The Light Cavalry Brigade in the Crimea Extracts from the Letters and Journal of General Lord George Paget. London. 1881. P. 176.

⁶⁹⁴ Molènes, Paul de. Les commentaires d'un soldat. Paris. 1860. P. 91–92.

⁶⁹⁵ О сражении под Балаклавой. Записка генерал-лейтенанта Ив. Ив. Рыжова//Русский вестник. Том 86. СПб., 1870 г. С. 466–467.

личные силы, а решившись «...уловить минуту для атаки, выбрать предмет действий и увлечь подчиненных».⁶⁹⁶

Но даже из сказанного мы можем увидеть как минимум две детали, усугубляющие его личную ответственность за случившееся: в решающий момент начальник отсутствует в боевом порядке и намеренно кратно завышает численность противостоящего неприятеля.

Рыжов писал: «...вся английская кавалерия не далее как в 200 саженьях от меня была построена в одну линию».⁶⁹⁷ Явно знаниями о типовых боевых порядках кавалерии англичан Рыжов не обладал, потому и посчитал, что увиденное им с возвышенности, на которую он выехал, и есть именно «вся английская кавалерия».

Кроме того, Рыжов ни словом не обмолвился о своем месте в строю. Он как бы наблюдает происходившее со стороны, то есть не участвует, а лишь смотрит. Похоже, что генерал действительно находился в районе ближайшего редута, оттуда как раз и мог порядок англичан казаться одной линией;

- он даже не представляет противника, почему-то посчитав, что перед ним гвардия в красных мундирах, при этом не задумавшись, что в красных мундирах вся Тяжелая бригада;

- странно слышать фразу о численном превосходстве неприятеля. Можно было быть скромнее и указать хотя бы на равенство сил. В данном случае ложь носит совершенно откровенный характер;

- Рыжов говорит, что приказал кавалерии принять фронт вправо, но в то же время Арбузов говорит, что фронт смещался совершенно в противоположную сторону, притом на столько, что перед ним и его эскадроном «...не оказалось неприятеля». И как раз он точно указывает своих противников, во фланг которых врезались его солдаты — «нашему полку пришлось драться с полком гвардейских драгунов Королевы Виктории».⁶⁹⁸

- ну и, конечно, его рассказ о «полетевшей вперед» кавалерии. Это фантазия на грани откровенной лжи. Мы уже знаем, что фронт, едва двигавшийся вперед по усеченной остатками корней винограда местности, никто не атаковал.

Корибут-Кубитович, видно, по рассказам друзей офицеров из гусарской бригады живописно нарисовал образ Рыжова подобно Мюрату, несущемуся на англичан, хотя видеть этого не мог.

К сожалению, его воспоминания, в частности, описания действий гусар настолько не соответствуют фактам,⁶⁹⁹ что использовать их при попытке анализировать события, последовавшие после того, как противники решились на схватку, нежелательно. Рыжов никуда не неся, а наблюдал за событиями с безопасного удаления. В данном случае спутать его было возможно только с Халецким.

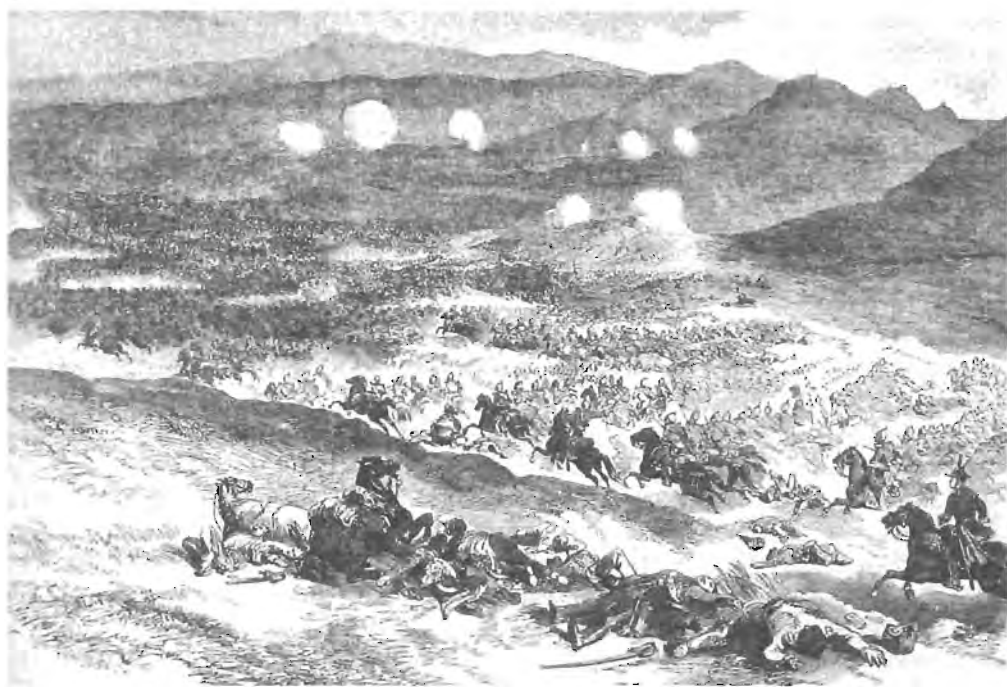
У Рыжова оставался шанс взять инициативу и первому атаковать неприятеля. Сунтман указывал, так же, как и Рыжов, и Арбузов, что Скарлетт остановил своих драгун.

⁶⁹⁶ О русской кавалерии. Письмо генерал-адъютанта Григория Ивановича Ностица к барону Жomini//Русский архив. Том 5. М. 1987 г. С. 169.

⁶⁹⁷ О сражении под Балаклавой. Записка генерал-лейтенанта Ив. Ив. Рыжова//Русский вестник. Том 86. СПб., 1870 г. С. 466–467.

⁶⁹⁸ Арбузов Е. Ф. Воспоминания о кампании на Крымском полуострове в 1854 и 1855 годах//Военный сборник. №4. СПб., 1874 г. С. 401.

⁶⁹⁹ Корибут-Кубитович. Воспоминания о Балаклавском деле 13-го октября 1854 г.//Дубровин Н.Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Выпуск IV. СПб., 1872 г. С. 41–62.

Атака Тяжелой бригады под Балаклавой 13(25) октября 1854 г. Английский рисунок сер. XIX в.

неожиданно встретив российских гусар, объясняя это необходимостью совершить перестроения к атаке.⁷⁰⁰ Но англичане сделали это быстрее.

Еще один наблюдатель, Рассел, ясно увидел, что скорость сближения русских была меньше успевших набрать ее английских драгун: «Мы видели, как бригадный генерал Скарлет ринулся вперед во главе своих мощных эскадронов. Русские в шитых серебром голубых мундирах, составлявшие, очевидно, цвет Царской армии, легким галопом наступали на его левый фланг в направлении вершины холма. Целый лес пик блестел сталью у них за спиной, а когда они подошли к вершине, им на помощь подлетело несколько эскадронов драгун в серой форме. Как только они появились, трубы нашей кавалерии загревели, предупреждая о том, что через несколько мгновений перед нами развернется бой во всем его ужасающем великолепии».⁷⁰¹

Что касается голубых мундиров, увиденных Расселом, то тут остается лишь предположить, что в отличие от одетых в шинели нижних чинов офицеры могли себе позволить находиться в ментиках. Со своей точки нахождения журналист мог их увидеть находившихся на правом фланге эскадронов и дивизионов, машинально выделив из общей серой массы.

Война сама по себе дело жуткое, грязное, аморальное и совсем не похожее на лубочные картины. В этом ряду одной из самых жестоких сцен являлись столкновения кавалерийских масс. Балаклава лишь подтвердила это.

⁷⁰⁰ Суитман Джон, Мерсер Патрик. Крымская война. Британский лев против русского медведя. Пер. с англ. М., 2011 г. С. 68.

⁷⁰¹ Russell, W H. The British Expedition to the Crimea. London. 1858. (<http://archive.org/details/britishexpediti00russgoog>).

Вудс, наблюдавший дело со стороны, увидел момент страшного столкновения многосотенных кавалерийских масс. Произошло то, что военная теория XIX–XX вв. называла «кавалерийским шоком». Таким громким именем называлось принятое в коннице всех европейских армий определение начала конных мясорубок времен Фридриха II и Наполеона.

После удара почти сотня людей и лошадей упали.⁷⁰²

Тем, кто пытается представить происходившее, лучше не пытаться плодить в голове сцены «киношных» кавалерийских сражений, где герой бьется саблей по принципу «налево махнул — улица, направо — переулок». На самом деле все прозаично, ибо происходит на скорости, быстро и в постоянном движении. Но все и страшнее, потому что в звук удара вплетается и звук ломаемых костей.

Самые большие жертвы происходят в первые секунды — во время «шока». Потом их число уже не настолько велико, как кажется тем же участникам боя и что свидетельствует история кавалерии: «...Раны, причиненные саблей, удивляют нас как своим незначительным числом, так и легким характером. Полковник фон Боркэ, например, рассказывает следующее о нечаянном ночном нападении, в котором два конных полка южан по ошибке атаковали друг друга: «1-й и 3-й виргинские полки пронеслись друг через друга в блестящей атаке, которая, к счастью, не имела никаких серьезных последствий, кроме нескольких сабельных ударов».⁷⁰³

Лучше всех происходившее описал Гоуинг, который наблюдал столкновение с одной из близких возвышенностей.

«Одна из колонн вражеской кавалерии остановилась в полумиле от наших солдат, которых оставалась горстка в сравнении с этой толпой. Вскоре стало ясно, что наши генералы не собираются атаковать, не сосчитав прежде силы русских. Это был самый волнующий момент.

Когда протрубили сигнал к наступлению, шотландцы и иннискиллингцы быстрым шагом двинулись вперед и, начав подъем на холм, перешли в атаку. На огромной скорости, под звонкое «ура!» они ворвались прямо в центр вражеской колонны. Со страшным грохотом уроженцы Зеленого Острова в сверкающих шлемах и шотландцы в медвежьих шапках с саблями наголо врезались в ряды улан. Казалось, в громовых раскатах сотрясается земля. Враги — рослые всадники на крупных лошадях — падали сотнями».⁷⁰⁴

Простим фузилеру спутанных с уланами гусар, но остальное подмечено очень близко к происходившему. Из его и других описаний можно сделать как минимум два вывода:

- русские встретили удар англичан если не стоя на месте, то и не нанося сильного встречного удара;

- первые потери были понесены сторонами в результате столкновения.

Это были не только и не столько убитые и раненные. Более сильные и более разогнавшиеся лошади опрокидывали оказавшихся на пути противников. Одним из первых был смертельно ранен командир 8-го эскадрона Ингерманландского гусарского полка ротмистр Семен Васильевич Хитрово. После схватки его подобрал англича-

⁷⁰² Woods I. A. The Past Campaign: A Sketch of the War in the East, from the Departure of Lord Raglan to the Capture of Sevastopol. Vol. II. London. 1855. P. 74.

⁷⁰³ Денисон Джордж Тэйлор. История конницы: В 2-х кн. Кн. 1. М., 2001 г. С. 456–457.

⁷⁰⁴ Тимоти Гоуинг. Голос из строя (Gowing T. Voice from the Ranks: a personal narrative of the Crimean Campaign. Nottingham, 1895) Перевод Е. Тулахиной // «Military Крым». № 3. Симферополь, 2006 г. С. 22–23.

и, по рассказу другого пленного офицера, поручика Киевского гусарского полка Обухова, он после погрузки на корабль для отправки в Турцию умер от полученных ран и, вероятно, был похоронен в море.⁷⁰⁵ Этот юный еще человек, запомнившийся жителям Симферополя своими патриотическими порывами и грустным пророчеством, когда, «...держа бокал шампанского в руке, весело заметил нам, что каков бы ни был исход начинающейся войны, он не выйдет живым из нашей любимейшей стороны», сам, кажется, накликнул на себя беду.⁷⁰⁶

О большой силе удара говорит и число выбывших из строя английских офицеров, бывших в первой линии в момент удара.⁷⁰⁷ Многие из них были травмированы.

Один из участников события, солдат из Королевских драгун, вспоминал о происхождении: «Мы сходимся. О, Боже! Я не могу описать этого, они оказались выше нас и вокруг нас, мы оказались посреди них. Я никогда не чувствовал такого страха в жизни и надеюсь, что Бог простит меня, ибо я чувствовал себя больше похожим на дьявола, чем на человека. Мы сражались, пытались пробиться через них, как только англичане могут сражаться. Там же были с нами и 4-й, 5-й и 6-й. Слава Богу, я вышел без единой царапины, хотя был весь покрыт кровью, но моя лошадь была даже не ранена.

То, что произошло, больше напоминало кошмарную бойню, но думаю, это было нужно. Мы резали их, как овец, и они, казалось, даже не имели сил сопротивляться. Равнина была покрыта мертвыми русскими и конечно же мы тоже оставили там некоторых наших товарищей...».⁷⁰⁸

Когда первая линия столкнулась с русскими гусарами, бой моментально потерял свою упорядоченность, превратившись в ужасное единоборство, призом в котором была только жизнь его участников. Англичане выиграли столкновение — первый, самый важный этап схватки. Не зря Кинглейк сказал, что сорок лет мира не отражались на состоянии британской кавалерии: она была отменно управляема прекрасными молодыми кавалерийскими офицерами.⁷⁰⁹

У англичан тоже в момент столкновения кавалерийских масс выбыло из строя много офицеров, бывших в первой линии. Многие не получили раны от пуль или ударов холодным оружием — они были травмированы при ударе плотных строев друг о друга. Полковник Йорк, например, свалился с лошади с обеими переломанными ногами.⁷¹⁰

Другие получили огнестрельные ранения. Русские, похоже, прежде чем взяться за сабли, разрядили свои пистолеты. Например, так поступил сам Халецкий, наверняка так действовали и остальные. Был ранен пулей командир Серых Гриффит, которого заменил бrevet-майор Джордж Калверт Кларк.

Как бы англичане ни бахвалились, гусары Рыжова все-таки ворвались на территорию лагеря Легкой бригады. Арбузов указывал на наличие неких бытовых предметов, которые гусарам пришлось преодолевать при сближении с противником. В лю-

⁷⁰⁵ Ляшук П. М. Мартиролог офицеров Российской армии, погибших при защите Севастополя и Крыма в 1854–1855 гг. Выпуск 2. Симферополь, 2011 г. С. 179–180.

⁷⁰⁶ Михно Н. Из записок чиновника о Крымской войне//Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. СПб., 1872 г. С. 10–11.

⁷⁰⁷ <http://www.britishbattles.com/crimean-war/balaclava.htm>

⁷⁰⁸ Almack, Edward. The history of the Second dragoons: «Royal Scots Greys». London. 1908. P. 82–83.

⁷⁰⁹ Kinglake, Alexander William. The Invasion of the Crimea. Vol. 5. London. 1868. P. 2–3.

⁷¹⁰ Almack, Edward. The history of the Second dragoons: «Royal Scots Greys». London. 1908. P. 82–83.

бом случае обед кавалеристам Кардигана был основательно испорчен, тем более что по лагерю протоптались не только русские, но и местами кавалеристы Скарлета.⁷¹¹

СХВАТКА

Первые минуты Серые и Иннискиллингский полк таранили русскую линию сами и, судя по всему, глубоко вклинились в нее. Многие англичане прямо говорят, что вошли в боевой порядок, как нож в масло.

Успех британцам обеспечила вторая линия (Royals), которая, смешавшись, действовала как клин, едва не разделив русских на две части.⁷¹² Этот полк вступил в схватку уже после того, как все остальные полки сцепились с русскими.⁷¹³ До него 4-й драгунский удачно ударил во фланг гусарам Рыжова.⁷¹⁴

Гусары не уступали и стойко держались в линии дивизионов, образуя плотную массу. Находившиеся на флангах казаки (уральцы) перед самым столкновением благо-разумно рассеялись, предоставив регулярной кавалерии самой выяснять свои отношения с оппонентами.

Хотя англичане успели набрать скорость, давшую им превосходство над русскими, численный перевес последних не позволил пробить брешь в эскадронах — и бой быстро перешел в беспорядочную схватку. Майор Форест из 4-го полка говорил, что порядок развалился быстро и уже через мгновение он не видел рядом с собой ни одного знакомого лица. Участники с обеих сторон единодушно описали схватку как стремительную и кровавую. Если англичане говорили, что «резали русских, как овец», то русские, в свою очередь, считают, что не уступали им ни в чем. Похоже, противники стоили друг друга, но об этом мы еще скажем.

Вот как описывает бой сержант Френки: «Кое-кто из русских был поражен тем, как владеют саблями наши люди. Несколько минут шел горячий бой, не было времени оглядеться. Мы все превратились в клубок бешеных безумцев, изо всех сил старающихся убить друг друга. Наши лошади, наше вооружение были тяжелее, и мы смогли пробиться сквозь неприятеля — противник стал уступать. Говоря словами господина Рассела, «наша бригада прошла сквозь русских, как нож для разрезания бумаги».

Френки зря ссылается на журналиста. Последний выдает желаемое за действительное, хотя, конечно, удар с нескольких направлений был неожиданным и мало-приятным для русских, да и полк Йорка удачно нанес удар во фланг, подтвердив, что «...в сомкнутой атаке английская конница могла состязаться с лучшей кавалерией в мире».⁷¹⁵

Когда Серые уже увязли в схватке, в строй врезались иннискиллингцы, которые и обеспечили успех, отчасти дезорганизовав первые ряды гусар. На этом все закончилось. Судя по тому, что большая часть эскадронов второй линии русских даже вступила в дело, англичане лишь теснили их, пытаясь холодным оружием проложить себе дорогу.

⁷¹¹ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 162.

⁷¹² Woods I.A. The Past Campaign: A Sketch of the War in the East, from the Departure of Lord Raglan to the Capture of Sevastopol. Vol.II. London. 1855. P. 74.

⁷¹³ Kinglake, Alexander. The Battle of Balaclava. Edinburgh and London. 1875. P. 30.

⁷¹⁴ <http://crimeantexts.russianwar.co.uk/sources/documnts/i541027a.html>

⁷¹⁵ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856. Том I. СПб., 2002 г. С. 598.

Хотя большинство британцев и рисовало картину полного обращения в бегство центра русской кавалерии (например, «... обратила в бегство расстроенную массу»), не думаю, что это соответствовало истине.

ФЛАНГОВЫЙ УДАР КОРОЛЕВСКИХ ДРАГУН

Особенно чувствительным оказался фланговый удар 1-го Королевского полка. Того самого, который Скарлет предусмотрительно держал в стороне. Его командир, полковник Йорк, начал движение одновременно с основной массой бригады. Арбузов не ошибается, когда говорит, что его эскадрону пришлось сцепиться с полком «...гвардейских драгунов Королевы Виктории».⁷¹⁶

Произошло это потому, что, перестраивая бригаду, Халецкий, пытаясь принять на себя удар Серых шотландцев, сместил линию влево — и правофланговые эскадроны второй линии гусар оказались открытыми.

Англичане не понесли тяжелых потерь, да и сильной рубки там не было. Больше всех пострадал сам командир, полковник Йорк, возможно, и сцепившийся с Арбузовым (исключительно предположение автора, исходящее из того, что командир лейб-эскадрона должен был находиться на правом фланге, по которому и пришелся удар драгунов) и закончивший схватку с переломанными ногами.

Большинство исследователей почему-то рисуют схватку Тяжелой бригады и русских гусар только как лобовое фронтальное столкновение, не задумываясь, что некоторые английские командиры были умнее, чем их начальники.

Скарлет был не Лукан и тем более не Кардиган. У него хватило ума распределить свои силы, численно меньшие русских, так рационально, что это самое численное превосходство противника было сведено на нет.

Мы уже говорили подробно, что если русские действовали одной массой, то бригада англичан была разделена на три части, из которых ни одна не наносила лобового удара, а била по флангам и даже по тылу гусар.

Если бы удар пришелся по фронту, то никакого сомнения — русские просто смяли бы англичан и рассеяли их по окрестности. В нашем случае англичане сделали то, что должны были сделать: остановили противника.

Но почему англичане не предприняли никаких дальнейших решительных действий для ее окончательного разгрома? Хибберт объяснял отсутствие преследования русских Тяжелой бригадой тем, что она якобы потеряла строй.⁷¹⁷ Суитман объяснял обеспокоенность Скарлета тем, что, увлекшись преследованием, драгуны окажутся под губительным огнем российской артиллерии с Федюхиных высот.⁷¹⁸

Думаю, не прав ни тот, ни другой. Скорее всего, русские если и были расстроены, но далеко не разбиты, боевой порядок не потеряли, оставаясь в строю эскадронов и дивизионов. Гудман из 5-го и упомянутый уже Форрест из 4-го полка констатировали, что они быстро привели себя в порядок.

⁷¹⁶ Арбузов Е. Ф. Воспоминания о кампании на Крымском полуострове в 1854 и 1855 годах//Военный сборник. №4. СПб., 1874 г. С. 400.

⁷¹⁷ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854—1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 164.

⁷¹⁸ Суитман Джон, Мерсер Патрик. Крымская война. Британский лев против русского медведя. Пер. с англ. М., 2011 г. С. 79.

Как бы там ни было, но обстановка для российских гусар складывалась неблагоприятно. Даже если предположить, что Тяжелая кавалерийская бригада отступила с потерями, она не была уничтожена и сохранила боеспособность.

На правом фланге, относительно двух российских гусарских полков, в боевых порядках, готовая к атаке, стояла Легкая бригада. На левом — пехота. В глубине, за Легкой бригадой, в сторону Сапун-горы, подошли французская пехота и кавалерия. в сторону Кадыкоя по направлению к Балаклаве выстроился 93-й полк, за ним, на некотором расстоянии, английская артиллерия. Рыжов оказался на территории, полностью занятой неприятелем, под огнем его артиллерии и пехоты, что, скорее всего, закончилось бы окружением, а далее — либо уничтожением, либо пленом бригады. Потому сохранившие управление командиры полков и дивизионов приняли разумное решение: отказаться от дальнейшего наступления и вернуться на исходные позиции.

Если вновь вернуться к спортивной терминологии, насколько она уместна к данному событию, конечно, то схватка как таковая закончилась ничем. Англичане сделали свое дело, остановив русских, русские сделали свою работу, вдоволь «потоптавшись» на кавалерийском лагере, и самое главное — отвлекли внимание англичан от обустройства главных сил на взятых у турок редутах. Для Лукана и Скарлета оставление российской кавалерией поля боя, конечно же, выглядело как отступление, о чем не преминули в скором времени написать английские очевидцы и исследователи.

Рыжов тоже посчитал свое дело правым и написал если не о разгроме, так о тяжелом поражении англичан: «...С помощью Божией конец для нас был славный. Гусары, рубившись на месте минут семь, хотя и понесли значительную потерю ... заставили, однако, стойкого врага показать нам тыл. Английская кавалерия, повернув назад, скрылась за свою пехоту. Бросившихся за ними гусар я признал необходимым остановить, сочтя этот момент самым удобным для возвращения. Тут же под самым сильным огнем с неприятельской батареей от Кадыкия сколько возможно было я построил их и в порядке, в глазах нашего отряда, спустился с горы на место, которое следовало занять кавалерии, построил вновь в две линии, заняв всю поперечную часть долины, указал места артиллерии и велел снять орудия с передков».⁷¹⁹

Что ж, даже если мы сделаем вид, что поверили генералу, то те, кто был в этот день у Балаклавы, не слишком страдали оптимизмом. Липранди, от греха подальше, ни словом не обмолвился о результатах атаки кавалерии и вообще о ее случае. Иначе ему пришлось бы думать, на что списать потерю почти двух сотен людей и лошадей. испортив общую неплохую в целом картину боевого дня. Не думаю, что он хотел ее скрыть, просто по сравнению с уже достигнутым успехом значение действий кавалерии было не таким большим. Ничего выдающегося не было совершено. Хотя Рыжов допустил целую связку ошибок, ни одна из них не носила и не могла носить характер роковой. Ну и, конечно, Липранди не хотел стать жертвой обвинений Рыжова в отказе о выделении сопровождающего офицера штаба.

Правда участники этого кавалерийского противостояния считали иначе, в их воспоминаниях часто скользила обида от непризнания самого факта боя: «В реляции этого дня, не знаю почему, ничего не было сказано об этой замечательной атаке; а

⁷¹⁹ О сражении под Балаклавой. Записка генерал-лейтенанта Ив. Ив. Рыжова//Русский вестник. Том 86. СПб., 1870 г. С. 466–467.

17-й уланский (17th Regiment of (Light) Dragoons (Lancers) полк в бою 25 октября 1854 г.
Рисунок Ричарда Вудвила.

она, по всей справедливости, должна занять почетное место не только в истории нашего полка, но и вообще в истории русской кавалерии».⁷²⁰

Их можно понять, выйдя из ожесточенной схватки, они желали стимулирования своей храбрости.

У самого Рыжова по этому поводу было свое мнение, и я боюсь его даже оспаривать: «Я прослужил сорок два года, сделал десять кампаний, был во многих великих, как, например, Кульм, Лейпциг, Париж и других сражениях, но никогда не видал кавалерийской атаки, в которой обе стороны, в равном ожесточении, стойкости и, можно сказать, упорстве рубились на месте такое продолжительное время, да и в военной истории кавалерийских атак немного встретишь таких примеров... Атака эта самыми недоброжелательными для нас людьми не может быть названа иначе как самою смелою, решительною, образцовою и в своё время займет местечко в истории кавалерийских дел».⁷²¹

Оставим в покое послужной список генерала. Скорее, он тоже искал свое «местечко» в истории. Точно так же нет смысла разбирать схватку, в которой в конечном итоге все перемешалось и больше подчинялось законам драки чем боя. Гораздо интереснее понять, у кого было больше возможности выйти из этой кутерьмы победителями.

⁷²⁰ Арбузов Е. Ф. Воспоминания о кампании на Крымском полуострове в 1854 и 1855 годах//Военный сборник. № 4. СПб., 1874 г. С. 389—410.

⁷²¹ О сражении под Балаклавой (записка генерал-лейтенанта Рыжова)//Н. Ф. Дубровин. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Выпуск IV. СПб., 1872 г. С. 78.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О «БЕЛЫХ ДАМАХ», или ПОЧЕМУ РУССКИЕ НЕ ИМЕЛИ ШАНСА ПОБЕДИТЬ

А сейчас, уважаемый читатель, я скажу то, что пришло мне в голову, едва получилась познакомиться с воспоминаниями, как русских, так и английских участников этого кавалерийского боя. Увы, но у кавалеристов Рыжова в те несколько минут когда противники сошлись и пустили в ход сабли, не было шансов победить своих британских оппонентов. Как бы они этого не хотели, какие бы они подвиги не совершали, с какой бы отвагой не кидались в схватку. Беда в том, что русские кавалеристы совершенно не умели фехтовать, то есть их уровень владения штатным холодным оружием был примитивен, а если уж точно, то его не было совсем. Их этому просто не учили: «...фехтованию на саблях и палашах полагалось обучать только нижних чинов гвардейской кавалерии».⁷²²

Британцы сразу заметили характерную для необученных солдат привычку русских к прямолинейным действиям.⁷²³ Гусары орудовали саблями не как средством нападения и защиты, а как топорами. Удар сверху вниз следовал за ударом, в каждый из них вкладывалась вся сила, не задумываясь, что при фехтовании это может сыграть смертельную роль для самого нападающего. Ни о каких батманах, перехватах, переводах речи не шло — исключительно ставка на мускульную силу. Гусары даже не пытались нанести уколы противникам, о защите вообще речи не было.

Больше всего досталось тем, кто был впереди. Скарлету промяли шлем. Эллиот пришлось получить 14 ударов по голове, но ни один из них не был смертельным. В конце концов, он не выдержал, потерял сознание и свалился с лошади, что, возможно, и спасло ему жизнь. Бrevet-майору Серых Кларку неизвестный русский гусар снес с головы тяжелую медвежью шапку, попутно ранив ее хозяина.⁷²⁴

По единодушному мнению участников, уже через секунды после начала схватки походила на драку двух мясников, размахивающих своими топорами.⁷²⁵

«— Как ты умудрился получить такой удар? — спросил как-то сержант одного из своих подчиненных, у которого на голове красовалась глубокая рана.

— Я успел нанести этому проклятому дурню пять уколов в корпус, а он совсем не защищался, а потом ударил меня сверху по голове, — неохотно ответил солдат».⁷²⁶

Другой русский гусар с остервенением рубил каску драгуна, но, все время попадая в защиты, наносил лишь ушибы англичанину. И подобных примеров великое множество, а происходят почти все они от той самой слабой или даже полной необученности.

Говоря о проблемах боевой подготовки армейских кавалерийских частей Российской императорской армии, мы должны учитывать, что даже при обучении специалистов, которые направлялись в войска инструкторами, не все было гладко. В Образцовом кавалерийском полку «кроме езды ...ничему не обучали. Правда, под конец мы выходили на учение пешее по конному и несколько раз проделывали сабельные приемы, т.е. рубку, и этим ограничивался курс нашего учения».⁷²⁷

⁷²² Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856. Том I. СПб., 2002 г. С. 598.

⁷²³ Baker, Valentine. The British cavalry. Longman, London. 1858. P. 61–62.

⁷²⁴ <http://crimeanwar.info/2012/05/26/british-general-george-calvert-clarke/>

⁷²⁵ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 163–164.

⁷²⁶ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 163–164.

⁷²⁷ Жуковский П. В. В Образцовом кавалерийском полку 1844–1845 гг. // Русская старина. Том 53. СПб., 1887 г. С. 160.

Порочная практика считать лишним все, что солдату нужно в бою, а нужным только то, с чем он может выехать на смотр, не завершилась ни после Крымской, ни после войны с Турцией в 1877–1878 гг. Выдающийся русский кавалерист и не менее выдающийся специалист по владению холодным оружием граф Ф. Келлер писал: «...Старая тоже истина, что учить надо солдата тому, что ему необходимо на войне; но возьмем, для примера, хоть наше обучение фехтованию и рубке. После прежнего, отжившего «направо руби» и «налево коли», перешли на одностороннее и двустороннее фехтование, но последнее делается шеренгами, по команде, и всегда пешком, на таком расстоянии шеренга от шеренги, чтобы противника и даже его оружия клинком не достать; к вольному же бою, где солдат учится наносить и отбивать удары, учится ловкости, находчивости и умению управлять конём в бою, никогда не переходят; в результате кавалерист, прослуживший четыре года, не имеет представления о том, как ему действительно на войне предстоит действовать тем оружием, с которым он упражнялся четыре года. Рубить неприятеля придется нашему солдату ведь почти исключительно в конном строю; где же и откуда у него явится умение нанести удар, отбить оружие противника, вовремя уклониться от удара и вовремя послать коня вперед, чтобы самому нанести сокрушительный удар?».⁷²⁸

Граф Келлер, «золотая сабля России», прав. Идти в единоборство пусть с элементарно «натасканным» противником, не имея понятия, как действовать саблей — самоубийство. К середине XIX в. даже основоположники марксизма понимали, что в ближнем кавалерийском бою «...пистолеты бесполезны, если не считать их использования для сигнальных выстрелов; карабин не очень эффективен, даже если он нарезной, и он никогда не будет приносить большой реальной пользы, пока не будет введено зарядание с казенной части; револьвер в искусных руках — грозное оружие в ближнем бою; все же царицей кавалерийского оружия является хорошая, острая, удобная сабля».⁷²⁹

Правда, погибший в этот день «кавалерийский маньяк» капитан Нолан все же считал, что сабля имеет немало недостатков в первую очередь технического характера: от пребывания в ножнах и в условиях постоянной тряски она тупилась и постоянно нуждалась в заточке.⁷³⁰

Так образом, причина неудачи гусарской бригады Рыжова лежит на поверхности и, очевидно, ввиду специфической неподготовленности предыдущих исследователей, их неспособности посмотреть на проблему глазами бойца, они ее просто игнорировали. Или не замечали. А зря.

Рискну взглянуть на случившееся во время короткого боя русских и английских кавалеристов с точки зрения своего почти полуторадесятилетнего личного опыта фехтовальщика. Хотя спортивное и боевое фехтование вещи разные, но принципы применения холодного оружия сходные.

Вот, правда, только ставка в них совершенно разная. В отличие от спортсмена солдату в реальном бою, чтобы вывести противника из строя, недостаточно просто коснуться оружием — его надо ранить, достать до уязвимого органа тела. Поэтому в настоящем бою перед решающим ударом необходимо насколько возможно обезопа-

⁷²⁸ Келлер Ф. А. Несколько кавалерийских вопросов. Вып. III. СПб., 1914 г. С. 15–16.

⁷²⁹ Энгельс Ф. Кавалерия (<http://lugovoy-k.narod.ru/marx/14/064.htm>).

⁷³⁰ De Brack, F. Cavalry Outpost Duties. Translated from the 3rd edition of 1863 by Major Camillo C.C. Carr, U.S. Army 8th Cavalry. New York. 1893. P. 44 (<http://www.thearma.org/essays/damagededge.htm>).

свить себя: отвести максимально в сторону клинок врага, перехватить руку с оружием повалить противника на землю, ошеломить, ранить...⁷³¹

Да еще и само фехтование в кавалерийском бою отличается от боя на земле своими сложностями, преодолеть которые по силам, пожалуй, лишь достаточно тренированному бойцу. В первую очередь это невозможность использовать ноги. По этой причине основную задачу должны выполнять руки и поясища солдата. А главная составляющая владения саблей — кисть руки — до конца Крымской кампании в русской кавалерии даже не «разрабатывалась».⁷³² Это создавало дополнительные проблемы учитывая не самый легкий вес оружия, в частности кавалерийской сабли.

И если не принимать в расчет сомнительные мнения о плохом качестве русского холодного оружия, а значительная часть его, особенно вырабатываемая на златоустовских заводах, была ничуть не хуже британских «уилкинсонов», то как время ружейных ухаживало в прошлое, так и «...при хороших качествах холодное оружие не приносило особой пользы».⁷³³

И если в 1851 г. во время смотра в Москве 6-я кавалерийская дивизия была положительно оценена Николаем I,⁷³⁴ то лишь потому, что ее настоящий уровень боевой готовности в расчет не принимался. В то же время не лучшее положение дел с владением саблей в гусарской бригаде отмечал Меншиков в письме военному министру Долгорукову.⁷³⁵

Итак, мы знаем, что в Русской армии обучение практическому фехтованию было сведено к минимуму. В армии ему не обучали совсем, в гвардии — лишь на элементарном уровне. Даже среди офицеров (в основном гвардейских) количество хороших фехтовальщиков было невелико.⁷³⁶ Потому и отмечалась английскими кавалеристами странная на их взгляд привычка русских солдат наносить бесконечные рубящие удары, бесхитростные, легко отражаемые. Крымская кампания три года как завершилась, а проблемы остались на том же месте: «...защищаться от ударов люди не умеют».⁷³⁷

Часто проблемы Русской армии списывали на Императора Николая I. Припоминали ему и палочную дисциплину, и невероятную заорганизованность, и увлечение исключительно парадной стороной дела. Редко кому из государственных деятелей приходилось выдерживать столько упреков ближайшего потомства в неудачах по всем отраслям государственного управления, какие выпали на долю Императора Николая Павловича. Полагали, казалось, что подобно тому, как могучая натура Николая I неслала на одном себе в течение тридцати лет все бремя государственной жизни России, память о нем примет на себя всю вину его ближайших сотрудников.⁷³⁸

На деле «...военная деятельность Императора Николая Павловича служит лучшим свидетельством того, насколько благие намерения монарха могут оказаться бесполезными, если он одинок в своей работе».⁷³⁹

⁷³¹ Тараторин В. История боевого фехтования: Развитие тактики ближнего боя от древности до начала XIX века. (http://www.erlib.com/Валентин_Тараторин/История_боевого_фехтования/).

⁷³² Гечевич Л. О направлении настоящего образования армейской кавалерии//Военный сборник. № 12. СПб., 1859 г. С. 433.

⁷³³ В. Ц. Г. Государственное подвигное ополчение Владимирской губернии 1855–1856 гг. Владимир, 1900 г. С. 21.

⁷³⁴ Зайончковский А. М. Воспоминания о князе Варшавском графе Паскевиче Эриванском (Отрывок из дневника П. К. Менькова) Русская старина. Том 89. СПб., 1897 г. С. 337.

⁷³⁵ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856. Том I. СПб., 2002 г. С. 523–524.

⁷³⁶ Имеретинский Н. К. Из записок старого преображенца//Русская старина. Том 77. СПб., 1893 г. С. 37–38.

⁷³⁷ Гечевич Л. О направлении настоящего образования армейской кавалерии//Военный сборник. № 12. СПб., 1859 г. С. 432.

⁷³⁸ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856. Том I. СПб., 2002 г. С. 482–483.

⁷³⁹ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856. Том I. СПб., 2002 г. С. 482–483.

В результате «...на обучение кавалерии государь, сам отличный кавалерист, обращал особое внимание, но и в этом отношении его взгляды, намного опередившие современные от кавалерии требования, не могли надлежащим образом проникнуть в массу нашей армии. Восточная война, кроме Балаклавского сражения, не дает материала для суждения о подготовке и правильности обучения этого рода оружия. Она только отмечает общий для всей армии факт неподготовки к своему делу большей части командного элемента».⁷⁴⁰

Во главе обучения стоял манеж: «...Люди обучались почти исключительно манежной езде; более всего требовалась красивая посадка на длинных стременах, а управление конем и владение оружием стояли на втором плане».⁷⁴¹

Холодное оружие не имело приоритета: «...Фехтованию на саблях и палашах полагалось обучать только нижних чинов гвардейской кавалерии. Обучение же всей кавалерии сабельной рубке и фланкировке пикой сводилось к согласному деланию приемов целыми эскадронами».⁷⁴²

Солдата ориентировали на «пассивный» удар (укол), а дальше как Богу будет угодно. О таком именно пассивном уколе очень точно пишет Арбузов, прекрасно показывая свое реальное состояние в смертельной схватке под Балаклавой: «...что именно я там делал, по совести отчета отдать не могу; помню только, что я ударил одного драгуна в плечо, причем моя сабля так впилась в него, что я с трудом ее выдернул. В это же время падавший с лошади изрубленный драгун, зацепившись шпорами за мунштучные поводья моей лошади, оборвал их, отчего лошадь моя взвилась на дыбы и едва не опрокинулась».⁷⁴³

Часто солдаты даже в военное время не точили клинки сабель. Хотя некоторые англичане (Гудмен. 5-й драгунский полк) и отмечали, что некоторые русские сабли были острыми, но это, скорее, кто что получил или кто на что напоролся. В том же Каракальском бою было замечено, что солдаты, даже удачно попадая турецким кавалеристам клинком в голову, не разрубали, не «раскраивали» ее, а проламывали череп, как дубиной: «...впрочем слово «раскроил» едва ли имеет место, когда говорят о сабельных ударах наших солдат: они так небрежны в остроте своих сабель, что не рассекают членов, а раздробляют их; на черепах, пораженных саблями наших солдат, раны имеют вид не узеньких кровавых полосок, а широких полос, с вдавленными краями, как после удара дубиной».⁷⁴⁴

Это наследие пришло еще из наполеоновских войн, где часто успех сражения решался большими массами кавалерии, действовавшими в сомкнутых колоннах. В этом случае дело больше решалось слаженностью действий кавалерийских подразделений, умением держать строй, особенно при ударе массой («шоке»), чем подготовка одиночного бойца. О необходимости прекращения увлечения строями в кавалерии говорили после Крымской войны. Будущий генерал и герой Первой мировой войны А.А. Брусилов, будучи офицером 15-го драгунского Тверского полка, в котором служило перед русско-турецкой (1877–1878 гг.) войной много ветеранов Восточной войны, сетовал, что при обучении кавалеристов, «...покоряясь требованиям свы-

⁷⁴⁰ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856. Том I. СПб., 2002 г. С. 494.

⁷⁴¹ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856. Том I. СПб., 2002 г. С. 495.

⁷⁴² Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856. Том I. СПб., 2002 г. С. 496.

⁷⁴³ Арбузов Е. Ф. Воспоминания о кампании на Крымском полуострове в 1854 и 1855 годах//Военный сборник. №4. СПб., 1874 г. С. 389–410.

⁷⁴⁴ Каракальское дело 16-го мая 1854 г.//Русская старина. Том 26. СПб., 1879 г. С. 132.

ше, с досадой отбрасывали боевой опыт и заменяли его обучением плацпарадным замашкам».⁷⁴⁵

Потом пришла очередь проигранной войны с Японией, когда само применение кавалерии настойчиво требовало совершенно новой концепции.⁷⁴⁶

Возможно, кому-то из читателей надоело частое употребление нами словосочетания «к сожалению», но и теперь мы не сможем этого избежать: проблемы боевого использования конницы в Русской армии никогда не были преодолены. Ближайшая к Крымской война с Турцией 1877–1878 гг. показала, что ничего не меняется: «...Но может быть, эта война обнаружила наши успехи в военном деле со времени Севастопольской кампании и засвидетельствовала о нашем прогрессе? Увы! И на этот вопрос приходится дать ответ весьма неутешительный. Все, участвовавшие и в Крымской, и в последней войне и, следовательно, имеющие возможность сравнивать, утверждают единогласно, что нам положительно нечем хвастаться: мы ни на волос не продвинулись вперед; все неурядицы Крымской войны в такой же, если не большей степени повторились и в 1877 г.».⁷⁴⁷

Восточная война не принесла славы русской кавалерии, которая и начинала кампанию с неудач. В мае 1854 г., за полгода до Балаклавы, на Дунайском театре военных действий под городком Каракала был разгромлен турецкой иррегулярной кавалерией отряд Александрийского гусарского полка под командованием полковника А. Н. Карамзина (сына выдающегося российского историка Н. М. Карамзина). Трагедия была характерна теми же явлениями, как и сражение в октябре 1854 г.: неумелое командование, откровенная боязнь близкого боя, склонность к панике...⁷⁴⁸

Закончилась кампания в Крыму для русской кавалерии тоже не самым достойным образом — разгромом под Кангилом 17 сентября 1855 г. Елисаветградского уланского полка с потерей приданной ему артиллерийской батареи.

Через все красной нитью проходит одно и то же — фатальное неумение владеть саблями и, конечно, боевая подготовка в целом. Именно ее недостатки стали поводом к реформированию вооруженных сил России после Крымской войны. Некоторые современники предрекали конец кавалерии как самостоятельного рода войск. Причиной тому была второстепенная роль конницы в кампаниях 1853–1856 гг. «... по причине несовершенства боевой подготовки», когда все сводилось «...к внешней плацпарадной стороне, к тому же во главе кавалерии стояли лица не только не подготовленные к руководству военными операциями, но даже не знакомые с употреблением в бою этого рода оружия».⁷⁴⁹

Английская кавалерия, как и русская, была настоящим «баловнем» армии и предметом забот ее командования. Ее личный состав состоял в основной массе из молодых и физически сильных людей. Встречались еще совсем юные, как, например, рядовой Селвин из 4-го драгунского, увидев которого на смотре уже после войны Королева Виктория воскликнула: «Вы совсем молоды, чтобы быть солдатом».⁷⁵⁰

⁷⁴⁵ Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 1983 г. С. 20.

⁷⁴⁶ Гершельман Ф. Постановка занятий в войсках//Военный сборник. № 10. СПб., 1908 г. С. 39–42.

⁷⁴⁷ Молотов А. Изнанка войны (из дневника участника русско-турецкой войны 1877–78 гг.)//Русский архив. Кн. III. № 9. М., 1905 г. С. 97–98.

⁷⁴⁸ Вистенгоф П. Ф. Андрей Николаевич Карамзин//Русская старина, Том 22. Вып. 5–6. СПб., 1878 г. С. 194–216; Каракальское дело 16-го мая 1854 г.//Русская старина. Том 26. СПб., 1879 г. С. 132–136.

⁷⁴⁹ Григорович А. История 13-го драгунского Военного Ордена генерал-фельдмаршала графа Миниха полка. Том II. 1809–1860 СПб., 1912 г. С. 193.

⁷⁵⁰ <http://crimeanwarveterans.blogspot.com/search/label/Christchurch>

В Тяжелой бригаде были собраны едва ли не лучшие солдаты британской кавалерии. Перед отправкой в Крым некоторые полки доводились до штатной численности путем приема добровольцев из других полков, которые оставались в Англии. В кавалерийскую дивизию поступило в общей сложности 155 человек (и 140 лошадей) дополнительно, большая часть которых пошла в бригаду Скарлета (например, 5-й драгунский получил пополнение из 7-го гвардейского драгунского полка).

Легкая бригада, испытывавшая меньший дефицит личного состава в мирное время, в основном принимала лошадей (например, 8-й гусарский 25 молодых лошадей из 3-го легкого драгунского полка).⁷⁵¹

Солдаты обучались владению холодным оружием по многовековому надежному принципу фехтования. Принцип этот строился и строится на двух «слонах»: «парадрипост». Что в переводе на общепринятый язык означает «защита-ответ», то есть после того, как вы защитились, перехватили оружие противника, тут же должны наносить свой удар.⁷⁵²

Это альфа фехтования. Любой, кто только начинает обучаться элементарной технике боя на саблях, тренируется этому до механического, почти инстинктивного использования. Это как у Мериме в «Душе чистилища»: «Долгая привычка к фехтованию делает рипост вслед за парадом движением естественным, почти невольным».

Следуя этой аксиоме, английский кавалерист «натаскивался» на стандартные действия в бою холодным оружием, представлявшие шесть атакующих ударов и восемь защит. Кроме ударов, он мог успешно наносить и уколы, что и продемонстрировал под Балаклавой. При фехтовании верхом надо было постоянно помнить о том, что во время схватки опасности подвергается не только всадник, но и его конь. Поэтому всадников обучали блокировать удары, направленные на животное в основном в область головы и шеи.⁷⁵³

Подобные травмы были описаны выдающимся русским врачом-травматологом З. Ю. Остен-Сакеном: «Смотря по роду оружия и по тактическим условиям боя, естественно, колеблются частота и характер поражения тех или других областей тела. Шашкой или саблей наносятся рубленые, т. е. резано-ушибленные раны преимущественно в голову и плечевой пояс. Чем острее лезвие и чем уже клинок, тем больше нарушение целостности преобладает над ушибом тканей. Удар комбинируется с тягой, с режущим сечением для получения более глубоких и длинных ран. Косое к поверхности тела направление отслаивает лоскут, вертикальное — придает ранам линейную форму. Рана зияет тем шире, чем больше эластических и мышечных волокон рассечено поперёк или косо. Ровные, гладкие края способствуют быстрому заживлению, которое наступает тем скорее, чем меньше зияет или чем раньше искусственно суживается рана. Анатомическая и функциональная диагностика не представляет тех затруднений, которые встречаются при колотых или рвано-ушибленных ранах. Зато характерной особенностью резаных ран является первично сильное кровотечение. Кроме того, раны, нанесённые шашкой или саблей, часто множественны».⁷⁵⁴

⁷⁵¹ Mollo, John and Boris. Into the Valley of Death. The British Cavalry Division at Balaklava 1854. London. 1991. P. 11.

⁷⁵² Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 163.

⁷⁵³ Тараторин В. История боевого фехтования: Развитие тактики ближнего боя от древности до начала XIX века. (<http://www.erilib.com/Валентин Тараторин/История боевого фехтования/>).

⁷⁵⁴ Остен-Сакен З. Ю. Ранения холодным оружием и другие механические повреждения на войне//Ортопедия и травматология. № 6. 1935 г. (<http://warriors-russia.ru>).

Например, в английском отчете о Крымской войне в описываемом бою упомянут случай 36 колотых и рубленых ран у одного человека. В 5-м драгунском полку медики обнаружили у одного из солдат 11 ранений в голову.⁷⁵⁵

Исходя из этого возникла сохранившаяся по сегодняшний день традиция английского производства клинков, предусматривающая возможность нанесения колющих ударов.⁷⁵⁶

Кавалерия англичан в качестве основного холодного оружия имела палаши и сабли фирмы Wilkinson Sword, по сей день производящей их для армии, правда, уже больше для парадов, чем для войны. Один из основателей компании, Генри Уилкинсон, собрав информацию о боевом применении кавалерийского вооружения, о нанесенных им ранах, пришел к выводу, что наиболее опасными из них были полученные в результате колющего удара. В бою под Балаклавой, по свидетельству его участников, именно такими клинками удавалось пробить шинельную ткань русских кавалеристов.⁷⁵⁷ Раны, полученные в результате рубящих или секущих ударов, часто могли выглядеть угрожающе, но при этом были куда менее опасны.

Перед началом Крымской войны в английской кавалерии была предпринята попытка унификации холодного оружия. Повторялась история перевооружения стрелковым оружием пехоты: в связи с изменившимся принципом ведения войны вообще вызванным началом глобальной индустриализации, как в пехоте стиралась грань между легкой и тяжелой, так и в кавалерии исчезала такая же грань между легкой и тяжелой кавалерией. Различие оставалось в большей степени номинальным, и используемое оружие так же предполагалось унифицировать, то есть сделать более стандартным и технологичным. Для всей кавалерии — один образец оружия.

До этого на вооружении стояла сабля модели 1821 г. (P1821), применявшаяся в легкой кавалерии, но в 1853 г. на вооружение стала поступать кавалерийская сабля обр 1853 г. (P1853). Ее предполагалось сделать единой для всей кавалерии.

В Крыму это оружие прошло свое первое испытание. Но его успели получить далеко не все. Большинство кавалеристов использовало сабли старых образцов. Но точно известно, что P1853 были у Шотландских Серых и в отлично экипированном и вооруженном 11-м гусарском полку (не менее чем у 50% личного состава). Какое-то число новых сабель было и в других полках (например, во 2-м драгунском). Оставались на службе сабли образца 1822 г. (у офицеров), образца 1834 г. (у нижних чинов Тяжелой бригады).

Некоторые исследователи считают, что как раз использование P1853 обеспечило успех в схватке с русскими кавалеристами. Хотя она была более легкой, чем ее предшественница, удачная балансировка компенсировала потерю веса, обеспечивая хорошую эргономику при удержании и поражении противника ударом или уколом. В дальнейшем добротная служба P1853 в Индии и во время Гражданской войны в США, доказавшая ее качество, сделала саблю прототипом многих образцов холодного оружия.

Основным ориентиром английского кавалериста в атаке было левое ухо противника. Сами удары должны были наноситься прежде всего в голову, а потом в руки неприятеля. Отсюда множество ран в область головы, полученных русскими солдатами и офицерами во время кавалерийского столкновения. В Ингерманландском полку:

⁷⁵⁵ Shepherd, John. The Crimean Doctors: A History of the British Medical Services in the Crimean War. Том 1. Liverpool University Press 1991. P. 220.

⁷⁵⁶ Воловик А. Клинки на службе Ее Величества//Прорез. № 4. М., 2004 г. С. 53–54.

⁷⁵⁷ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 163.

командир 3-го эскадрона ротмистр Марин (три ранения в голову, в том числе с расчечением до кости), генерал Халецкий (в ухо и шею), ротмистр Матвеевский (в глаз с выпадением его из глазницы), ротмистр Алещенко, поручик Хамзаев, корнет Белявский (все в голову).⁷⁵⁸ В Лейхтенбергском полку: командир эскадрона ранен в голову (вынесен с поля боя вахмистром Гуровым).⁷⁵⁹

Английский офицер осматривал после боя трупы русских гусар и был поражен двумя раны на которых, как ему казалось, свидетельствовали о качестве британских армейских клинков и силе кавалеристов. У первого сабельным ударом были разрушены шея и позвоночник так, что голова держалась лишь на нескольких мышцах, у второго часть черепа была снесена сабельным ударом, так что был виден мозг.⁷⁶⁰ Командир спаги де Молен констатировал наличие на осмотренных им телах русских кавалеристов больших рубленых ран.⁷⁶¹

Французские медики отмечали во время кампании большое число ранений в голову и говорили о необходимости введения в армии защитных шлемов.⁷⁶²

Конечно, перепало и англичанам. Но рубящие размашистые удары оказались малоэффективными и очень редко смертельными. Лучший пример — тот самый солдат из 5-го Гвардейского драгунского полка, который получил 11 сабельных ран, но ни одна из них не оказалась роковой для него.⁷⁶³

Конечно, далеко не каждый английский кавалерист владел саблей подобно легендарному Володыевскому, но почти каждый из них имел за спиной опыт не только тренировок, но и излюбленного британцами спорта. Того самого, который всегда был важнейшей составляющей повседневной жизни армии, став той скалой, на которой, как иногда говорят англичане, было воздвигнуто величие Британской империи.

Понимаю, что уже «кипит разум возмущенный» и кто-то попытается сказать, что хоть числом-то могли задавить британцев? Отвечаю — нет. Опытный фехтовальщик вполне может сдерживать двух малоопытных нападающих, а трое не смогут атаковать, так как будут больше мешать друг другу.

Именно проблемы с одиночным обучением бою холодным оружием во время Крымской войны заставили самым серьезным образом повернуться к нему после ее окончания, когда в армии «проснулся» настоящий культ фехтования и им стали массово заниматься и солдаты, и офицеры.⁷⁶⁴

Кстати, сабля Халецкого, выбитая у него из руки, видимо, уже не вернулась в руки хозяина. Якобы ординарец Халецкого унтер-офицер Пивенко отдал генералу свою саблю, затем соскочил с коня за саблей командира, поднял ее и при этом еще отразил направленный на него удар.⁷⁶⁵ Подобный трюк в скоротечной схватке конечно же невозможен.

⁷⁵⁸ Арбузов Е. Ф. Воспоминания о кампании на Крымском полуострове в 1854 и 1855 годах // Военный сборник. №4. СПб., 1874 г. С. 403; О сражении под Балаклавой. Записка генерал-лейтенанта Ив. Ив. Рыжова // Русский вестник. Том 86. СПб., 1870 г. С. 467.

⁷⁵⁹ Донесение генерал-адъютанту князю Меншикову начальника 12-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Липранди от 14-го октября, №3.076 // Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. Под ред. Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 29.

⁷⁶⁰ Robinson, Frederick. Diary of the Crimean War. Richard Bentley. London. 1856. P. 193.

⁷⁶¹ Molènes, Paul de. Les commentaires d'un soldat. Paris. 1860. P. 91–92.

⁷⁶² Cabanès, Augustin. Chirurgiens et blessés à travers l'histoire. Des origines à la Croix-Rouge. Paris. 1911. P. 584.

⁷⁶³ Shepherd, Jhon. The Crimean Doctors: A History of the British Medical Services in the Crimean War, Tom 1, Liverpool University Press, 1991. P. 218.

⁷⁶⁴ Имеретинский Н. К. Из записок старого преображенца // Русская старина. № 108. СПб., 1901 г. С. 189–191.

⁷⁶⁵ Шавшин В. Г. Над «Долиной смерти» (Балаклавское сражение). Симферополь, 2002 г. С. 42.

После боя раненный Эллиот подобрал на поле отличную саблю восточного типа валявшуюся неподалеку. В память о своем участии в сражении он выгравировал надпись на ее рукояти. Судя по тому, что сабля досталась ему без ножен, прежний хозяин благополучно покинул поле схватки. Подобное оружие могли позволить себе исключительно старшие командиры, потому история с Халецким дает нам возможность сделать подобное предположение, не обязательное, конечно, но право на жизнь имеющее.

Косвенным подтверждением, что сабля принадлежала Халецкому, может быть то, что буквально через несколько месяцев ему полковые офицеры подарили новую саблю с надписью на клинке «Ивану Альбертовичу Халецкому от общества офицеров гусарского полка 6 генваря 1855 года». Замечательная художественная отделка этой сабли сделала ее сегодня одним из ценнейших экспонатов ГИМа.⁷⁶⁶ Дарить вторую саблю так бы нелогично.

При этом она удивительно похожа на саблю, найденную Эллиотом.

Хотя это только версия, но все-таки интересная...

НЕМНОГО О ЛОШАДЯХ

Хотя и у англичан тоже имело место увлечение парадной стороной, постоянная забота о подготовке и вооружении кавалерии сыграли свою позитивную роль: «В кавалерии — прекрасный конский состав и сабля отличного образца. На что она способна, показала под Балаклавой. Но в общем всадники слишком тяжелы для лошадей, и поэтому несколько месяцев активных действий должны свести на нет британскую кавалерию. Это теперь доказано крымским опытом. Если бы средний рост кавалерийца был снижен — в тяжелой кавалерии до 5 футов 6 дюймов, а в легкой — до 5 футов 4 или даже 2 дюймов, как это, насколько мы знаем, сделано в пехоте, то кавалерийские части гораздо более отвечали бы своему боевому назначению. А при существующих условиях лошади слишком сильно перегружены и потому неизбежно выходят из строя прежде чем удастся с успехом использовать их против неприятеля».⁷⁶⁷

Конечно, Энгельс как, скорее, русофоб, нежели русофил, имел больше желания принизить кавалерию Николая I, чем петь ей дифирамбы. Но и русские военные не менее высоко оценивали своих противников: «Ни одна страна не находится в таких выгодных условиях относительно образования хорошей кавалерии, как Англия: в ней такое обилие природных кавалеристов, спортсменов встречается во всех слоях населения, что они с детства знакомятся с лошастью, с уходом за ней и с ездой и развивают в себе необходимые хорошему кавалеристу ловкость и смелость на коне. Лошади английской кавалерии, породистые и красивые, быстрые и крепкие, также не имеют себе равных в других армиях; если к этому прибавить превосходное обмундирование, снаряжение и вооружение, то мы получим верное представление о современном состоянии английской кавалерии. Английский кавалерист любит свое дело, а, следовательно, любит свою лошадь; наказания за дурной уход или жестокое обращение с лошастью, которые встречаются в других армиях, англичанам вовсе неизвестны: они, как все истинные наездники, заботливо и мягко обращаются со своим боевым товарищем-конем. Воспитание лошади и выездка ведутся весьма ра-

⁷⁶⁶ <http://bladeist.ru/page-al-alias4662.html>

⁷⁶⁷ Энгельс Ф. Армии Европы (<http://commi.narod.ru/txt/engels/105.htm>).

Подковывание лошадей в полевой кузнице 17-го уланского (17th Regiment of (Light) Dragoons (Lancers) полка.
Рисунок С. Алкена. 1853 г.

ционально; причем обращается внимание не на красивые ходы и маневренную езду, а на правильное развитие природных качеств лошади; от седока же требуется умение управлять ею и в короткое время проходить большие пространства, не утомляя ни себя, ни лошадь и не останавливаясь, в случае нужды, ни перед каким препятствием. Вследствие правильного воспитания и терпеливого и кроткого общения английские лошади смирны, всегда стоят спокойно и легко дают садиться, непугливы и послушны. Болезней ног, происходящих от дурнойковки или от небрежного ухода, нет и в помине; самаковка образцовая и вполне заслуживает изучения и подражания.

Что касается боевых качеств английской кавалерии, то люди вообще имеют красивый и молодецкий вид, ездят хорошо, ловко владеют оружием и смело идут на всякие препятствия. Аллюры хорошо выдержаны; во время атаки строй не разывается, лошади не задерживаются и карьер доведен до наибольшей быстроты».⁷⁶⁸

Стрелковые лошади английской кавалерии были лучше русских, и это обуславливалось целым рядом причин, среди которых немаловажное место занимала экономика.

«В Англии, где вся кавалерия во время войны не требует более 10 000 лошадей, правительство не встречает затруднений при их покупке; но для того чтобы обеспечить армии преимущественное пользование лошадьми, не работавшими приблизительно до пятилетнего возраста, закупаются трехлетние жеребцы большей частью йоркширской породы и содержатся за счет правительства в депо, пока они не становятся

⁷⁶⁸ Иностранное военное обозрение. Англия. Осенние маневры в окрестностях Солсбери//Военный сборник. № 11. СПб., 1872 г. С. 104–105.

пригодными для службы. Цена, уплачиваемая за жеребцов (20–25 ф. ст.), и обилие в стране хороших лошадей делают британскую кавалерию несомненно обладательницей лучшего конского состава во всем мире. В России существует такое же обилие лошадей, хотя качеством они ниже английских. Ремонтные офицеры закупают лошадей оптом в южных и западных провинциях империи, большею частью у посредников-евреев; затем они перепродают непригодных лошадей и передают остальных лошадей различным полкам соответственно масти их конского состава (в русском полку все лошади подбираются под одну масть)».⁷⁶⁹

Такое же мнение у главных исследователей событий Крымской войны: «Английская кавалерия сидела на прекрасных полукровках, но лошади эти были изнежены не втянуты в работу и не приучены к трудам походной жизни».⁷⁷⁰

Именно лошади — еще одна причина, по которой русские не могли встретить удар англичан и на которую указывает один из наиболее интересных исследователей кавалерии Н. Горячев, сам участник Крымской кампании.⁷⁷¹ И причина совсем не якобы в том, что встретились с одной (русской) стороны легкая, а с другой (британской) тяжелая кавалерии. К середине XIX в., сообразуясь с новой эпохой стратегии войн она уже была унифицирована.

По воспоминаниям Горячева, российская кавалерия страдала состоянием конского состава в походе. После длительных маршей по причине низкого качества войлока лошадиные спины превращались в сплошные раны, выводившие лошадей из строя. В результате «...в продолжение венгерской, крымской и турецкой войн мы имели возможность видеть, как по причине негодности войлока за кавалерийскими полками едва ли не целыми табунами тянулись лошади со сбитыми спинами... Коммуна, наконец, неизвестны случаи, когда во время войн с турками 1828–1829 и с поляками в 1831–1832 годах по причине гниющих от ссадин ран и происходящего от того злобствия без отвращения нельзя было оставаться возле кавалерийских коновязей».⁷⁷²

И это не только точка зрения одного Горячева. Подобных свидетельств, в которых обращали внимание на двойственное состояние армии, когда с одной стороны глянец и блеск, а с другой — масса бесполезности на войне, в том числе проблемный конский состав, множество.

«Кавалерия при Императоре Николае I была образцовая, идеальная, с казовой парадной стороны — старые служаки говорят, что «ныне только во сне можно видеть такую».

Бесспорно, и офицеры, и солдаты были тогда менее развиты, но выучка, муштровка была очень строга, а лошади были хороши — высокого роста, сильные, что при большом весе всадника и вооружения много значит.

Однако кавалерия была хороша, как сказано, лишь на парадах, лагерных переходах и маневрах, в кампании же оказывалась несостоятельной: боевые потери конями!

⁷⁶⁹ Энгельс Ф. Армии Европы (<http://commi.narod.ru/bt/engels/105.htm>).

⁷⁷⁰ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856. Том I. СПб., 2002 г. С. 598.

⁷⁷¹ «8 числа, вызванные на охотники Уланского Ея Императорского Величества Великой Княгини Екатерины Павловны полка, поручик Горячев и корнет Богомолец с 20-ю уланами и несколькими казаками, пользуясь туманом, подскочили к самой Эвпатории врубившись в толпу татар, стоявшую перед городскою стеной, положили 12 человек на месте, 2-х взяли в плен, многих поранили и, на плечах бегущих, ворвались в город; у городской заставы они закололи 3-х стоящих часовых французской пехоты, и когда в городе произошло общее смятение, отошли назад, угнав более 1000 голов скота, овец и лошадей; при этом корнет Богомолец легко ранен пиком» (Донесение князя Меншикова о военных действиях 8-го и 10-го октября 1854 года // Дубровин Н. Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Выпуск IV. СПб., 1872 г. С. 16–17).

⁷⁷² Горячев Н. По поводу заметки «Конское снаряжение нашей кавалерии» // Военный сборник. № 3. СПб., 1879 г. С. 322–323.

были обыкновенно невелики, а солдаты возвращались из похода с седлами за плечами! Солдаты хорошо ездили маненной старо-немецкой системой, а на первых же тяжелых переходах стирали спины лошадям». ⁷⁷³

После войны только ленивый не говорил о проблемах со строевыми лошадьми в армейских частях, которые иногда возникали по причине неправильной методики подготовки, в результате чего «...при непродолжительной скачке наши лошади утомляются». ⁷⁷⁴

Когда в Крым началась отправка войск, российское командование начало их подбор по принципу быстрой маневренной войны, что выражалось в невероятно (для ограниченного ТВД) большом количестве кавалерии. Считать эту меру совершенно бесполезной нельзя. Та же кавалерия Корфа прекрасно выполняла задачу по блокированию Евпатории, ⁷⁷⁵ когда Меншиков опасался усиления турецкого, укреплявшегося в Евпатории, контингента кавалерией. ⁷⁷⁶ Только исключительно по личностным качествам ее начальника результат оказался не самым лучшим.

Прописная истина в том, что конница невероятно «прожорливый» род войск и требует гораздо более затратного снабжения, чем пехота или артиллерия, дала о себе знать очень скоро. В результате уже «...в начале войны в Крыму войска фуражировали и грабили в продолжение 2 ½ месяцев. Около Севастополя, на местности, где кавалерия не могла принести пользы, были сосредоточены массы кавалерии, которая оставалась там до тех пор, пока не привели лошадей своих в изнурение и не уничтожили весь фураж в окрестностях». ⁷⁷⁷

Уже в октябре 1854 г. Меншиков с долей уныния констатировал, что «...Моя многочисленная кавалерия годится только для занятия равнины и для демонстраций перед выходами из гор, занимаемыми англичанами и укрепленными ими на подобие Торрес-Педраса». ⁷⁷⁸

Без устали маневрировать могли позволить себе лишь казаки. В иррегулярной кавалерии конский состав был гораздо больше приспособлен к «...условиям службы, к климату, почве, пище». ⁷⁷⁹

ПАССИВНАЯ ЛЕГКАЯ БРИГАДА

Это еще одна «темная» страница Балаклавского сражения. Странное поведение, почти полная пассивность Легкой бригады, которая, находясь в невероятно удобной

⁷⁷³ Из опыта походов. Воспоминания художника В. В. Верещагина//Русская старина. Том 64. СПб., 1889 г. С. 480.

⁷⁷⁴ П. С. Несколько слов о кавалерии//Морской сборник. Том XL. № 4. СПб., 1859 г. С. 77.

⁷⁷⁵ В то же время нельзя не упомянуть исполнение кавалерией жандармских функций. Особенно по отношению к татарскому населению Крыма. Если при прибытии в Крым войск 4-го корпуса эта часть жителей успокоилась, увидев, что никто не собирается их притеснять или обижать, появление кавалерии Корфа изменило все. Его солдаты «...без всякого разбирательства одинаково строго обращались как с виновными, так и с теми, которые оставались верными правительству...». (Зыков С. П. О выселении татар из Крыма в 1860 году. Записка генерал-адъютанта Э. И. Тотлебена//Русская старина. Том 78. СПб., 1893 г. С. 533).

⁷⁷⁶ Оборона Севастополя. Письма князя А. С. Меншикова к князю М. Д. Горчакову. 1853–1855//Русская старина. Том 12. СПб., 1875 г. С. 306.

⁷⁷⁷ Попов М. М. Южная армия и Крымская армия при князе Меншикове//Русская старина. Том 79. СПб., 1893 г. С. 537.

⁷⁷⁸ Оборона Севастополя. Письма князя А. С. Меншикова к князю М. Д. Горчакову. 1853–1855//Русская старина. Том 12. СПб., 1875 г. С. 310.

⁷⁷⁹ Из опыта походов. Воспоминания художника В. В. Верещагина//Русская старина. Том 64. СПб., 1889 г. С. 481.

позиции для атаки русских кавалеристов, не двинулась с места, чтобы оказать помощь Тяжелой бригаде в один из наиболее драматичных эпизодов боя, возмутило многих. Вопрос этот был в числе заданных Кинглейком Лукану как командиру дивизии, в праве которого было решение на введение в бой дополнительных сил и которое могло изменить ситуацию. Лукан так и не смог дать внятный ответ, получив в отместку шквал уничижительной критики от журналиста.

С Луканом все ясно. Но оставался Кардиган, в праве которого было сказать о необходимости действия нерешительному командиру дивизии. Обстановка требовала от Кардигана если не помочь, то хотя бы поддержать успех Тяжелой бригады. Но он не решился, находясь в идеальной позиции, нанести с дистанции 500 м русским удар, который наверняка оказался бы смертельным.⁷⁸⁰

Поведение лорда, остававшегося со своей бригадой праздным зрителем, вместо того чтобы атаковать русских во фланг, должно быть признано безусловно как минимум ошибочным и лишний раз доказывает, насколько продолжительная мирная служба вызывает рутину.⁷⁸¹ Никогда не участвовавший в боевых операциях, создавший прекрасный полк, укомплектованный отличными солдатами, лорд и здесь оставался тем, каким был всегда: отличным администратором, строевым служакой, но напрочь лишенным какой-либо инициативы, способным больше подчиняться, чем принимать самостоятельные решения: «Всякий хороший миссионер, всякий дельный избиратель, всякий известный охотник сумел бы действовать лучше, чем этот генерал, хотя и ветеран в военной службе, но совершенный новичок на войне».⁷⁸²

Педжета можно понять — он пытается оправдать начальника, якобы опасавшегося быть отрезанным от основных сил русскими,⁷⁸³ рискни он поддержать Скарлета. Но прояви английские командиры чуть больше решительности, инициативы, сообразительности и умения правильно оценивать ситуацию, обладай они большей смелостью в принятии самостоятельных решений, возможно, судьба кавалерийского боя была бы другой. Но с такими начальниками, как Кардиган, об этом можно было только мечтать.

«Как нельзя требовать от ребенка, которого держали целые годы на азбуке, быстрого чтения без предварительного ознакомления со слогами, так нельзя требовать, чтобы офицер, проделывавший из года в год все те же притупляющие мелочи, потом вдруг, как бы под наитием свыше, сумел правильно применяться к требованиям военного времени.

Последствия подобного рода системы выказались очень резко в Английской армии во время Крымской кампании. Лорд Кардиган и лорд Лукан — образцы офицеров, подобным образом воспитанных. Мы видели, как при подобных начальниках английская конница после сражения при Альме двигалась в одной колонне по фальшивой дороге и, слепо придерживаясь практики мирного времени, приносила такую же пользу, как если бы находилась в Китае. При Балаклаве Кардиган остается праздным зрителем боя, в котором противник подставляет свой фланг».⁷⁸⁴

Не думаю, что Раглан был счастлив наблюдать за тем, как половина кавалерийской дивизии сражается с русскими, тогда как вторая половина остается в роли болель-

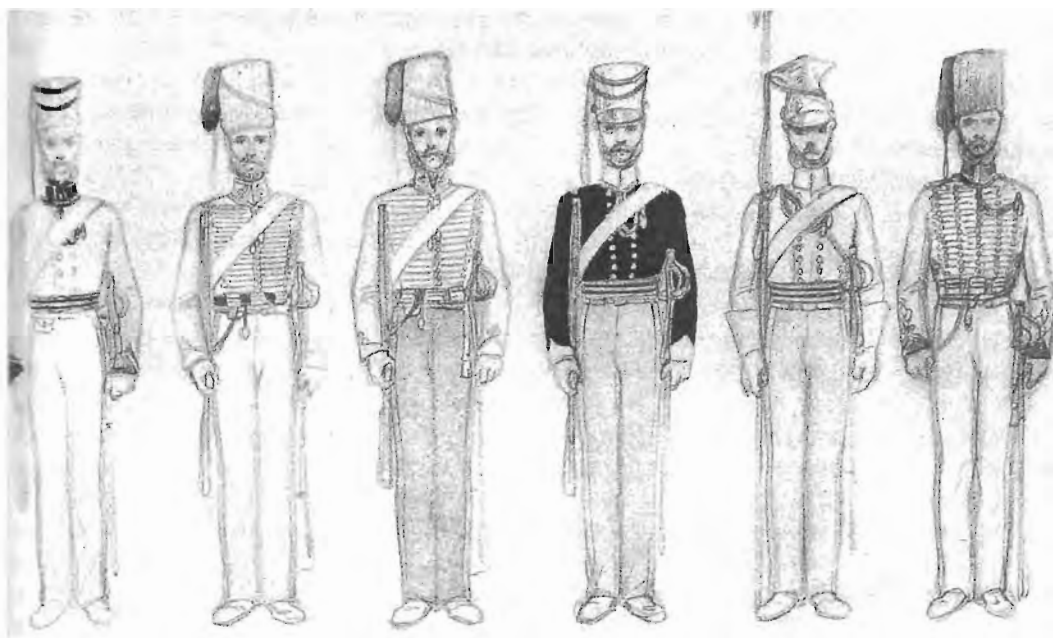
⁷⁸⁰ Dixon, Norman. On Psychology of Military Incompetence. Vintage Digital; New Ed edition. 2011. P. 41–42.

⁷⁸¹ Денисон. Дж. История конницы. Кн. 1. М., 2001 г. С. 384–385.

⁷⁸² Kinglake, Alexander William. The Invasion of the Crimea. Vol. 5. London. 1868. P. 12–13.

⁷⁸³ The Light Cavalry Brigade in the Crimea Extracts from the Letters and Journal of General Lord George Paget. London. 1881. P. 177.

⁷⁸⁴ Денисон. Дж. История конницы. Кн. 1. М., 2001 г. С. 473–474.

Рядовые Легкой бригады. Слева направо: 4-й легкий драгунский полк, 8-й гусарский полк, 11-й гусарский полк, 13-й легкий драгунский полк, 17-й уланский полк, Королевская конная артиллерия. Рисунок генерала Вансона. Музей армии. Париж.

щиков этого матча в поло, где вместо клюшек воздух со свистом рассекают клинки, а вместо мячей иногда пролетают человеческие головы.

Командир 17-го уланского капитан Моррис, наплевав на субординацию, требовал от генерала поддержать коллег. Кардиган, как от назойливой мухи, равнодушно отмахнулся от настойчивого офицера и продолжал спокойно созерцать за происходившим. Не выдержав, несколько кавалеристов Морриса сами умчались на помощь коллегам.

Впоследствии этот эпизод был поставлен Калторпом в вину Кардигану. Последний в ответ обвинил штабного офицера в клевете. Понятно, что Калторп мстил за своего начальника и близкого родственника Раглана. Понятно, что ему хотелось, дабы все общество узнало правду о происходившем в этот день.⁷⁸⁵

Кардиган утверждал, что Моррис ни словом не обмолвился о поддержке «тяжелых» и все это не более чем выдумки его недоброжелателей. Однако большинство офицеров 17-го уланского вступились за честь своего командира и подтвердили в частном порядке о неоднократно повторенной просьбе Морриса, адресованной бригадному начальнику.⁷⁸⁶

Когда в 1863 г. началось судебное расследование взаимообвинений Кардигана и Лукана, то многие офицеры свидетельствовали против командира Легкой бригады. В их числе оказались Скарлет с Луканом. Командир дивизии, который, конечно, дол-

⁷⁸⁵ <http://crimeantexts.russianwar.co.uk/topics/carval.html>

⁷⁸⁶ http://crimeantexts.russianwar.co.uk/sources/calthorp/c___d.html

жен был в первую очередь отдать приказ своему подчиненному бригадному начальнику, ответил на вопрос: по какой причине он этого не сделал?

Ответ поразил всех. Оказывается, Кардигана просто не могли найти. По Лукану он в это время выгуливал где-то неподалеку своего коня.⁷⁸⁷ Причина, скажем, очень уважительная.

Поистине, кому война, а кому...

ТАК КТО ЖЕ РЕШИЛ ИСХОД СХВАТКИ?

И все-таки, кто вынудил русские эскадроны отойти под натиском отчаянной, но значительно уступавшей численно британской кавалерии? Ответ рядом. Он основывается на почти одинаковом числе потерь, которые понесли оба гусарских полка. При этом в схватке кавалерии полным составом участвовал только один из них. Вторая линия бригады Рыжова просто не могла всей массой сойтись с английскими драгунами, да и «кавалерийский шок» прошел без ее участия.

Дождавшись, когда русские, отцепившись, наконец, от английских драгун, начали отход, три английские артиллерийские батареи (Тернера, Баркера и Моде⁷⁸⁸), заняв позиции на возвышенности, открыли сильный огонь шрапнелью по тылам бригады Рыжова. Получилась почти альминская история с Владимирским полком. Тем более что подтянувшийся к полю сражения герой Альмы капитан Тернер (батарея G) повторил проделанное им там, уже под Балаклавой. Вскоре он повторит свой успех еще раз — под Инкерманом, который станет «звездным часом» батареи. Отдадим должное британским артиллеристам — они смело открывали огонь даже через головы своих солдат.

Подоспевшая на помощь британцам с инкерманских высот конная батарея капитана Брандинга открыла огонь в спины гусар. Этого офицера считают еще одним из незаметных героев Балаклавского сражения, чья храбрость и умение существенно повлияли на развитие событий.⁷⁸⁹ Батарея С Королевской конной артиллерии выпустила 49 зарядов, и считается, что именно ее шрапнель вынудила русских отойти.⁷⁹⁰ Большую пользу принесла англичанам имевшаяся в батарее 24-фунтовая гаубица.

Когда мы будем говорить о происшедшей позднее атаке Легкой бригады, мы подробно остановимся на том типе боеприпаса, который уже проявил себя в сражении на Альме. Это та самая шрапнель, которая в тот день нанесла тяжелые потери Владимирскому пехотному полку. Она недаром называлась в русской армии картечной гранатой, так как сочетала в себе лучшие качества обеих снарядов: дальность стрельбы гранатой и эффективность стрельбы по открытой живой силе картечи. В Балаклавском сражении англичане использовали исключительно этот вид боеприпаса. никаких ядер, гранат, картечи не применяли.⁷⁹¹

⁷⁸⁷ <http://crimeantexts.russianwar.co.uk/topics/carvcal.html>

⁷⁸⁸ Шекспир, командовавший батареей после раненного Моде, стрелял недолго. Вскоре он отвел свою батарею в тыл — на ней закончились боеприпасы.

⁷⁸⁹ Layard, Austen Henry. La Première campagne de la Crimée ou les batailles mémorables de l'Alma, de Balaklava et d'Inkermann, par Austin Layard. Traduction, autorisée par l'auteur, par A.-E.-S. Jervis. Paris. 1855. P. 70–71.

⁷⁹⁰ До настоящего времени День Балаклавы считается официальным праздником 3-й батареи Королевской конной артиллерии.

⁷⁹¹ Bormann, Charles Guillaume. The shrapnel shell in England and in Belgium : with some reflections on the use of this projectile in the late Crimean War: a historico-technical sketch. Brussels. 1862. P. 80–81.

Вторая (первая на Альме) и снова удачная стрельба по русским шрапнелю наводит на странные мысли о превосходстве английской артиллерии. На самом деле англичанам помогла маленькая хитрость, которая позволяла достигать высокого темпа огня и точности именно этим типом боеприпасов. В зарядных ящиках шрапнель была с заранее нарезанными на фиксированные три дистанции дистанционными трубками,⁷⁹² что позволяло в бою не тратить на это время. Кроме того, чтобы в горячке боя номера расчета не перепутали снаряды, они окрашивались в разный цвет в зависимости от расчетной дальности стрельбы.⁷⁹³

Этот момент в своих воспоминаниях описал участник сражения поручик Арбузов, чей эскадрон Веймарского полка как раз попал под английскую шрапнель, находясь во второй линии русской кавалерии: «При отступлении нас стали осыпять неприятельские снаряды, и ряды эскадрона с каждым шагом становились все реже и реже. Когда же мы вышли из-под огня, мой лейб-эскадрон превратился в полужэскадрон. В нем оказалось лишь по пять и шесть рядов во взводе, а в дело вошли по двенадцать».⁷⁹⁴

Действительно, некоторые удачные выстрелы укладывали по несколько людей и лошадей, и нужно было иметь мужество, чтобы отходить, не нарушая строя, не обращаясь в бегство. В то же время не будем идеализировать шрапнель. Чаше она все-таки наносила не такие большие потери (часть пуль уходила в стороны, часть вообще в небо), хотя морально была способна деморализовать и самых стойких.⁷⁹⁵

И для всех, кому интересна Крымская война более подробно, могу добавить одну очень интересную деталь. Бельгийский генерал Борман, исследуя применение шрапнели в Крыму, отметил, что одной из причин, повлиявших на снижение ее эффективности, была (внимание!) стойкость русского солдата!⁷⁹⁶

Потери русским нанесли не только картечные пули. К этому времени окрестности стали заполняться французскими пешими егерями и африканскими стрелками, вооруженными нарезными ружьями.⁷⁹⁷

Попытка преследовать гусар окончилась для англичан неудачей. Рыжова прикрыла батарея капитана Боженова (8 орудий легкой №7 батареи 12-й артиллерийской бригады) и стрелки с уже занятого редута №3. В результате Королевские драгуны попали под обстрел и потеряли 1 человека и 2 лошадей убитыми.⁷⁹⁸

Шотландские Серые потеряли трех человек. Они были смертельно ранены ружейными пулями и умерли уже после сражения.⁷⁹⁹

⁷⁹² Дистанционная трубка: в артиллерии механизм, служащий для воспламенения в районе цели снарядов, снаряженных черным или бездымным порохом.

⁷⁹³ Рудуловский В. И. Исторический очерк развития трубок и взрывателей от начала их применения до конца мировой войны 1914–1918 гг. Киев., 1940 г. С. 11.

⁷⁹⁴ Арбузов Е. Ф. Воспоминания о кампании на Крымском полуострове в 1854 и 1855 годах // Военный сборник. № 4. СПб., 1874 г. С. 389–410.

⁷⁹⁵ Bormann, Charles Guillaume. The shrapnel shell in England and in Belgium: with some reflections on the use of this projectile in the late Crimean War: a historico-technical sketch. Brussels. 1862. P. 80–81.

⁷⁹⁶ Bormann, Charles Guillaume. The shrapnel shell in England and in Belgium: with some reflections on the use of this projectile in the late Crimean War: a historico-technical sketch. Brussels. 1862. P. 81–82.

⁷⁹⁷ Layard, Austen Henry. La Première campagne de la Crimée ou les batailles mémorables de l'Alma, de Balaklava et d'Inkermann, par Austin Layard. Traduction, autorisée par l'auteur, par A.-E.-S. Jervis. Paris. 1855. P. 70–71.

⁷⁹⁸ Ainslie, De, General. Historical record of the First or the Royal Regiment of Dragoons containing an account of its formation in the reign of King Charles the Second, and of its subsequent services to the present time. 1887. London. P. 186–187.

⁷⁹⁹ Almack, Edward. The history of the Second dragoons: «Royal Scots Greys». London. 1908. P. 81–82.

У англичан в схватке убит 1 офицер и 9 нижних чинов, кроме них, 11 офицеров и 87 нижних чинов ранены. Потери русских в ней британцы оценили примерно в 49–50 убитых.⁸⁰⁰

Русские, как участники, так и более поздние исследователи, оценили атаку гусар как в основном неудачную.⁸⁰¹

При этом обе стороны однозначно приписали победу каждая себе. В принципе, это не единичный случай в военной истории, когда нет однозначного поражения одной из противоборствующих сторон и гарантированной победы другой. Хибберт указывает на российское отступление, но даже не упоминает ни о какой панике в их рядах: «Вскоре русских удалось заметно потеснить, затем их ряды расстроились и, наконец, они стали отступать».⁸⁰²

Созерцавший происходившее издалека Кинглейк хотя и отличался всегда склонностью к воспеванию британского оружия, тут вдруг неожиданно становится сдержанным и более скромным в оценке результатов схватки, уместив великую победу в одно предложение: «В то же время английская кавалерия, под начальством Скарлета, шедшая к Кадыкию, напала на русскую кавалерию; произошло кавалерийское сражение, после которого русские отступили...».⁸⁰³

Английские офицеры и особенно солдаты склонны описывать отступление русских как паническое бегство, но на эту тему мы уже говорили.

Над полем боя воцарилась тишина. К 11 часам обе стороны сформировали линии боевых порядков, но желания вцепиться друг другу в глотку не проявляли. У союзников в первой линии у редутов № 4 и № 5 находились две кавалерийские бригады. Слева их прикрывали французы, справа подходила своя пехота.

⁸⁰⁰ Mollo, John and Boris. Into the Valley of Death. The British Cavalry Division at Balaklava 1854. London. 1991. P. 26.

⁸⁰¹ Энциклопедия военных и морских наук. Под ред. генерал-лейтенанта Леера. Том 1. СПб., 1888 г. С. 312–313.

⁸⁰² Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 164.

⁸⁰³ Отрывок из сочинений Кинглейка о сражении под Балаклавой//Н. Ф. Дубровин. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Выпуск IV. СПб., 1872 г. С. 88.

ДЕНЬ АРТИЛЛЕРИИ ПОД БАЛАКЛАВОЙ

*«Российская артиллерия находится
в превосходном состоянии...»⁸⁰⁴*

Прусский генерал Гнейзенау.

*«В артиллерии... среди батарей и отдельных
орудий существовало соревнование в меткости
стрельбы, и в этом отношении иногда до-
стигались результаты поразительные. Как в
походе, где ее вывучала пехота, так и в бою, где
ей приходилось вывучать пехоту и конницу, она
никогда не отставала. Отступить с позиции
ранее пехоты, не вывучать своей конницы
считалось позором, и никто не ставил в вину
потерю орудий, когда ей приходилось умирать,
дав последний картечный выстрел в упор».*

Фадеев Р.А. «60 лет Кавказской войны.
Письма с Кавказа. Записки о кавказских
делах».⁸⁰⁵

«Вы потеряли Легкую бригаду!»

Генерал-лейтенант лорд Раглан — гене-
рал-лейтенанту лорду Лукану. 25 октября
1854 г.

Это одно из самых эпических событий всей Крымской кампании. Грандиозный миф о том, как много «цвета британской аристократии» полегло во время атаки Легкой бригады, едва ли не самый «живучий» из множества мифов войны. Порой кажется, что случился второй Азенкур, правда, теперь уже не французский, а английский.

Маразм на эту тему крепчает с каждым годом все больше и больше, отрицая любую возможность сказать обратное. Аргументы против никто не хочет слушать, настолько увлекла всех красивая сказка. Со временем, кажется, даже сами англичане поверили в это и по сей день считают сброд бывших ирландских полуголодных нищих и потомков профессиональных завсегдатаев портовых кабаков, составивших основную массу участников событий, цветом нации.

Дабы предупредить возмущенное удивление привыкшего к «легкобригадному» эпосу читателя, попытаемся разрушить один из самых устойчивых и не менее глупых мифов об атаке Легкой бригады. Речь идет о популярной слезливой «песне» о массах аристократов, представителей лучших семей Англии,⁸⁰⁶ популяцию которых «требовали в этот день «плохие русские парни», плохо знакомые с европейскими ценностями.

Один местный «эксперт» договорился до того, что с серьезным видом утверждал, якобы Англия только во второй половине XX в. восстановила генофонд аристократии, истребленной русскими варварами под Балаклавой. Другой, вроде бы как позиционирующий себя серьезным исследователем, с не менее серьезным видом утверждал, что «...поскольку в легкую кавалерию набирались представители самых

⁸⁰⁴ Граф Аракчеев А.А.//Русская старина. Том 101. СПб., 1900 г. С. 88.

⁸⁰⁵ Фадеев Р.А. 60 лет Кавказской войны. Письма с Кавказа. Записки о кавказских делах. М., 2007 г. Цитируется по: Зайончковский А.М. Восточная война 1853–1856. Том I. СПб., 2002 г. С. 505–506.

⁸⁰⁶ Шефов Н. Битвы России. Военно-историческая библиотека. М., 2002 г. (<http://www.hrono.info/sobyty/1800sob/1854bala.php>).

аристократических английских фамилий, впечатления от ее уничтожения вылились в форму настоящего национального траура».⁸⁰⁷

Скорее Англия должна была быть благодарна России и ее солдатам, что те «почистили» ее от завербовавшихся в армию представителей множества деклассированных элементов.

Говоря о Британской армии периода Восточной войны, ни в коем случае нельзя видеть в ней скопление аристократов и выходцев из лучших семей. К середине XIX века военная служба не являлась почетным занятием для большинства англичан, в том числе и из обеспеченных слоев населения.

По мнению генерал-адъютанта Тотлебена, «Нерасположение англичан к сухопутной службе составляет причину, по которой военное звание в Англии не пользуется таким уважением, как в других государствах Европы. При подобном взгляде на службу в постоянных войсках, при полной личной свободе и безопасности, при деятельности, энергии и трудолюбии англичан в ряды армии обыкновенно поступают только те, кто не имеет желаний добывать себе средства трудом или не может его найти. В Англии простолюдин идет в солдаты только тогда, когда ему уже некуда деваться».⁸⁰⁸

Бытовало мнение, что в Легкой бригаде лошади были более породистыми, чем их всадники из числа нижних чинов.

Армия времен Королевы Виктории была своеобразным местом, куда часто от крайней безысходности нанимались добровольцы из числа наименее обеспеченных слоев населения, которых крайняя нужда заставляла подписывать контракт с полковыми вербовщиками. И как показатель — не менее одной трети солдат линейной пехоты в период Крымской кампании были выходцами из Ирландии, которых надеть солдатский мундир вынудили последствия голода 40-х годов.

Первоначальный контракт подписывался на службу сроком на 21 год, но право ухода со службы могло быть получено уже после 10 лет, однако в этом случае солдат не получал пенсии. Как и солдат любой другой армии, британский мог продвигаться по службе, но для этого требовалась хотя бы минимальная грамотность. По этой причине значительную часть капралов и сержантов составляли выходцы из Шотландии, где был более высокий уровень образования. Процент полностью неграмотных солдат достигал 27%. Грамотными были не более 3% солдат. Примерно такое же соотношение было и в среде рабочего класса — основного поставщика человеческого материала для Британской армии.

Шотландские добровольцы составляли костяк наиболее боеспособных и элитных частей Английской армии. Весьма высокий процент их был в артиллерии, где они составляли абсолютное большинство, и саперных частях. В Шотландии к службе в рядах Королевской армии всегда относились с большим уважением, чем в других регионах страны. Так, в период с 1845 по 1849 гг. на службу в армию было завербовано 56 210 человек, из них из Англии и Уэльса — 28 922 (при населении около 16 миллионов), Шотландии — 8 434 человека (при населении 2,6 миллиона). Ирландии — 18 854 человека (при населении 8,1 миллиона). В 1853 г. в армии Великобритании служило 35 416 ирландцев, 13 974 шотландца, остальные были уроженцы Англии и Уэльса.

⁸⁰⁷ Вдовиченко Е. Историографический аспект Балаклавской битвы 13(25) октября 1854 г. // «Крымская война»: история и уроки 1853–1856 гг. Научный сборник. Материалы международной научной военно-исторической конференции. Севастополь, 2013 г. С. 300.

⁸⁰⁸ Описание обороны города Севастополя. Составлено под рук. генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 46.

Атака Легкой бригады под Балаклавой 25 октября 1854 г. Рисунок В. Симпсона.

Ни о какой личной свободе и достоинстве в Английской армии, точно так же, как и в российской, в этот период не могло быть и речи. Солдат элементарно мог быть подвергнут телесным наказаниям, рукоприкладство сержантов было явлением распространенным. Но стойкость этой военной машины определялась, как и в Русской армии, сильнейшим корпоративным духом, полковым братством, личной спайкой: полк — семья, знамя — икона, солдаты — братья, командир — отец, царь (король, королева) — от Бога.

А как позаботилась о выживших после сражения «аристократах» страна, лучше всех сказал великий английский писатель и поэт Ридьярд Киплинг в своем стихотворении «Последние из Легкой бригады» (1891 г.).

*«Песню о них сложили, но песней не будешь сыт.
Голодаешь ничуть не меньше, даже если ты знаменит.
Они попросили денег, дескать, пришла хана;
Двадцать четыре фунта им уделила страна!».*

Награды, полученные во время сражений Крымской войны, не были гарантией от нищеты. Один из стоявших в строю «Тонкой красной линии» бывший солдат 93-го полка прожил после службы в беспросветной бедности и полном забвении, пока не умер и не был найден в рубашке и одном носке на полу своей халупы в Окленде.⁸⁰⁹

Итак, как вы уже догадались, мы плавно переходим к рассказу о событии, которое иногда ошибочно считают апогеем Балакавского сражения — атаке Легкой бригады. Покойный майор Чемпион из 95-го дербиширского полка писал о нем: «Вскоре из-

⁸⁰⁹ <http://crimeanwarveterans.blogspot.com/search/label/Helensville>

нурительные траншейные работы и дежурства в пикетах должны были смениться чем-то более захватывающим. 25-го октября произошло Балаклавское сражение, в котором легкая кавалерия совершила тот великолепный, но безрезультатный подвиг, увековечивший всех ее участников».

Один из наиболее известных английских военачальников XX в. Бернард Лоу Монтгомери назвал причиной этой «одной из крупнейших военных неудач», ставшей страницей большой эпической трагедии, грубые тактические ошибки.⁸¹⁰

Классик истории кавалерии Денисон также не нашел в этой акции ничего интересного, кроме бессмысленного массового самопожертвования: «Она была предпринята вследствие неверно понятого приказа, и лорд Кардиган прошел 3 000 шагов под гору все время под убийственным артиллерийским и пехотным перекрестным огнем. Сама атака была ведена в высшей степени блестящим образом и доказала высокую храбрость всех участников, но все было напрасно: пушечный и ружейный огонь уничтожил почти всю бригаду, из которой вернулось всего 195 человек. Дело это не представляет ничего поучительного для кавалерийского офицера и заслуживает упоминания только по тому беззаветному мужеству с которым всадники эти пошли на верную смерть».⁸¹¹

Действительно, все действия английского командования объяснимы только в том случае, если предположить, что дата 25 октября 1854 г. была днем жертвоприношений у британской кавалерии. Ибо ничего иного кроме случившегося в сложившейся ситуации произойти просто не могло.

Выдающийся русский военный теоретик генерал Леер считал, что побудительным мотивом Раглана бросить Легкую бригаду с задачей не дать русским свезти захваченные пушки, был недавний успех атаки бригады Скарлета и гарантированные обвинения в трусости, как не пришедшего на выручку Тяжелым. Тем более, к англичанам подходили подкрепления.⁸¹²

Так получилось, что первым погибшим в этой атаке, ставшей символом не только глупости начальников, но и полного непонимания ими новой роли кавалерии в войне, стал капитан Нолан — один из тех, чьи взгляды на роль конницы в грядущих войнах опередили косность взглядов собственных начальников.⁸¹³

РАСПОЛОЖЕНИЕ АРТИЛЛЕРИИ

Незадолго до описываемого действия русская артиллерия окончательно заняла положение, в котором ей пришлось встречать неприятеля в момент длительного затишья, наступившего после схватки гусар Рыжова с драгунами Скарлета. К этому времени прибыл Жабокрицкий и занял своими батареями Федюхины высоты, подтянув в качестве прикрытия несколько пехотных полков.

Скаты высот заняли рассыпанные в цепь стрелки двух рот 6-го стрелкового батальона и примерно 150 человек пластунов Черноморского батальона.⁸¹⁴

⁸¹⁰ Монтгомери, Бернард Лоу. Краткая история военных сражений. М., 2004 г. С. 308.

⁸¹¹ Денисон. Дж. История конницы. Кн. 1. М., 2001 г. С. 384–385.

⁸¹² Энциклопедия военных и морских наук. Под ред. генерал-лейтенанта Леера. Том 1. СПб., 1888 г. С. 312–313.

⁸¹³ Roemer, J. (Jean). Cavalry: its history, management, and uses in war. New York. 1863. P. 47–48.

⁸¹⁴ Описание обороны города Севастополя. Составлено под рук. генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 242.

Ближе всех к противнику на западном склоне Федюхиных высот находилась батарея №1 батареи 16-й артиллерийской бригады в составе 10 орудий.⁸¹⁵ Прикрытие составлял Владимирский пехотный полк подполковника Раковича. Во вторую линию стал Суздальский пехотный полк полковника Федора Ивановича Дарагана.⁸¹⁶ Далее — 4 орудия⁸¹⁷ легкой №2 батареи 16-й артиллерийской бригады.

Балаклавские высоты, от отбитого у турок редута №3 до самого села Комары, занял Липранди. Почти напротив батарейной №1 батареи на взятом русскими редуте №3 заняли позицию 8 орудий легкой №7 батареи 12-й артиллерийской бригады (капитана Боженова, который недавно умело прикрыл отход гусар).

Там же находились 4 батальона Одесского егерского полка и две роты 4-го стрелкового батальона.⁸¹⁸ Изначально стволы орудий батареи Боженова были направлены в сторону Балаклавы. Отбив недавнюю попытку Тяжелой бригады Скарлета преследовать гусар Рыжова, они ждали нового нападения с той стороны. Но едва заметив движение вражеской кавалерии, артиллеристы моментально развернули орудия в сторону противника.⁸¹⁹

Так как позиция казалась чрезмерно растянутой, для связи войск была отделена группа кавалерии и артиллерии. В ее состав вошли перекрывшая вход в долину со стороны Черной речки Донская №3 батарейная батарея и стоявший близ Симферопольской дороги Сводный уланский полк Еропкина.⁸²⁰

Отдельно находилась конная №12 батарея полковника Бромбеуса, отведенная в резерв.

Далее располагались у с. Комары 3 батальона Днепровского пехотного полка с 4-мя орудиями батарейной №4 и 6-ю орудиями легкой №6 батареи 12-й артиллерийской бригады.

На редуте №1 устроился Семякин. С ним или неподалеку от него были батальон днепровцев, 4 батальона Азовского пехотного полка, стрелковая рота 4-го стрелкового батальона с таким же составом артиллерии: 4-мя орудиями батарейной №4 и 6-ю орудиями легкой №6 батареи 12-й артиллерийской бригады, которые усилиями артиллеристов удалось затащить на редут: «...Хорошее состояние лошадей и исправность амуниции дали дивизиону легкой №6 батареи возможность несмотря на крутизну более 30° подняться почти вместе с пехотой на редут №1 и остановить турецкие батальоны, собиравшиеся для вторичной атаки».⁸²¹

Батальон Украинского полка с батареей 12-й артиллерийской бригады и стрелковая рота находились в резерве близ Черной речки.⁸²²

В тылу Донской батареи стояли два полка гусар неполного состава.

⁸¹⁵ Два орудия были потеряны во время Альминского сражения 8 (20) сентября 1854 г.

⁸¹⁶ Розин А. Очерки из Крымской войны (дневник очевидца)//Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами (репринт). М., 1998 г. С. 207.

⁸¹⁷ Англичане иногда говорят о 6 орудиях в этой батарее.

⁸¹⁸ Описание обороны города Севастополя. Составлено под рук. генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 243.

⁸¹⁹ Ушаков Н. Описание атаки русских войск на Кадыкийские высоты 13-го (25-го) октября 1854 года//Материалы по истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. IV. СПб., 1872 г. С. 37.

⁸²⁰ Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 годов. Том III. СПб., 1876 г. С. 115–117.

⁸²¹ Ушаков Н. Описание атаки русских войск на Кадыкийские высоты 13-го (25-го) октября 1854 года//Материалы по истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. IV. СПб., 1872 г. С. 37.

⁸²² Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 годов. Том III. СПб., 1876 г. С. 112–113.

В резерве Жабокрицкого, правее основных сил кавалерии Рыжова, стояли дивизион веймарцев и 2 сотни Донского №60 казачьего полка полковника Попова.⁸²³

Без сомнения, подобное построение войск меньше всего напоминало позицию, предназначенную для отражения неприятеля со стороны Сапун-горы. Похоже, Липранди, посчитавший задачу дня выполненной, начал устраиваться на занятых высотах и уж если и предполагал угрозу, то лишь со стороны Балаклавы, в сторону которой и были повернуты стволы большинства орудий.

Никто и не предполагал, что произойдет уже совсем скоро, но волею Всевышнего расположение русской артиллерии напоминало эшафот, на который должен был взойти приговоренный к смерти. Впереди блестит орудийным металлом гильотина. справа и слева поблескивают таким же металлом палачи, которые не дадут убежать. а перед всей этой красотой, явно уважением к заслугам приговоренного, расстилась долина, «идеально подходившая для действий кавалерии».⁸²⁴

Пусть простит меня читатель за такую аллегорию, но уже в те времена идеальной позицией артиллерии считалась та, «...впереди которой местность открытая и слегка склоняется к стороне неприятеля».⁸²⁵

РОКОВОЕ РЕШЕНИЕ

Хотя исследователи в своем большинстве используют словосочетание «роковой приказ», мы все-таки должны представлять, что любой приказ в военном деле есть лишь команда к исполнению принятого решения. Говоря о роковом приказе, мы автоматически перекладываем вину на его исполнителей, солдат и офицеров, живых и мертвых, давая «люфт» и лазейку для оправдания отправивших их на бессмысленную гибель: не смогли, не сумели, не так поняли, не так исполнили...

Решение же есть изначальное действие начальника и именно за него он несет ответственность. Именно за совершенно глупое решение Раглана, вылившееся в приказ на атаку Легкой бригаде, и должен был он нести ответственность. К своему счастью, лорд ушел в мир иной, а те, кто все-таки предстал перед судом, успешно свалили все на покойника, точнее, на двух лиц этой категории.

К чести англичан, военное руководство, тупо прошедшее Балаклавское сражение и упорно прикрывавшееся храбростью солдат и офицеров, до настоящего времени оценивается в большинстве случаев правильно. По воспоминаниям севастопольского современного переводчика и историка Михаила Юрлова, «...в 1995 г. впервые в Украину приезжал наследный принц британской короны Чарльз... Мы называли имена генералов лорда Раглана, Лукана, Кардигана, руководивших битвой 1854 года.. Один из сопровождавших принца высокопоставленных британских сотрудников во

⁸²³ Донесение генерал-адъютанту князю Меншикову начальника 12-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Липранди, от 14-го октября, №3.076//Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. Под ред. Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 24.

⁸²⁴ McClellan, George Brinton. The armies of Europe: comprising descriptions in detail of the military systems of England, France, Russia, Prussia, Austria, and Sardinia; adapting their advantages to all arms of the United States service and embodying the report of observations in Europe during the Crimean war, as military commissioner from the United States government, in 1855–56. Philadelphia. 1861. P. 13–14.

⁸²⁵ Руководства для обучения французской армии//Военный сборник. №3. СПб., 1870 г. С. 53.

Атака Легкой бригады. Бой за батарею. Английский рисунок сер. XIX в.

время паузы мне на ухо шепнул: «В Британии не уважают этих генералов, не стоит о них рассказывать принцу».⁸²⁶

Принятию решения предшествует оценка обстановки, которую Раглан, едва справляясь с волнением, пытался сделать примерно с 8 часов утра. К 10 часам английский главнокомандующий успокоился, убедившись после подхода Гвардейской и 4-й дивизий,⁸²⁷ что Балаклава прикрыта, а русские не демонстрируют никакого намерения ее атаковать. Внушали оптимизм и подоспевшие вовремя силы французов.

Решив, что пора делать ответный ход, Раглан спешно приготовил свой первый в этот день приказ Лукану, в котором приказывал Кавалерийской дивизии попытаться восстановить при поддержке пехоты утерянные позиции. Однако этот приказ так и остался на бумаге,⁸²⁸ ибо после некоторого затишья русские начали делать то, что привлекло внимание английского главнокомандующего.

Со своего места Раглан наблюдал, как русские развернули 8-орудийную батарею поперек Балаклавской долины («перпендикулярно редуту № 2»), а рядом с редутом —

⁸²⁶ Юрлов М. Литературное расследование: «Атака» или обвинение? К истории одного известного британского стихотворения// «Крымская война»: история и уроки. 1853–1856 гг.». Научный сборник. Материалы Международной научной военно-исторической конференции. Севастополь, 2013 г. С. 156.

⁸²⁷ Woods I. A. The Past Campaign: A Sketch of the War in the East, from the Departure of Lord Raglan to the Capture of Sevastopol. Vol. II. London. 1855. P. 76–77.

⁸²⁸ Woods I. A. The Past Campaign: A Sketch of the War in the East, from the Departure of Lord Raglan to the Capture of Sevastopol. Vol. II. London. 1855. P. 77–78.

6-орудийную,⁸²⁹ логично восприняв это как усиление их оборонительной линии. За этими батареями выстроились массы кавалерии.⁸³⁰ В оптическую трубу он заметил активность русских на редуте №1, расцененную им как попытку увоза в тыл захваченных орудий.

Свое решение, как говорит Руссе, английский командующий определял не столько с точки зрения военной необходимости, сколько с точки зрения государственного чиновника, которым, по сути, и был. Его ход мысли говорил, что пушки являлись собственностью империи и дать врагу безнаказанно увести их является для чиновника, представляющего интересы империи и королевы в этой дикой стране, пожизненным позором.⁸³¹

Взяв на Альме две русские пушки, англичане в считанные минуты остались без девяти или даже одиннадцати. Думаю, что они не так сильно переживали бы из случившегося, все-таки передали их в «аренду» туркам, которых не считали за полноценных солдат, если бы не одно «но»...

Выше мы упоминали, что орудия эти были сняты с корабля Королевского флота HMS "Diamond".⁸³² Хотя и это только часть беды, мало ли что и с какого корабля сняли? Главное, что могло повергнуть англичан в печаль и тоску, это то, что командовал этим новейшим (построен в 1848 г.)⁸³³ кораблем кептен Вильям Пиль, сын одного из известнейших политиков Великобритании, дважды исполнявшего обязанности премьер-министра Роберта Пила.

Это был не просто удар, скорее, пинок по самолюбию, тем более что сам младший Пиль мог вполне четко через хорошую оптику созерцать, что как только день перестал быть ночью, так с первыми лучами солнца его орудия перестали быть частью вооружения Королевского флота, к могуществу которого был причастен его отец. Сама кампания начиналась для кептена и его корабля неудачно. "Diamond", не выпустив ни одного снаряда по русским в Черном море, стал первым, основательно загндившим его человеческими испражнениями — с него началась эпидемия дизентерии и холеры на Королевском флоте.⁸³⁴ Естественно, что Пиль, не найдя славы на море, ринулся искать ее на суше, подавшись в Морскую бригаду.

Семья Пилей была первой, кто решился на частную финансовую поддержку войны. После упомянутой нещадной критики правительства журналистом «Таймс» Ченери ими была перечислена сумма, по тем временам немалая — 200 фунтов ст. в пользу военного ведомства на нужды армии на востоке. По его же инициативе в рекордный срок был образован фонд, в течение недели собравший 5 000 фунтов, а до конца месяца ожидавший пополнение до 12 000.

И тут такой казус: семья собирает деньги, а казенное имущество преспокойно забирают русские негодяи, а один из лучших и новейших боевых кораблей Королевского флота превращается в портовую шаланду...

Решение созрело. Оно основывалось на трех аргументах в пользу решительной атаки.

⁸²⁹ На самом деле — 8 орудий.

⁸³⁰ Calthorpe, Somerset John Gough. Letters from head-quarters; or, The realities of the war in the Crimea, by an officer of the staff. Vol. London. 1857. P. 312.

⁸³¹ Rousset, Camille. Histoire de la guerre de Crimée. Tome 1. Edition 2. Paris. 1878. P. 336—337.

⁸³² Sweetman, John. Balaclava 1854. Osprey. Campaign series. 6. 1990. P. 32.

⁸³³ [http://www.britainnavy.co.uk/Ships/HMS%20Diamond/HMS%20Diamond%20\(1848\)%207.htm](http://www.britainnavy.co.uk/Ships/HMS%20Diamond/HMS%20Diamond%20(1848)%207.htm)

⁸³⁴ Shepherd, Jon. Crimean Doctors: A History of the British Medical Services in the Crimean War. Liverpool University Press. 1991. P. 103.

- русские заканчивают сражение и не предполагают дальнейшие наступательные действия хотя бы потому, что у них уже не было необходимого численного превосходства;

- русские не будут активно противодействовать потому, что к англичанам подходят 4-я дивизия Каткарта и Гвардейская бригада герцога Кембриджского;

- русские не будут продолжать сражение, потому что к 12 часам на их фланге уже «висели» 2-я дивизия французов и их кавалерия.

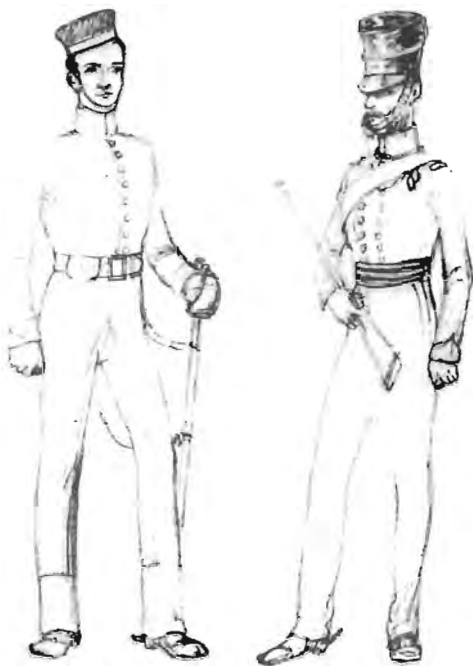
Не стоит большого труда увидеть ошибочность этих выводов.

Что произошло дальше — общеизвестно и до такой степени многократно «разжевано», что повторять его не имеет смысла. Сотни, тысячи раз разбираться, кто, что и каким почерком написал, кто, что и куда повез, кто что забыл и кто что запутал, просто, поверьте мне, скучно. Да я и уверен, что матерый читатель, обнаружив на страницах этой работы очередное переливание из пустого в порожнее, не слишком приветливо высказается об авторе, решившем стать одним из многих.

Сам ход атаки многократно едва ли не по каждому человеку, каждой лошади и даже по отдельным представителям племени офицерских собак проанализирован английскими исследователями. Один из наиболее дотошных — Марк Адкин.⁸³⁵ И потому мы этот акт спектакля пропускаем и переходим сразу к драме: «бестолковее и бессмысленнее этой атаки вряд ли можно что-либо придумать».⁸³⁶

Итак, капитан Нолан, адъютант Эйри, типичный английский сноб и отчаянный малый, всей своей предыдущей службой демонстрировавший желание закончить жизнь со сломанной шеей, блестящий офицер, автор нескольких книг по тактике и подготовке кавалерии⁸³⁷ и «кавалерийский «маньяк», сам вызвался доставить приказ Раглана командиру кавалерийской дивизии лорду Лукану.

Пауэлл из 13-го легкого драгунского полка вспоминал, как к ним «...прискакал смелый и отважный капитан Нолан с приказом от лорда Раглана; лорд Лукан тогда находился справа от нашей шеренги; соответственно, взвод А стоял рядом с ним. К этому взводу принадлежал я, и я четко слышал этот приказ; он был таков: «Легкая бригада

Справа: драгун 13-го легкого драгунского полка в походном снаряжении. Балаклава 1854 г. Рисунок карандашом генерала Вансона. Музей армии. Париж. Слева: драгун 6-го гвардейского драгунского полка. Балаклава 1854 г. Рисунок карандашом генерала Вансона. Музей армии. Париж.

⁸³⁵ Adkin, Mark. The Charge. The Real Reason Why Light Brigade was Lost. Leo Cooper Books. London. 1996.

⁸³⁶ Записки начальника штаба Севастопольского гарнизона князя Виктора Иларионовича Васильчикова//Русский архив. Том 6. М., 1891 г., С. 167–256.

⁸³⁷ Васильев А. Долина смерти. Атака британской Легкой бригады под Балаклавой//Родина. № 3–4. М., 1995 г. С. 54.

выйдет в атаку и захватит орудия, указывая при этом направление, дабы не вышла ошибка, при поддержке французской кавалерии слева и английской пехоты справа. По-моему, у лорда Лукана возникли сомнения. Капитан Нолан сказал: «Вон там орудия, и Ваш долг — их взять!».

Подозвали лорда Кардигана и посоветовались с ним; разговор этот я, разумеется, не слышал. Его Светлость встал в центре нашей шеренги, это между или, скорее, впереди 17-го и 13-го полков, и отдал приказ выйти в наступление.⁸³⁸

Может быть, Пауэлл и не слышал, но Кардиган позже утверждал, что Нолан вопил, как женщина.

Что произошло дальше, наверное, даже лучше описал не Боске своей легендарной фразой «Это красиво, но это не война», а его адъютант Фей: «Это было печальное зрелище».⁸³⁹

Таким образом, линии ошибки сошлись на капитане Нолане, который по своей доброй воле доставил злосчастный приказ, отдававшие который Раглан с Эйри видели, то, чего не могли видеть исполнители, которым предписывалось действовать.

«Проблема была в том, что Лукан действительно не мог понять, чего же от него хотят. Находясь в низине, он в отличие от Раглана не мог видеть того, что творилось за ближайшими холмами. Ему не были видны редуты. И конечно, он не мог наблюдать, как русские артиллеристы забирали с позиций трофейные пушки. Со времени начала боя он не предпринял никаких мер для выяснения обстановки за холмами, которые закрывали участок земли, захваченный русскими. Единственными орудиями, которые находились в поле его зрения, были пушки поддержки русской кавалерии, сосредоточенной в Северной долине».⁸⁴⁰

Вместо того, чтобы идти к захваченным русскими передовым редутам, Кардиган направил бригаду через всю Северную долину, между Федюхиными и Балаклавскими высотами, прямо в расположение российских войск. Бригада образовала три линии. В первой: 17-й уланский и 13-й легкий драгунский полки. Во второй: 11-й гусарский полк. В третьей: 4-й легкий драгунский и 8-й гусарский полки. Кардиган лично возглавил атаку.⁸⁴¹

Перед атакой полк перестроился: первая линия — 11-й, 17-й, 13-й полки; вторая — 4-й и 8-й полки.⁸⁴²

Сменивший раненого Мода, капитан Королевской артиллерии Шекспир описал происходившее в своем письме, которое было опубликовано в "Times" 3 апреля 1855 г.

«...известно, что майор⁸⁴³ Мод тяжело ранен в начале дня и я принял у него командование. ...я перевел свои пушки галопом на левый фланг тяжелой кавалерии во время ее перестроения после боя.

Легкая кавалерия, пройдя вдоль моего строя сзади, оказалась на моем левом фланге. Теперь необходимо сказать, что вся кавалерийская бригада была на равнине на стороне Балаклавских высот, на которых были редуты.

⁸³⁸ «Воспоминания молодого солдата о службе во время Крымской войны», написанные Гарри Пауэллом из бывшего 13-го Легкого драгунского полка (Recollections of a Young Soldier during the Crimean War by Harry Powell, late 13th Light dragons, Oxford, 1876. Перевод с англ. Ординат С. // Military Крым. № 24. Симферополь, 2013 г. С. 14–23.

⁸³⁹ Fay, Charles Alexandre. Souvenirs de la guerre de Crimée, 1854–1856. Paris. 1889. P. 92–93.

⁸⁴⁰ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 168.

⁸⁴¹ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 169.

⁸⁴² Mollo, John and Boris. Into the Valley of Death. The British Cavalry Division at Balaclava 1854. London. 1991. P. 28.

⁸⁴³ При Балаклаве Мод капитан.

Эпизод атаки Легкой бригады 13(25) октября 1854 г. Английский рисунок сер. XIX в.

Мой отряд был примерно в 600 ярдах от гребня этих высот. Отдав необходимые распоряжения, я отправился к высотам на разведку. Там я встретил подполковника М'Маһон, генерального интенданта кавалерии. Мы были одни и в наши подзорные трубы рассматривали русскую артиллерию в кустах на противоположных высотах по всей второй равнине. Расстояние до них было около 1500 метров.

Я насчитал 10 орудий; были и другие орудия далее слева от них. Были кавалерия, пехота и артиллерия на равнине, почти за милю. Я знал, что русские занимают редуты №№ 1, 2 и 3, они были напротив нас.

Капитан Чартерис подъехал к нам, он сопровождался, как я помню, капитаном Метью с винтового парохода «Коломбо» и сказал: «Вы увидите что-то сейчас; Легкая кавалерия идет в атаку вниз на равнину».

Я воскликнул: «Вы все будете уничтожены. Я пойду и соберу отряд, чтобы попытаться оказать поддержку».

Поскакав назад, я увидел лорда Лукана, у которого спросил: «Вы позволите мне пойти в поддержке легкой кавалерии?». Генерал-майор Скарлет был рядом и сказал: «Конечно».

Мной была дана команда батарее — и мы двинулись рысью, держа в видимости задние полки легкой кавалерии, которые вскоре выскользнули из поля зрения за высотами. Лошади батареи устали и уменьшились числом, поэтому продвижение наше было замедленно, вскоре мы перешли на шаг. Шотландские Серые прошли перед нами и были остановлены у подножия высот. Я провел батарею через их интервалы между эскадронами. В это время майор Уокер, адъютант лорда Лукана, подъехал ко

мне с задачей, как он сказал мне после сражения, передать направление для движения.

Я прекрасно помню его разговор со мной, но не помню этого приказа. Впоследствии, майор Уокер, говоря мне по этому вопросу, сказал, что этим спас мне жизнь.

Я прошел не далее высот с батареей, когда по нам был открыт сильный огонь. К счастью, безрезультатный, артиллерией с противоположных высот. Ответить им мы не могли, дистанция была слишком большой для наших пушек. Скомандовав «колеса вправо!», батарея попыталась пройти вдоль гребня Балаклавских высот, прикрывшись ими от огня русских пушек, но не смогла сделать этого, уткнувшись во фланг кавалерии...

Мы последовали за тяжелой кавалерией, которая двинулась вниз на равнину, в поддержку легкой кавалерии. Огонь в это время с русского фронта и флангов был сильнейшим. Я остановился на мгновение в тылу тяжелой кавалерии, но не будучи в состоянии использовать орудия, предчувствуя беду и понимая, что исчезающий в долине отряд обречен на верную гибель, опасаясь второго *Chilianwallah*, отошел назад».⁸⁴⁴

Плохие предчувствия Шекспира оправдались через минуту, когда пройдя Северную долину, англичане получили сначала картечь в свой левый фланг, а затем почти одновременно над ними стала рваться шрапнель.

Но главное бедствие еще только поджидало их. В долине Черной, где между Федюхиными и Балаклавскими высотами расположились легкая № 12-го конная и батарея № 3-го Донская батареи. Последняя перекрывала фронтом долину.

За ее правым флангом уступом стояли гусары Лейхтенбергского и Саксен-Веймарского полков в эскадронных колоннах. Рядом развернутым фронтом у подножия Федюхиных высот стоял Уральский № 1 казачий полк. На правом фланге уральцев, под прямым углом к ним, стоял эскадрон 12-го гусарского Гросс-Герцога Саксен-Веймарского (Ингерманландского) полка. У редута № 1, скрытые кустарником, расположились эскадроны Сводного уланского полка. В тылу проходила река Черная, канал и перекинутый через него мост.⁸⁴⁵

Казачья сотня войскового старшины Конькова расположилась правее уральцев.⁸⁴⁶

ДЕРБИ ПОД ШРАПНЕЛЬЮ

Действия русской артиллерии в сражении под Балаклавой — тема гораздо более интересная и поучительная, чем очередное «пережевывание» идиотизма английских командиров. Прошу не воспринимать это как оскорбление, так периодически называют это сумасшедшее предприятие сами англичане. Стрельба по английской кавалерии — лучшее доказательство высочайшего качества подготовки русской артиллерии.

К сожалению, у меня не получится сделать новое открытие, в корне меняющее ситуацию. Но в одном я все-таки постараюсь быть оригинальным. Давайте попробуем вернуть все на круги своя и посмотреть на происходившее не с точки зрения

⁸⁴⁴ Шекспир намекает на сражение при Чилинваллахе во время второй англо-сикхской войны в Пенджабе 13 января 1849 г. В этом сражении английская кавалерия увлеклась атакой, получила удар в тыл и потеряла сопровождавшую ее конную артиллерию.

⁸⁴⁵ Арбузов Е. Ф. Воспоминания о кампании на Крымском полуострове в 1854 и 1855 годах // Военный сборник. № 4. СПб., 1874 г. С. 389–410.

⁸⁴⁶ Калинин Б. М. Материал для истории Донской артиллерии. Новочеркасск, 1907 г. С. 147.

жертвенности и героизма лучшей в мире кавалерии, а с точки зрения профессионализма лучшей в мире артиллерии.

Легкая бригада вышла на старт своего дерби, выстроившись в две линии. В первой — 11-й, 17-й и 13-й полки, во второй — 4-й и 8-й. Примерно в 2–2,5 км от них в глубине долины виднелась цель атаки — русская артиллерия, за которой темнели массы кавалерии. Около минуты ничего не предвещало беды, сохраняя порядок, бригада с невозмутимым Кардиганом во главе, набирая скорость, шла по долине.

Разумно считая, что англичане будут атаковать один из потерянных турками редутов, Одесский полк построился в батальонные каре, оставив открытым сектор для 8 орудий стоявшей рядом батареи. По склонам прилегающих к долине высот рассыпались стрелки.

Через минуту, понявший, что совершена роковая ошибка и бригада идет к неминуемой гибели, Нолан попытался исправить случившееся и остановить атаку. Но 25-е октября было явно не английским. Вопли Нолана «заткнула» разорвавшаяся над кавалерией шрапнель. Капитан свалился с разорванной грудью.

Первые выстрелы по английской кавалерии произвели с правого и левого флангов две батареи: батареей № 1 и легкой № 7, расположенные на Федюхиных высотах и на редуте № 3: «Атака английской кавалерии, которая велась с примерно быстротой и решительностью, нисколько не засуетила действовавшую по ней легкую № 7 батарею, успевшую произвести две очереди картечных выстрелов».⁸⁴⁷

Русские артиллеристы всегда имели главным принципом стрельбы по кавалерии сделать максимальное количество выстрелов за минимальное время.⁸⁴⁸

Для батареей № 1 батареи предоставилась возможность отомстить за Альму, за погибших артиллеристов и за два взятых там англичанами орудия. И этой возможностью русские воспользовались в полной мере, тем более что англичане сами давали такую возможность.

Над головами солдат Легкой бригады с оглушительным звоном стали рваться гранаты. Условия для стрельбы были почти идеальными. Капрал Морли из 17-го уланского сетовал, что наступать пришлось по идеально ровной местности почти без естественных прикритий и почти каждый залп производил ужасный по разрушительности эффект. Адкин считает, что столь больших потерь можно было бы избежать в двух случаях: если бы атака, как того требовала тактика кавалерии, была подготовлена артиллерийским огнем и если бы действия конницы поддерживали две батареи конной артиллерии, как то и предполагалось. Сержант Смит из 11-го

Атака Легкой бригады. Современный рисунок.

⁸⁴⁷ Ушаков Н. Описание атаки русских войск на Кадыкийские высоты 13-го (25-го) октября 1854 года/Материалы по истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. IV. СПб., 1872 г. С. 37.

⁸⁴⁸ Рейсих. Несколько слов о конной артиллерии/Морской сборник. Том XL. № 4. СПб., 1859 г. С. 95.

гусарского полка говорил, подтверждая вышесказанное, что если бы английские батареи хотя бы несколько минут обстреливали русскую артиллерию, то результат мог бы быть другим.

Однако ни того, ни другого не было выполнено и прекрасная кавалерийская бригада была бездумно отдана на растерзание русской артиллерии, которая максимально воспользовалась предоставленной возможностью.

Вот сведения по одному из полков, и это далеко не полные данные: «Правофланговый взвод 13-го полка пострадал больше других от ружейных пуль с нашего правого фланга. Капитан Олдхэм, старший офицер 13-го полка, в то время ехавший на очень красивой лошади серой масти, был убит вместе с ней от разрыва снаряда. Лейтенант Монтгомери из того же взвода тоже был убит; был убит капитан Гоуд, а его брат был ранен этим утром».⁸⁴⁹

Отличились в истреблении британцев стрелки 6-го стрелкового батальона майора Аминова, уже получившие опыт стрельбы по союзникам во время сражения на Альме. Практика пошла им на пользу: 3-я и 4-я роты, «...скрытые в колючих кустах, покрывавших место схватки, стрелки как были рассыпаны в цепь, так и встретили молодецким огнем атаку неприятельской конницы...».⁸⁵⁰

Первыми в дело пошли картечные гранаты. Уже доказавшие свою эффективность на Альме, когда англичане буквально выкосили ими сомкнутые ряды батальонных колонн Владимирского пехотного полка, эти снаряды вновь продемонстрировали, что списывать артиллерию в запас преждевременно.

Картечные гранаты как новый вид снаряда для поражения живой силы причислены к изобретениям английского артиллериста капитана Генри Шрэпнела. В 1803 г. гранаты конструкции Шрэпнела были приняты на вооружение Британской армии. Они довольно быстро продемонстрировали свою эффективность против пехоты и кавалерии. До сих пор снаряд, наполненный пулями, называют шрапнелью, хотя снаряд был изобретен в России за полтора века до появления на свет английского капитана.

Граната представляла прочную полую сферу, внутри которой находились пули и заряд пороха. Отличительной особенностью являлось наличие в корпусе отверстия, в которое вставлялась запальная трубка, изготовленная из дерева и содержащая некоторое количество пороха. Эта трубка служила одновременно запалом и замедлителем. При выстреле еще при нахождении снаряда в канале ствола воспламенялся порох в запальной трубке. При полете снаряда происходило постепенное сгорание пороха в запальной трубке. Когда этот порох выгорал полностью, огонь переходил на пороховой заряд, находящийся в самой гранате, что приводило к взрыву снаряда. В результате взрыва корпус гранаты разрушался на осколки, которые вместе с пулями разлетались в стороны и поражали противника.⁸⁵¹

Важной особенностью конструкции было то, что длину запальной трубки можно было изменять непосредственно перед выстрелом. Таким образом, можно было с определенной точностью добиться подрыва снаряда в желаемом месте.

⁸⁴⁹ «Воспоминания молодого солдата о службе во время Крымской войны», написанные Гарри Пауэллом из бывшего 13-го Легкого драгунского полка (*Recollections of a Young Soldier during the Crimean War by Harry Powell, late 13th Light dragons, Oxford, 1876*). Перевод с англ. Ординат С. // *Military Крым*. № 24. Симферополь, 2013 г. С. 14–23.

⁸⁵⁰ Краткая история 16-го стрелкового Императора Александра III полка. Одесса, 1904 г. С. 7–8.

⁸⁵¹ Никифоров Н. Н., Туркин П. И., Жеребцов А. А., Галиенко С. Г. Артиллерия. Под ред. Чистякова М. Н. М., 1953 г. С. 162–164.

Атака Легкой бригады. Рисунок Томаса Баркера. Явная фантазия автора по теме личного участия генерала Кардигана в бою под Балаклавой.

Шрапнель прекрасно показала себя в Крымской войне. Этой теме посвящена прекрасная книга генерала Бормана, изданная в Брюсселе в 1862 г.⁸⁵² Современные исследователи часто упускают из виду применение шрапнели в то время. Она использовалась артиллерией и в полевых условиях, и даже в условиях крепостной войны. В 1855 г. англичане использовали шрапнельные снаряды даже для 68-фунтовых пушек. По воспоминаниям очевидцев, разрывы шрапнели буквально смели с бруствера Третьего бастиона русских пехотинцев во время летнего штурма Севастополя.⁸⁵³

Возвращаемся на поле боя. Англичан было откровенно жалко: «...Войска наши смеясь смотрели на это похождение, осыпая безумцев картечью и пулями, сознавая, что эта горсть всадников совершает перед ними бесцельное ристание для потехи вероятно своему начальству, наблюдавшему с высоты за прекрасной картиной».⁸⁵⁴

Особенно страдали их фланги, строй инстинктивно сжимался к центру и, таким образом, русская артиллерия, сама того не желая, помогала всадникам держать подобию строя. Орудия тут же перешли на ушаченный огонь, но остановить приближав-

⁸⁵² Bormann, Charles Guillaume. The shrapnel shell in England and in Belgium: with some reflections on the use of this projectile in the late Crimean War: a historico-technical sketch. Brussels. 1862.

⁸⁵³ Bormann, Charles Guillaume. The shrapnel shell in England and in Belgium: with some reflections on the use of this projectile in the late Crimean War: a historico-technical sketch. Brussels. 1862. P. 72–73.

⁸⁵⁴ Записки начальника штаба Севастопольского гарнизона князя Виктора Иларионовича Васильчикова//Русский архив. Том 6. М., 1891 г., С. 167–256.

шихся британцев уже не могла, хотя и наносила им заметные потери, заставляя то и дело смыкать разорванный строй.

12 орудий с Федюхиных высот «попотчевали» англичан 60–70 снарядами. 8 орудий Боженова от редута № 3 встретили гостей немного скромнее — примерно 30–40 выстрелами. Но эффективность огня значительно увеличивалась, потому что он был фланговым, и едва ли не каждый снаряд, картечь, шрапнель или граната находили свои жертвы. В этом случае картечные гранаты оказались идеальным боеприпасом, выполнив свое предназначение для огня по сомкнутым строям пехоты или кавалерии.⁸⁵⁵

Обезумевшая масса людей и лошадей перестала быть управляемой. Ни о каком повороте назад речи не было — в тылу оглушительно лопались гранаты, подгоняя бригаду на эшафот, которым должна была стать Донская батарея.

Тяжелая бригада, которая вначале храбро рванула вслед за Легкой, вскоре была остановлена Скарлетом, который не решился атаковать под выстрелами в упор и с нескольких направлений. Потеряв нескольких человек из первой линии, Тяжелые отошли. Очевидцы описали возвращение раненного Серого, ковылявшего на лошади. Она хотя и не была ранена, но всем своим видом показывала, как ей жалко хозяина. Бедный парень, умирая, наклонился на луку седла, его бледное агонизирующее лицо виднелось из-под огромной медвежьей шапки. Вся лошадь была покрыта кровью, и казалось, животное понимало, что везет на себе умирающего хозяина.

Ему не повезло, но еще большему количеству английских солдат вскоре не повезет точно так же.

Перед самой батареей боевой порядок британцев изменился. По-прежнему рядом держались 17-й и 13-й полки. На левом фланге отстал страдавший от русской артиллерии с Федюхиных высот 11-й гусарский.

Линия 4-го и 8-го полков распалась. 4-й вырвался вперед, 8-й потерялся в дыму: какое-то время его никто не видел.

ПУТЬ НА ЭШАФОТ

Финальный акт Легкой бригаде сыграла картечь Донской батареей № 3 батареи большая часть которой досталась 13-му легкому драгунскому полку. После этого более-менее стройная атака превратилась в сумбурное действие, завершившееся разгромом. Никакая храбрость не может устоять против металлического урагана. Расстрел Владимирского пехотного полка на Альме месяцем ранее убедительно доказал, что не подготовленная атака пехоты или кавалерии против нескольких батарей, действующих особенно продольным огнем во фланг — это безумие, а если добавляется сильная фронтальная батарея — уже преступление. Если следовать этой истине, определенной законами военного искусства и доказанной кровью, то не остановивший бригаду после первого залпа русской артиллерии Кардиган — преступник, лично виновный в гибели своих солдат и офицеров.

Донскую батарею мы помним по прекрасной ее работе на Альме. Отличный командир, великолепно подготовленный личный состав, связанный не столько служебными, сколько традиционными для казачества крепкими станично-семейными узами:

⁸⁵⁵ Рудуловский В. И. Исторический очерк развития трубок и взрывателей от начала их применения до конца мировой войны 1914–1918 гг. Киев., 1940 г. С. 11.

Командир батареи в Балаклавском сражении — есаул Г.И.Поздеев. 1-й дивизион под командованием сотника Анисима Матвеевича Ребинина, 2-й — сотник Пономарев. В строю такие заслуженные ветераны, как, например, урядник Антип Еремкин, награжденный за Альзу Знаком отличия.⁸⁵⁶

По казачьим понятиям, иррегулярная артиллерия не была элитой. В ней для казаков служба была совсем не такой почетной, как для их армейских коллег. Казак любым путем стремился не попасть в батареи по нескольким причинам. Во-первых, гораздо более занятое службой время, объем учебы был достаточно высоким, а с учетом времени для ухода за орудиями, оружием, снаряжением и лошадьми, казачья вольница — привычный уклад повседневной жизни — отсутствовала. Во-вторых, что было, пожалуй, важнейшим, если полки стояли рядом с родными станицами, не более чем в 15–20 верстах от них, то служба в артиллерии проходила на значительном удалении от семей. С другой стороны, казачья артиллерия имела свои сильные стороны: казаки-номера орудийных расчетов были более сметливыми, скорее обучаемыми, а офицеры, как ни странно, имели в своей среде больше людей образованных.⁸⁵⁷

Огонь казаки-артиллеристы открыли, едва только британская кавалерия оказалась в зоне видимости. В общей сложности стреляли они недолго — не более 3 минут, при этом примерно две последние минуты они были единственными, кто осыпал снарядами Легкую бригаду.

При приближении к батарее на 200 м донские артиллеристы перешли на картечь и успели в общей сложности произвести 32 выстрела.⁸⁵⁸ Общее количество выпущенных ими снарядов оценивается от 80 до 100. Темп стрельбы, таким образом, достигал 3 выстрелов в минуту.

Судя по всему, в последнюю минуту казаки стреляли, не выбавивая орудия и без накатывания, что уже после Крымской войны рекомендовалось делать при стрельбе картечью по атакующей кавалерии на дистанции менее 300 саж.⁸⁵⁹

Как ни странно, но именно залпы во фронт спасли многих англичан от гибели. Обезумившие лошади начали разворачиваться и выносить всадников из огня. Но большая часть британцев все-таки оказалась на батарее, и чтобы выжить, им пришлось драться.

СХВАТКА ЗА БАТАРЕЮ

Сделав последний залп, командир 1-го дивизиона Донской батареи сотник Ребинин приказал ставить орудия на передки и уводить с поля боя. Команда запоздала, англичане были на батарее, орудия завязли: «...дивизиону хотя и подали вовремя передки, но сотник Ребинин, вместо того чтобы взять «назад на передки», взял «на отвозы», хобота запахали землю — и усталые лошади стали».⁸⁶⁰

Батарея разделилась на две части. Половина осталась на позиции, половина безуспешно пыталась вывезти пушки. Происходившее дальше стало одним из самых жестоких эпизодов сражения. Казаки сцепились с британскими кавалеристами, пустив

⁸⁵⁶ Воспоминания артиллериста//Армии и битвы. № 12. М., 2009 г. С. 43–48.

⁸⁵⁷ Сафонов И. Заметки по поводу статьи Г. Н. Вакульского «Несколько слов о конно-артиллерийской бригаде Кавказского казачьего линейного войска»//Военный сборник. № 12. СПб., 1859 г. С. 373–394.

⁸⁵⁸ Калинин Б. М. Материал для истории Донской артиллерии. Новочеркасск, 1907 г. С. 147.

⁸⁵⁹ Рейсх. Несколько слов о конной артиллерии//Морской сборник. Том XL. № 4. СПб., 1859 г. С. 96.

⁸⁶⁰ Калинин Б. М. Материал для истории Донской артиллерии. Новочеркасск, 1907 г. С. 148.

в ход все, что было под руками и что было пригодно для убийства: «окруженный англичанами дивизион защищался чем мог».⁸⁶¹ Это был один из самых жестоких и бескомпромиссных поединков Крымской кампании.

С начала атаки прошло всего лишь 8 минут, за которые, положив сотню людей и лошадей, Легкая бригада донеслась сквозь ливень смертоносного металла к своей цели. Первыми на батарею ворвались уланы 17-го и легкие драгуны 13-го полка. 11-й гусарский пронесся мимо и врезался в ряды русской кавалерии.

Уланы и драгуны были в том страшном состоянии, когда смесь возбуждения и стресса превращает страх в безжалостную ярость, а жизнь своя или чужая становится лишь мелкой разменной монетой. Получив последний залп в упор, свалив на землю множество всадников и лошадей первой линии, кавалеристы видели свое спасение в ближней схватке и стремились как можно скорее вцепиться в батарею. Но донские артиллеристы оказались «твердым орешком». Вцепившись в пушки, они и не думали их отдавать задешево. Потому, едва оказавшись на батарее, английские кавалеристы сделали то, что должны были сделать — убрали бесполезные сабли и достали револьверы.⁸⁶²

Английские уланы не долго «бушевали» на батарее, буквально в минуту проскочив через нее. Но уже далеко не все. Если верить сержанту 13-го полка Смиту, его товарищам не удалось проскочить батарею и они ввязались в затяжную драку на позиции. Смит отставил прекрасную схему боя, на которой его путь заканчивается у казачьих пушек.⁸⁶³

Зачищать ее пришлось эскадронам второй линии, и именно тогда схватка за орудия достигла апогея. Рядовой Роберт Фергюсон из 4-го легкого драгунского полка следовал за своим командиром капитаном Лоу. На его глазах на батарее тот из револьвера открыл огонь по двум русским артиллеристам, первыми оказавшимся на его пути. Кинглейк не оставил без внимания действия капитана: «Был один из наших офицеров, которого охватила ярость от вида человеческой крови, кровавое безумие».

Судя по всему, Лоу действительно впал в ярость и всю бушевал на батарее. Ему приписывают не менее 13 убитых русских солдат, что, конечно, маловероятно. В этом случае придется признать, что офицер в одиночку справился со всей артиллерийской прислужкой. Хотя Пембертон, сам участвовавший в бою, и был впечатлен этой цифрой, точно знать ее он мог только с чьих-то слов.

Нужно сказать, что британский эпос породил немало подобных былинных героев. Сержант этого же полка Шорт описал, как лейтенант Джолиф из револьвера разогнал русских артиллеристов, бросившихся, пользуясь тем, что первая и вторая линии кавалеристов проскочили через батарею, к орудиям. При этом отставной сержант утверждал, что видел, как офицер уложил шестерых из них.⁸⁶⁴

Похоже, что кровавый подвиг Лоу породил целый цикл «охотничьих рассказов», при этом кажется нет ни одного выжившего английского кавалериста, который не захватил бы хотя бы одну русскую пушку, предварительно перестреляв или изрубив ее прислужку.

⁸⁶¹ Калинин Б. М. Материал для истории Донской артиллерии. Новочеркасск, 1907 г. С. 148.

⁸⁶² Hew Strachan From Waterloo to Balaclava: tactics, technology, and the British army, 1815–1854 CUP Archive, 1985 P. 63.

⁸⁶³ Mollo, John and Boris. Into the Valley of Death. The British Cavalry Division at Balaclava 1854. London. 1991. P. 28–30.

⁸⁶⁴ <http://www.dnw.co.uk/medals/auctionarchive/>

Балаклавское сражение. Английский рисунок.

Выглядит все это сомнительно, но похоже, что о потерях артиллеристов мы еще скажем. Нет сомнения, что драгунам Педжета действительно довелось провести «за-чистку» батареи, чем хоть несколько, но предотвратить выстрелы вдогонку уже при отступлении. У британцев вообще многое выглядит невероятно, а иногда они нормальное выдают за победное. Тот же Калторп, видно по рассказам тех, кто в бою на батарее был, пишет, что кавалеристы успешно загнали трусливых русских под пушки и те там дружно попрятались.⁸⁶⁵

Звучит красиво! Но ведь это и есть то, что предписывается солдату при встрече неприятеля на батарее в данной ситуации. Это как примерно в современной войне опытному пехотинцу танк пропустить через себя, а потом бить его, любезного, в корму.

Русские в долгу не оставались. Казак Студенкин, «...обладавая большой физической силой, наносил англичанам страшные удары банником, уложил 8 человек и спас сотника Ребинина, когда на него накинлось несколько кавалеристов, нанесших ему две раны в шею и одну уколom палаша в правый бок». Ездовому 1-го орудия «...казаку Вешенской станицы Никулину англичанин пробил пикой горло; он потерял голос, но и теперь жив».⁸⁶⁶

Что касается не только боя на батарее, но и войны вообще, особенно в контексте массовых рукопашных свалок, то, рассматривая эту проблему, нужно максимально абстрагироваться от привычных штампов, которыми изобилует военный эпос. Дело

⁸⁶⁵ Calthorpe, Somerset John Gough. Letters from head-quarters; or, The realities of the war in the Crimea, by an officer of the staff. Vol I. London. 1857. P. 317–318.

⁸⁶⁶ Калинин Б. М. Материал для истории Донской артиллерии. Новочеркасск, 1907 г. С. 148.

Револьвер Дин-Адамса обр. 1851 г. Был на вооружении у офицеров Легкой бригады во время Крымской войны.

в том, что почти все люди, даже если они одеты в униформу и имеют оружие — не герои. Каждый имеет свои страхи, среди которых страх смерти является доминирующим. Бой на короткой и сверхкороткой дистанции — это апофеоз войны. И даже если в какой-то армии утверждают, что этот бой — любимое занятие ее солдат, основополагающий элемент ее тактики — это легкий блеф.

В том же фехтовании выпад — это не есть укол, это резкое сокращение дистанции с угрозой оружием. Так и в войне. Если армия громко говорит, что ее любимый бой — это рукопашный, штык — вообще молодец, а пуля — полная дура, подобное может означать лишь то, что в войсках есть готовность в любой ситуации резкими бросками сокращать дистанцию с неприятелем до той самой короткой или сверхкороткой. Это хорошая армия.

Если в армии любовь к штыковому бою преподносят как тактику безумного движения вперед невзирая на потери — это глупость. Это, соответственно, плохая армия.

Солдат, поступая в армию, не готовится стать героем, к этой участи готовились японские камикадзе, но и это не спасло страну от поражения от не самых героических, но очень высокомерных и хорошо оснащенных американских солдат. Солдат, поступая в армию, готовится стать профессионалом и вести бой под руководством профессионалов, которыми должны быть его командиры. Он, как английские кавалеристы под Балаклавой, не нанимался тупо атаковать артиллерийские позиции, с первых шагов оказавшись в «огневом мешке». И смертельная драка между пушками не есть апофеоз воинского искусства, а скорее фатальная ошибка, следствие чьей-то ошибки.

Судя по воспоминаниям сержанта Смита, остальные орудия и передки не ушли далеко, а растянулись. По его же воспоминаниям, с этого момента никакого порядка в бригаде, точнее, в 4-х ее полках, не оставалось. 11-й гусарский умчался с русскими к Черной речке. 13-й, 17-й и 4-й рассеялись на батарее и за ней.

Пока кавалеристы возились с 1-м дивизионом, казаки которого никак не хотели бросить застрявшие орудия, 2-й дивизион сотника Пономарева успел взять «на передки» и своевременно отъехать. Осталось лишь 5-е орудие, где запутались лошади. Находившийся при нем хорунжий Калинин с людьми сумели распутать постромки, но проехав примерно 50 саж., сами оказались окруженными кавалеристами.⁸⁶⁷

Калинин в отличие от многих точно описал происшедшее дальше: «Один из них занес уже свой длинный палаш над моей головой, но казак Попов шашкой закрыл меня, а номер с банником казак Шерстюгин выстрелом из пистолета ранил ему руку. Подняв палаш раненого, я так сильно ударил им лошадь по переносице, что она взвилась на дыбы и свалила всадника на землю, где его прикололи казаки».⁸⁶⁸

⁸⁶⁷ Калинин почему-то упорно именует их кирасирами.

⁸⁶⁸ Калинин Б. М. Материал для истории Донской артиллерии. Новочеркасск, 1907 г. С. 148.

Кстати, обратим внимание на этот короткий, но содержательный рассказ. Как видим, здесь не много эпоса, но много практики. Два предложения — и детально описаны ход схватки, примененное участниками оружие и итог. Никто не совершает пируэтов и в прыжке не передает офицеру оружие. Даже «номер с банником» не начинает махать им над головой, десятками валя неприятелей, как непременно изобразили бы его художники-баталисты, а решает проблему самым удобным и надежным способом — выстрелом из пистолета. Да и упавшему на землю англичанину не подают дружески руку (война же последняя, рыцарская), а делают то, что нужно делать с врагом, когда бой еще не закончен — прикалывают.

Прости, брат, скифы мы...

Дальнейшее с трудом поддается объяснению, но в то же время характеризует сплоченность иррегулярной артиллерии, где чины были не только сослуживцами, но и часто земляками, одностаничниками.

Когда Пономарев убедился, что орудия 2-го дивизиона вывозятся, он со всеми не занятыми выносом имущества казаками бросился выручать застрявший 1-й дивизион. Вместе с казаками-артиллеристами на батарею примчались находившиеся рядом и не поддавшиеся всеобщей панике казаки сотни войскового старшины Порфирия Конькова. Теперь ситуация поменялась кардинально. Кавалеристов на батарее осталось к тому времени немного, в основном раненные, контуженные или сбитые с лошадей. Возле пушек началось «...поголовное истребление англичан, которые, потеряв сознание, носились по полю и погибали».⁸⁶⁹

Пощады никто никому не давал. Русские быстро поняли, что самое уязвимое место кавалерии в ближнем бою не всадник, а лошадь. Несчастные животные на себе испытали всю жестокость войны.

Горнист Пауэлл еле выжил в схватке: «Я чудом уцелел: пуля попала в правую верхнюю пуговицу моего мундира, от которой отскочила и порезала внизу мундир, словно острым ножом, слегка коснувшись горла; мою лошадь подстрелили в переднюю правую ногу, в верхней части; однако она смогла пронести меня в атаку и вынести меня обратно».

Множество англичан оказалось спешенными на батарее.⁸⁷⁰ Корнет 17-го уланского полка Кливленд сражался с одним из донских артиллеристов, когда его лошадь была ранена в ногу тесаком, после чего он с трудом мог заставить ее двигаться. Тут корнета атаковали три казака — он ранил первого из них, но получил от второго удар пикой сквозь лядунку, а от третьего — укол в ребро.⁸⁷¹

Орудия казаки не только отстояли, но и не дали ни одно из них вывести из строя.⁸⁷² Более того, трофеями артиллеристов стали 6 пленных и 45 лошадей. На следующий день Великие Князья, объезжая войска, в особенности благодарили казаков Донской №3 батареейной батареей.⁸⁷³

Странно подошел к распределению доблести и подлости Рассел. С чисто колониальным пониманием роли англичан в мировой военной истории он выдает поразительное заключение: «...но тут у нас на глазах свершилась жестокость, не имеющая

⁸⁶⁹ Калинин Б. М. Материал для истории Донской артиллерии. Новочеркасск, 1907 г. С. 148–149.

⁸⁷⁰ The Light Cavalry Brigade in the Crimea Extracts from the Letters and Journal of General Lord George Paget. London. 1881.

⁸⁷¹ Васильев А. Долина смерти. Атака британской Легкой бригады под Балаклавой//Родина. №3–4. М., 1995 г. С. 53–57.

⁸⁷² «Воспоминания молодого солдата о службе во время Крымской войны», написанные Гарри Пауэллом из бывшего 13-го Легкого драгунского полка (Recollections of a Young Soldier during the Crimean War by Harry Powell, late 13th Light dragons, Oxford, 1876). Перевод с англ. Ординат С.//Military Крым. №24. Симферополь, 2013 г. С. 14–23.

⁸⁷³ Калинин Б. М. Материал для истории Донской артиллерии. Новочеркасск, 1907 г. С. 149.

Генерал-лейтенант Кардиган. Во время сражения под Балаклавой — командир Легкой бригады.

аналогов в современной истории цивилизованной войны. Русские артиллеристы, переждав ураган конной атаки, вернулись к орудиям и обрушили смертельные залпы шрапнели и картечи на бьющихся насмерть людей».⁸⁷⁴

Ох уж эти русские варвары! Они не поняли благих намерений храбрых солдат Королевы Виктории и вместо букетов цветов встретили их шрапнелью, а проводили картечью.

ГДЕ ГЕНЕРАЛ?

Вопрос, конечно, интересный. Вскоре его будут задавать не только командиры полков, но и судьи во время процесса. Никто и никогда не получит внятного ответа и вскоре, дабы не портить репутацию аристократии, об этом предпочтут поменьше говорить.

Лорд Кардиган не сильно думал о судьбах своих солдат и, якобы подсказав к батарее, увидев тот кромешный кровавый ад, который творился на ней, решил не искушать судьбу. Генерал вновь нырнул в еще не рассеявшийся дым и поспешил в обратную сторону.⁸⁷⁵ Судьбы своих солдат его вряд ли сильно волновали.

Главное, что его видели рядом с батареей, и можно было не сомневаться, что отныне его образ будет навечно среди героев сражения.

Сомнения по поводу доблести генерала выдвинуты не мной. Еще не рассеялся дым сражений Крымской войны, как о пропаже командира бригады в тот момент, «когда он был особенно нужен» своим солдатам, намекнул подполковник Калторп.⁸⁷⁶ Он же утверждал, что Кардиган остался цел только потому, что бросил бригаду и, не доехав до русских пушек, повернул назад. Весь смысл его поведения в коротком вопросе, который капитан Лоу задал полковнику Педжету: «...Мы в отчаянном положении! Где лорд Кардиган?».

Ответа не последовало. В тот момент, когда бригада нуждалась в командире, его не оказалось. Сам Кардиган все валит на своего якобы испугавшегося коня, который унес его в тыл.⁸⁷⁷ Честно говоря, оправдание слабое, особенно зная, какого уровня конь был под седлом у генерала. Да и сам он наверняка не только слыл опытным кавалеристом, чтобы допустить такое поведение коня.

⁸⁷⁴ Russell, W H. The British Expedition to the Crimea. London. 1858. (<http://archive.org/details/britishexpediti00russgoog>).

⁸⁷⁵ Calthorpe, Somerset John Gough. Letters from head-quarters; or, The realities of the war in the Crimea, by an officer of the staff. Vol I. London. 1857. P.317.

⁸⁷⁶ Calthorpe, Somerset John Gough. Letters from head-quarters; or, The realities of the war in the Crimea, by an officer of the staff. Vol I. London. 1857. P.317–318.

⁸⁷⁷ Calthorpe, Somerset John Gough. Letters from head-quarters; or, The realities of the war in the Crimea, by an officer of the staff. Vol I. London. 1857. P.317–318.

Вопросов к Кардигану много. Если он и повернул назад, оказавшись перед батареями, то как незаметно проскользнул мимо своей второй линии? Если вернулся, то почему не бросился назад, вытаскивать своих солдат?

Он говорит, что был ранен казачьей пикой в ногу, но где он мог наткнуться на казаков? Пики были у улан Еропкина, но он однозначно их не видел, ибо столкновение с уланами случилось южнее. Он говорит, что опасался попасть в плен, но это не повод, чтобы бросить своих людей, не выведя из боя хотя бы нескольких из них, как поступали другие офицеры бригады.

Кардиган будет долго (почти пять лет) писать письма Кинглейку, рисовать ему схемы,⁸⁷⁸ но так до конца жизни и будет под подозрением в своем недостойном командира поведении в сражении под Балаклавой.

Не нам его, конечно, судить. В конце концов, нас там не было. Но уж очень все это похоже на попытки отмыть репутацию, сохранить лицо. Проигравшие сражение командиры часто прикрываются доблестью солдат и храбростью офицеров, понимая, что неискушенному обывателю тонкости военного дела незнакомы, а значит главное для него внешняя сторона события, имя которой подвиг. Потому поражения часто обращаются большим количеством наградений, чем победы.

Вся служба Кардигана в Крыму, его отношение к боевой службе, военная безграмотность, граничащая с глупостью, показное стремление к роскоши ради роскоши, склонность в жизни и хамство к подчиненным в реальности рисуют нам человека, принесшего настолько большие проблемы Английской армии, что через два месяца от него решили избавиться под любым предлогом. Потому, едва у него обнаружили в начале декабря 1854 г. признаки какого-то не самого значительного заболевания, ему тут же дали возможность покинуть Крым.

Перебрав в работе над книгой массу источников (прошу простить, что не перечисляю, но прошу поверить, что это нетрудно), я, не утверждая категорично, все-таки склонен считать, что Кардиган (как, кстати, и Рыжов) своих людей бросил.

КАК БЫЛА ОПРОКИНУТА РУССКАЯ КАВАЛЕРИЯ

Вероятно рекордное количество вопросов, касающихся случившегося на поле под Балаклавой, так или иначе связано с тем, как сравнительно немногочисленным и уже порядком избитым английским кавалеристам удалось опрокинуть и, более того, заставить отступать в беспорядке сначала русских казаков, а затем и гусар. Притом сделала это даже не целая бригада, и даже не ее первая линия, а единственный не самый многочисленный полк — 11-й гусарский.

Начнем с неожиданного: а такая ли уж трагедия — случившееся? На самом деле, нет. Я уже высказывал свое мнение, что гусарам и казакам вообще следовало уступить оставшимся нескольким десяткам дорог, ибо толку от их пребывания в глубоком тылу русских войск не было никакого. Ну порезвились бы немного, да и сдались, или, в лучшем случае, «огородами» пробирались бы к своим. Ничего подобного рейдам Джона Моргана⁸⁷⁹ у них бы все равно не получилось (даже сравнивать смешно), а все, что меньше, было бесполезной тратой времени, людей и лошадей.

⁸⁷⁸ <http://crimeantexts.russianwar.co.uk/topics/car2king.html>

⁸⁷⁹ Джон Хант Морган — легендарный кавалерийский начальник армии южан в Гражданской войне в США. (1861–1865 гг.).

Все горячие споры на тему, кто трус, а кто герой, кто побежал, а кто догонял, в своей сути не имеют под собой никакого смысла. Скорее всего, они порождены возникновением той самой легенды о героической атаке Легкой бригады, от фантазий которой мы не можем избавиться до настоящего времени. Это объяснимо, это кажется красивым. Хотя не могу представить, что может быть красивого в оторванных головах, разбросанных мозгах, разорванных телах с выпавшими грязными кишками и умирающими в жутких страданиях животными.

Восхищаться до обильного слюноотделения подобной картиной может или патологический трус, или просто недалекий человек. В принципе, весь миф о Легкой бригаде на подобную публику и был рассчитан.

Для многих людей в их представлении бой — это исключительно истребление себе подобных. Могу разочаровать, это далеко не так. Еще ни один командир не ставил задачу своему подразделению примерно так: уничтожить столько-то человек, убить столько-то, ранить, контузить и т. д. Это глупость. Задача сражения — нечто другое, гораздо более сложное и имеющее самые разные формы.

Так как здесь не место для лекций по тактике, мы эту тему остановим и вернемся на поле Балаклавского сражения, где выжившие после шквала картечи (упростим понятие шрапнельных пуль) английские кавалеристы вот-вот столкнутся с русскими.

Так вот, повторюсь, мое субъективное мнение, что русским изначально нужно было эту кучку несчастных пропустить мимо себя и оставить в покое. Они и так были обречены. И ошибка Рыжова не в том, что он не так или не там кого-то поставил, а в том, что команды эскадронам сделать это организованно опоздали. Или не прозвучали совсем.

Вступать с этой кавалерией в схватку даже численно превосходящими силами — глупость. Конечно, можно было массой «затоптать» в несколько раз уступающих численно британцев, у которых в голове в тот момент (а не в бравурных мемуарах, написанных после) была только одна мысль — «Как отсюда выбраться?».

Но в этой суматохе неизбежны потери, а это гибель или ранения людей, лошадей. Любой нормальный адекватный командир сделает все, чтобы без угрозы срыва достичь выполнения боевой задачи. Может возникнуть вопрос: а что в этой ситуации делать артиллеристам, которые до последней секунды выполняют свою работу, то есть уменьшают, разреживают эту самую несущуюся на них кавалерийскую массу? Мы уже знаем, что сами донцы решили за свои пушки подраться, выпустив последний залп в надвигающиеся эскадроны противника. Но и здесь правильно было бы оставить пушки и разбежаться в разные стороны. А потом вернуться. Кстати, именно так действовали артиллеристы двух французских батарей в сражении на Черной речке. Они до последней возможности расстреливали русскую пехоту, а когда та уже вот-вот врывалась на позицию, быстро убегали к пехоте, стоявшей за батареей. Когда истекая кровью, русские отходили, провожаемые сильнейшим ружейным огнем, артиллеристы возвращались к пушкам и вновь встречали наступающих неприятелей картечью. И так несколько раз. При этом никто их трусами считать не додумался. наоборот, все офицеры и многие нижние чины стали кавалерами ордена Почетного легиона. Это и есть умение воевать умно и правильно, то есть без героев и самопожертвования.

Но что случилось, то случилось, и попробуем понять, почему случилось так или иначе, хотя, повторюсь, особого смысла в этом не вижу.

С казаками особых проблем нет. Вероятно они, как и любая другая иррегулярная кавалерия, не слишком способные к «правильному» кавалерийскому бою и не слиш-

Батарея Королевской конной артиллерии в бою. Английский рисунок сер. XIX в.

ком утруждающие себя контролем за ситуацией, попросту прозевали англичан. Причин тому много: задымленность, ослабленное внимание за обстановкой и, конечно, совершенно неудачное расположение. Злую шутку сыграла их близость к батарее. И, конечно, отсутствие вовремя поданной команды.

Оппоненты вполне обоснованно могут возразить: в руках казаков было такое, казалось, «в одиночном бою, в ловких руках, ...весьма мощное оружие»,⁸⁸⁰ как пики. Может быть, в другой ситуации они и сослужили бы им добрую службу, например, если бы атака противника была принята, как и полагалось — встречным ударом, и доведена до «шока».

В нашем случае ни казаки, ни их командиры попросту не видели и не слышали ничего, что творилось перед их фронтом. Более того, они даже не могли предположить, что противник вот-вот столкнется с ними, уж больно вызывающей была самонадеянность англичан, решившихся на подобное безумие — в конном строю атаковать не только одну батарею, а прорываться под фланговым огнем нескольких из них.

К моменту столкновения артиллерия вела интенсивный огонь, позиция была затянута плотным дымовым фронтом, через который рассмотреть что-либо происходившее даже в паре десятков метров было невозможно. И самое главное — слабый ветер, дувший вдоль долины, сносил дым примерно на русскую кавалерию, сделав ее совершенно ослепленной.

⁸⁸⁰ Каульбарс А. По вопросам, касающимся кавалерии//Военный сборник. №3. СПб., 1879 г. С. 38–39.

Штаб-офицер Лейб-гвардии Крымско-татарского эскадрона. 1845–1855 гг. Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск, с рисунками, составленное по высочайшему повелению. 1841–1862 гг.

Когда из дыма, как привидения, стали вылетать английские кавалеристы, стресс, вероятно, наступил как у русских, так и у британцев. Только вторые были на разгоне, а Уральский казачий полк попал в самое неприятное положение — он стоял на месте. Поэтому казаки сделали то, что им оставалось делать и что на их месте сделал бы каждый: не разбирая дороги бросились в тыл, увлекая за собой конную батарею и попутно сокрушая плотные ряды Лейхтенбергских гусар: «...в пять раз сильнейшая наша кавалерия смешавшись еще больше при отступлении, торопливо и в беспорядке направлялась к Чоргуну. За ней по пятам проскакав линию наших войск, безумно неслась уцелевшая от картечного и батального огня английская кавалерия. У перевязочного пункта все эти беспорядочные массы остановились, потому что отступать далее нельзя было».⁸⁸¹

Атака англичан оказалась настолько стремительной, что все линии российской кавалерии одна за другой были смяты и подались назад, в сторону реки. Кстати, первыми или почти одновременно

но с казаками получили удар неудачно развернутые флангом к фронту атаки гусары: «...англичане, ободренные успехом, прорвались сквозь интервалы орудий и тотчас же атаковали во фланг 7-й эскадрон нашего полка, сбили его и ударили на уральцев. Уральцы дрогнули, поскакали назад и налетели на киевцев. Сильно пострадавшие в первой атаке киевские гусары не в силах были выдержать страшного натиска такого огромного количества кавалерии и повернули на наши пять эскадронов, неся у себя на хвостах уральцев и преследовавшего их неприятеля. Когда вся эта масса кавалерии ринулась на нас, мы, как стоявшие в развернутом фронте, были сбиты и поневоле должны были отступить к каналу. При совершенном безветрии густо стоявшие в воздухе между гор пороховой дым и пыль от скачущей кавалерии были до того непроницаемы, что нельзя было ничего рассмотреть в самом близком от себя расстоянии».⁸⁸²

Через минуту, «...подавшись не более чем на 150 шагов, шедший впереди дивизион Лейхтенбергского полка первым повернул назад и с оглушительным криком «ура!». не позволившим ни остановить его, ни дать приказание, наткнулся на вторую ли-

⁸⁸¹ Кожухов С. Из крымских воспоминаний о последней войне // Дубровин Н. Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Выпуск IV. СПб., 1872 г. С. 71.

⁸⁸² Арбузов Е. Ф. Воспоминания о кампании на Крымском полуострове в 1854 и 1855 годах // Военный сборник. № 4. СПб., 1874 г. С. 389–410.

нию, из которой я желал выдвинуть часть, чтобы можно было ударить во фланг неприятелю. Этого нельзя уже было сделать. Вторая линия была увлечена первой, и в этом положении они скакали более полуверсты назад, имея неприятеля на хвостах своих лошадей».⁸⁸³

Чести ради, стоит сказать, что уносились в тыл не все. Сотня Донского №53 казачьего полка и, возможно, эскадрон веймарцев помогли казакам-артиллеристам в схватке за батарею.⁸⁸⁴

И еще. Кажущийся легким прорыв англичан через батарею, как это ни видится удивительным, был подготовлен удачной стрельбой русской артиллерии с захваченных редутов и Федюхиных высот. Поражаемые с флангов, они инстинктивно или по команде сжимались к центру, и когда достигли батареи, строй первой линии скорее напоминал клин, который просто «распорол» на сузившемся участке строй ничего не ожидавших гусар и казаков, ринувшихся в разные стороны. Недаром Хибберт приводит команды командиров эскадронов: «Сомкнуть ряды! Ближе к центру!», постоянно звучавшие во время атаки.⁸⁸⁵ Благодаря этому, вольно или невольно, но 11-й гусарский не рассеялся, не потерял строй и до самого столкновения с русскими оставался в порядке.

Внесли свою долю паники оставшиеся без всадников лошади. Будучи прекрасными элитными строевыми животными, они, повинаясь своему «служебному» инстинкту, даже потеряв человека в седле, продолжали сохранять свое место в строю, добавляя суматоху и неразбериху в эту адскую смесь.⁸⁸⁶

Внезапно появившись перед ничего не подозревавшими казаками, британские кавалеристы, как нож в масло, прошли через кинувшихся врассыпную казаков и уже при их «помощи» сокрушили предчувствовавших отдых после сражения гусар.

Но одного дружного концентрированного удара было мало. На русских обрушился шквал огня. Англичане в первую очередь опорожнили барабаны Кольтов и Адамсов, стреляя во всех и во все, кто и что оказывалось на их пути, подтверждая, что «... конница, атакующая с револьвером в руках конницу, вооруженную саблями, будет почти непобедима и может причинить противнику сильные поражения».⁸⁸⁷

Выбор у русских был невелик: или остаться стоять на месте, что было невозможно, так как масса все равно бы опрокинула их, или броситься куда угодно, чтобы выбраться из этого столпотворения. Большинство разумно выбрало последнее.

При всей трагичности происходившего оно было смешным. В одну сторону летели русские и английские гусары, уланы и легкие драгуны. Непонятно куда и непонятно зачем сорвалась с места конная батарея. Все были под влиянием непонятного куража, охватившего их, и мчались, влекомые страхом или просто положившись на судьбу. В эту минуту ни о каком бое речи не шло. Все делали лишь то, что велел инстинкт самосохранения.

⁸⁸³ О сражении под Балаклавой (записка генерал-лейтенанта Ив. Ив Рыжова)/Н. Ф. Дубровин. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Выпуск IV. СПб., 1872 г. С. 79.

⁸⁸⁴ Calthorpe, Somerset John Gough. Letters from head-quarters; or, The realities of the war in the Crimea, by an officer of the staff. Vol I. London. 1857. P. 317–318.

⁸⁸⁵ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 172.

⁸⁸⁶ Calthorpe, Somerset John Gough. Letters from head-quarters; or, The realities of the war in the Crimea, by an officer of the staff. Vol I. London. 1857. P. 317–318.

⁸⁸⁷ Денисон Джордж Тэйлор. История конницы: В 2-х кн. Кн. 1. М., 2001 г. С. 463–464.

Наблюдавший происходившее офицер легкой №8 батареи 12-й артиллерийской бригады Кожухов назвал это «беспорядочным отступлением наших гусар и казаков».⁸⁸⁸

Понятно, что сработал «принцип домино». Гусары, не отошедшие от горячки предыдущего боя, возможно, потрясенные неожиданно высокими потерями, просто не смогли принять новую схватку. Свою роль сыграл уставший конский состав. Еще за двадцать лет до этих событий российские кавалерийские начальники в полемике с Жomini по перспективам боевого применения кавалерии отмечали, что в условиях войн середины XIX в. «...1. кавалерия подвержена быстрому расстройству; 2. надо беречь ее силы, потому что два месяца отдыха не исправляют семидневного переутомления; 3. плохая лошадь превращает своего всадника в труса...».⁸⁸⁹

Что касается неожиданно быстрого рассеивания российской кавалерии, то произошедшее столь очевидно, что «отбеливать» ее репутацию бессмысленно. Равно как и огульно чернить. Она воевала как ее учили.

Точно так же совершенно неинтересны для военной истории многолетние дебаты о том, кто куда врезался, кто с каким флангом столкнулся, тем более когда результат однозначен и в финале вышел на разгром неприятельской кавалерии.

И уж совсем глупо осуждать солдата, младшего офицера. Он-то одинаков во все времена. Сегодня вдсятером от одного бежит, а завтра этот же десяток тысячу атаковать будет. Такова психология боя. Скорее нужно искать причины случившегося. Могу заверить читателя — они столь очевидны и настолько близко лежат к поверхности, что удивительно, как на них не указывали до сих пор.

Главная традиционная болезнь Российской армии середины XIX в. — отсутствие хорошего управления. Этим болела пехота, этим болела кавалерия и совершенно не страдала артиллерия, куда офицеры шли в основном по уму, а не по сословию. Именно наличие толковых начальников вместе с неплохой на свое время материальной частью и сделало артиллерию той самой грозной боевой силой, способной в определенной степени компенсировать ошибки пехотинцев и кавалеристов, пусть даже ложась изрубленными на лафеты и стволы своих пушек.

Именно наличие толковых начальников не позволило сделать то, что было сделать нужно и о чем говорилось выше.

Судя из описаний, из-за неожиданной атаки кавалерии англичан в российских рядах поднялась паника, в воспоминаниях очевидцев мягко названная «суматой»: «Все это случилось так неожиданно и так быстро, что никто еще не успел даже достаточно уяснить себе, что именно такое совершается в нашем центре, как наша кавалерия была уже смята. Гусары первые не выдержали натиска, за ними казаки, и все четыре полка, бросив артиллерию, которую прикрывали, начали беспорядочно отступать. Суматоха произошла страшная. В пять раз сильнейшая наша кавалерия, смешавшись еще более при отступлении, торопливо и в беспорядке направлялась к Чоргуну. За нею по пятам, проскакав линию наших войск, безумно неслась уцелевшая от картечного и батального огня английская кавалерия».⁸⁹⁰

⁸⁸⁸ Кожухов С. Несколько слов по поводу записки генерал-лейтенанта Ив. Ив. Рыжова о Балаклавском сражении// Материалы по истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. IV. СПб., 1872 г. С. 22–23.

⁸⁸⁹ О русской кавалерии. Письмо генерал-адъютанта Григория Ивановича Ностица к барону Жomini//Русский архив. Том 5. М., 1987 г. С. 167–168.

⁸⁹⁰ Кожухов С. Несколько слов по поводу записки генерал-лейтенанта Ив. Ив. Рыжова о Балаклавском сражении//Материалы по истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. IV. СПб., 1872 г. С. 71.

Думаю, не стоит преувеличивать случившееся. Паника — явление в войне распространенное и не имеющее национальных предпочтений. Нет армий, которые сумели в своей истории ее избежать. В панике бежали французы у Полоцка и русские у Борисова в 1812 г., англичане у Сен-Себастиана в 1813 г. Пруссаки, и те бегали регулярно в сокрушительно выигранной ими войне 1870–1871 гг. от вчистую проигравших им французов. То есть, в явлении этом ничего предосудительного нет. Жизнь, она всегда дороже. Героев живых не бывает, они, как правило, погибают первыми.

«...Паника — это явление коллективного страха в высшей, в смысле силы эмоции, форме, т. е. ужаса, иногда совершенно необъяснимого, охватывающего войска. Этот безумный ужас, распространяясь со стихийной быстротой, превращает самое дисциплинированное войско в толпу жалких беглецов. Причины возникновения паники крайне разнообразны: неожиданная или воображаемая опасность, крик, шум и т. п. <...> Во время боя панику может вызвать всякая неожиданность: атака с тыла, с флангов, неожиданное, а иногда и мнимое превосходство сил противника. В этом случае довольно поддаться ужасу одному человеку, чтобы он передался массе...».⁸⁹¹

После войны велось много споров о том, кто виноват в этом отступлении. Каждый из участников видел события по-своему. Одни пытались оправдать свою кавалерию, другие, наоборот, камня на камень не оставляли от поведения гусар и особенно их командиров: «Общее мнение всего отряда единодушно обвиняло тогда не офицеров и даже не солдат, а начальников кавалерии».⁸⁹²

Арбузов относился к числу первых: «...Мы были поставлены на слишком маленьких дистанциях между линиями, причём наш полк, находясь в четвертой линии, был в развёрнутом фронте, а не в густой колонне. Понятно, что при таких условиях наши эскадроны не могли пропустить мимо себя отступающих лейхтенбергцев и уральцев и затем броситься на неприятеля, а должны были уступить натиску всей массы кавалерии, обрушившейся на их фронт».⁸⁹³

Рядовой Лейб-гвардии Крымско-татарского эскадрона. 1845–1855 гг. Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск с рисунками, составленное по высочайшему повелению. 1841–1862 гг.

⁸⁹¹ Измествьев П. Психология боя (http://artofwar.ru/k/kamenew_anatolij_iwanowich/psihologijaboja.shtml).

⁸⁹² Кожухов С. Несколько слов по поводу записки генерал-лейтенанта Ив. Ив. Рыжова о Балаклавском сражении// Материалы по истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. IV. СПб., 1872 г. С. 83.

⁸⁹³ Арбузов Е. Ф. Воспоминания о кампании на Крымском полуострове в 1854 и 1855 годах// Военный сборник. № 4. СПб., 1874 г. С. 389–410.

Кстати, у Арбузова интересная мысль: сначала пропустить, а потом атаковать. Не правда ли, похоже на то, что говорилось выше: сначала уступить дорогу, а потом истребить.

Рыжов объяснял случившееся большой убылью опытных офицеров в предыдущей схватке с английскими драгунами (естественное следствие тактики «кавалерийского шока») и несостоятельностью молодых командиров, занявших их место. Мягко говоря, он блефует. Армия так устроена, что убыль командиров восполняема, если не погибло более 50% командиров ключевых категорий. В нашем случае это командиры дивизионов и эскадронов. Всегда есть командиры нижнего уровня (эскадронов и взводов), которые уже настроены на то, что при подобных обстоятельствах должны сменить начальника. В противном случае это уже не армия.

Поэтому к Рыжову претензии куда серьезнее — генерала упрекают в незнании элементарных принципов применения кавалерии. Его главный критик, артиллерист Кожухов, пишет, что российская кавалерия не устояла лишь потому, что не было исполнено главное правило тактики — встречать атаку неприятельской кавалерии стремительной контратакой. Это правильный упрек. Но чтобы произвести такую атаку, требовалось хотя бы минимальное время, которого у Рыжова не было. Даже если бы оно и появилось, скученность войск не давала ему возможности произвести элементарные перестроения, чтобы суметь «разогнать» бригаду навстречу зарвавшимся британцам.

Обвинить Рыжова можно в беспечности, успокоенности, когда он, посчитав сражение оконченным, не принял никаких мер на случай атаки со стороны неприятеля. В этом в основном и состояли главные претензии в его адрес со стороны участников сражения.⁸⁹⁴

Конечно, виноват единолично не один Рыжов. Комплекс ошибок и просчетов, повлекший отступление, был: «...просто одною из тех военных случайностей, которые нельзя предусмотреть заранее, нельзя своевременно предотвратить никаким гением и которые, однако, часто дают неожиданный и неотразимый оборот сражению, блестящий или гибельный, смотря по обстоятельствам, слагающимся, опять-таки больше частью случайно, во время самого сражения».⁸⁹⁵

Отступление русской конницы завершилось у акведука через водопроводный канал. Препятствие остановило ее, заставив оглянуться и обнаружить, что никто не преследует, не рубит отставших и вообще англичан почти не видно. В сумасшедшей сутолоке смешались все: «Тут все перемешалось, и суматоха еще более усилилась. На маленьком пространстве, у самого входа в Чоргунское ущелье, где расположен был перевязочный пункт, теснились четыре полка гусар и казаков и между ними, как редкие пятна, виднелись красные мундиры англичан, вероятно, тоже не менее нас изумленных тем, что так неожиданно случилось».⁸⁹⁶

Правда, откуда Кожухов увидел красные мундиры английской кавалерии, объяснить сложно. Как известно, преобладающим цветом в униформе британской легкой

⁸⁹⁴ Кожухов С. Несколько слов по поводу записки генерал-лейтенанта Ив. Ив. Рыжова о Балаклавском сражении//Материалы по истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. IV. СПб., 1872 г. С. 82–83.

⁸⁹⁵ Кожухов С. Несколько слов по поводу записки генерал-лейтенанта Ив. Ив. Рыжова о Балаклавском сражении//Материалы по истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. IV. СПб., 1872 г. С. 70.

⁸⁹⁶ Кожухов С. Несколько слов по поводу записки генерал-лейтенанта Рыжова о Балаклавском сражении//Материалы по истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. IV. СПб., 1872 г. С. 71.

кавалерии был синий.⁸⁹⁷ Правда, вишневого цвета штаны 11-го гусарского полка, который как раз вертелся в этом столпотворении, могли вполне сойти за красный.⁸⁹⁸

Русские врачи, не впад в панику, оказывали помощь и своим, и чужим. Некоторые травмированные англичане сами добирались до медицинского пункта, надеясь на милосердие, в котором никто им не отказывал.

Вероятно, столь неприятное положение, в которое попали русские гусары, неорганизованно «показавшие тыл» кратно меньшему числу английских кавалеристов, кроется совсем не в недостатке мужества солдат и офицеров. Но война настолько сложное дело, что часто мужество — не более чем расплата за чужие ошибки: хорошей армии герои как раз-таки не нужны. Прекрасная гусарская бригада, все ее два полка стали заложниками абсолютного непрофессионализма собственных командиров. Тревожный сигнал прозвучал почти за месяц до описываемых событий. 25 сентября Меншиков, имея Веймарский полк в авангарде, под своим личным руководством проводил большую рекогносцировку. Еще до рассвета Рыжов начал спуск с Мекензиевых гор. Внезапно на пути русских гусар открылся ничего не подозревающий неприятельский пикет силой примерно полэскадрона кавалерии при двух орудиях. Меншиков с ближайшей высоты со своим штабом с волнением наблюдал за происходившим. Как писал Панаев: «...Мы думали, что он (пикет) в наших глазах попадетсЯ, как кур во щи».⁸⁹⁹

Но не тут-то было! Буквально в нескольких сотнях метров от приближавшейся русской кавалерии противник ее заметил и начал спешно и в беспорядке строиться. Все с нетерпением ожидали решающей схватки, в исходе которой никто не мог усомниться: «Несдобровать этой горсточке», думали мы, «у нас туча целая: дивизия кавалерии».⁹⁰⁰

Что произошло дальше, известно со слов Панаева, и невероятно грустно, даже принимая в расчет склонность адъютанта князя, преувеличивать события.

Трубач Лейб-гвардии Крымско-татарского эскадрона. 1845–1855 гг. Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск с рисунками, составленное по высочайшему повелению. 1841–1862 гг.

⁸⁹⁷ Нечитайлов М. В. *Униформа Легкой бригады в Крыму*//Воин. № 18. Самара, 2005 г. С. 80–84.

⁸⁹⁸ Этот цвет и породил полковое прозвище 11-го гусарского полка — «Сборщики вишен». Еще по одной версии, это неофициальное название полк получил во время войны с Наполеоном, когда один из его эскадронов был врасплох застигнут французами за безмятежным поеданием вишен в местном саду в Испании.

⁸⁹⁹ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева. 1853–1854// Русская старина. Том 18. СПб., 1877 г. С. 704.

⁹⁰⁰ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева. 1853–1854// Русская старина. Том 18. СПб., 1877 г. С. 704.

«И вот показалась эта туча. Веймарцы, на своих вороных конях, подошли и остановились; у них в резерве была сводная бригада. «Чего же медлят гусары?» — спрашивали мы самих себя; «не улизнул бы от них как-нибудь пикет»... И впились мы в трубы, а сердце так и стучит, и на месте нам не стоит. Мгновенно с пикета сверкнул выстрел, другой... и веймарцы, повернув коней, погнали назад, а им вслед — выстрел. Ничего не видя, наши гусары понеслись на отступавших лейхтенбергцев, смяли задний эскадрон, причем один был убит, а трое изувечены. Сводная бригада пропустила отступавших, постояла-постояла и тоже обратилась вспять...

Кого винить в этой неудаче? Кому, если не ближайшим начальникам веймарцев, было одушевить гусар, готовых ринуться на неприятелей по первому возгласу командиров. Прямо скажу: их одурение не должно быть вменяемо в вину солдатам, которые при других условиях показали бы себя истинными молодцами. По всей вероятности, начальники не разглядели, как ничтожен неприятельский отряд, бывший у них, так сказать, в горсти; заслышав выстрелы, они вообразили себе, что зашли чересчур далеко, и оробели... А им ли было робеть, когда для обеспечения их отступления на Мекензиевой горе были наготове два полка пехоты при двух батареях, да с гусарами была еще Донская батарея».⁹⁰¹

Честь армии спас Крымско-татарский полуэскадрон. Он двигался отдельно впереди гусар и, встретив неприятеля, не колеблясь ни секунды, атаковал его. Двое зазевавшихся английских драгун оказались в плену, их, судя по всему, татары передали командиру гусарского полка полковнику Бутовичу-Бутовскому.⁹⁰²

Тот не преминул возможностью продемонстрировать Меншикову свою воинственность: «Как бы в отмщение за неудачу, обоих пленных вели связанными.

«Стыдитесь! — крикнул Светлейший полковому командиру Бутовичу-Бутовскому. — не вымещайте на пленных своей неудачи... Долой веревки!».⁹⁰³

Раздраженный таким командованием Меншиков принял решение отстранить Бутовича от командования полком, но посоветовавшись с Горчаковым, передумал: не было подходящей кандидатуры на должность.⁹⁰⁴ К величайшему сожалению, всегда предвидевший многое, князь в этом случае не мог предугадать, что происходившее 25 сентября вскоре повторится почти в том же виде...

Но вернемся к кавалерии. «Собака» случившегося зарыта неглубоко. Обратим внимание, что ни один из участников событий, случившихся в момент прорыва британцев через батарею, не указывает своего места нахождения, никто из них не говорит о командах, которые он подавал или не подавал в этот момент. Получается, уже почти 10 минут грохочет канонада, две бригады английской кавалерии начинают атаку, а ни Рызов, ни Халецкий (ладно, тому хоть ухо отрубили) ничего не

⁹⁰¹ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева. 1853–1854. Русская старина. Том 18. СПб., 1877 г. С. 704–705.

⁹⁰² Действительно, в этот день в районе Черной речки гвардейские татары, действуя в составе авангарда Гусарского ЕИВ Князя Николая Максимилиановича полка, атаковали в конном строю пикет английских драгун. В ходе стычки татары закололи двух из них и еще двоих взяли в плен. Меншиков лично наградил знаками отличия Военного ордена отличившихся унтер-офицера Сеитшу Балова, рядовых Селима Абдулхайрова и Молладжана Аметова. Об этом Меншиков доложил Николаю I, который в ответном письме князю писал: «Рад, что гвардейские татары имели случай показать себя и ты хорошо сделал, что наградил их» (Сахович А. Лейб-гвардии Крымско-татарский полуэскадрон. 1827–1864/Цейхгауз. № 48. М., 2012 г. С. 88).

⁹⁰³ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева. 1853–1854. Русская старина. Том 18. СПб., 1877 г. С. 705.

⁹⁰⁴ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева. 1853–1854. Русская старина. Том 18. СПб., 1877 г. С. 705.

слышат. Не зная, что на них движется неприятель, они не могут. Его если не видно, то слышно. Пушки захлебываются интенсивным огнем в направлении фронта, три десятка стволов вываливают на англичан пуды металла, а русская кавалерия стоит в прострации и заворуженно ждет, когда неприятель, числом, кстати, не известный, сам подойдет к ней.

Рыжов молчит. А ведь он в этот момент единственный хозяин положения и от него, только от него зависело все, что должно было произойти дальше. В скором будущем в своих воспоминаниях Рыжов странно забывает еще больше, к примеру, не помнит номера Донской батареи,⁹⁰⁵ которая, по сути, приняв на себя удар, рассеяв англичан, спасла его гусар, нет — не от истребления — от полного позора.

Но хватит прокурорствовать, теперь попробуем стать адвокатами русской кавалерии. Все вышеописанные факторы столкнулись с еще одним фактором, почти всегда гарантирующим успех, порой даже в самой безнадежной ситуации — создание численного превосходства над противником путем концентрации сил на одном самом нужном участке. Примерно то, что сделал еще Эпаминонд при Левктрах.⁹⁰⁶ Похожее произошло во время сражения бесспорно храбрых кельтов с малочисленными римскими войсками при Уотлинг-стрит.⁹⁰⁷

Что-то похожее не по своей воле, а по воле случая удалось англичанам при Балаклаве. Потому когда исследователи говорят о численном превосходстве русских, позорно бежавших перед кратно меньшими силами англичан, это непрофессионально по меньшей мере по двум причинам:

- никто из нас не может себе даже представить свое поведение, когда на строй обрушивается совершенно неожиданно наваждение в виде окровавленных, распаленных сумасшедшей схваткой кавалеристов, пробивающих себе дорогу выстрелами из револьверов. Не думаю, что у многих хватило бы силы воли и характера выстоять в этой ситуации;

- удар пришелся главным образом по казакам, которые вообще никогда не имели способности к устойчивости против лобовых атак регулярной кавалерии.

Но не будем уж сильно «пинать» Рыжова.

Во-первых, он изначально был «слабым звеном» русского командования в сражении под Балаклавой. Но вот других не было. Да и был он не лучше и не хуже, чем те же самые его противники — Лукан или тем более Кардиган. При атаке Легкой бригады случилось то, что и должно было случиться.

Во-вторых, ничего смертельно страшного не произошло, «...хотя и не входило ни в предварительные планы генерала Липранди, ни в планы командовавшего нашей кавалерией генерала Халецкого, а было просто одной из тех военных случайностей,

⁹⁰⁵ О сражении под Балаклавой. Записка генерал-лейтенанта Ив. Ив. Рыжова/Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. Под ред. Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 73.

⁹⁰⁶ Эпаминонд (Εραμεινόδας) (около 418, Фивы, — 362 до н. э., Мантинея), древнегреческий полководец и политический деятель. В сражении при Левктрах (371 г. до н. э.) разгромил армию Спарты, обладавшую качественным и численным превосходством (10 тыс. человек против 6000), сконцентрировав свои главные силы на одном направлении (Лиддел Гарт Б.Х. Стратегия непрямых действий. М., 1957 г. С. 35—36).

⁹⁰⁷ Сражение при Уотлинг-стрит. Произошло во время восстания королевы бриттов Будики (Boudica) против римлян. Построив войска в виде зазубрин пилы, римляне просто проломили в нескольких местах линию бриттов, в пять раз превосходивших их числом.

которые нельзя предусмотреть заранее, нельзя своевременно предотвратить никаким гением».⁹⁰⁸

Вообще в идеальном варианте, как выше мной было предположено, русским гусарам не требовалось выстраивать непреодолимую стену на пути англичан, а вежливо уступить им дорогу. Можно было бы даже отсалютовать храбрецам! А потом перебить. Поодиночке и мелкими группами. Чем и занялся Сводный уланский полк полковника Еропкина с переменным успехом. Будь его солдаты поопытнее, возможно Теннисон был бы прав, говоря, что все 600 попали «черту в пасть». То есть устроили что-то вроде «парфянской стрелы», как парфяне римлянам при Каррах.⁹⁰⁹

ЗАБЫТЫЙ ГЕРОЙ БАЛАКЛАВСКОГО СРАЖЕНИЯ

Мы упомянули один из видов ручного огнестрельного оружия, который в том числе помог кавалеристам Легкой бригады в считанные секунды опрокинуть первую линию русской конницы — револьвер. Именно сражение под Балаклавой, именно атака Легкой бригады стали поистине «звездным часом» револьверов, сделав их невероятно популярными и в армии, и в обществе.⁹¹⁰

В современной английской военно-исторической литературе иногда говорят, что этот вид оружия стал настоящей панацеей для решения всех проблем ближнего боя в кавалерии.⁹¹¹

В сражении при Балаклаве 25 октября 1854 г. револьверы помогали английским кавалеристам разорвать линию русской конницы и после атаки пробиваться обратно. Только благодаря им потери Легкой бригады не увеличились кратно.⁹¹² Свидетельств тому немало. Корнет Кливленд (17-й уланский полк): «Мой револьвер оказался очень полезен для меня».⁹¹³ Денис Коннор из 4-го Легкого драгунского полка тоже считал, что большая часть солдат уцелела лишь благодаря тому, что у офицеров оказались револьверы, которые «...оказались гораздо более полезными, чем наши карабины».⁹¹⁴

Его коллега по полку Роберт Грант почти повторил сказанное: «...Наши офицеры со своими револьверами принесли много пользы. У рядовых их не было. Вообще офицеры сделали много именно потому, что оказались с револьверами. Казаки получали пулю, потому что привычно думали, что после одного выстрела оружие разряжено и можно спокойно приближаться. Несколько противников были отогнаны

⁹⁰⁸ Кожухов С. Из крымских воспоминаний о последней войне//Дубровин Н. Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Выпуск IV. СПб., 1872 г. С. 66.

⁹⁰⁹ Битва при Каррах — одно из величайших поражений в истории Древнего Рима, понесённое 40-тысячным корпусом во главе с Крассом от парфян под начальством Сурены в окрестностях древнего города Карры. Битва произошла в июне 53 г. д. н. э. и закончилась гибелью Красса. Его главный отряд под командованием Публия из-за ложного отступления парфян оторвался от основных сил и был разгромлен лобовой атакой и одновременным охватом с флангов. Всадники были разбиты, пока остальная часть парфянской армии сковывала пехоту его отряда, после чего она была, наконец, атакована копейщиками. Голова Публия была отправлена царю Ороду II.

⁹¹⁰ Carolyn C. Cooper, Wadsworth Atheneum Museum of Art. Samuel Colt: Arms, Art, and Invention. Yale University Press, 2006. P. 8–9.

⁹¹¹ Hew Strachan From Waterloo to Balaclava: tactics, technology, and the British army, 1815–1854 CUP Archive, 1985 P. 62–63.

⁹¹² Hew Strachan From Waterloo to Balaclava: tactics, technology, and the British army, 1815–1854 CUP Archive, 1985 P. 62–63.

⁹¹³ Roy Dutton, Forgotten Heroes: The Charge of the Light Brigade, Infodial Ltd, 2007, P. 290.

⁹¹⁴ <http://www.medalcollector.co.uk/pdf/1101.pdf>

револьверными выстрелами, когда пытались приблизиться к уже лежащим на земле, надеясь ограбить их».⁹¹⁵

Револьверные пули проложили кавалеристам путь через русскую батарею и помогли выжить в бою за нее. Судя по всему, стреляли они во все, что видели и что попадалось на пути. Капитан Дженнинс из 13-го легкого драгунского полка только благодаря револьверу прорвался между орудиями. Его пример стал хрестоматийным, войдя в труды по военной истории.

«Говорят, что потери, понесенные легкой английской бригадой, были причинены ей преимущественно штуцерниками, засевшими на окаймляющих северную долину холмах. В том же деле появились в первый раз в европейских войнах револьверы — оружие, имеющее страшное действие. Многие английские офицеры были вооружены ими и воспользовались при атаке «шестисот», особенно во время беспорядочно произведенного отступления. Под ныне умершим полковником Дженнинсом, 13-го гусарского полка,⁹¹⁶ бывшего в то время ротмистром того же полка, была тяжело ранена лошадь и с трудом продвигалась вперед, когда на него бросилось трое русских: офицер и два солдата. Дженнинс вынул револьвер и угрозой выстрела удерживал преследователей на некотором расстоянии от себя. Наконец, офицер бросился на него с поднятой саблей; Дженнинс выстрелом уложил его на месте; тогда оба солдата прекратили преследование, и он добрался благополучно до своих. Было и еще несколько подобных случаев в эту войну».⁹¹⁷

Револьвер Адамса в руках капитана Лоу спас ему жизнь, когда его одновременно атаквали с разных сторон. Он выстрелил в нападавших справа и слева, а нападавшего с фронта отбросил его конь, который хотя и был ранен пулей в челюсть, вынес капитана из боя.

Таким образом, судя по всему, скорее не сабля, а револьверы были основным оружием британцев в этом сражении. Многие кавалеристы использовали их как «оружие последнего шанса» и погибали с ними в руках. Убитого капитана Гуда⁹¹⁸ видели в последний раз окровавленного, но с револьвером в руке, когда он уже прорвался

Штаб-трубан уланских полков. 1836–1855 гг. Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск с рисунками, составленное по высочайшему повелению. 1841–1862 гг.

⁹¹⁵ <http://www.medalcollector.co.uk/pdf/1101.pdf>

⁹¹⁶ Денисон дает новое название полка. В Крыму он еще оставался легким драгунским.

⁹¹⁷ Денисон Джордж Тэйлор. История конницы: В 2-х кн. Кн. 1. М., 2001 г. С. 386; Lawrence Crider, In Search of the Light Brigade, Lawrence Crider, 2004, P. XLVIII.

⁹¹⁸ Tony Lucking. Two letters from Captain Soame Jenyns, 13th Light Dragoons//The War Correspondent, Vol. 22, NO2, July 2004, P. 34

Рядовой уланских полков. 1852–1855 гг. Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск, с рисунками, составленное по высочайшему повелению. 1841–1862 гг.

через линии русской кавалерии, но был сбит с лошади и сидел на земле.⁹¹⁹ Видно, барабан револьвера был пуст, а снарядить его не было уже ни сил, ни времени.

Лейтенант Филипс (8-й гусарский полк) прорвался к своим через русских улан при помощи револьвера и сражавшегося рядом рядового Брауна.⁹²⁰

Лейтенант 11-го гусарского полка Данн (канадец, будущий кавалер Креста Виктории) столкнулся с проблемой сложности перезарядки. В результате, расстреляв все патроны, имевшиеся в барабане его револьвера, он просто швырнул его в наседавших русских гусар и дальше защищал свою жизнь с помощью сабли. Из револьвера он, правда, ни в кого не попал.⁹²¹

Лейтенант Джервис (13-й легкий драгунский полк), судя по семейным воспоминаниям, почти все сражение действовал исключительно револьвером Кольта.⁹²²

Похоже, две пули, попавшие в грудь подполковника Гусарского Николая Максимилиановича полка Войналовича, были выпущены из револьвера Кольта или Адамса. Никакой другой вид оружия

не позволил бы это сделать.

Что касается сабель, то они оказались совершенно бесполезным оружием. Тот же Денисон приводит как аргумент полковника Шуэлла при Балаклаве, который, «...не вынимая сабли, разобрал поводья в обе руки и повел своих людей полным ходом на русских всадников, через которых прорвался и вышел вполне благополучно из боя, хотя, в сущности, он был совершенно безоружен».⁹²³

По мнению Педжета, когда солдаты завязали схватку с русскими кавалеристами, эффективность холодного оружия была обратно пропорциональна затраченным усилиям. В этой схватке гораздо более эффективным оказались бы револьверы, но некоторые люди, еще не приученные пускать их в ход немедленно, при столкновении с противником, в горячке (в том числе и сам Педжет — «...как ни странно, желание использовать револьвер ни разу не пришло мне в голову») ближнего боя, просто забыли о них и вспомнили только после него.

⁹¹⁹ Roy Dutton, *Forgotten Heroes: The Charge of the Light Brigade*, Infodial Ltd, 2007, P. 229

⁹²⁰ Lawrence Crider, *In Search of the Light Brigade*, Lawrence Crider, 2004, P. 124

⁹²¹ Savory, Tony, major. Lieutenant AR Dunn, 11th Hussars//*The War Correspondent*. V. 13, NO3, October, 1995, P. 18.

⁹²² <http://www.mlagb.com/cgi-bin/forum/>

⁹²³ Денисон Джордж Тэйлор. История конницы: В 2-х кн. Кн. 1. М., 2001 г. С. 456.

После Балаклавы револьвер стал неразлучным спутником войны. Отныне кавалерист в критический момент мог убрать саблю в ножны и при этом не чувствовать себя безоружным. Но все сходились во мнении, что эффективная дальность стрельбы из него не превышала 10 м. Поэтому револьвер, как и пистолет, оставался оружием самообороны и не становился панацеей решения всех проблем оружия кавалерии.⁹²⁴

Денисон ставит появление револьвера в руках кавалериста в ряд наиболее значительных событий истории войн XIX в.

«Изобретение револьвера дало коннице оружие, которое стоит к пистолету в том же отношении, как заряжаемая с казны винтовка к мушкету. Револьвер есть самое смертоносное оружие из всех когда-либо изобретенных. Ни меч, ни копье, ни карабин, ни даже винтовка или пушка не имеют такого страшного действия. Причин тому много. Прежде всего он употребляется исключительно на самом близком расстоянии, когда люди ведут рукопашный бой, причем большая часть выстрелов попадает. Затем стрельба из револьвера не требует продолжительного и тщательного прицеливания. Человеку достаточно бросить взгляд на предмет и затем нажать на спуск, и симпатическая связь между рукой и глазом вернее приведет пулю прямо в цель, чем старание достичь механической и математической точности прицеливания во время стрельбы, когда люди не имеют необходимого спокойствия и времени, чтобы точно схватить прицельную линию. С другой стороны, пуля не может быть отбита подобно удару или уколу холодного оружия, и раз она попадает, то наносит тяжелую рану. Револьвер не требует быстроты или силы, разбега лошади, подобно пике, ни тонкой выездки лошади, которая совершенно необходима для удачного действия саблей. Вместе с тем пуля поражает на более далеком расстоянии, когда применение холодного оружия невозможно. Опыт прошедших лет показал, что конница, вооруженная пистолетом, будет неминуемо опрокинута атакой конницы холодным оружием, что вполне понятно. Кремниевый пистолет бил недалеко и был очень несовершенным оружием; он, можно сказать, не имел никакого значения, так как при движении лошади порох мог очень легко ссыпаться с полки, или кремнь не давал искры, или огонь не сообщался заряду, или пуля выпадала из ствола раньше выстрела. Наконец, никогда нельзя было быть уверенным в направлении, по которому пуля вылетит из ствола. Вполне понятно, что тогда полагавшиеся исключительно на такое оружие были постоянно разбиваемы. Но теперь, с введением револьвера, все изменилось. Дальность значительно увеличилась и дошла до 250–300 шагов; на 100–124 шага можно дать очень верный выстрел; а в рукопашном бою действие его просто ужасное. Очевидно, что все, что было справедливо относительно гладкого кремниевого пистолета, совершенно неверно для револьвера. С другой стороны, холодное оружие за 20 столетий нисколько не улучшилось, и потому понятно, что отношение между ним и пистолетом, при столь значительном улучшении последнего, существенно изменилось в его пользу. В американской междоусобной войне револьвер часто действовал против сабли, карабина и ружья; несколько примеров отсюда могут подтвердить, что в будущем револьвер будет служить коннице сильным вспомогательным средством».⁹²⁵

Балаклава была только рассветом долгой истории револьвера, которая продолжается до сегодняшнего дня, ее апогей наступил вскоре. Американская кавалерия во время Гражданской войны в США (1861–1865 гг.) доказала, что сабля является

⁹²⁴ Hew Strachan. From Waterloo to Balaclava: tactics, technology, and the British army, 1815–1854. CUP Archive, 1985. P. 63.

⁹²⁵ Денисон Джордж Тэйлор. История конницы: В 2-х кн. Кн. 1. М., 2001 г. С. 449–451.

анахронизмом и не дает никаких шансов в схватке с противником, вооруженным револьвером.⁹²⁶ Иногда происходило нечто похожее на столкновение кавалерии с Балаклавы.

Так в 1862 г. при атаке конницы Моргана на пехотный полк северян в сражении при Шайло конфедераты «...подскочили к федералистам совсем близко, прежде чем те успели выстрелить. Они дали поспешный залп; дым окутал нас совершенно, и звук оглушил нас, подобно грому. В следующую секунду мы уже насели на них, причем некоторые из наших людей рубили их саблями, но из этого ничего не выходило, другие же делали настоящее дело винтовками и револьверами».⁹²⁷

После Крымской войны и особенно опыта Гражданской войны в США, где кавалерия часто вообще не использовала холодное оружие, влияние револьвера оказалось столь сильным, что в России предполагалось вооружить им первую шеренгу в кавалерийских эскадронах при вооружении второй карабинами. Пики же, считавшиеся бесполезным анахронизмом, предполагалось отменить совсем.⁹²⁸

События франко-прусской войны окончательно «узаконили» приоритет револьвера. Отныне многие кавалеристы «...предпочитают его сабле».⁹²⁹

КАК УЛАНЫ СПАСЛИ ЧЕСТЬ РУССКОЙ КАВАЛЕРИИ

Вскоре случилось то, что и должно было случиться. Влекомая больше психологией лошадей, чем умом командиров, Легкая бригада предсказуемо оказалась далеко в тылу российских позиций без всякой надежды на поддержку.

«Тяжелые» Скарлета, вроде бы обозначив намерение поддержать коллег и даже какое-то время двигавшиеся за ними уступом, были остановлены Луканом при первых выстрелах русской артиллерии с Федюхиных и Балаклавских высот.

Нужно было уходить, а для этого требовалось повторить уже проделанное, только наоборот. Вот только выход казался не менее сложным, чем вход. Русские быстро сообразили, что в их руках остатки бригады, с которой теперь можно делать все, что заблагорассудится. Лишние со сцены удалены: гусары Рыжова вместе со своим командиром безуспешно пытались собраться и привести себя в порядок после безумной скачки от самих себя. Оба полка рассеялись по широкому пространству, многие оказались даже за Черной речкой, принеся неразбериху и панику в тылы, и теперь с удивлением обнаружили, что никто их не только не преследовал, но даже не собирался этого делать.

Казаки частично остались на поле сражения, частично тоже были рассеяны и если представляли угрозу, то лишь тем несчастным англичанам, которым «посчастливится» оказаться на земле, сбитыми с лошадей.

Англичане осознали свою безнадежность: лошади утомлены скачкой, люди, если не деморализованы, то уже не горят желанием возвращаться в сражение. В этой обстановке Легкая бригада, «...потеряв не менее четвертой части еще во время наступления, ...наскоро, кое-как устроила свои поредевшие эскадроны и быстро по-

⁹²⁶ Сухотин Н. Американская конница//Военный сборник. № 5. СПб., 1887 г., С. 82–83.

⁹²⁷ Денисон Джордж Тэйлор. История конницы: В 2-х кн. Кн. 1. М., 2001 г. С. 452–453.

⁹²⁸ Горячев Н. Кавалерийские заметки//Военный сборник. № 5. СПб., 1875 г. С. 86.

⁹²⁹ Зедделер, барон. Пехота, артиллерия и кавалерия в бою и вне боя в германо-французской войне 1870–71 годов//Военный сборник. № 7. СПб., 1987 г. С. 76.

вслась по прежней дороге, усеянной теперь убитыми и ранеными и оставляя с каждым шагом новые жертвы».⁹³⁰

Но у русских, в отличие от англичан, оставался еще один «игрок», своеобразный «kozyрь в рукаве», который сильно подпортил настроение британцам, появившись на сцене неожиданно, как черт из табакерки. Это эскадроны Сводной уланской бригады полковника Еропкина.

Липранди, видя, что британцы сами себя загнали в ловушку, принял единственное и верное решение: добить их, притом желательно, чтобы никто не смог вырваться из смертельной западни. Конечно, в другой ситуации исполнить указанное смог без особых проблем тот самый Рыжов, но где он находился в это время, ни он сам, ни история не говорят. Есть серьезное подозрение, что генерал оказался на другой стороне Черной речки и уже после сражения долго собирал разлетевшихся кто куда гусар, которые без особого успеха пытались привести себя в порядок.

Но суть военного искусства и состоит в том, чтобы худшие обстоятельства обращать себе на пользу. Со своего места (неподалеку от перевязочного пункта)⁹³¹ Липранди предвидел, что случившееся с англичанами еще не было катастрофой, а лишь давало ему возможность ее им устроить. Мешала этому, как ни парадоксально, гусарская бригада, которая своими неорганизованными метаниями усугубляя неразбериху, и без того воцарившуюся на поле, давала британцам шанс ускользнуть в суматохе.

Хотя русская пехота оставалась в полном порядке, не поддавшись всеобщей «кавалерийской суматохе»,⁹³² она не могла решить судьбу внезапно и внепланово продолжившегося сражения. Рассчитывать можно было только на артиллерию, стрелков и улан Еропкина, с 3-мя эскадронами стоявшего все это время возле редутов №2 и №3. Ему было приказано атаковать неприятеля «...для окончательного уничтожения»⁹³³ последнего.

В скором будущем именно русским уланам больше всего достанется проклятий противников. Стремясь сорвать злость за внезапный удар, едва окончательно не до-

Улан 17-го уланского полка в походном снаряжении. Балаклава 1854 г. Рисунок карандашом генерала Вансона. Музей армии. Париж.

⁹³⁰ Кожухов С. Несколько слов по поводу записки генерал-лейтенанта Ив. Ив. Рыжова о Балаклавском сражении// Материалы по истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. IV. СПб., 1872 г. С. 71.

⁹³¹ Кожухов С. Из крымских воспоминаний о последней войне//Дубровин Н. Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Выпуск IV. СПб., 1872 г. С. 66.

⁹³² Кожухов С. Из крымских воспоминаний о последней войне//Дубровин Н. Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Выпуск IV. СПб., 1872 г. С. 66.

⁹³³ Ушаков Н. Описание атаки русских войск на Кадыкийские высоты 13-го (25-го) октября 1854 года//Материалы по истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. IV. СПб., 1872 г. С. 37.

бивший Легкую бригаду, англичане называли их и трусами, и подлецами, и мерзавцами.⁹³⁴ Можно подумать, что они должны были помахать британцам вслед платочками или флюгерами пик. Увы, это война. А на войне — как на войне. Потому назовем их просто и патриотично — молодцы. Они нанесли роковой удар английской кавалерии, атаковав ее в самый неподходящий момент и устроив настоящую охоту за каждым отдельным всадником.

Что касается англичан, оставим это на их совести. Большинство воспоминаний писалось много позже Крымской войны, когда на высочайшем уровне было принято решение считать выдающуюся военную глупость историческим подвигом.

Нечто подобное повторила военная история позднее. В сражении под Марс-ла-Туром прусские 7-й кирасирский и 16-й уланский полки (всего 6 эскадронов) получили приказ атаковать французскую артиллерию и взяли батарею. После этого офицеры не сумели удержать строй и вся кавалерийская масса рванулась вперед, сметая все и всех на своем пути, пока не получила удар во фланг от французских гусар и конных егерей.

Потом все как и при Балаклаве — огромные потери и героический эпос.⁹³⁵ Знала подобное и российская военная история. В сражении под Лейпцигом в 1814 г. в первый его день атака русского лейб-казацкого полка создала серьезные проблемы почти сотне эскадронов французской кавалерии Мюрата.⁹³⁶ Но вот в отечественный эпос это почему-то не попало...

Уланы были временным военным формированием, заброшенным на Крымский полуостров обстоятельствами войны, прежде всего неожиданной высадкой там союзных войск в сентябре 1854 г.

Сводный уланский полк был сформирован из запасных и резервных эскадронов уланских полков 2-й, 3-й, 4-й, 5-й легких кавалерийских дивизий, основные эскадроны которых находились на Дунайском театре военных действий. Это Литовский, Волынский, Вознесенский, Ольвиопольский, Бугский и Одесский уланские полки. Основная масса была из молодых солдат первого года службы.

Командование российскими войсками, прежде всего лично главнокомандующий фельдмаршал Паскевич, считали в начавшейся войне главными стратегическими направлениями Западный и Дунайский театры военных действий. При отчетливо обозначившейся угрозе переноса военных действий на территорию империи в Крым, перед российским командованием встал вопрос усиления группировки на полуострове. С этой целью началось, по причине нехватки кавалерии, формирование полков из резервных частей, в том числе так называемых сводных, то есть включавших резервные части из разных соединений.

12 (25) октября 1854 г. скучному и монотонному несению разъездной службы улан пришел конец. Полк получил приказ выдвинуться в долину Черной, где примкнуть к отряду генерал-лейтенанта Липранди. Тотлебен указал в его составе 6 эскадронов, но на деле его численность уменьшилась сначала на треть, а в сражении с английской кавалерией участвовала вообще половина.

Получив приказ, командир полка полковник Еропкин оставил в Байдарской долине для аванпостной службы 2-й дивизион, состоявший из личного состава запасных

⁹³⁴ <http://www.medalcollector.co.uk/pdf/1101.pdf>

⁹³⁵ Зедделер, барон. Пехота, артиллерия и кавалерия в бою и вне боя в германо-французской войне 1870–71 годов//Военный сборник. № 7. СПб., 1987 г. С. 78–79.

⁹³⁶ Скобелев П. Прошедшее и будущее кавалерии (статья первая)//Военный сборник. № 7. СПб., 1878 г. С. 81.

и резервных эскадронов 4-й легкой кавалерийской дивизии: Ольвиопольского и Вознесенского уланских полков.⁹³⁷ Придя числом в 4 эскадрона под Балаклаву, полк продолжил дробиться. Эскадрон Бугского полка, действуя в отряде Гриббе, вместе с сотней Донского № 53 казачьего полка занял часовню Иоанна Постного. Оставшиеся три эскадрона примкнули к левому флангу колонны Семякина.⁹³⁸

Когда редуты были взяты, а их защитники перебиты или бежали, Сводный уланский полк занял позицию между редутами № 2 и № 3. Корибут-Кубитович не уточняет, вернулся ли сюда эскадрон из часовни Иоанна Постного.⁹³⁹ Вероятно, что нет, тем более сам Липранди в рапорте Меншикову однозначно говорит об участии в деле трех эскадронов Сводного уланского полка.⁹⁴⁰

Значит, на пути пытавшейся вырваться из западни, в которую она сама себя загнала, Легкой бригады встали три эскадрона Литовского, Волынского и Одесского уланских полков. Далее, как писал Ушаков, «...Липранди приказал Сводному уланскому полку, скрыто расположенному за укреплением № 3, ударить во фланг неприятелю».⁹⁴¹

Следуя приказу, уланы должны были нанести удар по флангу неприятеля, который, «...добравшись до моста, стал отступать и возвращался рысью, сохраняя порядок».⁹⁴²

Заехав левым плечом, они пошли на рысях вдоль порядков русской пехоты. При этом один из батальонов Одесского полка открыл по ним огонь. Ошибка стоила уланам 2 лошадей и 3 человек. Одесцы объясняли это цветом лошадей улан, позволившим им принять их за англичан. Но случившееся не катастрофа. «Дружественный

Обер-офицер уланских полков в шинели. 1854–1855 гг. Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск с рисунками, составленное по высочайшему повелению. 1841–1862 гг.

⁹³⁷ Корибут-Кубитович. Воспоминания о Балаклавском деле 13-го октября 1854 г. // Дубровин Н.Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Выпуск IV. СПб., 1872 г. С. 27.

⁹³⁸ Корибут-Кубитович. Воспоминания о Балаклавском деле 13-го октября 1854 г. // Дубровин Н.Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Выпуск IV. СПб., 1872 г. С. 50.

⁹³⁹ Корибут-Кубитович. Воспоминания о Балаклавском деле 13-го октября 1854 г. // Дубровин Н.Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Выпуск IV. СПб., 1872 г. С. 53.

⁹⁴⁰ Донесение генерал-адъютанту князю Меншикову начальника 12-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Липранди от 14-го октября, № 3.076 // Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. Под ред. Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 25.

⁹⁴¹ Ушаков Н. Описание атаки русских войск на Кадыкойские высоты 13-го (25-го) октября 1854 года // Материалы по истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. IV. СПб., 1872 г. С. 36.

⁹⁴² Энциклопедия военных и морских наук. Под ред. генерал-лейтенанта Леера. Том 1. СПб., 1888 г. С. 312–313.

Трубач Бугского и обер-офицер Одесского уланских полков. 1830–1833 гг. Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск, с рисунками, составленное по высочайшему повелению. 1841–1862 гг.

огонь» был, есть и останется столько, сколько мир будет периодически устраивать войны.

Липранди принял правильное решение. Лучшее, что можно было предпринять в столь ограниченное время. Если бы не бессмысленное метание бригады Рыжова, можно назвать его как идеальной тактической западней. Недаром упомянутый генерал потом оправдывал свои действия неким заманиванием неприятеля в нее.

Педжет характеризует ситуацию как полное отсутствие опасности с тыла, так как никто не преследовал и не пытался преследовать англичан, и смертельную опасность с фронта, которую представляли для них, занявшие позицию в отлично выбранном месте «Teropkine». Так он именует русских уланы.⁹⁴³

Дойдя до дороги, ведущей к Трактирному мосту, уланы развернулись из колонн в линию и через считанные секунды столкнулись с британцами. Только оказался это не рассеянный и измотанный враг, а вполне сохранившие порядок эскадроны.

Это о той стычке говорил Энгельс, упомянув, что английская кавалерия «...уже поворачивала обратно, как вдруг

русские уланы атаковали ее с фланга. Они только что подошли и сразу напали на утомленную британскую конницу. На этот раз, несмотря на частичные успехи англичанам, пришлось отступить и русские совершенно разбили их...».⁹⁴⁴

Британцы любят подчеркивать организованность своего отступления. Пожалуй, позволю себе не согласиться с этим, пусть даже рискуя в очередной раз навлечь на себя гнев фанатов английской версии сражения, которые приведут как контраргумент слова Корибут-Кубитовича: «Нужно отдать справедливость англичанам: они представляли верх совершенства в этом отношении и шли на рысях в порядке, как на учении».⁹⁴⁵

Но ведь и Рыжов, и Кожухов пишут о страшной неразберихе, где перемешались русские и англичане, превратившейся в хаос? Ни о каком сохранении порядка говорить уже не приходилось: каждый дрался сам за себя и стремился к единственной цели: выжить и вырваться. Они совершенно правы. Преследуя гусар и казаков, 4-й,

⁹⁴³ The Light Cavalry Brigade in the Crimea Extracts from the Letters and Journal of General Lord George Paget. London. 1881. P. 192.

⁹⁴⁴ Энгельс Ф. Балаклава (<http://lugovoy-k.narod.ru/marx/10/72.htm>).

⁹⁴⁵ Корибут-Кубитович. Воспоминания о Балаклавском деле 13-го октября 1854 г. // Дубровин Н. Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Выпуск IV. СПб., 1872 г. С. 58.

11-й, 13-й и 17-й полки распались на мелкие группы и не могли даже близко походить на те красивые линии, в которых начинали атаку.

Точно так же прав и Кубитович. Просто он видел других англичан. Образцово маневрировавший отряд, который атакowali уланы, мог быть только относительно пострадавшим 8-м гусарским полком, который полковник Шуэлл вел в третьей линии.

Эта линия получилась случайно. Полк сильно отстал от второй линии. Шуэлл и майор де Салис в дыму постоянно теряли направление и потому не переводили эскадроны на галоп, стараясь держаться за бывшие перед ними 13-й и 17-й полки. Когда видимость совершенно ухудшилась, перед ними оказался своим правым флангом 4-й полк Педжета. Шуэлл, посчитав по идентичности униформы, что это 13-й полк, решил, что слишком сократил дистанцию, и еще больше замедлил движение своих людей, стараясь одновременно сохранять строй, отстав от основных сил бригады почти на 400 м.

Потеряв много людей от огня артиллерии, гусары «нырнули» в пыль и дым перед батареей и выскочили из него в тот момент, когда уланы Еропкина только подходили к намеченному месту, которому отводилась роль эшафота для попавшей в западню Легкой бригады.

Калторп говорит, что 8-й гусарский проскочил батарею или то, что там оставалось, пронесся дальше и поняв, что перед ними разверзлась, как написал позднее Тениссон, «пасть дьявола», развернулся, сметая все и всех на своем пути, и в порядке рванул назад.

Трудно сказать, кого они «смели», вероятно, лишь одиночных казаков и гусар, имевших несчастье оказаться на их пути. Красиво сделав разворот, гусары Шуэлла унеслись обратно в дым,⁹⁴⁶ вызвав известный всем восторг Корибут-Кубитовича.

По пути к 8-му полку присоединилось несколько кавалеристов из других полков, в том числе в прошлом «герой-любовник», супер-звезда английской театральной сцены, а ныне рядовой кавалерии Вильям Пеннингтон, написавший позднее отцу о происходившем с ним в этот день: «...Доблестное сражение нашей кавалерии в Балаклаве было безумием. Ты увидишь, как газеты будут писать о нем, назовут его словами «сражение пушек на передовой». Мы двигались галопом к этим пушкам через шрапнель и картечь на обоих флангах, и пехота тоже бежала за нами под этим сплошным огнем. Падали и гибли лошади и люди, но это не могло остановить нашего стремительного натиска. Все русские артиллеристы были зарублены — и мы завладели пушками. Но без поддержки нам их было не удержать. Этот бой с русской пехотой и кавалерией и это отчаяние, с которым наши парни переживали сложившееся положение — все это нельзя назвать просто отступлением. А что касается меня, то я недотянул до пушек на переднем крае, крупная картечь попала в мой кивер, пробив его в двух дюймах от головы, другая попала в ногу, а следующая — в голову лошади (прекрасная черная кобыла). Тут я был уже, так сказать, на милости их казаков. Демоны не дают тебе покоя, если ты не в седле. В этот момент я увидел, как приближается 8-й гусарский полк с лошадей без всадника. Вскочив на нее, я как со своим собственным полком ринулся в атаку. Но ситуация все ухудшалась, нам пришлось развернуться — сильная вражеская кавалерия зашла в тыл, отрезая путь к отступлению. Пробыться — теперь это был вопрос жизни и смерти для оставшейся

⁹⁴⁶ Calthorpe, Somerset John Gough. Letters from head-quarters; or, The realities of the war in the Crimea, by an officer of the staff. Vol I. London. 1857. P.314–317.

горстки людей. Мы бросились, ломились через них, на место одного человека вставал другой».⁹⁴⁷

По схеме Смита уланы дважды сталкивались с англичанами. Но второй раз дело до сильной схватки не доходило. Когда 8-й гусарский, описав дугу (как раз тот самый красивый разворот, который увидел Корибут-Кубитович), прошел через пустую позицию 1-го дивизиона Донской батареи, русские практически не трогали британцев.⁹⁴⁸

Столкновение с уланами Еропкина было молниеносным. Майор Тиньков, командир дивизиона, оставшийся старшим в полку, замещая отозванного к Липранди Еропкина, выбрал место, где уланы спокойно дожидались отступающую английскую кавалерию. 1-й эскадрон ротмистра Вержбицкого, повернув направо, а потом во фронт, первым бросился на англичан, внезапно выросших перед ними.⁹⁴⁹

Похоже, уланы встретили англичан залпом из карабинов, получив который в упор, последние решили судьбу не испытывать. Две пули в грудь получил лейтенант Фитцгibbon, родственник бывшего вице-канцлера Ирландии.

Тело этого ирландского офицера так и не будет найдено. Вокруг его судьбы ходила масса слухов и легенд. По одной из них, которую Киплинг обрисовал в своей поэме «Человек, который был», он остался в российском плену, но в 1870 г. был в Индии, где посетил свой полк. Статуя Фитцгibbonа в униформе 8-го полка долгое время стояла на мосту в Лимерике, пока в силу различных причин ее не убрали.

Отбив Шуэлла, эскадроны Еропкина выстроились в линию возле дороги, ведущей на Мекензиевы горы, считая, что с неприятелем покончено. Успокоились они рано. Вскоре, вся в клубах пыли, показалась новая группа кавалерии, которую уланы посчитали за возвращавшихся на место гусар Рыжова.⁹⁵⁰ Через мгновение стало ясно, что это рвущиеся к своим остатки английской бригады.

Самого Еропкина в это время при полку не было. Так получилось, что он подъехал к уланам, когда его подчиненные уже «гоняли зайцев» по долине, чем объясняется его сравнительно легкая стычка с несколькими британскими кавалеристами. Возможно, отсутствие командира полка и разрозненные действия эскадронов и помогли самоорганизовавшейся части англичан уйти целыми из суровой переделки.

Чтобы «скрасить» прокол, родилась легенда о могучем кулаке и сбитых им с седла английских драгунах. История о боксерском поединке Еропкина происходит из воспоминаний Дена, который за несколько дней до событий встретил полковника и обратил внимание, что тот не носит саблю, на что последний ответил: «...На что мне сабля? Пусть наскочет, я и без оружия приму как следует», показав при этом свой огромный кулак. Все, что было потом, уже из серии «...через две недели мне рассказали».⁹⁵¹

Уходила уже не бригада, и даже не ее полки. Спасали жизнь ее остатки. Кого-то смогли собрать офицеры, не потерявшие голову и думавшие не только о том, как выжить самим, но и как вывести своих солдат. Например, храбрый полковник Педжет, который, сумев сплотить вокруг себя своих солдат, а заодно и людей из других

⁹⁴⁷ Шавшин В. Г. Над «Долиной смерти» (Балаклавское сражение). Симферополь, 2002 г. С. 117.

⁹⁴⁸ Mollo, John and Boris. Into the Valley of Death. The British Cavalry Division at Balaklava 1854. London. 1991. P. 28–30.

⁹⁴⁹ Нагорный К. Сражение при Кадьюке (Балаклаве)//Воин (новый). №9. М., 2010 г. (<http://siberia-miniatures.ru/forum/showthread.php?fid=10&tid=343>).

⁹⁵⁰ Корибут-Кубитович. Воспоминания о Балаклавском деле 13-го октября 1854 г.//Дубровин Н. Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Выпуск IV. СПб., 1872 г. С. 59.

⁹⁵¹ Записки Владимира Ивановича Дена//Русская старина. Том 65. СПб., 1890 г. С. 666.

полков, повел их на прорыв из смертельной ловушки. Кто-то прорывался сам или соединившись с товарищами. Хемли говорит, что англичане выходили в основном небольшими группами по два-три человека, многие из которых объединялись, чтобы вывезти раненного товарища.⁹⁵²

Отдельные раненные англичане, не в силах уже двигаться, сами сдавались в плен. Несколько таких, по воспоминаниям врача Азовского полка Генрици, просто пришли на перевязочный пункт за помощью.

Группу Педжета (примерно 70 человек из 4-го и 11-го полков) уланы Сводного полка встретили сильным ударом с фронта: «...атака эта была произведена стройно и решительно, имела блестящий успех».⁹⁵³

Впоследствии отдельные участники сражения подвергли сомнению эффективность этой атаки, утверждая, как, например, Кожухов, что «...«Мы видели, что уланы пошли в атаку, но блистательной атаки не видали...»».⁹⁵⁴ Сержант Смит, например, утверждает, что их встретил только один эскадрон уланы, через который им удалось пробиться.

Говорить о блистательной атаке нет смысла. Не потому, что ее не было, а потому, что ее и не могло быть. Хотя сейчас и пытаемся разобраться в хитросплетениях маневров русской и английской кавалерии, мы вряд ли определим их точно. Очень много разночтений у самих участников. Многие видят только то, что считали нужным видеть, другие путаются со своим местоположением и запутывают исследователей. Поэтому как бы я ни расписывал это событие, описание никогда не будет гарантированно точным. Но смысл события при этом совершенно ясен. Как и его итог.

Кожухов во многом прав, хотя в силу позиции своей батареи у входа в Чоргунское ущелье⁹⁵⁵ просто не мог видеть всего происходившего в долине и мнение, похоже, составлял по воспоминаниям участников. Уланы не смогли нанести смертельный удар

Унтер-офицер Вознесенского уланского полка. 1843–1855 гг. Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск, с рисунками, составленное по высочайшему повелению. 1843–1862 гг.

⁹⁵² Hamley, Sir Edward Bruce. The War in the Crimea. London. 1891. P. 120–121.

⁹⁵³ Донесение генерал-адъютанту князю Меншикову начальника 12-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Липранди от 14-го октября, № 3.076//Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. Под ред. Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 25.

⁹⁵⁴ Кожухов С. Несколько слов по поводу записки генерал-лейтенанта Ив. Ив. Рыжова о Балаклавском сражении//Материалы по истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. IV. СПб., 1872 г. С. 84–85.

⁹⁵⁵ Кожухов С. Несколько слов по поводу записки генерал-лейтенанта Ив. Ив. Рыжова о Балаклавском сражении//Материалы по истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. IV. СПб., 1872 г. С. 69.

сплоченной группе англичан, умело маневрировавших и в последнюю секунду избежавших столкновения.⁹⁵⁶ Хотя офицеры Педжета, как и он сам, увидев перед своим фронтом плотную линию русской кавалерии, поняли, что оказались за минуту до катастрофы.

Не будем идеализировать роль Сводного полка. Те краткие минуты, которые он провел в схватке с неприятелем, были скорее «демонстрацией намерений», чем ожесточенным боем. До «кавалерийского шока» дело во всех случаях не дошло. Но свою часть военной «работы» уланы выполнили добросовестно: «...английская кавалерия... была обращена назад и возвратилась с громадными потерями».⁹⁵⁷

Столкновение с ними окончательно расстроило едва устроенный порядок британцев. Отныне сражение стало напоминать охоту русских кавалеристов за британскими коллегами, ту самую «охоту за зайцами». Они, отбиваясь из последних сил, развалившись или на малые группы, или вообще оставшись в одиночестве, да еще и на уставших конях, пытались вырваться из опасности. Иных одиночек атаковали группами по несколько человек, и горе было тем, кто не смог отбиться от преследования. Особенно никого не жалели.⁹⁵⁸

Некоторым англичанам просто везло. Лейтенант Перси Шо-Смит, рука которого была повреждена в результате несчастного случая на охоте в Ирландии незадолго до Крымской войны, получил разрешение для продолжения военной службы. Так как он не мог держать саблю, тем более владеть ею, для этого у него имелся специальный держатель, который он обычно и носил. Но именно в то утро 25 октября 1854 г. в темноте своей палатки он не смог его найти и отправился в атаку, управляя лошадью левой рукой. Револьвера у него тоже не было, и все, что он делал во время атаки, это призывал за собой солдат и поносил врага. В конце концов, его окружили трое русских улан — двое сбоку и один спереди. Первым атаковал улан слева, и в попытке отвести удар пики Смит поцарапал свою левую руку. Другой спереди ударил своей пикией ему в грудь. Не имея возможности защищаться, Смит поднял лошадь на дыбы и обрушился на нападавшего. Удар пики пришелся на кость. Его спасли подходившие гусары из 11-го полка, благодаря которым он вернулся из боя, еще и получив позднее за проявленную храбрость звание капитана.

Уланы преследовали остатки Легкой бригады почти до 4-го редута. В помощь им «...были рассыпаны по опушке кустарника две роты стрелкового батальона и легкая № 7 батарея под командою капитана Боженова, повернув хоботы, навела орудия по пути отступления неприятеля и вместе со штуцерниками довершила картечью поражение спасавшихся бегством остатков английской кавалерии».⁹⁵⁹

Молодые малоопытные солдаты Сводного полка вполне спасли честную репутацию русской кавалерии, слегка поблекшей после схватки с английскими противниками. Три эскадрона напористо атаковали всех, кто попадался им на пути: «Вся Европа изумлялась отваге Легкой бригады Кардигана, но ведь и наши уланы — бутцы и одесцы, избывшие эту знаменитую бригаду, как будто тоже неплохи».⁹⁶⁰

⁹⁵⁶ Cecil Woodham Smith's. *The Reason Why*. New York. 1953. P. 242–259.

⁹⁵⁷ Петраков. Атаки на артиллерию пехоты и кавалерии//Военный сборник. № 8. СПб., 1895 г. С. 375–416.

⁹⁵⁸ Layard, Austen Henry. *La Première campagne de la Crimée ou les batailles mémorables de l'Alma, de Balaklava et d'Inkermann*, par Austin Layard. Traduction, autorisée par l'auteur, par A.-E.-S. Jervis. Bruxelles. 1855. P. 73–74.

⁹⁵⁹ Ушаков Н. Описание атаки русских войск на Кадыкийские высоты 13-го (25-го) октября 1854 года//Материалы по истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. IV. СПб., 1872 г. С. 36.

⁹⁶⁰ Керсновский А. А. История Русской армии. Том 2. М., 1994 г. С. 134.

Французский рисунок на тему англо-франко-турецкой дружбы во время Крымской войны.

Английские авторы «скромно» умалчивают, например, что в этом случае нельзя говорить ни о каком их подавляющем численном превосходстве. Нечасто вы найдете у британцев упоминания о самих русских уланах. Чаще говорят о казаках, но это объяснимо: они вечно мерещатся англичанам за каждым пригорком.

Один из тех, кто в составе полка участвовал в Балаклавском сражении, впоследствии стал фигурой для Крыма знаковой. Влекомый патриотическим порывом молодой студент Николай Головкинский оставил университет и прибыл на крымский театр военных действий, поступив унтер-офицером в Сводный уланский полк. Таких неопытных офицеров в резервной кавалерии было большинство. Впоследствии он станет одним из известнейших российских ученых-геологов, исследователем гидрологии Крыма. Его именем будет назван водопад над Алуштой. Крымской войне он посвятит несколько стихотворений, в которых видно, насколько тяжело воспринято им поражение Российской армии в Крыму: «бесцельно тратились златые силы».⁹⁶¹

В 1856 г. резервную уланскую дивизию расформировали. За год до этого в Геническе от тифа скончался командир Сводного уланского полка полковник Еропкин.

⁹⁶¹ http://alushtatur.ru/Professorskiy_ugolok-613.html

КАК ФРАНЦУЗЫ АНГЛИЧАН ИЗ НЕПРИЯТНОСТЕЙ ВЫТАСКИВАЛИ

«Это была благородная жертва, принесенная французами ради своих союзников, но, к сожалению, малоизвестная».

А.Трубецкой, канадский историк.

Действие французских войск в сражении у Балаклавы часто попадает в тень сиятельной доблести именитых союзников. Это одна из наиболее распространенных, но вполне объяснимых ошибок. Хотя в англоязычной военно-исторической литературе этому эпизоду уделено мало внимания, на деле исключительно действия французской кавалерии спасли английскую Легкую бригаду от окончательной катастрофы и поголовного истребления.⁹⁶²

Возможно, прав был покойный к этому времени Сент-Арно, когда написал после Альмы Императору: «Государь, если бы у меня была кавалерия, Меншиков сейчас был бы без армии».⁹⁶³ Но тогда у французов кавалерии не было, а сейчас она появилась и они не преминули продемонстрировать англичанам, что со времен Наполеона Бонапарта применять ее по назначению не разучились.

Канробер с первых минут сражения контролировал ситуацию и был готов в любую минуту вмешаться в развитие событий. Потому активное участие французских войск в Балаклавском сражении началось не в его последней стадии, когда по уже сложившейся традиции Крымской войны пришлось спасать попавших в затруднительное положение англичан от полного разгрома, а несколько раньше, едва ли не с первыми выстрелами, раздавшимися у передовой линии редутов.

Через час после начала действий русских Канробер получил первую информацию о том, как развиваются события. К этому времени большая часть французских войск, едва услышав орудийную канонаду, находившаяся на правом фланге, была поднята по тревоге и готова к действиям.⁹⁶⁴

В 7.30 командующий понял, что ситуация гораздо сложнее, чем она представляется английскому командованию, и все может закончиться плачевно. По его приказу бригада Вино первой начала выдвижение к месту событий с задачей обеспечить стык с английскими союзниками. Бригада Эспинаса, которой по-прежнему командо-

⁹⁶² Austin J, Douglas. The Battle of Balaklava and the 4th Chasseurs d'Afrique//The War Correspondent. Vol. 26. N3. October 2008. P. 32.

⁹⁶³ Roemer, J. (Jean). Cavalry: its history, management, and uses in war. New York. 1863. P. 163.

⁹⁶⁴ Fay, Charles Alexandre. Souvenirs de la guerre de Crimée, 1854–1856. Paris. 1889. P. 87.

вал Бурбаки,⁹⁶⁵ оставалась на месте в готовности поддержать артиллеристов и кавалерию.⁹⁶⁶ Французские полки выстроились по скату Сапун-горы правее 2-й пехотной дивизии. За ними подходила и турецкая пехота.

В долину начали спускаться стрелки и две конные батареи.⁹⁶⁷ Боске со своим штабом занял место, откуда хорошо мог видеть местность.⁹⁶⁸ Он стал первым, кто понял, что союзники попали в западню, из которой их нужно было срочно вытаскивать.⁹⁶⁹

Примерно в 11 часов Канробер с офицерами своего штаба прибыл к Раглану.⁹⁷⁰ В это же время два эскадрона африканских егерей (примерно 350 чел.)⁹⁷¹ прошли слева от еще (или уже не?) занятых турками редутов №№ 5 и 6, пересекли Воронцовскую дорогу и вместе с двумя прибывшими батареями составили резерв.

Генерал Моррис, опытнейший командир, известный своими отчаянными выходами в Северной Африке, которому одного взгляда на развернувшийся бой хватило, чтобы понять всю сложность положения, в которое сами себя загоняли англичане, начал действовать не дожидаясь их просьб о помощи. Французы всегда были энергичнее своих союзников, хотя через 5 лет после Балаклавы Морриса самого будут обвинять в нерешительности в сражении при Сольферино.⁹⁷² Но в этот день он не колебался. Англичане оценили решительность генерала: Королева Виктория личным указом наградила его Большим крестом Ордена Бани, высшей в то время наградой Англии.⁹⁷³

Но и это было еще не все их преимущество. Психология Французской армии, значительно меньшее число бюрократов в мундирах, порожденных длительным мирным периодом, делали путь приказа от его отдачи до исполнения должностными лицами значительно короче. Старшие офицеры и генералы армии Наполеона III были не только образованнее джентльменов Королевы Виктории — они были

Драгун 4-го легкого драгунского полка в походном снаряжении. Балаклава 1854 г. Рисунок карандашом генерала Вансона. Музей армии. Париж.

⁹⁶⁵ Fay, Charles Alexandre. *Souvenirs de la guerre de Crimée, 1854—1856*. Paris. 1889. P. 89.

⁹⁶⁶ Du Casse, Pierre Emmanuel Albert. *Précis historique des opérations militaires en Orient de mars 1854 à septembre 1855*. Paris. 1856. P. 156—160.

⁹⁶⁷ Auger, Charles. *Guerre d'Orient: siège de Sébastopol: historique du service de l'artillerie (1854—1856)*. Tome 1. Paris. 1859. P. 119—120.

⁹⁶⁸ Вудс говорит, что Боске занял свое место в тот момент, когда русскими был взят редут № 3 (Woods I. A. *The Past Campaign: A Sketch of the War in the East, from the Departure of Lord Raglan to the Capture of Sevastopol*. Vol. II. London. 1855. P. 64—65).

⁹⁶⁹ Jouve, Eugène. *Voyage à la suite des armées alliées en Turquie, en Valachie et en Crimée: guerre d'Orient*. Paris. 1855. P. 347—348.

⁹⁷⁰ Calthorpe, Somerset John Gough. *Letters from head-quarters; or, The realities of the war in the Crimea, by an officer of the staff*. Vol. I. London. 1857. P. 311—312.

⁹⁷¹ Woods I. A. *The Past Campaign: A Sketch of the War in the East, from the Departure of Lord Raglan to the Capture of Sevastopol*. Vol. II. London. 1855. P. 64—65.

⁹⁷² *Rôle de la cavalerie française à Traktir et à Solférino, réponse au livre du général Lebrun «Souvenirs des guerres de Crimée et d'Italie»*. Paris. 1890. P. 22—28.

⁹⁷³ Austin J, Douglas. *The Battle of Balaklava and the 4th Chasseurs d'Afrique//The War Correspondent*. Vol. 26. N3. October 2008. P. 37.

Маршал Франсуа Сертен Канробер. В 1854 г. — командующий французским военным контингентом в Крыму.

моложе, часто почти на три десятка лет!⁹⁷⁴ Уже в ходе войны правительство Великобритании с горечью констатировало, что у них появилась каста старых военачальников, порожденная самой государственной системой с ее отсталой подготовкой офицеров и наследством средневековья в виде покупки офицерских патентов.

Насколько офицеры Наполеона были моложе своих британских коллег, настолько же они были и решительнее. Лучший тому пример — последовавшее во время разгрома Легкой бригады ее спасение, предпринятое эскадронами двух полков африканских егерей с двумя конными батареями.⁹⁷⁵ Одной из батарей командовал капитан Тома, один из будущих известных французских военных писателей и генерал.

Атака французов последовала скоро. Поняв, что их союзники опять оказались «по уши» и если не прекратить их избие-ние, то они в нем и утонут, французские командиры начали действовать.

Незадолго до них попытку спасти остатки Легкой бригады предприняли полки первой линии бригады Скарлета. Лукан, получив странный приказ, отправил своего адъютанта капитана Уокера к командиру Тяжелой бригады с требованием помочь Кардигану.⁹⁷⁶ Но Скарлет, понимавший, что в этом случае и его кавалеристы будут вынуждены пройти под шквалом огня русской артиллерии, предусмотрительно остановил свои эскадроны, едва только первые снаряды накрыли его драгун. Как мы помним, своему другу, артиллерийскому капитану Шекспиру. Уокер вообще не обмолвился о приказе. Французы оказались умнее.

Генерал Моррис, наблюдая происходящее в долине, не мог понять смысла безрас-судно храбрых,⁹⁷⁷ но катастрофически безумных («поправших благоразумие»)⁹⁷⁸ англичан, но явно видел грозившую им смертельную опасность, потому не колебался ни единой минуты.⁹⁷⁹ Капитан де Рамбо передал Аллонвилю приказ атаковать рус-скую батарею и прикрывавшую ее пехоту, поражавшую огнем левый фланг англий-ской кавалерии.

⁹⁷⁴ A Remedy for the evils that have caused the destruction of a large portion of the British Army before Sevastopol. Printed by E. Brière. London. 1855. P. 150–152.

⁹⁷⁵ Осада Севастополя 1854–1856. Составлено капитаном прусской артиллерии Вейгельтом. СПб. 1863 г. С. 60.

⁹⁷⁶ <http://www.medalcollector.co.uk/pdf/1101.pdf>

⁹⁷⁷ Bazancourt, César Lecat. L'expédition de Crimée: l'armée française à Gallipoli, Varna et Sébastopol, chroniques militaires de la guerre d'Orient. Tome 2. Paris. 1858. P. 31.

⁹⁷⁸ Molènes, Paul de. Les commentaires d'un soldat. Paris. 1860. P. 94–95.

⁹⁷⁹ Rimbert, Colonel. Les gloires du drapeau. Paris. 1894. P. 623.

Для прикрытия их отступления генерал Аллонвиль, получив точный приказ Морриса, атаковал с только что прибывшим на поле битвы 4-м африканским конно-егерским полком русскую артиллерию, стоявшую на Федюхиных высотах.

Африканские егеря 1-го (полковник де Феррабо) и 4-го полков (полковник Коста де Шамперон) были не только «красивейшей»⁹⁸⁰ бригадой, но и отличными «выносливыми»⁹⁸¹ «ловкими»⁹⁸² бойцами. По позднейшим оценкам этого вида кавалерии русскими офицерами, отмечалось, что ее части «...гораздо более соответствуют требованиям аванпостной службы, как, например, конно-егерские полки, имеющие африканских степных коней, весьма легких и в высшей степени выносливых».⁹⁸³

Егеря были не только элитой французской кавалерии, отличный конский состав позволял им выполнять самые сложные задачи: «...Алжир поставляет прекрасную породу кавалерийских лошадей, и лучшие полки французской кавалерии — *chasseurs d'Afrique* — укомплектованы исключительно ими».⁹⁸⁴

Сами французы, в отличие от русских и англичан, эффективность действий своей кавалерии в Крыму высоко оценили по атаке африканских егерей под Балаклавой. Иногда звучало мнение, что если уж сумели в условиях пересеченной местности чуть не отбить орудия у таких сильных противников, как русские артиллеристы, только одно это дает кавалерии право на будущее.⁹⁸⁵

Атака, которую возглавили лично генерал Аллонвиль и полковник Шамперон,⁹⁸⁶ «...была произведена разомкнутая, en fou rageurs, в алжирском стиле,⁹⁸⁷ и вынудила несколько русских батарей сняться с позиции; выполнена она была смело, искусно и своевременно».⁹⁸⁸ Хотя французы и понесли потери, но свою задачу выполнили полностью.⁹⁸⁹

Французы выгодно использовали ровную местность, особенно ее пологий наклон в сторону русской батареи:⁹⁹⁰ «Два французских эскадрона, сделав заезд, понеслись на нашу позицию. Мы поспешно построили каре. Атака африканских конных егерей ...стремительна».⁹⁹¹

Прорвав без особых усилий стрелковую цепь, егеря ворвались на батарею и принялись рубить ее прислугу.⁹⁹² Первым на батарее оказался 4-й эскадрон майора Абдела-

⁹⁸⁰ Layard, Austen Henry. La Première campagne de la Crimée ou les batailles mémorables de l'Alma, de Balaklava et d'Inkermann, par Austin Layard. Traduction, autorisée par l'auteur, par A.-E.-S. Jervis. Paris. 1855. P. 72.

⁹⁸¹ Du Casse, Albert. Précis historique des opérations militaires en Orient de mars 1854 à septembre 1855. Paris. 1856. P. 163.

⁹⁸² Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856. Том I. СПб., 2002 г. С. 585–586.

⁹⁸³ Анненков М. Н. Война 1870 года. СПб., 1871 г. С. 104–105.

⁹⁸⁴ Энгельс Ф. Кавалерия (<http://www.mihistory.kiev.ua/iskuss/engels/cav.htm>).

⁹⁸⁵ Noe, de. M. La Cavalerie régulière en Campagne. Souvenirs d'Afrique et de Crimée/Revue de Deux Mondes. 2e période. Tome 26. Paris. 1860. P. 344–371.

⁹⁸⁶ Bazancourt, César Lecat. L'expédition de Crimée: l'armée française à Gallipoli, Varna et Sébastopol, chroniques militaires de la guerre d'Orient. Tome 2. Paris. 1858. P. 31–32.

⁹⁸⁷ Jouve, Eugène. Voyage à la suite des armées alliées en Turquie, en Valachie et en Crimée: guerre d'Orient. Paris. 1855. P. 348.

⁹⁸⁸ Денисон. Дж. История конницы. Кн. 1. М., 2001 г. С. 384–385.

⁹⁸⁹ Francis Duberly. Mrs Duberly's War: Journal and Letters from the Crimea, 1854–1856. Oxford University Press. 2007. P. 334.

⁹⁹⁰ Thoumas, Charles. Les transformations de l'Armée française : essais d'histoire et de critique sur l'état militaire de la France. Paris. 1887. P. 493–494.

⁹⁹¹ Розин А. Очерки из Крымской войны (дневник очевидца)//Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами (репринт). М., 1998 г. С. 207–208.

⁹⁹² Rousset, Camille. Histoire de la guerre de Crimée. Tome 1. Edition 2. Paris. 1878. P. 340–341.

ла.⁹⁹³ Рубить, конечно, звучит громко, так как артиллеристы укрылись под орудиями и большинство полученных ими ран носило, скорее, характер глубоких порезов и сильных ушибов от ударов. Да и судя по воспоминаниям Горбунова, егерей было не так уж много.⁹⁹⁴

Спасли ситуацию батальоны Владимирского пехотного полка, принявшие в свои интервалы батарею, которая оказалась «почти без урона».⁹⁹⁵

Полк с началом сражения занял свое место на Федюхиных высотах и до этого времени остался лишь зрителем разворачивавшегося перед ним сражения.⁹⁹⁶ Случайно долетавшие до них гранаты рвались преимущественно в воздухе, не долетая до владимирских батальонов, и особого беспокойства не доставляли. Ниже прикрываемой полком батареи выставили цепь штуцерных, впереди цепи, преимущественно прикрываясь кустарником, развернулись пластуны. Последние произвели впечатление на солдат, когда не творили молитву, как все, перед боем, а лишь перейдя реку и омывшись чистой водой.⁹⁹⁷

Они же открыли сильный огонь по французским кавалеристам, заставив их отступить. Умелые и спокойные действия пластунов, спокойно встречавших кавалеристов выстрелами с земли, произвели впечатление на владимирцев.

«Во время нападения африканских конных егерей на батарею... пластуны первыми открыли по этим удалцам ружейный огонь. При этом один из пластунов (они все время находились в кустах) только что лежа выстрелил и встал, чтобы зарядить ружье, как навстречу ему скакал один отсталый всадник и готовился уже саблей снести голову. В это мгновение пластун, падая на спину, выстрелил почти в упор и убил всадника, потом медленно встал и начал вновь заряжать ружье. Замечательны их хладнокровие и находчивость; причем все это делалось не спеша, не выказывая никакой особой суетливости».⁹⁹⁸

Черноморцы действительно, рассыпавшись по кустарнику, не стали по пехотной методе сбиваться в кучки, а продолжали действовать поодиночке, демонстрируя особенное умение стрелка распоряжаться своими выстрелами. От сабельных ударов они умело защищались, в результате ни один не погиб от холодного оружия, хотя царапины имели многие: «набиты были пьявки».⁹⁹⁹

⁹⁹³ Bazancourt, César Lecat. L'expédition de Crimée : l'armée française à Gallipoli, Varna et Sébastopol, chroniques militaires de la guerre d'Orient. Tome 2. Paris. 1858. P. 31–32.

⁹⁹⁴ Воспоминания об участии при защите г. Севастополя бывшего в то время полковым адъютантом Владимирского пехотного полка поручика, ныне отставного майора Наума Александровича Горбунова//Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами. Том I. СПб., 1872 г. С. 66.

⁹⁹⁵ Розин А. Очерки из Крымской войны (дневник очевидца)//Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами (репринт). М., 1998 г. С. 207–208.

⁹⁹⁶ Вероятно, что командовал им назначенный после гибели полковника Ковалева на Альме командиром подполковник Ракович. Новый полковой командир полковник барон Николай Иванович Дельвиг прибыл лишь вечером после сражения (Воспоминания об участии при защите г. Севастополя бывшего в то время полковым адъютантом Владимирского пехотного полка поручика, ныне отставного майора Наума Александровича Горбунова//Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами. Том I. СПб., 1872 г. С. 66.

⁹⁹⁷ Воспоминания об участии при защите г. Севастополя бывшего в то время полковым адъютантом Владимирского пехотного полка поручика, ныне отставного майора Наума Александровича Горбунова//Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами. Том I. СПб., 1872 г. С. 65–66.

⁹⁹⁸ Воспоминания об участии при защите г. Севастополя бывшего в то время полковым адъютантом Владимирского пехотного полка поручика, ныне отставного майора Наума Александровича Горбунова//Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами. Том I. СПб., 1872 г. С. 66.

⁹⁹⁹ Есаул. Черноморцы-пластуны в Севастополе//Военный сборник. № LXLV. СПб., 1874 г. С. 13.

Французы сами признают, что первые потери, в том числе двоих офицеров, они понесли от стрелков, стрелявших с земли. Пластуны спешили нескольких егерей, один из которых избежал плена лишь благодаря трубачу эскадрона.¹⁰⁰⁰

Офицер африканских егерей, капитан Дангла, увлекшись атакой, доскакал почти до самых штыков одного из каре Владимирского полка и был там убит.¹⁰⁰¹ Похоже, именно его смерть была описана офицером Владимирского полка Розиным в своих воспоминаниях.

«В минуту самой жаркой схватки к нашему фронту подскочил французский офицер, крича с польским акцентом по-русски: «руби их, русских!».

Мне очень хотелось взять его живым. Я предупреждал свой фас, чтобы, не трогая седока, подбили только его лошадь. Но тут же чья-то пуля, шагах в десяти от линии фронта, повалила его на землю. После отбития атаки я подошел к этому интересующему меня и так отчетливо ругавшемуся по-русски субъекту. Он оказался смертельно раненным, однако несмотря на то, озлобленный вопросом моим, как он попал в ряды неприятеля, еще мог приподнять револьвер, намереваясь выстрелить. Сопровождавший меня солдат, угадав эту мысль, остановил его руку».¹⁰⁰²

Розин упоминает и другого пленного французского офицера, получившего несколько штыковых ран, которого он увидел вечером на перевязочном пункте и который, «...чувствуя приближение смерти, обратился к окружающим с просьбой передать парламентарю находившиеся при нем часы и медальон с портретом одной и той же женской личности, что ему, конечно, обещано было с полной готовностью».¹⁰⁰³

Трудно судить, кого на самом деле увидел Розин. Упоминаний о том, что еще кто-то из офицеров африканских егерей оказался в плену и там умер, нет. Возможно, он путает его с одним из офицеров Легкой бригады, в которой легкие драгуны были одеты в униформу синего цвета, как и егеря. Возможно, Розин просто добавляет долю неизменного военно-романтического флера в свои воспоминания, стараясь, таким образом, их оживить. У него вообще в воспоминаниях встречаются совершенные несуслаицы. Только упоминание о еврейском военном оркестре одного из

Драгун 2-го драгунского полка в походном снаряжении. Балаклава. 19 октября 1854 г. Рисунок карандашом генерала Вансона. Музей армии. Париж.

¹⁰⁰⁰ Jouve, Eugène. Voyage à la suite des armées alliées en Turquie, en Valachie et en Crimée: guerre d'Orient. Paris. 1855. P. 348.

¹⁰⁰¹ Bazancourt, César Lecat. L'expédition de Crimée: l'armée française à Gallipoli, Varna et Sébastopol, chroniques militaires de la guerre d'Orient. Tome 2. Paris. 1858. P. 32–33.

¹⁰⁰² Розин А. Очерки из Крымской войны (дневник очевидца)//Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами (репринт). М., 1998 г. С. 208–209.

¹⁰⁰³ Розин А. Очерки из Крымской войны (дневник очевидца)//Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами (репринт). М., 1998 г. С. 209.

Англо-французская дружба в Крымской войне. Рисунок английского полковника (в Крыму — лейтенанта Стрелковой бригады) Вильяма Томаса Маркхема. 1854 г.

пехотных полков 12-й дивизии, попавшем в плен и отпущенном английскими кавалеристами, чего стоит!¹⁰⁰⁴

Действия Владимирского пехотного полка в Балаклавском сражении отражают еще одну не самую лучшую сторону Крымской кампании и Николаевской армии вообще: слабую готовность русской армейской пехоты вести огневой бой — «...стрельбе никогда не учили толком».¹⁰⁰⁵

Этот недостаток во всей своей красе проявился еще при Альме. Балаклава лишний раз подтвердила это. Так, несколько эскадронов французской кавалерии почти вплотную насаждают на каре владимирцев. По Розину, пехота отбивается от них ружейным огнем, по крайней мере, имеет такую возможность. В подобной ситуации в эпоху наполеоновских войн фасы каре были бы «украшены» грудami убитых людей и лошадей. В Крыму африканские егеря обходятся почти без потерь, точнее, с минимальными потерями. Дело не в наличии или отсутствии нарезного оружия. Дело в неумении русской пехоты с толком применять то, что у нее было: «...стреляли наугад, как кому заблагорассудится».¹⁰⁰⁶

Сохранился вполне достоверный анекдот, что однажды в конце 1820-х годов генерал-фельдмаршал Остен-Сакен, инспектируя войска вверенной ему армии, нашел осмотренные им части в стрелковом отношении такими, что выразился следующим образом: «Они в целый уезд стрелять будут, да не попадут».¹⁰⁰⁷

Низкая обученность пехотинцев армейских полков применять свое оружие приводила к самым неожиданным результатам, которые рисовали отнюдь не радостную картину. Глебов приводит пример, как в горячке боя солдаты часто просто вообще не заряжали оружие, стараясь поспеть за общим темпом стрельбы: «У одного раненного солдата, приведенного с оборонительной линии, оказалось все количество патронов на лицо, а капсюлей — ни одного. Когда же унтер-офицер стал допрашивать, куда он растерял капсюли, солдат откровенно сознался, что так как пальба в цепи была частая, то он не успевал заряжать ружья, а стрелял из него одними капсюлями. И таких, быть может, у нас найдется много, которые стреляют по неприятелю не пулями, а капсюлями. Как же после этого французам не одолеть нас?».¹⁰⁰⁸

¹⁰⁰⁴ Розин А. Очерки из Крымской войны (дневник очевидца)//Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами (репринт). М., 1998 г. С. 209.

¹⁰⁰⁵ Зайончковский А. М. Восточная война 1853—1856. Том I. СПб., 2002 г. С. 493—494.

¹⁰⁰⁶ Имеретинский Н. К. Из записок старого преображенца//Русская старина. Том 77. СПб., 1893 г. С. 38—39.

¹⁰⁰⁷ Ширяев Н. Из записной книжки старожила//Исторический вестник. Том 69. СПб., 1895 г. С. 899—900.

¹⁰⁰⁸ Записки Порфирия Николаевича Глебова//Русская старина. Том 121. СПб., 1905 г. С. 536.

Интересно, что в этом случае речь идет об одном из полков 6-го пехотного корпуса, который на смотре 1851 г. Император нашел вполне в удовлетворительном состоянии, хотя церемониальный марш не был блистателен». ¹⁰⁰⁹

Хотя в современной литературе часто стараются преподнести войска этого корпуса как резервные, истине это соответствует лишь частично. Этим полкам было когда заниматься усиленной боевой подготовкой, да и условия их жизни мирного времени были лучше, чем у других. Офицер штаба Меньков, например, отмечал в дневнике даже определенный комфорт: «Солдат 6-го корпуса, конечно, лучше и представительнее солдата действующей армии; он ест русский хлеб, стоит на квартире у земляка, не знает караулов и походов, здоров, смотрит бодро, и весело отбывает обычный лагерь под Москвой». ¹⁰¹⁰

К счастью, французские конные егеря еще не привыкли в отличие от своих коллег из английской легкой кавалерии решать проблемы на поле боя с помощью револьверов и полагались лишь на холодное оружие или ненадежные пистолеты. По этой причине они через год не смогли под Кангиллом сделать разгром откровенно «пропавшего» нападение Елисаветградского уланского полка полным.

«При преследовании в Крыму Елисаветградского уланского полка французской кавалерией д'Алонвиля означенный полк понес бы страшные потери, если бы неприятель был вооружен револьверами. Уланы отступали не собственно от напора следовавшего за ними неприятеля, а из опасения быть окруженными со всех сторон... наступавшими в некотором отдалении частями неприятельской кавалерии. Отступая, уланы огрызались и не раз поворачивались лицом к неприятелю и вообще не допускали французов висеть у себя на шее. Если бы неприятель тогда был вооружен револьверами, то он не только воспользовался бы теми трофеями, которые он извлек, забирая отсталых людей на обессиленных лошадях, но мог бы причинить значительный урон убитыми и ранеными». ¹⁰¹¹

Помешали африканским егерям у Балаклавы и стрелки. Они, может быть, и не нанесли им большие потери, но беспокойства доставили немало своими фланговыми выстрелами. ¹⁰¹² Работу стрелков оценили достойно. Им было пожаловано 6 знаков отличия Военного ордена. ¹⁰¹³

4-й полк африканских егерей стал первой частью Французской армии, получившей отличие "Balaclava" на свое знамя. ¹⁰¹⁴ Не обделили и почти не участвовавший в бою 1-й полк, получивший такое же отличие. ¹⁰¹⁵

Хотя сильного урона русским французы нанести не сумели, их действия были спасением для добываемой русской артиллерией Легкой бригады: «...Впрочем, атака их хотя и не удалась вполне, однако же достигла своей главной цели, ослабив канонаду отряда Жабокрицкого, направленную на отступавшую бригаду Кардигана». ¹⁰¹⁶

¹⁰⁰⁹ Зайончковский А. М. Воспоминания о князе Варшавском графе Паскевиче Эриванском (Отрывок из дневника П. К. Менькова) // Русская старина. Том 89. СПб., 1897 г. С. 337.

¹⁰¹⁰ Зайончковский А. М. Воспоминания о князе Варшавском графе Паскевиче Эриванском (Отрывок из дневника П. К. Менькова) // Русская старина. Том 89. СПб., 1897 г. С. 337.

¹⁰¹¹ Горячев Н. Кавалерийские заметки // Военный сборник. № 5. СПб., 1875 г. С. 87.

¹⁰¹² Краткая история 16-го стрелкового Императора Александра III полка. Одесса, 1904 г. С. 7–8.

¹⁰¹³ Краткая история 16-го стрелкового Императора Александра III полка. Одесса, 1904 г. С. 8.

¹⁰¹⁴ Historique du 4me régiment de chasseurs d'Afrique depuis sa formation 1839 jusqu'à la fin de la Grande Guerre 1919. 1920. Paris. P. 7–11.

¹⁰¹⁵ 1er régiment de chasseurs d'Afrique. En campagne européenne 1914–1919. Paris. 1920.

¹⁰¹⁶ Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 годов. Том III. СПб., 1876 г. С. 111–118.

Атака французских Африканских конных егерей под Балаклавой 25 октября 1854 г.

Энгельс резонно считает, что действия французов стали спасением для британцев: «...Поражение англичан было бы еще гораздо тяжелее, и едва ли вернулся бы хоть один человек, если бы не были предприняты два тактических маневра, поддержавших с обоих флангов атаку легкой кавалерии. Справа лорд Лукан приказал бригаде драгун произвести демонстрацию против русских батарей. Она прогарцевала несколько минут, потеряла от огня русских около десяти человек и поскакала обратно. Но с левого фланга два французских полка африканских егерей, принадлежащих к числу лучших кавалерийских полков в мире, видя, что их союзников бьют, помчались к ним на выручку. Они атаковали батарею, которая, будучи расположена высоко на холме против Владимирского пехотного полка, обстреливала английскую легкую кавалерию с фланга, в одно мгновение прорвались на линию орудий, зарубили саблями артиллерийскую прислугу и затем, выполнив свое задание, отступили, что они сделали бы и в том случае, если бы пехота Владимирского полка не двинулась тотчас же против них».¹⁰¹⁷

¹⁰¹⁷ Энгельс Ф. Сражение под Балаклавой (<http://lugovoy-k.narod.ru/marx/10/72.htm>).

К чести англичан, большинство из них тоже считало, что смелая атака африканских егерей спасла их от полного разгрома, которым грозил отход под огнем русской артиллерии,¹⁰¹⁸ то есть вытащили из того, куда британцы сами себя отправили: «Русская артиллерия продолжала стрельбу, но стреляли только с Верхнего прохода. Русскую артиллерию с Федюхиных высот выбили лихие кавалеристы 4-го французского африканского полка, доказав, на что способна конница при умелом командовании».¹⁰¹⁹

История спасительной для остатков британцев атаки африканских егерей имела продолжение спустя много лет. Она касается долгой дружбы, установившейся между 4-м полком африканских егерей и его «однономерным» собратом — английским 4-м легким драгунским полком. С 1854 г. были установлены неформальные межполковые связи: постоянный обмен делегациями, подарками и личной дружбой между многими из офицеров. В 1909 г. англичане подарили французам великолепную гравюру «Атака легкой бригады». В 1914 г., во время 60-летия сражения под Балаклавой, оба полка (4-й легкий драгунский в это время стал 13-м гусарским) воевали на одном участке фронта Первой мировой войны и участвовали в нескольких сражениях рядом, например, битве за Фландрию. Несмотря на тяжелую обстановку, им удалось, хоть и скромно, но отметить юбилей. Во время войны было не до подарков, но в 1920 г. англичане подарили французскому полку, находившемуся тогда в Тунисе, бронзовую фигуру, изображавшую всадника 4-го легкого драгунского полка во время боя 25 октября 1854 г. Ее приготовили еще до войны, но вручить смогли только после ее окончания. В свою очередь, французы изготовили и подарили 13-му полку панно из дорогого дерева, на котором был изображен африканский егерь на коне и надписи на английском, французском и арабском языках: «4-й полк африканских егерей — 13-му гусарскому полку. В память о Балаклаве. В память о Великой войне. В знак верной дружбы».

Символично было и то, что во время этой войны на базе 4-го полка была сформирована 13-я бригада...¹⁰²⁰

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЛЕГКОЙ БРИГАДЫ

Пока французские африканские егеря «разбирались» с русской батареей, над полем сражения царил драматизм. Возвращение остатков Легкой бригады из боя 25 октября 1854 г. было зрелищем, скорее, жалким. Эпическим оно станет много позже.

Некоторые на грани жизни и смерти совершали поступки поистине трогательные. Майор Хелкет из 4-го полка, которого за заботу подчиненные прозвали «отцом полка», уже будучи смертельно раненным, раздал солдатам деньги — «...это для жен и вдов».¹⁰²¹

Капитан Лоу из 4-го Легкого драгунского полка с трудом вышел к своим. Его лошадь буквально на издыхании, истекая кровью, хлеставшей из оторванной челюсти, вынесла его из боя.

¹⁰¹⁸ Foster, Sir John George Ross of Bladensburg. *The Coldstream Guards in the Crimea*. London. 1897. P. 131.

¹⁰¹⁹ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 152–153.

¹⁰²⁰ *Historique du 4me régiment de chasseurs d'Afrique depuis sa formation 1839 jusqu'à la fin de la Grande Guerre 1919. 1920*. Paris. P. 103–104.

¹⁰²¹ Marsh, Catherine. *Memorials of Captain Hedley Vickers, ninety-seventh regiment*. London. 1856. P. 237–238.

Генерал Аллонвиль. В бою 13 (25) октября 1854 г. командовал французской кавалерией.

Многим из солдат, потерявших своих лошадей, повезло поймать одну из оставшихся без всадников. К таким немногим счастливцам принадлежал Роберт Аштон из 17-го уланского. Лейтенант Смит оказался вообще единственным из 13-го полка, кто вернулся на своей лошади.¹⁰²²

Пауэлл был одним из первых вернувшихся, кто увидел командира бригады: «Возвращаясь из атаки, я увидел, как лорд Кардиган взмахнул своей саблей в правую сторону и слышал, как он сказал: «Мне так жаль Легкую бригаду, но это не была одна из моих безумных выходок!».

Когда бригада, вернее, ее жалкие остатки выходили из долины, Раглан, уже понявший, что случилось непоправимое, двинулся к Лукану. Вместе с командующим и его штабом двигался Канробер. Все хотели узнать о случившемся. Встреча Раглана и Лукана была переполнена злостью. Ее пересказывают по-разному, но конечный смысл оста-

ется неизменным. Раглан обвинил командира дивизии в потере бригады. Лукан, в свою очередь, на обвинения ответил тем, что его не поддержали обещанные конная артиллерия и пехота.¹⁰²³ Вскоре, судя по тому, что часто звучало имя Нолана, стало ясно — виновный назначен.

С наступлением темноты Раглан, убедившись, что Липранди не собирается продолжать активные действия, дал приказ отвести на свои места Гвардейскую бригаду и батальоны 4-й дивизии, одновременно заняв оставленный к тому времени русскими редут №3.¹⁰²⁴ К передовой линии выдвинули три свежих турецких батальона и начали строительство новых батарей.¹⁰²⁵

Лейтенант 20-го полка Шулдхем так описывает увиденное им поле битвы после атаки Легкой бригады: «Тела несчастных кавалеристов были разбросаны по всему полю, было видно, что многие из них ранены, другие галопом уходили к лагерю, составив группу из двух-трех человек. Одно бедное животное скакало легким галопом с перебитой ногой, раскачиваясь все больше и больше при каждом шаге. Другие, которым сломало обе ноги, пытались подняться и уйти, но вновь и вновь бессильно падали».

Наблюдавший за схваткой Гоунинг спустился в долину и пообщался с некоторыми из выживших:

¹⁰²² Barrett C. R. B. History of the XIII Hussars, William Blackwood and Sons, Edinburgh and London. 1911. P. 395.

¹⁰²³ Calthorpe, Somerset John Gough. Letters from head-quarters; or, The realities of the war in the Crimea, by an officer of the staff. Vol I. London. 1857. P. 317–318.

¹⁰²⁴ Calthorpe, Somerset John Gough. Letters from head-quarters; or, The realities of the war in the Crimea, by an officer of the staff. Vol I. London. 1857. P. 317–318.

¹⁰²⁵ Historical records of the 79th Queens Own Cameronian Highlanders. Captain A. Mackenzie, Lieutenant and adjutant J. S. Ewart and lieutenant C. Findlay, from the orderly room records. Debonport. 1887. P. 114–115.

«...Я отправился назад. Кавалерия все еще стояла в строю. От Легкой бригады осталась лишь жалкая горстка. Вот это храбрецы! Несмотря на потери, бесстрашия в них не убавилось. Какое-то время мы стояли на месте, и я имел невыразимое удовольствие пожать руки многим членам доблестного отряда. Вне сомнений, они выглядели победителями, когда подавали мне руку в знак дружбы!

«Вишневы»¹⁰²⁶ сержант, хорошо меня знавший, тепло пожал мне руку, заметив: «Эх, старина фузилер, я же говорил неделю назад, что вскоре у нас будет о чем поговорить». «Но разве здесь не было ошибки?» — спросил я. «Теперь уж все равно — мы сделали свое дело. Когда-нибудь все выяснится».¹⁰²⁷

Английским кавалеристам не удалось сделать то, что получилось у русских драгун 24 июня 1854 г. при Кюрюк-дара В тот день Тверской драгунский полк «...с целью задержать наступление турок на наш правый фланг, был направлен на турецкую батарею из 12-ти орудий. Несмотря на сильный картечный огонь с фронта и фланга драгуны смяли турецкую пехоту, бросились на батарею, изрубили прислугу и увезли с собой четыре орудия».¹⁰²⁸

РАНЕННЫЕ

После сражения при Балаклаве британцы в очередной раз испили все «радости» никуда не годной системы организации медицинской службы. Далекие от войны государственные чиновники за 40 лет мира совершенно испортили, в принципе, неплохую структуру оказания помощи раненым и больным военнослужащим. Военно-медицинская служба в ее нормальном общепринятом виде отсутствовала, и даже спустя многие годы после Крымской войны, показавшей всю ущербность ее организации, так и не была достаточным образом реорганизована. В 1857 г. она переименовывается в Госпитальный корпус армии и только в 1898 г. отдельные компоненты военно-санитарных служб, наконец объединяются в Королевский армейский медицинский корпус.¹⁰²⁹

Основные руководящие посты в медицинской службе занимали дипломированные выпускники Оксфорда и Кембриджа, которые, имея определенные знания, не имели никакого военного и административного опыта и были плохими организаторами. Их полная военная и административная некомпетентность, которая была естественной, учитывая, что находясь в рядах армии, они продолжали оставаться гражданскими людьми, приводила к тому, что зачастую их мнение попросту игнорировалось военачальниками.

Поступивший в 1853 г. в Медицинскую службу армии (впоследствии перешедший в 34-й полк) 20-летний врач Эдвард Ренч был в ужасе от условий базового госпиталя в Балаклаве, с которыми ему пришлось познакомиться очень близко: «Я имел от 20 до 30 пациентов, раненных в Инкермане, столкнулся со случаями холеры, дизентерии и лихорадки. Не было никаких кроватей... отсутствовали надлежащие постельные принадлежности. Пациенты находились в их постоянной одежде на этаже, который

¹⁰²⁶ Вишневы — по цвету брюк, выделявших 11-й гусарский полк от других полков Легкой бригады.

¹⁰²⁷ Тимоти Гоуинг. Голос из строя (Gowing T. Voice from the Ranks: a personal narrative of the Crimean Campaign. Nottingham, 1895) Перевод Е. Туахиной//«Military Крым». №3. Симферополь, 2006 г. С. 22–23.

¹⁰²⁸ Петраков. Атаки на артиллерию пехоты и кавалерии//Военный сборник. №8. СПб., 1895 г. С. 375–416.

¹⁰²⁹ Lieutenant Colonel Robert L Pearce. War and medicine in the nineteenth century//ADF Health. Canberra. Vol. 3. September 2002. P. 90.

был незащищен от дождя и ветра, дующего через открытые окна (разбитые и неисправленные)... Отхожие места были такие же грязные, как проселочная дорога». ¹⁰³⁰

Домой он писал, что положение раненых в Балаклаве, которое считается хорошим для Крыма, «...хуже, чем у наихудших больных в любой больнице в Англии. Мы не имеем совсем опиума... и много других вещей, что, конечно, не облегчает лечение».

И в той же статье для «Британского медицинского журнала» он окончательно вынес приговор своей службе: «Мы были практически без медицины. То, что еще имелось после высадки в начале кампании, было истощено, а резервы ушли на дно после крушения «Принца». Таким образом, базовый госпиталь был лишен опиума, хинина, аммиака и других важных наркотических средств... Медицинская служба была, подобно любой другой в армии этого времени, совершенно не готовой для большой и длительной войны, затрудняясь бюрократической волокитой и отрицанием какой-либо самостоятельности в действиях... Крымская кампания преподавала урок, который никогда не забудется». ¹⁰³¹

И все-таки рядовые английские хирурги, многие из которых были вчерашними выпускниками учебных заведений, отличались упорством и желанием бороться за жизнь каждого, попавшего в их руки солдата или офицера. Конечно, после Балаклавского сражения, сравнительно с недавним Альминским, работы было немного. 25 и 26 октября через медицинские палатки прошло 36 офицеров и 329 солдат и сержантов. ¹⁰³²

Поэтому врач 93-го полка доктор Мурро оставил больше воспоминаний как свидетель события, чем медик, через руки которого прошли десятки раненых.

К сожалению, мы ничего не можем сказать о турецких раненых, кроме того, что часть их была убита русскими, а часть избита английскими солдатскими тетками. Судя по всему, те, кому посчастливилось выжить, получили медицинскую помощь наравне с недавними противниками и перешли в следующую категорию нашего описания — пленных. Никаких проблем не было с русскими, большая часть которых прошла через медицинский пункт и, по воспоминаниям Генрици, большого потока пострадавших не было, помощь оказывалась оперативно.

Большая часть ранений была нанесена артиллерийскими снарядами. Особенно досталось от них русской и английской кавалерии, а также туркам. Остальные ранения были самыми разнообразными.

У англичан в Тяжелой бригаде ранения в основном были причинены холодным оружием, а также пистолетными пулями. ¹⁰³³ Хотя было несколько случаев ампутации конечностей (например, в 1-м драгунском полку), в других случаях у медиков не было большой работы. Но в Легкой бригаде картина была иной. Раненые шли потоком, состояние многих было тяжелым. В основном люди были искалечены артиллерией и значительно меньше — холодным и ручным огнестрельным оружием. Врач 17-го уланского полка сам вынес тяжело раненного командира капитана Морриса. Увидев, что офицера нет среди вышедших из боя, он отправился его искать и нашел почти у русской батареи. Несколько раз ему пришлось саблём отгонять казаков, пытавшихся

¹⁰³⁰ Wrench, E. M. The lessons of the Crimean War//British Medical Journal. 22 July 1899. London. P. 1.

¹⁰³¹ Wrench, E. M. The lessons of the Crimean War//British Medical Journal. 22 July 1899. London. P. 2, 8.

¹⁰³² Macleod, George. Notes on the surgery of the War in the Crimea with remarks on the treatment of gunshot wounds. London. 1858. P. 437–438.

¹⁰³³ Shepherd, John. The Crimean Doctors: A History of the British Medical Services in the Crimean War, Tom 1. Liverpool University Press, 1991. P. 218–219.

взять его в плен. Позднее он стал первым медиком Крымской войны, награжденным Крестом Виктории.¹⁰³⁴

Еще одну обширную категорию раненых составили травмированные во время кавалерийских столкновений. Многие оказались на медицинских пунктах с тяжелыми ушибами, сотрясениями мозга (их определяли часто как контуженых), переломами рук, ног, ребер.

ПЛЕННЫЕ

В эту категорию попали главным образом солдаты и офицеры английской Легкой бригады, которых то тут, то там обнаруживали после ее гибели русские. Одни, обессиленные, избитые или израненные, сами приходили на русский медицинский пункт у Черной речки и просили медиков о помощи. Получив ее, в своем большинстве оставались там, покорно ожидая разрешения своей дальнейшей судьбы.

Под занавес Балаклавского сражения солдаты и казаки принесли туда же вместе со своими товарищами «раненых пеших турок и кавалеристов-англичан», и всем независимо от национальности была оказана помощь.

Затем пленных, вплоть до их отправки вглубь России, поместили в деревне Чоргун, большая часть которой была предоставлена в пользу лазаретов. «...Англичане гласно заявляли свое удивление русской гуманности и знаниям; одни турки только все побаивались, что их откармливают на убой. Последние все что-то вымаливали и в чем-то уверяли — вероятно, в своей простоте считая ласковое с ними обращение в лазарете только временным».¹⁰³⁵

Среди пленных находился некий рядовой Сэм Паркс, вестовой командира 4-го легкого драгунского полка подполковника Педжета. Хотя обстоятельства его пленения более чем странные, он оказался среди первых, кто был награжден Крестом Виктории. Вероятно, причиной тому стала не столько личная доблесть солдата, сколько близость к благородному начальнику.

Попавших в плен жалели. Русские видели, что сделала их артиллерия с красивой и храброй британской кавалерией и отдавали дань мужеству солдат и офицеров, не по своей вине попавших под истребление.

К турецким солдатам, попавшим в плен, русские относились лучше, чем англичане, когда они были еще свободными. В основной массе османские солдаты и офицеры «оседали» в центре России, в Курской или других центральных губерниях, и без-

«Возвращение после доблестной атаки»: английский рисунок начала XX в.

¹⁰³⁴ Shepherd, John. The Crimean Doctors: A History of the British Medical Services in the Crimean War, Том 1. Liverpool University Press, 1991. P. 222–223.

¹⁰³⁵ Воспоминания о Восточной войне 1853–1855 доктора А. А. Генрици//Русская старина. № 11. СПб., 1877 г. С. 443.

Оставшиеся в живых после атаки Легкой бригады 13 (25) октября 1854 г. Большая часть персонажей имеет портретное сходство с настоящими участниками событий. Самый интересный из них стоящий в центре рядовой 11-го гусарского (11th (Prince Albert's Own) Regiment of (Light) Dragoons (Hussars) полка Вильям Пеннингтон — «звезда» лондонской сцены, которого неприятности очередного любовного скандала вынудили уйти на военную службу. Рисунок Леди Батлер.

бедно дожидались окончания войны. Однажды турецкие пленные «...имели дневку в г. Судже одновременно с Рижским драгунским полком, следовавшим на театр военных действий. Для драгун судженцы приготовили на городской площади столы, накрытые подобающим такому случаю образом. То, что происходило далее, очевидец описал следующими словами: «бывши на площади, они (турки) вмешались в толпу русских солдат и жителей, где происходило веселье. Пленных турок жители пригласили к общему столу — они пили водку сколько хотели и кричали «Ура, Николай!». Когда песенники начали петь плясовые песни, то некоторые турки пустились и в пляс».¹⁰³⁶

На фоне всего изложенного выше вряд ли приходится удивляться тому, что в конце войны и вскоре по ее окончании 59 пленных подали курскому губернатору прошения о приеме в русское подданство.¹⁰³⁷

Некоторым повезло меньше. В этот день еще никто не знал, что спустя полтора века Крымскую войну назовут джентльменской, и сильной любовью к врагу не страдал. Русские, особенно уже бывшие в Альминском сражении, вообще не склонны были к сантиментам и не слишком колебались в вопросах судьбы противника. Особенно если тот еще не решил сделать выбор: продолжать драться или сдаться в плен? Примерно это случилось с офицером африканских егерей, на тело которого наткнулся офицер Владимирского пехотного полка Розин.¹⁰³⁸

¹⁰³⁶ Познахирев В. В. Турецкие военнопленные в Курской губернии в период Крымской войны 1853–1856 гг. // Гуманитарные научные исследования. № 5. М., 2013 г. (<http://human.snauka.ru/2013/05/3131>).

¹⁰³⁷ Познахирев В. В. Турецкие военнопленные в Курской губернии в период Крымской войны 1853–1856 гг. // Гуманитарные научные исследования. № 5. М., 2013 г. (<http://human.snauka.ru/2013/05/3131>).

¹⁰³⁸ Розин А. Очерки из Крымской войны (дневник очевидца) // Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами (репринт). М., 1998 г. С. 208–209.

В числе пленных русских, оставшихся в руках англичан, в основном были кавалеристы. Отношение к ним было совершенно различным. Сразу после схватки пытались добить, потом переходили на помощь. Злоба рассеялась вместе с пороховым дымом. Как всегда.

Штаб-ротмистр Киевского гусарского полка Беслан Абуков, уже будучи отставным майором, вспоминал: «...13 октября 1854 года, раненный в ногу и голову под Балаклавой, оставался 3 суток с убитыми на поле сражения, был поднят английским офицером и отправлен в Константинополь военнопленным, откуда через 8 месяцев, в июле 1855 года, возвращен в Россию как неспособный поднять оружие. За отличие в этой кампании и полученные мной тяжкие раны удостоен ордена Св. Владимира с мечами».¹⁰³⁹

Несколько пехотинцев, оказавшихся в плену, удивили французов своей истощенностью и большими козырьками из картона, которые были пришиты к фуражкам. Это объясняли большим распространением глазных заболеваний (вероятно, что-то вроде конъюнктивита), при которых солнечные лучи причиняли большие страдания глазам.¹⁰⁴⁰ Трудно сказать, при каких обстоятельствах они попали в плен, но больше всего похоже, что, пользуясь суматохой, к неприятелю переметнулось несколько вновь прибывших в Крым солдат 12-й дивизии из числа поляков, решив не испытывать судьбу дальнейшим участием в боях.

¹⁰³⁹ Бейтуганов С. Н. Кабарда: история и фамилии. Нальчик, 2007 г. С. 119.

¹⁰⁴⁰ Jouve, Eugène. Voyage à la suite des armées alliées en Turquie, en Valachie et en Crimée: guerre d'Orient. Paris. 1855. P. 349–350.

ПОТЕРИ

«...Воображение поражала вовсе не цифра погибших (такие ли гекатомбы видел Крым в эти годы!), но непростительное, ничем не извиняемое легкомыслие, вызвавшее катастрофу».

Е. Тарле. «Крымская война».

Сравнительно с другими сражениями Крымской кампании Балаклавское было не самым кровавым. Трудно не согласиться с образным высказыванием Тарле, что «...воображение поражала вовсе не цифра погибших (такие ли гекатомбы видел Крым в эти годы!), но непростительное, ничем не извиняемое легкомыслие, вызвавшее катастрофу».¹⁰⁴¹

Но не будем думать, что масштаб военного события определяется числом отдавших Богу душу. К сожалению, именно по этой причине многие склонны считать его всего лишь незначительным авангардным делом.

Для Балаклавы число убитых и раненых — всего лишь сопутствующий результат. Русские не ставили целью истребление союзников, им хватило бы вполне того, чтобы они убрались подальше, потеряв контроль над территорией. А еще лучше, погрузились на корабли и убыли из Крыма, хотя на это надежда была слабая. Как бы то ни было, молох войны безумствовал и не всем удалось дожить до конца этого дня.

РУССКИЕ

Общие потери: убиты 4 офицера и 124 нижних чина; ранены 1 генерал, 32 офицера и 448 нижних чинов; без вести пропало 15 нижних чинов.¹⁰⁴² Общее соотношение к общему числу войск, участвовавших в операции, официально обозначено в 3,9%.¹⁰⁴³ Это средний уровень потерь.

¹⁰⁴¹ Тарле Е. В. Крымская война. Том II. М., 1941–1944 гг. С. 165.

¹⁰⁴² Рерберг П. Памятники частям войск, оборонявшим Севастополь в 1854–1855 гг. // Военный сборник. № 3. СПб., 1904 г. С. 87.

¹⁰⁴³ Никитюк А., Копычко Н. Медицинское обеспечение Российской армии перед и в годы Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг. // «Крымская война»: история и уроки. 1853–1856 гг. Научный сборник. Материалы Международной научной военно-исторической конференции. Севастополь, 2013 г. С. 214.

12-я пехотная дивизия

Общие потери дивизии

1 офицер и 44 нижних чина убиты, 4 офицера и 132 нижних чина ранены.¹⁰⁴⁴

Азовский пехотный полк

Кожухов писал в своих «Крымских воспоминаниях...»: «Потери были значительные, особенно в Азовском полку».¹⁰⁴⁵ Действительно, в его четырех батальонах оказалось 2 офицера и 149 нижних чинов убитыми и ранеными.¹⁰⁴⁶

Одесский пехотный полк:

офицеры: 2 контужены (поручик Братковский, подпоручик Штраух); нижние чины: убиты 3 (1 унтер-офицер и 2 рядовых), умерли от ран 4 нижних чина (полковой горнист, барабанщик и 2 рядовых).¹⁰⁴⁷ Это, кстати, результат, как утверждают некоторые исследователи, взятия редута, с которого турки позорно бежали.

Донская №3 батарейная батарея:

убиты и ранены 1 офицер (сотник Ребинин) и 32 казака-артиллериста.¹⁰⁴⁸ Большая часть потерь понесена во время рукопашной схватки за орудия с кавалеристами английской Легкой бригады.

11-й гусарский Его Императорского Высочества Князя Николая Максимилиановича (Киевский) полк:

убиты и ранены 136 человек.

12-й гусарский Гросс-Герцога Саксен-Веймарского (Ингерманландский) полк:

убиты и ранены 147 чел.¹⁰⁴⁹

В обоих кавалерийских полках большая часть погибших приходится на время отхода после столкновения с английской Тяжелой бригадой. Потери во время самого боя с драгунами исследователи иногда оценивают как незначительные (20–30 чел.).

АНГЛИЧАНЕ

Начнем традиционно с официальной статистики, которую штаб генерала Раглана составил 26 октября 1854 г., на следующий день после сражения по докладам нижестоящих командиров.

Ни в коем случае нельзя считать эти цифры окончательными, это лишь быстрый подсчет и доклад «наверх» о численности личного состава выбывшего из строя. По этой записке командующий определяет, насколько то или иное подразделение сохранило боеспособность и перспективы его ближайшего использования.

¹⁰⁴⁴ Виновник единственной победы//Родина. №3–4. М., 1995 г. С. 59.

¹⁰⁴⁵ Кожухов С. Из крымских воспоминаний о последней войне//Дубровин Н. Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Выпуск IV. СПб., 1872 г. С. 65.

¹⁰⁴⁶ Виновник единственной победы//Родина. №3–4. М., 1995 г. С. 59.

¹⁰⁴⁷ Попов Ф. Г. История 48-го пехотного Одесского полка. Том II. М., 1911 г. С. 64–65.

¹⁰⁴⁸ Калинин Б. М. Материал для истории Донской артиллерии. Новочеркасск, 1907 г. С. 149.

¹⁰⁴⁹ Иногда приводят другие цифры: Лейхтенбергский полк потерял 18 штаб- и обер-офицеров и 122 нижних чина, а Веймарский полк – 12 штаб- и обер-офицеров и 105 нижних чинов.

Полк	офицеры		сержанты		музыканты		солдаты		Лошади (убиты)
	убит	ранен	убит	ранен	убит	ранен	убит	ранен	
Штаб	2	4	-	-	-	-	-	-	
4-й лег. драгунский	2	2	5	1	3	-	24	21	50
8-й гусар. полк	2	2	3	2	-	1	23	14	38
11-й гусар. полк	-	3	2	3	-	-	30	20	72
13-й лег. драгунск. полк.	3	-	3	2	1	-	20	12	76
17-й улан. полк	3	4	1	1	-	2	32	31	99
4-й драгунский полк	-	-	-	2	-	-	1	3	1
1-й драгунский полк	-	4	-	1	-	1	2	5	10
2-й драгунский полк	-	4	-	5	-	-	2	48	14
6-й драгунский полк	-	-	-	3	-	-	2	10	2
5-й драгунский полк	-	-	-	-	-	-	2	9	19
Королевская артиллерия	1	2	2	1	-	-	4	23	-
Королевские инженеры	-	-	-	-	-	-	-	3	-
	13	25	16	21	4	4	142	201	381

Естественно, в последующие дни цифры менялись, и мы постараемся проследить эти изменения. Думаю, не стоит считать всех до последнего человека, ибо точная цифра, как правило, появляется много дней спустя, когда в госпиталях умрут те, чьи раны не позволят выжить, а пропавшие без вести окончательно разделятся на погибших и оказавшихся в плену.

Общие свои потери английский штаб оценил как 40 офицеров и 386 нижних чинов убитыми, ранеными и пропавшими без вести.¹⁰⁵⁰ Погибших в бою офицеров было 11 (1 майор, 6 капитанов, 3 лейтенанта и 1 корнет). От ран умерли еще 2 (1 подполковник и 1 капитан).¹⁰⁵¹

¹⁰⁵⁰ Calthorpe, Somerset John Gough. Letters from head-quarters; or, The realities of the war in the Crimea, by an officer of the staff. Vol. I London. 1857. P. 324.

¹⁰⁵¹ Joplin R. Thompson Of the Mortality Among Officers of the British Army in the Crimea//Journal of the Statistical Society of London. Vol. 20. No 1 (Mar. 1857). P. 55.

Кавалерийская дивизия. Тяжелая бригада

1-й Королевский драгунский полк: 2 убитых и 14 раненых.¹⁰⁵² Похоже, что один из убитых перешел в эту категорию после смерти от полученных ран — во время боя Королевские драгуны потеряли 1 человека убитым. Из числа раненых 2 человека и 7 лошадей были ранены картечными пулями.¹⁰⁵³ Командир полка подполковник Йорк сломал ногу.¹⁰⁵⁴

2-й драгунский полк: по данным полкового врача Джона Бурча, один из раненных позднее скончался от ран.¹⁰⁵⁵

Королевские Шотландские Серые: убито 2 нижних чина, ранено 54, в том числе 4 офицера. Некоторые раненные скончались от полученных травм уже после сражения.¹⁰⁵⁶ Большое число раненных объяснимо: полк первым наносил почти фронтальный удар и потому в момент столкновения многие получили разной тяжести травмы.

Иннискиллингский драгунский полк: 2 убитых, 14 раненных.¹⁰⁵⁷

4-й гвардейский драгунский полк: убитых не было, лишь несколько солдат (5)¹⁰⁵⁸ получили незначительные раны от холодного оружия.¹⁰⁵⁹

5-й гвардейский драгунский полк: 2 убитых и 31 раненный. Из числа последних 13 было решено не отправлять в Скутари, а оставить на лечение в полку.¹⁰⁶⁰

Кавалерийская дивизия. Легкая бригада.

Общие потери Легкой бригады считаются современными историками следующими:¹⁰⁶¹

Полк	Участвовало в бою	Вернулось из боя	Потери (личный состав)	Потери (лошади)
4-й легкий драгунский	126	81	45	61
8-й гусарский	115	67	48	46
11-й гусарский	142	79	63	72
13-й легкий драгунский	128	72	56	84
17-й уланский	147	72	75	99

¹⁰⁵² Shepherd, Jhon. The Crimean Doctors: A History of the British Medical Services in the Crimean War, Том 1, Liverpool University Press, 1991. P. 218–219.

¹⁰⁵³ Ainslie, De, General. Historical record of the First or the Royal Regiment of Dragoons containing an account of its formation in the reign of King Charles the Second, and of its subsequent services to the present time. 1887. London. P. 186–187.

¹⁰⁵⁴ Almack, Edward. The history of the Second dragoons: «Royal Scots Greys». London. 1908. P. 82–83.

¹⁰⁵⁵ Shepherd, Jhon. The Crimean Doctors: A History of the British Medical Services in the Crimean War, Том 1, Liverpool University Press, 1991. P. 218.

¹⁰⁵⁶ Almack, Edward. The history of the Second dragoons: «Royal Scots Greys». London. 1908. P. 81–82.

¹⁰⁵⁷ The Inniskilling Dragoon – A brief history (<http://www.inniskillingmuseum.com/the-inniskilling-dragoons-a-brief-history>).

¹⁰⁵⁸ <http://www.britishbattles.com/crimean-war/balaclava.htm>

¹⁰⁵⁹ Shepherd, Jhon. The Crimean Doctors: A History of the British Medical Services in the Crimean War, Том 1, Liverpool University Press, 1991. P. 218.

¹⁰⁶⁰ Shepherd, Jhon. The Crimean Doctors: A History of the British Medical Services in the Crimean War, Том 1, Liverpool University Press, 1991. P. 218.

¹⁰⁶¹ Mollo, John and Boris. Into the Valley of Death. The British Cavalry Division at Balaclava 1854. London. 1991. P. 29.

Подполковник Калторп приводит такую арифметику потерь по категориям лично-го состава:¹⁰⁶²

Чины	Ранено	Убито или пропало без вести	Общие потери
Офицеры	12	9	21
Сержанты	9	14	23
Трубачи	3	4	7
Остальные чины	98	129	227
Всего	122	156	278

Пехота. 93-й горский Аграйл и Сазерленда полк: по данным полкового врача Мурно, в полку было всего двое раненых.¹⁰⁶³

К материальным потерям можно отнести 9 взятых русскими 12-фунтовых орудий, которые были увезены.¹⁰⁶⁴ Тяжелые 24-фунтовые пушки по возможности русские привели в негодность.

ФРАНЦУЗЫ

4-й полк африканских егерей: «...конных егерей перед нашим каре легло немало».¹⁰⁶⁵ Цифры разные. По одним — 20 убитых и раненных.¹⁰⁶⁶ По другим — 10 убитых (в том числе 2 офицера) и 28 раненных.¹⁰⁶⁷ Базанкур, наверное, наиболее точен: 2 офицера и 11 солдат убиты. 7 солдат ранены. В том числе у двоих были ампутированы конечности. 16 лошадей убиты, 12 получили ранения.¹⁰⁶⁸

Общие потери французов в этот день англичане оценили как 2 офицера и 50 солдат и сержантов раненными, пропавшими без вести и убитыми.¹⁰⁶⁹

¹⁰⁶² Calthorpe, Somerset John Gough. Letters from head-quarters; or, The realities of the war in the Crimea, by an officer of the staff. Vol I. London. 1857. P. 317–318.

¹⁰⁶³ Shepherd, Jhon. The Crimean Doctors: A History of the British Medical Services in the Crimean War, Том 1, Liverpool University Press, 1991. P. 216.

¹⁰⁶⁴ Кожухов С. Из крымских воспоминаний о последней войне//Дубровин Н. Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Выпуск IV. СПб., 1872 г. С. 67.

¹⁰⁶⁵ Розин А. Очерки из Крымской войны (дневник очевидца)//Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами (репринт). М., 1998 г. С. 209.

¹⁰⁶⁶ Quesnoy, Ferdinand-Désiré. Souvenirs historiques, militaires et médicaux de l'armée d'Orient. Paris. 1858. P. 90–91.

¹⁰⁶⁷ Du Casse, Albert. Précis historique des opérations militaires en Orient de mars 1854 à septembre 1855. Paris. 1856. P. 163; Rousset, Camille. Histoire de la guerre de Crimée. Tome 1. Édition 2. Paris. 1878. P. 340–341.

¹⁰⁶⁸ Bazancourt, César Lecat. L'expédition de Crimée: l'armée française à Gallipoli, Varna et Sébastopol, chroniques militaires de la guerre d'Orient. Tome 2. Paris. 1858. P. 33.

¹⁰⁶⁹ Calthorpe, Somerset John Gough. Letters from head-quarters; or, The realities of the war in the Crimea, by an officer of the staff. Vol I. London. 1857. P. 324.

ТУРКИ

По Калторпу, потери турок в этот день были 9 офицеров и около 250 нижних чинов.¹⁰⁷⁰ Очевидно, где-то так и было.

Что касается потерянных турками на редутах 12-фунтовых орудий, то вопрос об их дальнейшей судьбе не имеет однозначного ответа. Единственным источником, который заслуживает доверия, могут быть воспоминания адмирала Сеймура, который в Крыму был совсем мальчишкой, сначала корабельным гардемаринном, потом мичманом. Он утверждает, что видел их уже после войны в Москве, в Кремле.¹⁰⁷¹

¹⁰⁷⁰ Calthorpe, Somerset John Gough. Letters from head-quarters; or, The realities of the war in the Crimea, by an officer of the staff. Vol I. London. 1857. P. 324.

¹⁰⁷¹ Seymour E. N. Admiral of the Fleet. My naval Career and Travels. London. 1911. P. 27.

ИТОГИ

«...Кавалерия, в течение известного периода бывшая царицей битв и так часто дававшая решительный поворот в бою атаками своих масс, по-видимому, утратила свое прежнее значение на современных полях сражений».

Генерал Шерф, профессор Берлинской военной академии. Втор. пол. XIX в.

Итак, сражение при Балаклаве стало не только единственным удачным полевым сражением для Российской армии, но и единственным крупным делом российской кавалерии на крымском театре Восточной войны 1853–1856 гг. Кавалерийские схватки несмотря на их ожесточенность не принесли ощутимого результата ни одной из противоборствующих сторон. Ни для одной из них не стало шедевром планирования, организации, управления и взаимодействия. Блестящее начало операции, спланированное и проведенное Липранди, было «исковеркано», в основном безграмотными действиями Рыжова.

Энгельс по достоинству оценил всех участников: «В общем и целом мы находим, что в данном случае союзники были никак не слабее русских, что они располагали превосходными позициями для отступления и могли бы смелой атакой, кавалерийской и пехотной вместе, добиться решительной победы, не такой, как на Альме, оставшейся без результата, а победы, которая избавила бы их от необходимости вести кровопролитное сражение, разыгравшееся 5 ноября. Теперь же они даже не окупил всего понесенного ими урона; благодаря странному сочетанию чрезмерной смелости и чрезмерной осторожности, неуместной стремительности и неуместной робости, порыва, пренебрегающего правилами военного искусства, и ученых тонкостей, упускающих благоприятный момент для действия, благодаря этой удивительной манере всегда делать не то, что нужно, и не тогда, когда нужно, характерной для всех действий союзников, они полностью проиграли сражение под Балаклавой».¹⁰⁷²

¹⁰⁷² Энгельс Ф. Сражение под Балаклавой (<http://lugovoy-k.narod.ru/marx/10/72.htm>).

РУССКИЕ — ПОБЕДА ИЛИ ЧАСТНЫЙ УСПЕХ?

Оценки результатов сражения у Балаклавы неоднозначны, часто полярные как среди его участников, так и среди последующих его исследователей. Маятник колеблется от «полного разгрома» неприятеля, уничтожения его кавалерии, «блестящего результата»,¹⁰⁷³ до бессмысленного малозначительного военного эпизода. Российская история военно-морского искусства называет действия русских войск «успешным наступлением», благодаря которому удалось перерезать основную коммуникационную линию англичан между Балаклавой и неприятельскими позициями у Севастополя. Но здесь же говорится, что «по вине Меншикова, не выделившего необходимых подкреплений отряду Липранди, закрепить достигнутый успех и удержать занятые позиции не удалось».¹⁰⁷⁴

Не будем столь критичны. Мы уже знаем, что на самом деле никакого наступления не предполагалось. Тотлебен писал о событиях этого дня в своих записках: «Генерал Липранди третьего дня двинулся в тыл неприятеля со своею дивизией, имея всего 6 пехотных и 7 кавалерийских полков; он овладел четырьмя редутами, захватил 11 орудий, изрубил четыре эскадрона английской кавалерии. С каждым днем мы ожидаем подкрепления; через десять дней нам будет возможно напасть на неприятеля со всех сторон. Еще десять дней продержаться бы нам только. Посчастливится нам в это время — и все выиграно. Да поможет нам Господь!».¹⁰⁷⁵

Сам Липранди считал, что исключительно он является автором первой и единственной полевой победы Русской армии в Крымской кампании. 30 декабря 1854 г. он сообщал в письме брату: «...Английская кавалерия была также мною уничтожена, всем этим делом распоряжался я и по моему проекту оное было исполнено».¹⁰⁷⁶

Не будем критичны к генералу — в конце концов, он имел полное право на подобное заявление. Достаточно вспомнить штабные интриги и, по сути, заговор против командира 12-й дивизии, осмелившегося перечить главнокомандующему и, более того, оспорить его планы.

Всегда спокойно профессионально объективный Свечин дал точное определение как событию, так и его последствиям: «...Ген. Липранди произвел демонстративный нажим на турецкие части, оставленные для обороны Балаклавы; часть турецкой позиции и 11 орудий были захвачены, английская кавалерия, направленная в контратаку, расстреляна. С точки зрения сокрушения этот успех не парализовал невыгоду раскрытия перед союзниками опасности их расположения. Союзники начали усиленно укреплять свой фланг и тыл, создавая настоящую контрвалационную линию, которая бы прикрывала все Херсонесское плато и Балаклаву. Но с точки зрения измора были достигнуты огромные результаты: в этом бою мы перехватили шоссе сообщение Балаклавы с расположением англичан; в течение всей зимы 1854–55 гг. и следующей весны англичанам пришлось доставлять на позиции все снабжение из Балаклавы по скверному проселку с бездонной грязью, крутыми подъемами; на этом проселке погибли все лошади английской артиллерии и все их попытки образовать

¹⁰⁷³ Кожухов С. Из крымских воспоминаний о последней войне // Дубровин Н. Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Выпуск IV. СПб., 1872 г. С. 70.

¹⁰⁷⁴ История военно-морского искусства. Том II. М., 1954 г. С. 152.

¹⁰⁷⁵ Граф Эдуард Иванович Тотлебен. Его жизнь и деятельность. Биографический очерк. Составитель Н. Шильдер. Том 1. СПб., 1885 г. С. 49–87.

¹⁰⁷⁶ Барсуков Н. П. Генерал П. П. Липранди в Крыму в 1854 г. // Русская старина. Том 5. СПб., 1872 г. С. 683.

обоз провалились; создалось положение, при котором Английская армия умирала от голода и холода в 12-ти км от переполненной запасами Балаклавы».¹⁰⁷⁷

После подобной оценки можно даже не увлекаться дальнейшим муссированием значения, нужности или ненужности сражения под Балаклавой. Его значение не в сиюинутном истреблении живой силы, а в стратегической перспективе. Воспользовались этим или нет, это уже тема отдельная и к нашему повествованию отношения не имеющая. Об этом говорить будем в следующих частях «Исторического очерка...». ежели они, конечно, увидят свет. В подтверждение могу лишь добавить, что даже отдельные английские историки все-таки признают, что главным итогом сражения был контроль русских над частью Балаклавской долины и Воронцовской дороги.¹⁰⁷⁸

В очередной раз доказала свое право считаться лучшей в мире русская артиллерия: «Тридцать орудий 12-й артиллерийской бригады, действовавших в продолжение 10 часов, от 6 утра до 4 часов пополудни выпустили 1596 выстрелов, в том числе 162 выстрела картечных; следовательно, каждое орудие делало в час от пяти до шести выстрелов. Этот расчет ясно показывает, что взводные офицеры производили пальбу с правильною наводкою и тщательным наблюдением за действием своего выстрела, имея в виду сбережение снарядов, что, при тогдашнем состоянии Крымской армии, было крайне необходимо».¹⁰⁷⁹

Но не только умение точно и грамотно стрелять обеспечило ей успех: «...Хорошее состояние лошадей и исправность амуниции дали дивизиону легкой № 6 батарее возможность несмотря на крутизну более 30° подняться почти вместе с пехотою на редут № 1».¹⁰⁸⁰

И хотя определенный результат был достигнут, считать сражение полной и безоговорочной победой русского оружия все-таки нельзя. Сказалось характерное эпохе неумение командиров, особенно кавалерийских, вести наступательный бой, особенно когда в дело включены относительно значительные силы разных родов войск, которые необходимо синхронизировать по времени и месту: «...за исключением нескольких блестящих имен, большинство не было подготовлено к распоряжению войсками всех родов оружия, не умело восстановить связи между частями, входившими в состав вверенных им сил, не умело поддерживать связь по фронту с соседями».¹⁰⁸¹

СОЮЗНИКИ: ВЗГЛЯД ПРОИГРАВШЕГО

Серьезные проблемы с организацией обороны своего открытого фланга, на которые русские открыли глаза союзному командованию 13(25) октября, стали предметом детального анализа, проведенного во время совещания штабов Раглана и Канробера на следующий день. Французский командующий прямо указал своему английскому коллеге на просчеты в охранении. Было решено усилить войска, находившиеся перед Балаклавой, французской пехотой и возвести линию батарей. Отныне защита

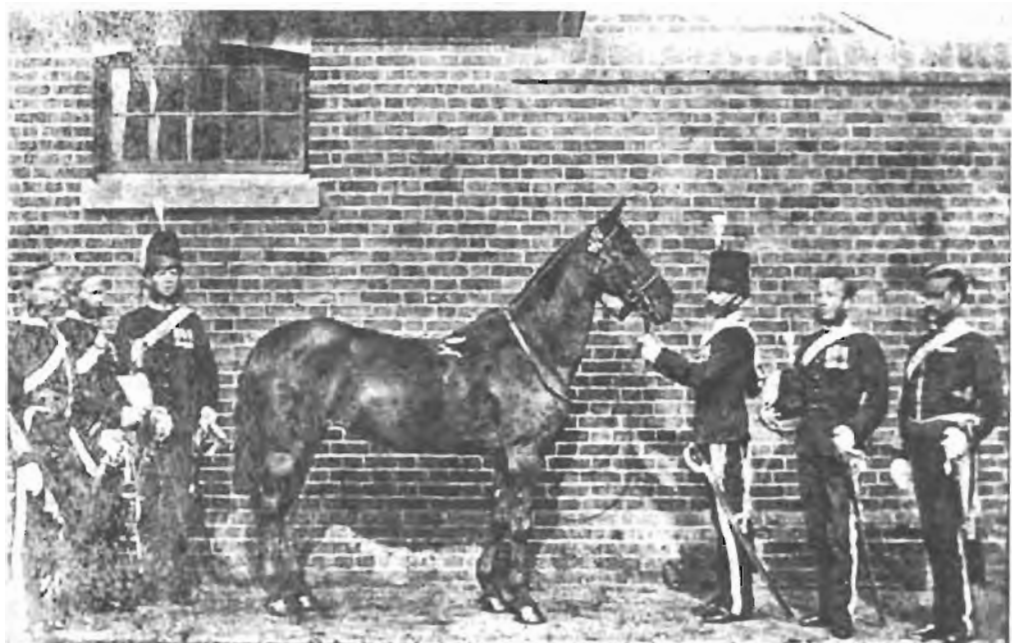
¹⁰⁷⁷ Свечин А. А. Эволюция военного искусства. Том II. М., 1928 г. С. 58–59.

¹⁰⁷⁸ Ponting, Clive. The Crimean War. The Truth Behind the Myth. Pimlico. 2005. P. 138–141.

¹⁰⁷⁹ Ушаков Н. Описание атаки русских войск на Кадыкийские высоты 13-го (25-го) октября 1854 года//Материалы по истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. IV. СПб., 1872 г. С. 39–40.

¹⁰⁸⁰ Ушаков Н. Описание атаки русских войск на Кадыкийские высоты 13-го (25-го) октября 1854 года//Материалы по истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. IV. СПб., 1872 г. С. 39–40.

¹⁰⁸¹ Гучков А. К вопросу о государственной обороне//Государственная оборона России. Императивы русской военной классики. М., 2002 г. С. 369.

Батчер — последний из оставшихся в живых коней 13-го гусарского (в 1964 г. — легкого драгунского) полка. Рядом с ним чины полка, участвовавшие в Крымской войне. Фото вт. половины XIX в.

правого фланга и, соответственно, главной тыловой базы британцев переходила в руки французов.¹⁰⁸² Последние уже не уповали по примеру британских коллег на случай и везение, больше полагались на сильные и многочисленные батареи, которых в кратчайшие сроки возвели несколько.¹⁰⁸³

Некоторые французские авторы считают, что Балаклава имела более моральное, нежели военное значение для Русской армии, которая видела в ней прежде всего месть за Альму.¹⁰⁸⁴ Но всем было ясно, что Балаклава — только первый удар по их оборонительной линии и в ближайшее время следует ждать продолжения.¹⁰⁸⁵

Англичане на удивление быстро признали свою неудачу в этот день, хотя и привычно прикрылись от критики массовым проявлением доблести своих солдат и офицеров. Но с главным, то есть с подтверждением, что противник своего добился, они не спорили. Главный инженер армии в Крыму Бургойн отметил, что русские взяли большую часть пространства, прилегающего к Балаклаве, и отныне сама главная база вынуждена была находиться под постоянной угрозой нападения.¹⁰⁸⁶

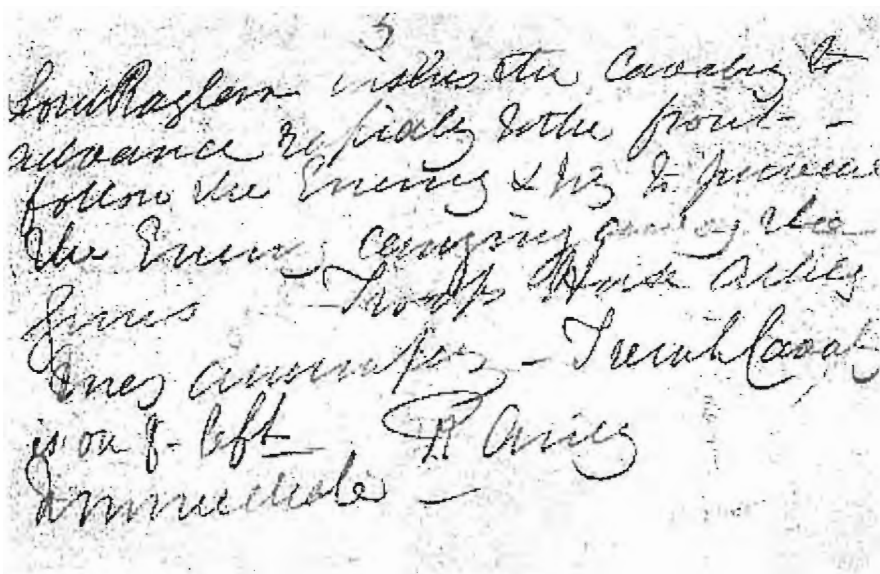
¹⁰⁸² Du Casse, Pierre Emmanuel Albert. Précis historique des opérations militaires en Orient de mars 1854 à septembre 1855. Paris. 1856. P. 168–172.

¹⁰⁸³ Du Casse, Pierre Emmanuel Albert. Précis historique des opérations militaires en Orient de mars 1854 à septembre 1855. Paris. 1856. P. 163.

¹⁰⁸⁴ Imbert de Saint-Amand, Arthur-Léon. Les Femmes des Tuileries. Napoléon III et sa cour, par Imbert de Saint-Amand. Paris. 1897. P. 284.

¹⁰⁸⁵ Thoumas, Charles. Les transformations de l'Armée française : essais d'histoire et de critique sur l'état militaire de la France. Paris. 1887. P. 311–312.

¹⁰⁸⁶ Burgoyne, John Fox, Sir, bart. The military opinions of General Sir John Fox Burgoyne. London. 1859. P. 181–182.

3
 Lord Raglan wishes the Cavalry to
 advance rapidly to the front -
 follow the Enemy & try to prevent
 the Enemy concentrating the
 guns - Lord Raglan wishes
 the Cavalry to follow the
 guns on the left - H. A. Miles
 1854

Образец «штабной культуры» Британской армии – та самая записка с приказом генерал-лейтенанта Раглана, написанная рукой генерала Эри, которая и стала началом трагедии Легкой бригады.

Никто не спорил, что во время сражения под Кадыкоем по глупости и бездарности собственных начальников была разгромлена английская кавалерийская бригада. Совершенно бессмысленное желание вернуть орудия привело к необоснованным потерям, стоившим много больше самих потерянных пушек, которые, по сути, не стоили ничего. Недаром во второй половине XIX в. военная теория протестовала против «слишком распространившегося, но мало полезного опасения потерять орудия».¹⁰⁸⁷

В выражениях по этому поводу никто не стеснялся тогда, и до сих пор военные историки не сильно их сдерживают. Американский военный исследователь Александер Бевин использовал для случившегося конкретное определение – «тупость».¹⁰⁸⁸

НАГРАДЫ ПОБЕДИВШИМ

«Халтурные»¹⁰⁸⁹ действия британских командиров спровоцировали настоящий «звездопад» орденов для русских офицеров и генералов. После успеха в сражении при Балаклаве произошло первое большое и щедрое награждение армейских офицеров. Не был забыт и «виновник единственной победы» – генерал-лейтенант П.П.Липранди. В императорском рескрипте от 24 октября 1854 г. говорилось:

«Господин генерал-лейтенант Липранди! Атаковав 13 текущего октября с вверенными вам войсками отдельный неприятельский укрепленный лагерь, прикрывавший дорогу из Севастополя в Балаклаву, вы исполнили это предприятие самым

¹⁰⁸⁷ Исследования тактики пехоты//Военный сборник. № 10. СПб., 1874 г. С. 258.

¹⁰⁸⁸ Бевин, Александер. Как выигрываются войны. М., 2004 г., С. 358.

¹⁰⁸⁹ Raugh, Harold E, Lt.Colonel The Charge of the Light Brigade, was not a brave and heroic action, but rather an unnecessary blunder// Military Heritage, August 2005, P. 72–73.

Участники атаки Легкой бригады спустя 50 лет. Фото 1904 г.

блестящим образом, взяв четыре редута с находившимися в оных орудиями. Желая изъяснить вам особую признательность Нашу за отличное мужество и распорядительность, оказанные вами при совершении означенного подвига, всемилоостивейше жалуем вам золотую шпагу, бриллиантами украшенную, с надписью «за храбрость». Препровождая к сего шпагу эту, пребываем к вам благосклонны». ¹⁰⁹⁰

В семействе Липранди ¹⁰⁹¹ это была не первая и не последняя высокая боевая награда: в 1877 г. орден св. Георгия 4-й ст. получит его сын — Рафаил Липранди. ¹⁰⁹²

Не преминули внести лепту в награждения и великие князья Михаил и Николай Николаевичи, к тому времени прибывшие на «усиление» армии в Крым. Особенно благосклонными были они к офицерам Донской №3 батареей батареи, личный состав которой принял на себя удар Легкой бригады. Есаул Поздеев произведен ими в войсковые старшины, сотник Пономарев — в есаулы, хорунжий Калинин — в сотники. Сотник Ребинин был награжден орденом св. Владимира с мечами и бантом. ¹⁰⁹³

Без наград не остался ни один из офицеров батареи, принимавших участие в сражении. ¹⁰⁹⁴

Однако и здесь не все было идеально. Вновь нашлось место интригам и скандалу, которые, казалось, стали постоянными спутниками работы штаба князя Меншико-

¹⁰⁹⁰ Генерал от инфантерии П. П. Липранди//Военный сборник, №8, СПб., 1874 г., С.318.

¹⁰⁹¹ Пример приведен просто как интересный факт из жизни семейства Липранди. Сам по себе этот случай не исключительный. Во время Восточной войны за сражение «...на Чингильских высотах генерал барон Врангель пожалован орденом Св. Георгия 3-й степени; его сын, поручик Тифлисского егерского полка, взявший с боя неприятельское знамя, получил тот же орден 4-й степени». (Богданович М. И. Восточная война 1853—1856 годов. Том. 1. СПб., 1877 г. С. 129).

¹⁰⁹² Липранди Р. Переправа у Систова. (выписка из походного дневника 1877 года)// Военный сборник, № 11, 1899 г., СПб., С. 54).

¹⁰⁹³ Несколько непонятно. Очевидно, изначально сотник был награжден Владимиром с бантом, так как мечи на ордена были утверждены лишь в 1855 г.

¹⁰⁹⁴ Калинин Б. М. Материалы для истории Донской артиллерии. Новочеркасск, 1907 г., С. 149.

Конь Сэр Бриггс. Один из выживших в атаке Легкой бригады 25 октября 1854 г. Его владелец — капитан Годфри Чарльз Морган (позже Виконт Тредегар, 1831–1913 гг.), командовал эскадроном 17-го уланского (17th Regiment of (Light) Dragoons (Lancers) полка. «Сэр» к кличке этого рыжего жеребца была добавлена после неофициального посвящения его в рыцари за храбрость, проявленную в бою 25 октября 1854 г. Рисунок Альфреда де Прадо. 1856 г.

ва. Позднее Н.Степанов, участник Крымской войны, в своих «Севастопольских записках» напишет, что непонятно, по каким причинам главнокомандующий (по его мнению) обошел наградами Днепровский пехотный полк, который первым атаковал турецкие редуты.¹⁰⁹⁵ Но его офицеры получили лишь 18 наград, в то время как офицеры Азовского полка — 48. Степанов увидел причину в антипатии к полку и его командиру, генерал-майору Гриббе, со стороны командира дивизии, в результате чего оказалось, что «...это дело верно описано в реляции, только несправедливо».¹⁰⁹⁶ В ноябре 1854 г. оскорбленный «интригами Семякина в наградах за дело 13 октября» генерал Гриббе, сказавшись больным, сдал полк и уехал в Симферополь.¹⁰⁹⁷

Как бы то ни было, но награждения за Балаклаву были произведены в самые сжатые сроки. Сражение много значило для защитников крепости и полевой группировки. Это был второй успех¹⁰⁹⁸ армии после отражения сентябрьской бомбардировки Севастополя. Казалось, что катастрофа Альмы далеко позади, а впереди время по-

¹⁰⁹⁵ В Донесении генерал-адъютанту князю Меншикова начальника 12-й пехотной дивизии, генерал-лейтенанта Липранди от 14 октября, № 3076 сказано, что в атаке на турецкие укрепления участвовал Азовский пехотный полк. Днепровский пехотный полк в составе одного батальона находился во второй линии Азовского полка. (Материалы по истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. IV, СПб., 1872 г., С. 22–23).

¹⁰⁹⁶ Степанов М. Севастопольские записки 1854, 1855 и 1856 годов//Военный сборник, № 4, СПб., 1905 г., С. 46.

¹⁰⁹⁷ Степанов М. Севастопольские записки 1854, 1855 и 1856 годов//Военный сборник, № 4, СПб., 1905 г., С. 54.

¹⁰⁹⁸ Название «победа» по отношению к Балаклаве, конечно, неуместно. Но по крайней мере не поражение.

бед. Генерал-майор Семякин в письме своей супруге 14 октября 1854 г. писал: «Генерал Липранди, прискакав, обнял меня и объявил, что Георгий 3-й степени мне принадлежит. В полдень приехал светлейший, протянул руку и сказал: «Поздравляю, вы потешите государя, и я отправлю курьером очевидца ваших прежних трудов и настоящего подвига».¹⁰⁹⁹ Семякин был «утвержден высочайше» кавалером ордена св. Георгия 3-й ст. 28 декабря 1854 г., крест вручен 17 января 1855 г.

Для Меншикова это был успех. Тем более достигнутый всего лишь одной пехотной и одной кавалерийской бригадой, тем более сразу после успешного отражения бомбардирования. Победа льстила, и главнокомандующий отправил депешу «с известием о доблестном деле 12-й дивизии» М.Д. Горчакову, «возвратив» с ней племянника князя.¹¹⁰⁰

УТЕШЕНИЕ ПРОИГРАВШИМ

Как известно, англичане своих солдат и офицеров наградами не баловали. Когда была учреждена медаль за Крымскую кампанию, Королева долго колебалась с решением об учреждении планки «Balaklava» для Крымской медали, понимая сомнительность этого события.

Пожалуй, она была права. По большому счету награждать было не за что. Самоубийственная атака Легкой бригады до сих пор не получила однозначной оценки, мнения о ней часто полярные: от самопожертвования до результата «...смешения грубых ошибок, гордости и имбецильности».¹¹⁰¹ Чаще всего ее считают одним из самых бесполезных подвигов в военной истории.¹¹⁰² В американской военно-исследовательской среде чаще всего говорят о ней как, скорее, самоубийственной ненужной ошибке, чем героическом и смелом поступке.¹¹⁰³

Но в конце 1854 г. о событии знал ограниченный круг общества, и никаких разговоров о награде не могло идти, так как в правительстве предпочитали, чтобы о случившемся вообще никто ничего и никогда не узнал. Но когда улицы Лондона увидели эвакуированных из Крыма искалеченных кавалеристов, а благодаря средствам массовой информации о нем все-таки стало известно широкому общественному мнению, то нужно было решать. В конце концов, героические неудачи всегда могли вдохновлять больше, чем победы.

В большей степени в угоду этому самому общественному мнению 23 февраля 1855 г. планку «Balaklava» утвердили. Этому предшествовал правительственный скандал с участием таких лиц, как герцог Ньюкасл, лорд Пальмерстон, принц Альберт и др. На заседании Парламента 25 января 1855 г. было заявлено, что Королева Виктория сделала настоящий подарок для своих солдат, наградив их медалью с планками «Альма» и «Инкерман» за две добытые выдающиеся победы. В то же время внимание палаты лордов было обращено на незаслуженное игнорирование мужества английских

¹⁰⁹⁹ Виновник единственной победы//Родина, №3—4, М., 1995 г., С. 59.

¹¹⁰⁰ Оборона Севастополя. Письма князя А.С. Меншикова к князю М.Д. Горчакову. 1853—1855//Русская старина. Том 12. СПб., 1875 г. С. 309.

¹¹⁰¹ Доклад В.Г. Фон Рихтера, Лондон 13 сентября 1954 г. Часть 2. Русская медалистика от 1839 года до революции// Рихтер В.Г. Собрание трудов по русской военной медалистике и истории, Париж, 1972 г. (http://medalirus.narod.ru/Tools/rychter_2.htm).

¹¹⁰² Imbert de Saint-Amand, Arthur-Léon. Les Femmes des Tuileries. Napoléon III et sa cour, par Imbert de Saint-Amand. Paris. 1897. P. 283—284.

¹¹⁰³ <http://www.militaryheritagemagazine.com/2005/aug/col-books.html>

солдат 93-го полка, Бригады тяжелой кавалерии и особенно жертвенность Легкой бригады под Балаклавой в октябре 1854 г.¹¹⁰⁴

В конце концов, хотя единственной пехотной частью, сражавшейся в полном составе при Балаклаве, был 93-й полк, медалями с этой планкой были награждены едва ли не все другие полки, которые только подходили к полю сражения.¹¹⁰⁵

---

¹¹⁰⁴ Tancred, George, Historical record of Medals and honorary distinctions, London, 1891, P. 188–189.

¹¹⁰⁵ Последний «Военный корреспондент»//Родина. №3–4. М., 1995 г. С. 66.

ЗНАЧЕНИЕ БАЛАКЛАВСКОГО СРАЖЕНИЯ

«Изведаль враг в тот день немало...»

М. Ю. Лермонтов, «Бородино».

МОРАЛЬНОЕ

В этом смысле Балаклава — очевидная победа Русской армии, укрепившая в войсках и морях Черноморского флота, тем более после успешно отраженной бомбардировки Севастополя, веру в свои силы, в возможность разгрома неприятеля, вторгшегося на землю Отечества. Удачное, хотя и не убедительно победное действие русских войск под Балаклавой благотворно сказалось на морально-психологическом состоянии гарнизона Севастополя. Защитники крепости, не имевшие до этого времени ни одного спокойного дня, изнуренные «...оборонительными работами и постоянным ожиданием штурма», торжествовали.¹¹⁰⁶

«13 числа вечером пришло в Севастополь известие о победе, одержанной на Черной речке нашими войсками под командой генерала Липранди. Солдаты кричали «ура!». Все были в восторге; у всех защитников Севастополя лица были веселы. Много эта победа возвысила дух наших войск; надежда к нам воротилась».¹¹⁰⁷

Только подходивший к Севастополю со своим полком Алабин весть о Балаклавском сражении услышал в Дуванкое: «...Весть о победе Липранди подтвердилась рассказами официальных лиц и приказом князя Меншикова. Слава Богу за дарование нам первого успеха над врагом в эту кампанию на своей земле!».¹¹⁰⁸

Он же заметил еще один признак улучшения морального состояния гарнизона — в Севастополе появился рынок трофейного имущества, на котором торговали всем, что удалось добыть у неприятеля.

«Двигаясь великолепным ущельем, мы часто встречали признаки победы 13-го октября. Множество солдат щеголяло чем-нибудь английским, или французским: на одном английская военная шинель, на другом фуражка с английскою высечкой, у того славная походная баклажка через плечо. Со стороны странно было смотреть на эти украшения: но солдаты носили их с гордостью как вывеску совершенного ими подвига, хотя большинство носивших эти украшения, как оказывалось по справке, не были

¹¹⁰⁶ Смирнов Я. История 65-го пехотного Московского Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка. 1642–1700–1890. Варшава. 1890 г. С. 435–436.

¹¹⁰⁷ Егерь. Отрывок из записок унтер-офицера//Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. Под ред. Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 159.

¹¹⁰⁸ Алабин П. В. Четыре войны: походные записки в 1849, 1853, 1854–56, 1877–78 гг. Часть 3. Защита Севастополя (1854–1856). М., 1892 г. С. 67.

в Балаклавском сражении, а, состоя в должности артельщиков или каптенармусов, получили эти трофеи от солдат в подарки или променяли на что-нибудь более пригодное солдату». ¹¹⁰⁹

Сами солдаты Русской армии отнеслись к победе под Балаклавой как к началу череды побед, которые обязательно должны были закончиться поражением неприятеля и его изгнанием из России. А. Ф. Погосский записал такой солдатский разговор: «...это все репетичка идет, а настоящие дела впереди». ¹¹¹⁰

В английскую военную историю сражение под Балаклавой вошло, с одной стороны, как образец преданности, дисциплины и мужества в достижении дела, а с другой — как пример некомпетентности, тщетности, бесполезности затраченных усилий, плохой организации. Калторп назвал потери, понесенные англичанами в этот день, невозполнимыми и бессмысленными. ¹¹¹¹

Интересно, что иногда сами англичане оценивают свое командование и его роль в Балаклавской трагедии гораздо жестче, чем наши отечественные военные историки. Возведенная в ранг искусства, военная безалаберность порученного дилетантам штаба привела армию в этот день к упущенным возможностям. Однажды пришлось услышать, что если во время Первой мировой войны немецкие офицеры называли войска английского экспедиционного корпуса не иначе, как львами, руководимыми ослами, то руководство Английской армией при Балаклаве было даже не ослами, а находилось где-то на уровне плоских червей.

Один из ярчайших представителей этого класса, генерал-майор Кардиган, вошел в историю не как военачальник, а как изобретатель модного тренда и вишневых брюк его любимого гусарского полка. Другой, генерал-лейтенант Лукан, стал известен больше как главный интриган английского штаба, чем командир кавалерийской дивизии.

С такими старшими начальниками Крымская экспедиция с самого начала больше напоминала неотвратимую управляемую катастрофу, чем намеченную победоносную войну. Скарлет, единственный из них, кто старался взять в свой штаб офицеров с военным опытом, был скорее исключением, чем нормой, но и его военные дарования не выходили за тактический уровень и ограничивались исключительно личной храбростью. Остальные предпочитали держать на «теплых» местах рядом с собой родственников.

Что касается поэтического воспевания сражения в стихах Теннисона, то в военной среде России никогда не относились к ним с чувствами, схожими с британскими, а самого автора относили к числу «поборников всеобщего мира», чьи «...слащавые мечтательные фразы толкуют о том времени, когда барабан перестанет бить и знамена перестанут развеиваться». ¹¹¹² Что делать, иногда героические неудачи могут вдохновлять больше, чем безвестные подвиги...

Упомянутый Макклеллан вообще удивлялся тому вниманию, которое британцы уделяют воспеванию Балаклавы. К самоотверженности он тоже относится скепти-

¹¹⁰⁹ Алабин П. В. Четыре войны: походные записки в 1849, 1853, 1854–56, 1877–78 гг. Часть 3. Защита Севастополя (1854–1856). М., 1892 г. С. 67.

¹¹¹⁰ Погосский А. Ф. Камень Кремневич (очерк из мелких дел солдатских)//Русская военная проза XIX века. Л., 1989 г. С. 328.

¹¹¹¹ Calthorpe, Somerset John Gough. Letters from head-quarters; or, The realities of the war in the Crimea, by an officer of the staff. Vol I. London. 1857. P. 309–311.

¹¹¹² Соколовский М. По военным музеям Западной Европы//Военный сборник. № 10. СПб., 1908 г. С. 241–243.

чески, говоря, что могут быть ситуации, когда кавалерии нужно жертвовать собой, но это был явно не тот случай.¹¹¹³

Что касается популярной темы глобальной ущербности русского солдата, его полной забитости, повальной безграмотности, то события боя под Балаклавой не дают отчетливого повода категорически утверждать это. В этом сражении можно найти целый ряд боевых эпизодов, в которых и одиночные солдаты, и небольшие подразделения действовали самостоятельно, с разумной инициативой, а иногда на грани настоящего военного таланта.

Многие современные любители популярной истории любят рассказывать, как работал у французов театр зуавов под Севастополем, намекая, какой просвещенный европеец приехал к нам на гастроли, а мы, лапотные, грязные и дикие, его высоких намерений не поняли.

Да, конечно, Русская армия была полна проблем, недостатков и вообще «беременна реформой», но и уничижительно говорить о русском солдате все-таки не стоит. В определенной ситуации, под определенным умелым командованием он раскрывал свои самые неожиданные стороны. В том числе, кстати, и в творчестве в условиях войны. Достаточно вспомнить на Кавказе под Карсом оперу саперов, театр акробатов Тульского пехотного полка...¹¹¹⁴

Моральный успех русских, усугубленный взятием под контроль линии снабжения союзников, на волне охвативших империю патриотических акций породил множество мифов. Самым распространенным, конечно же, является истерическая фантазия на тему истребленного под Балаклавой генофонда английской аристократии. Миф же оказался и самым живучим, дойдя до наших дней и перекочивая из салонных анекдотов на страницы некоторых современных научных исследований.

Послушать наших некоторых просвещенных экспертов, покажется, что долина просто истекала голубой кровью. Не сильно хочется говорить на эту тему, ибо мною сказано выше много и, надеюсь, окончательно. Потому оставим дилетантов наедине с их точкой зрения, а как пример рождения подобного взгляда на события можно привести кочевавший по столичным салонам Петербурга анекдот о Балаклавском сражении.

Рядовой гусарских полков в шинели. 1854–1855 гг. Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск, с рисунками, составленное по высочайшему повелению. 1841–1862 гг.

¹¹¹³ McClellan, George Brinton. The armies of Europe: comprising descriptions in detail of the military systems of England, France, Russia, Prussia, Austria, and Sardinia; adapting their advantages to all arms of the United States service and embodying the report of observations in Europe during the Crimean war, as military commissioner from the United States government, in 1855–56. Philadelphia. 1861. P. 14.

¹¹¹⁴ Блокада Карса. Письма очевидцев о походе 1855 года в Азиатскую Турцию. Тифлис, 1856 г. С. 91.

«Во время блистательной, но сумасбродной атаки Английского драгунского полка имени Королевы Виктории, командиром коего был лорд Кардиган (офицеры полка были с букетом в петлице по случаю дня рождения Королевы и, как говорят, мертво пьяны), попался в плен молодой офицер этого полка лорд Дункели и был препровожден к нашему главнокомандующему. В экзальтированном чаду от пороха и, быть может, винных паров и в естественной досаде быть взятым в плен молодой человек отнесся к князю Александру Сергеевичу с заносчивым словом: «Князь, как бы вы ни старались удержать Севастополь, но мы его возьмем».

«Если вам сказать правду, милорд, я сам боялся до сегодняшнего дня этого исхода; но теперь вы более не находитесь в рядах наших врагов, и я начинаю надеяться, что мы отстоим Севастополь до конца».¹¹¹⁵

Комментарии, как говорится, излишни...

Однако вернемся к военачальникам. Крымская война очень быстро показала, что иметь в одной и той же армии прекрасных солдат и никуда не годных командиров дело небезопасное и для государства удовольствие дорогое. Безупречная доблесть не оправдывает массового жертвоприношения. Англичанам чрезвычайно везло, что их противниками были такие герои, но тоже не под лучшим командованием. В то же время Балаклавское сражение показало, что если у русских появляется достаточно умный и знающий начальник, способный правильно организовать войска и спланировать операцию с учетом всех возможных и предполагаемых деталей, проблем не избежать.

Как и русские, англичане не делали выводов. Как и у русских, все послевоенные реформы носили половинчатый характер и, меняя облик армии, мало меняли ее сущность. Это продолжалось вплоть до Второй мировой войны и во всех родах войск, что признавалось самими британскими военными историками.

«Офицерский корпус британских вооруженных сил заслуживает особого разговора. Когда читаешь, что думают и говорят британские офицеры, понимаешь, что они не военные! Это просто джентльмены, члены некоего закрытого клуба, объединенные заботами как можно удобнее и приятнее провести досуг. Регби, гольф, крикет, охота, конное поло — вот занятия британских офицеров. Как меланхолически заметил один из британских адмиралов: «Артиллерийские учения они считали неизбежным злом». А то, что эти люди ходили в военных мундирах, совсем не делало их офицерами. Этого требует клубный устав.

Дилетантизм и разгильдяйство пронизывали офицерский корпус снизу доверху, причем эти качества старательно насаждались сверху. Вот вам один характерный пример. Крымская война, бой под Балаклавой 13 октября 1854 года. Знаменитая атака Легкой кавалерийской бригады, вдохновившая Теннисона на бессмертную поэму. Только дело в том, что эта атака завершилась сокрушительным поражением англичан и фактическим уничтожением 5 отборных кавалерийских полков. Британские генералы Кардиган и Лукан бросили их в безумную и бессмысленную атаку на укрепленную позицию, занятую численно превосходящими силами русских. Потери англичан составили около 80 процентов! И что? После войны генерал Кардиган становится генерал-инспектором британской кавалерии. Генерал Лукан вполне успешно движется по служебной лестнице и становится фельдмаршалом. И никого не смущает то, что самая мягкая характеристика интеллектуальных способностей этих полководцев в трудах британских же историков звучит как «дурак». Но ведь они обладают другими

¹¹¹⁵ Записки графа Бутурлина 1854-й год//Русский архив. Том 6. М., 1898 г. С. 320–321.

выдающимися качествами. Разве может какое-то поражение бросить тень на репутацию бригадного генерала седьмого графа Кардигана? Или генерал-майора графа Лукана? Кардигана дважды увольняли со службы за некомпетентность, ну и что? Зато это истинный британский джентльмен. Вот с такими традициями Британская армия подошла ко Второй мировой войне. Стоит ли удивляться, что генерал лорд Горт или адмирал граф Корк энд Оррери действовали ничуть не лучше своих предшественников».¹¹¹⁶

Нужно сказать, что великая глупость, случившаяся под Балаклавой и стоившая жизни нескольким сотням людей и лошадей, «икнулась» несчастным животным в период ее прославления. Ради экранизации атаки в одноименном фильме американского режиссера М. Кертица перебили лошадей больше, чем людей в бою 25 октября 1854 г. Это варварство цивилизованных творцов от искусства послужило поводом для принятия Конгрессом США закона о защите животных, участвующих в киносъемках.¹¹¹⁷ Его последствия мы видим и ныне в титрах «При съемках фильма ни одно животное не пострадало».

Лейтенант Конолли в бою 14 (26) октября 1854 г.

ВОЕННОЕ

Военное значение сражения под Балаклавой никогда не оценивалось однозначно. Хотя речь не шла о поражении Русской армии, действительность успеха всегда ставилась под сомнение даже участниками: «...я всегда был такого мнения, что дело 13-го октября не принесло нам никаких материальных выгод».¹¹¹⁸ Кожухов не одинок, хотя противоречит сам себе, называя ранее в тексте воспоминаний итоги дела «блестящими».¹¹¹⁹

Даже отечественные военные историки совершенно безосновательно стараются убрать «победную» сторону в тень, выставляя на первый план совершенно неинтересную атаку Легкой бригады. Хотя почему? Все-таки, пожалуй, интересную, но лишь с точки зрения действий артиллерии и пехоты по уничтожению противника, попавшего в подготовленный (умышленно или неумышленно) «огневой мешок».

В то же время англичане, которым, казалось, нужно искать оправдание в последствиях, понимание которых пришло быстро, склонны считать Балаклаву одним из

¹¹¹⁶ Летчики его величества. Сборник. М., 2002 г. С. 4–5.

¹¹¹⁷ Шешунова С. В. Атака британской легкой кавалерии под Балаклавой в литературе и кинематографе//Мировая литература в контексте культуры. № 1. М., 2012 г. С. 280.

¹¹¹⁸ Кожухов С. Из крымских воспоминаний о последней войне//Дубровин Н. Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Выпуск IV. СПб., 1872 г. С. 66.

¹¹¹⁹ Кожухов С. Из крымских воспоминаний о последней войне//Дубровин Н. Ф. Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Выпуск IV. СПб., 1872 г. С. 66.

наиболее тяжелых по последующим событиям сражений кампании.¹¹²⁰ И на то есть веские основания. В скоро пришедших условиях понижения температуры «начиная с первой недели декабря 1854 г. не было ни одного дня, когда в Балаклаве отсутствовали бы значительные запасы теплой одежды, и в то же время на фронте в окопах некоторые полки жестоко страдали от недостатка именно этих предметов, которые хранились для них на расстоянии каких-нибудь 7–8 миль».¹¹²¹

Большая часть лошадей, особенно в Легкой бригаде, которые выжили после 25 октября, в итоге или пали от изнурения, голода и холода крымской зимы, или пошли на пропитание солдатам и офицерам.¹¹²²

Российские военные исследователи XIX в. отмечали, что Крым стал одним из этапов «заката» кавалерии в ее «чистом» виде как стратегического средства в руках командующих, отныне принимающей ограниченное участие в войнах.¹¹²³ Спустя некоторое время мысль, что «...кавалерия в войнах настоящего времени прекратила свое бытие как род оружия», стала все чаще обсуждаться.¹¹²⁴

Атаку Легкой бригады под Балаклавой поставили в один ряд с атакой кавалерии Мюрата пехоты Неверовского в 1812 г., французских кирасир английской пехоты при Ватерлоо в 1815 г. и русских кирасир против польских мятежников под Гроховым в 1831 г. Период после Крымской войны стал временем жесточайшей критики кавалерии, достигшей своего апогея после русско-японской войны.¹¹²⁵

В XIX веке стало ясно, что кавалерия постепенно сходит на нет в качестве самостоятельного рода войск. Советский ученый Л. Г. Бескровный пишет: «...Изменилась роль кавалерии. Она потеряла значение самостоятельной ударной силы и все более приобретала роль вспомогательного рода войск, обеспечивающего глубокую разведку и ведущую бой как в конном, так и в пешем строю. В связи с этим и в кавалерии (как и в пехоте) также обозначалась тенденция к унификации».¹¹²⁶

Американские военные исследователи спустя менее чем 10 лет после событий у Балаклавы и основываясь на собственном опыте Гражданской войны тоже сделали неутешительный для кавалерии вывод о ее закате, но не как рода войск (нужность конницы никто не отрицал), а как средства достижения решительной победы в сражении.¹¹²⁷

В качестве основной задачи российским войскам ставился захват передовых редутов союзников, которая была выполнена пехотой, а кавалерии отводилась вспомогательная роль. Возможно, по этим причинам факты участия кавалерии в данном сражении остались только в воспоминаниях самих кавалеристов — участников событий, которые собрал в своих трудах российский историк Н. Ф. Дубровин.

Историки считают, что Балаклава — последнее сражение, в котором кавалерия применялась по правилам, установленным еще со времен наполеоновских войн. К примеру, Шерф в одном из своих академических исследований утверждал, что «...кавалерия, в течение известного периода бывшая царицей битв и так часто дававшая

¹¹²⁰ Foster, Sir John George Ross of Bladensburg. *The Coldstream Guards in the Crimea*. London. 1897. P. 133–134.

¹¹²¹ Энгельс Ф. Эри (<http://ugovoy-k.narod.ru/marx/14/006.htm>).

¹¹²² Robinsjn, Rod. *A Subject for Debate?//The War Correspondent*. Vol.21. Num. 3. October 2003. P. 14–15.

¹¹²³ Гершельман Ф. Партизанская война (статья шестая)//Военный сборник. №8. СПб., 1884 г. С. 155–156.

¹¹²⁴ Библиография. О значении кавалерии в войнах нового времени (пер. с немецкого). Подготовлено: Н. Сухотин//Военный сборник. №3. СПб., 1882 г. С. 25.

¹¹²⁵ Бутковский А. Д. Уважение к огню//Военный сборник. №5. СПб., 1910 г. С. 71–73.

¹¹²⁶ Бескровный Л. Г. *Русское военное искусство XIX века*. М., 1974 г. С. 357.

¹¹²⁷ Roemer, J. (Jean). *Cavalry: its history, management, and uses in war*. New York. 1863. P. 19.

Балаклава. Рисунок В. Симпсона.

решительный поворот в бою атаками своих масс, по-видимому, утратила свое прежнее значение на современных полях сражений, где успех дела главным образом зависел от массы поражающего огня».¹¹²⁸

Отныне ее роль и место на поле боя нуждались в радикальном пересмотре, и последовавшая вскоре Гражданская война в США стала поворотным пунктом от старой тактики к новым принципам использования конницы. Но уже спустя 10 лет после Крымской войны несколько европейских войн отводили ей только две функции: охранительную при начале и в ходе боя и решительную в ходе преследования противника после его поражения и отступления.¹¹²⁹

Балаклавское сражение доказало, насколько ошибочным было бездумное наращивание кавалерии при отсутствии реальных задач для нее. Уже скоро генерал-лейтенанта Рыжова с кавалерией и с приданными 12 орудиями отвели к Перекопу. Оставшиеся кавалерийские части и подразделения использовались исключительно для охранения и разведки.

Советская военная историография неоднозначно оценила сражение у Балаклавы. Привычно придумали вину для Меншикова, но так как в этот раз разгрома или хотя бы поражения не случилось, то приписали ему нереализованную удачу в виде взятия

¹¹²⁸ Исследования тактики пехоты//Военный сборник. № 10. СПб., 1874 г. С. 266.

¹¹²⁹ Байков А. Влияние сражения под Кениггрецом на тактику//Военный сборник. № 6. СПб., 1872 г. С. 323.

базы союзных войск по причине отсутствия веры в собственные войска, и действия малыми силами.¹¹³⁰

НЕРЕАЛИЗОВАННАЯ ПОБЕДА

На практике союзники признали поражение, отказавшись от передовой линии обороны Балаклавы, переместив ее на прилегавшую почти к базе цепь холмов.¹¹³¹

Спустя менее года взятие русскими войсками передовых неприятельских укреплений было оценено русскими войсками совершенно по-иному. П.Глебов высказался по этому поводу в упрек действиям Горчакова, отдавшего впоследствии те результаты, которые были достигнуты русскими войсками в сражении у Балаклавы: «Кто злобно улыбнется, когда узнает о неудачном деле 4-го августа, это князь Меншиков. При нем высоты, которые мы атаковали, были за нами. Мы сделали большую глупость, уступив их неприятелю без боя, а теперь едва ли не впали в еще большую глупость, вздумав отбить их у него».¹¹³²

Глебов не одинок. Шильдер также считает, что «...Балаклавское сражение, которое должно было подготовить Инкерманскую битву, доставило во власть русских на левом берегу Черной Федюхины высоты, находившиеся на фланге и почти в тылу англо-французской позиции; они угрожали вместе с тем сообщению их с морем, а именно – Балаклавской гавани. Горчаков очистил их добровольно...».¹¹³³

Еще уничижительнее к сведшему «на нет» успех Меншикова Горчакову фельдмаршал Паскевич: «...Затем спешу возвратиться к Севастополю. От марта до славно отбитого штурма вы потеряли передовые укрепления: Селенгинское, Камчатское, уступили неприятелю без выстрела Федюхины горы и Байдарскую долину, где союзники как в обетованной земле нашли все, чего до сих пор им не хватало, т. е. воду и траву. Наконец, когда подошли к вам сильные подкрепления, вы вместо того, чтобы маневрировать вдоль Черной речки в тылу неприятеля с 50 или 60 тысячами и держать его в постоянном недоразумении на счет ваших намерений, что поставило бы его в весьма затруднительное положение, решились 4-го августа на дело несбыточное и пошли, так сказать, напролом (по-русски, на авось) атаковать позицию, которая, как вы сами говорите, сильнее севастопольских укреплений.

Здесь рождается вопрос: какие стратегические соображения могли вас заставить уступить неприятелю Федюхины горы? Вероятно, чтобы дать ему время укрепить их, и когда они сделались неприступными, идти на верное поражение, зная, что вся наша попытка с этой стороны, как мы сейчас же увидим из ваших же слов, должна быть отбита со стыдом и с большим уроном».¹¹³⁴

Что касается М.Д.Горчакова, тут все понятно. Его военные способности всегда оценивались невысоко, даже теми, кто гениальностью полководца не обладал тоже.

¹¹³⁰ Русское военно-морское искусство. Сборник статей. Под ред. Мордвинова Р. Н. М., 1951 г. С. 188.

¹¹³¹ Layard, Austen Henry. La Première campagne de la Crimée ou les batailles mémorables de l'Alma, de Balaklava et d'Inkermann, par Austin Layard. Traduction, autorisée par l'auteur, par A.-E.-S. Jervis. Bruxelles. 1855. P. 66–67.

¹¹³² Записки Порфирия Николаевича Глебова//Русская старина. Том 121. СПб., 1905 г. С. 278.

¹¹³³ Шильдер Н. К. Фельдмаршал Паскевич в Крымскую войну 1853 и 1854 гг.//Русская старина. Том 12. СПб., 1875 г. С. 633.

¹¹³⁴ Мысли фельдмаршала кн. Паскевича по поводу обороны и падения Севастополя 16 сентября 1855 г.// Русская старина. Том VI. СПб., 1872 г., С. 427–435.

Приехавший на его место в Дунайскую армию Паскевич «не мог сделать его даже начальником своего штаба».¹¹³⁵

Войска тоже были недовольны новым командующим, под руководством которого успех Липранди был без видимых причин сдан и вскоре пришлось «...сызнова начинать все то, с чего счастливо начал Липранди 13-го октября».¹¹³⁶

Возможно, столь кардинальной переоценке способствовали появившиеся французские исследования, где признавалось трудное положение, в котором оказалась Английская армия, отдав русским контроль над значительной частью Воронцовской дороги и прилегающей к ней долины¹¹³⁷ и получив холодную и голодную зиму.¹¹³⁸

Вейгельт вообще считает сражение у Балаклавы малозначительным событием, особенно в вопросах применения артиллерии.¹¹³⁹

Успех русских выражался не в общем числе истребленных неприятелей, а в числе отдавших Богу душу в результате болезней, возникших от трудностей снабжения и изнуряющих работ, из-за отсутствия надежной коммуникации от базы к передовым линиям зимой 1854–1855 гг. Липранди сумел перерезать основную коммуникационную линию англичан,¹¹⁴⁰ в результате чего значение этого сражения проявилось не в день его окончания, и не может выражаться в соотношении потерь. Итак, дорога. Зловещее слово для любого неприятеля, рискнувшего вторгнуться в Россию. Отсутствие дорог и наличие направлений сгубило на ее просторах не одну армию: поляки, французы, немцы...

Именно по этой причине успех русских проявился позже, когда из-за отсутствия нормального сообщения базы с позициями и передовыми лагерями англичане понесли огромные потери во время холодных осени-весны 1854–1855 гг. — иногда войска нуждались в том, что уже давно находилось на складах в главной базе. Кавалерия свои главные потери понесла не во время сражения, а по его итогам. К концу декабря в кавалерийской дивизии осталось не более 60 лошадей.¹¹⁴¹

Зимой 1854–1855 гг. англичане терпели ужасные лишения на скалистых высотах под Севастополем в основном потому, что не было никакой возможности подвозить припасы из Балаклавского порта. Системы наземного армейского снабжения, по

Английский фарфоровый стакан, посвященный основным битвам Британской армии в Крыму: Альме, Балаклаве и Инкерману.

¹¹³⁵ Васильчиков А. И. Князь Михаил Дмитриевич Горчаков. Заметки в ответ моим возражениям // Русская старина. Том 30. СПб., 1881 г. С. 47–56.

¹¹³⁶ Генрици А. А. Воспоминания о Восточной войне 1854–1855. Часть IX // Русская старина. Том 25. СПб., 1876 г. С. 699.

¹¹³⁷ Thoumas, Charles. Les transformations de l'Armée française : essais d'histoire et de critique sur l'état militaire de la France. Paris. 1887. P. 111–134.

¹¹³⁸ Rimbert, Colonel. Les gloires du drapeau. Paris. 1894. P. 213.

¹¹³⁹ Осада Севастополя 1854–1856. Составлено капитаном прусской артиллерии Вейгельтом. СПб. 1863 г. С. 60.

¹¹⁴⁰ История военно-морского искусства. Том II. М., 1954 г. С. 152.

¹¹⁴¹ Обручев Н. А. Смешанные морские экспедиции (статья третья) // Военный сборник. №9. СПб., 1898 г. С. 69–70.

сути, не существовало. Перепорученный гражданскому ведомству (интендантству) под контролем другого гражданского ведомства (казначейства), этот род деятельности, на который не распространялась власть главнокомандующего, нельзя было назвать военным ни по сути, ни по форме. Присланные вьючные животные, вскоре не вынеся беспощадной эксплуатации и голодного существования, вымерли. Капитан Генри Клиффорд ядовито замечал, что «припасы приходится доставлять на собственном горбу», поскольку вновь прибывшие животные передохли еще до того, как приступили к работе.¹¹⁴²

Чтобы не быть голословным, достаточно посмотреть приказы английского штаба в Крыму уже с ноября месяца, когда особенно со второй его половины проблемы снабжения стали расти, как снежный ком.

14 ноября: дорога между Балаклавой передовыми линиями стала непроходимой. Для ее восстановления нужно срочно привлечь турецкие войска...¹¹⁴³

28 ноября: вследствие состояния дорог комиссариат не может в необходимом количестве обеспечивать фуражным кормом животных, содержащихся в полках, и предлагает осуществлять это силами самих полков...¹¹⁴⁴

С конца ноября на передовых линиях началось массовое уничтожение шанцевого инструмента: солдаты, не надеясь получить дрова и уголь из Балаклавы, стали жечь черенки лопат и рукояти кирок.¹¹⁴⁵ Вскоре это стало настоящим бичом армии, вынуждая командование принимать жесткие меры для противодействия.

В результате, имея достаточно припасов в главной базе, англичане не могли обеспечить доставку их войскам.

Поражение под Балаклавой вынудило англичан отвлечь на ее защиту корабли Королевского флота, а потеря сразу 9 морских пушек оказалась чувствительной для Королевского флота.¹¹⁴⁶

Из этого следует, что Балаклава — блестящий пример, как при минимальных затратах и не самых больших размахах можно достичь максимального успеха.¹¹⁴⁷

¹¹⁴² Sweetman, John. *Military Transport in the Crimean War, 1854–1856*//The English Historical Review. Vol.88. N346 (Jan., 1973). P. 81–91.

¹¹⁴³ General orders issued to the Army of the East from April 30, 1854 to December 31, 1855. London. 1856. P. 68.

¹¹⁴⁴ General orders issued to the Army of the East from April 30, 1854 to December 31, 1855. London. 1856. P. 71.

¹¹⁴⁵ General orders issued to the Army of the East from April 30, 1854 to December 31, 1855. London. 1856. P. 71.

¹¹⁴⁶ Mends, Bowen Stilon. *Life of Admiral Sir William Mends G.C.B. Late director of transports*. London. 1899. P. 175–176.

¹¹⁴⁷ Du Casse, Pierre Emmanuel Albert. *Précis historique des opérations militaires en Orient de mars 1854 à septembre 1855*. Paris. 1856. P. 164–165.

26 ОКТЯБРЯ 1854 г.: БОЛЬШАЯ КРОВЬ МАЛОГО ИНКЕРМАНА

«...Фронтальная атака какого бы то ни было местного предмета может быть оправдана только как крайняя мера».

Леер Г.А., российский военный теоретик, историк, генерал от инфантерии, начальник Николаевской Академии генерального штаба.

ЗАМЫСЕЛ

Сражению, чаще всего именуемому как Малый Инкерман, многие исследователи не придают должного значения, почти как и случившейся за сутки до него Балаклаве. Иногда просто игнорируют, иногда объединяя с Большим Инкерманом, который состоялся вскоре, — ошибаются. Дальнейший ход событий показывает, что логичнее считать этот бой развитием событий, происшедших накануне 25 октября 1854 г. у Балаклавы, ставшей «прелюдией»¹¹⁴⁸ скорого еще большего кровопролития.

Примерно об этом говорит Стеценко, конечно же знавший по должности основы дальнейших планов главнокомандующего: «...Еще до прибытия Павлова с Соймоновым были атакованы неприятельские редуты в Балаклавской долине; блестящая атака и овладение редутами были весьма радостным эпизодом войны. Но это было бы только случайным удачным делом, если бы оно не связывалось с общим планом большой инкерманской вылазки, для коей это дело служило необходимым подготовлением, а редуты — опорным пунктом, так как невозможно было через инкерманский мост и одновременно с бастионов направить столь большую массу войск на инкерманские высоты... По всем этим причинам генерал Липранди оставлен был в Балаклавской долине».¹¹⁴⁹

Таким образом, весь цикл действий от Балаклавы и до Инкермана можно считать одной большой военной операцией, конечной целью которой были деблокада осажденного Севастополя и подготовка к большому военному поражению союзных войск в Крыму.

Нет сомнения, что подобные действия могли произойти исключительно после тщательного их планирования. Распространенная точка зрения на причины, по-

¹¹⁴⁸ Quesnoy, Ferdinand-Désiré (Dr). Souvenirs historiques, militaires et médicaux de l'armée d'Orient. Paris. 1858. P. 90–91.

¹¹⁴⁹ Стеценко В. Крымская кампания. Воспоминания и рассуждения//Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами. Том 1. СПб., 1872 г. С. 243–244.

Генерал-лейтенант Константин Романович Семякин. В 1854 г. — генерал-майор, командир 1-й бригады 12-й пехотной дивизии.

будившие Меншикова провести атаку в сторону союзных позиций от Киленбалки, кажется не вызывает сомнений в правильности такого решения. Прибытие подкреплений «ободрило» его штаб и несомненно подтолкнуло к подготовке «быстрого перехода наших войск в наступление».¹¹⁵⁰

Для того чтобы выяснить намерения неприятеля, отвлечь его внимание от усиливающегося отряда Липранди, который становился отныне главной угрозой осадным войскам союзников, было принято решение сделать сильную вылазку в направлении Сапун-горы. Штаб главнокомандующего 13 октября выработал с начальником 4-й дистанции адмиралом Истоминным состав войск и порядок их поддержки со стороны крепости.¹¹⁵¹

Андрианов вполне точно определяет задачи готовившегося сражения: «...Одна только воистину специальная рекогносцировка предпринята была по

распоряжению прозорливого князя Меншикова. Она предназначалась для разузнавания характера той местности, на которой впоследствии мы дрались в Инкерманском сражении и могла быть для нас очень полезной».¹¹⁵²

К акции привлекались шесть батальонов пехоты (от Бутырского и Бородинского полков) и легкая №5 батарея 17-й артиллерийской бригады. Общее командование возлагалось на командира Бутырского полка полковника Федорова.¹¹⁵³

Как всегда, проявились «подводные камни», связанные с характером князя, его невероятной амбициозностью. Как мы уже знаем, Меншиков был сторонником действий от крепости,¹¹⁵⁴ и успех Липранди, осмелившегося не только настоять на акции со стороны Федюхиных высот, но и добиться успеха, в чем-то раздражал его. Ему было необходимо доказать свою правоту, чему новая атака как раз могла содействовать.

При всем этом князь не был способен к авантюрам и его ошибки скорее происходили от недостатка решительности и чрезвычайного увлечения выстраиванием сложных управленческих вертикалей: «Меншиков, конечно, не может быть отнесен

¹¹⁵⁰ Записки Владимира Ивановича Дена//Русская старина. Том 65. СПб., 1890 г. С. 678.

¹¹⁵¹ Записки Александра Ефимовича Попова о пребывании его в Крымской армии с 1-го октября по 1-е декабря 1854 г.//Русская старина. Том 24. СПб., 1879 г. С. 331–332.

¹¹⁵² Андрианов И. Инкерманский бой и оборона Севастополя (наброски участника) (статья вторая)//Военный сборник. №3. СПб., 1903 г. С. 17.

¹¹⁵³ Описание обороны города Севастополя. Составлено под рук. генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 247.

¹¹⁵⁴ Записки Александра Ефимовича Попова о пребывании его в Крымской армии с 1-го октября по 1-е декабря 1854 г.//Русская старина. Том 24. СПб., 1879 г. С. 315–320.

к людям передовым, потому что это был завзятый консерватор с военным пошибом; но все же он принадлежал к числу министров образованных». ¹¹⁵⁵

Уже на уровне замысла «вылезли» проблемы, традиционно связанные с трудно объяснимой психологией главнокомандующего. В столице прекрасно знали, что князь «... не обладал ни дарованиями, ни опытностью полководца и не имел при себе ни одного доверенного лица, кто мог бы его именем вести дело с умением и энергией». ¹¹⁵⁶

Во всех присылаемых ему из столицы помощниках он видел соглядатаев, назначенных за контролем его действий и оперативного информирования столичного начальства. Доля смысла в этом была, но игнорируя то, что у него было и тем более что ему давали, Меншиков не хотел или не сумел составить себе хороший штаб. ¹¹⁵⁷

Вспомним историю с полковником Поповым, считавшимся одним из способнейших офицеров гвардейского генерального штаба. При назначении его исправляющим должность начальника штаба войск в Крыму последний имел «неосторожность» попасть на аудиенцию к Николаю I. Этого было достаточно, чтобы Меншиков, узнав о встрече, по прибытии Попова в Севастополь принял его весьма нелюбезно и даже не допустил вступить в должность. Устраненный от всякого участия в делах штаба, Попов состоял то при князе Горчакове, то при начальнике Севастопольского гарнизона генерале Моллере. После краткого периода «милости» главнокомандующего и допущения к работе над планированием и подготовкой Балаклавского сражения был возвращен обратно в Петербург. ¹¹⁵⁸

Основной удар планировался на северную оконечность правого фланга оборонительной линии союзников, защищаемой батальонами 2-й дивизии, считавшуюся слабым местом британской позиции. ¹¹⁵⁹ Успех достигался внезапностью нападения, последняя, в свою очередь, — скрытностью выдвижения.

АНГЛИЙСКИЕ ПОЗИЦИИ

Англичане чувствовали опасность, понимали, что если русские пришли раз, они придут снова. При этом не обязательно туда, где их ждут.

Генерал Эванс, чья опытность была уже доказана событиями Альминского сражения и флангового марша к Севастополю, обоснованно считал свое положение ненадежным и неустойчивым. Хотя позиции были удобными, закрепиться на них с помощью долговременных сооружений оказалось чрезвычайно трудно. Даже об элементарной полевой фортификации можно было лишь думать.

Каменистый грунт, перенасыщенный скальными породами, с трудом поддавался шанцевому инструменту, а необходимость постоянных инженерных работ чрезвычайно изматывала личный состав. Переутомление вызывало болезни, болезни уменьшали списочный состав частей, уменьшавшееся число готовых к бою отрицательно сказывалось на плотности обороны.

¹¹⁵⁵ Исторические очерки России со времени Крымской войны до заключения Берлинского договора 1855–1878. Лейпциг, 1878 г. С. 59–60.

¹¹⁵⁶ Тарле Е. В. Крымская война. Том 2. М.-Л., 1941–1944 гг. С. 166–167.

¹¹⁵⁷ Тарле Е. В. Крымская война. Том 2. М.-Л., 1941–1944 гг. С. 166–167.

¹¹⁵⁸ Тарле Е. В. Крымская война. Том 2. М.-Л., 1941–1944 гг. С. 166–167.

¹¹⁵⁹ Ординат С. Очерк жизни покойного подполковника Чемпиона из 95-го полка с выдержками из его писем (A Sketch of the Life of the Late Lieut. – Colonel Champion, of the 95th Regiment with Extracts from his Correspondence, London, n.d. [1855]) // Military Крым. № 22. Симферополь, 2012 г. С. 36.

В итоге с каждым днем вместо усиления линия только слабела и к середине октября «...где бы на протяжении нескольких миль, составлявших правый фланг англичан, русские ни нанесли удар, у тех не могло хватить сил для его отражения».¹¹⁶⁰

С английской стороны главным действующим лицом событий 26 октября стала упомянутая 2-я дивизия генерала Леси Эванса, которая с принятием решения о начале осады Севастополя 29 сентября заняла сначала участок на крайнем левом фланге английской позиции. 4 октября она перешла с крайнего левого фланга в крайний правый фланг, заняв Инкерманские высоты.¹¹⁶¹

Убедившись в невозможности в ближайшее время создать сильную позицию, британцы остановились на многократно проверенном во времена колониальных войн способе контроля растянутой оборонительной линии. Его смысл был в том, что условия местности позволяли англичанам удерживать подступы несколькими передовыми подразделениями — пикетами. Это было разумное решение, давшее возможность небольшими силами перекрывать все возможные пути неприятельской атаки. Кроме того, расположение пикетов при удачной ситуации позволяло какое-то время держать наступающих под непрерывным огнем. Для отражения нападения от английских солдат и офицеров требовались только две вещи: найти в себе силы не побежать и вести огонь с максимальным темпом. И то и другое они делать умели.

Служба на передовых позициях требовала постоянного внимания и изматывала солдат и офицеров не меньше, чем работы в траншеях: «Почти каждую ночь мы становимся под ружье из-за атаки на какой-нибудь пикет или ложной тревоги».¹¹⁶²

Проверку службы тщательно вели назначенные офицеры штаба Раглана или старшие офицеры пехотных полков. Незадолго до русского нападения один из них, подполковник Херберт, «проведаль» позиции и напомнил Чемпиону, что если 49-й начнет отходить, 95-й должен возможно дольше удерживать свою позицию, ожидая подхода главных сил.¹¹⁶³

БОЙ ЗА ПЕРЕДОВЫЕ ПОЗИЦИИ

В эту ночь на передовых позициях несли службу подразделения трех полков: пикет 49-го (лейтенант Конолли) был передовым, пикет 95-го (майор Чемпион) располагался ближе к основным позициям. Немного в стороне находился пикет 30-го (капитан Этшли) полка. Каждый из них насчитывал примерно роту солдат, собранную от разных рот полка. Пикет Чемпиона был сильнее остальных — имел две роты: одну от 95-го, другую — их 41-го полков.

Сражение началось необычно. Привыкшие уже к ночным вылазкам русских союзники с удивлением наблюдали вышедшую из города колонну войск, которая к часу дня прошла Килен-балку.

¹¹⁶⁰ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 187–188.

¹¹⁶¹ Ординат С. 95-й Дербиширский полк в Крыму (перевод с англ.). Майор Гарольд Кармайкл Вилли, 2-й батальон Дербиширского полка (1899 г.)//Military Крым. №23. Симферополь, 2012 г. С. 15.

¹¹⁶² Ординат С. Очерк жизни покойного подполковника Чемпиона из 95-го полка с выдержками из его писем (A Sketch of the Life of the Late Lieut. - Colonel Champion, of the 95th Regiment with Extracts from his Correspondence, London, n.d. [1855])//Military Крым. №22. Симферополь, 2012 г. С. 36–37.

¹¹⁶³ Ординат С. Очерк жизни покойного подполковника Чемпиона из 95-го полка с выдержками из его писем (A Sketch of the Life of the Late Lieut. - Colonel Champion, of the 95th Regiment with Extracts from his Correspondence, London, n.d. [1855])//Military Крым. №22. Симферополь, 2012 г. С. 36.

Пока еще ничего не предвещало опасности: «Утро 26-го было особенно красивым и светлым. Всю предыдущую ночь и все то утро в Севастополе стояла большая суматоха: слышались шум людей и звон колоколов, наблюдалось движение огромных масс. 2-я дивизия построилась где-то во время завтрака, получив сообщение о том, что русские наступают, но спустя какое-то время все стихло и солдаты получили приказ разойтись».¹¹⁶⁴

Одновременно подняли кавалерию: «...Ночью 26-го, когда все мы улеглись в наших палатках, послышался неистовый топот скачущих по равнине лошадей; зазвучала мощная канонада; весь лагерь был поднят по тревоге. «Сбор! Сбор!».¹¹⁶⁵

Солдат такое упорство русских наносить каждый день по удару удивило, некоторые даже объясняли это религиозным фанатизмом и дремучим русским увлечением алкоголем: «...Не успела победоносная кавалерия убрать сабли в ножны после стычки с врагом, как 10 000 обезумевших от пьянства и религиозного фанатизма русских при поддержке тридцати орудий предприняли вылазку в наш лагерь. Впоследствии это дело называли «маленьким инкерманом» — настолько жестокой была борьба».¹¹⁶⁶

Сначала англичане решили, что идет подкрепление к Липранди,¹¹⁶⁷ но дальнейшее заставило их пересмотреть свои предположения. Русские внезапно изменили направление и вскоре явственно обозначили намерение атаковать участок дивизии Эванса. Скрытые от неприятельских глаз, наши сумели проделать перестроения незаметно от англичан, которые, поздно заметив угрозу, стали наскоро стягивать свои силы вправо к почтовой дороге.

Чемпион ответственно исполнял свой долг: внимательно инспектировал аванпосты своего полка, находил время, чтобы сменить других солдат в траншеях. На пред-

Генерал-лейтенант Федор Григорьевич Левуцкий.
В 1854 г. — генерал-майор, командир 2-й бригады
12-й пехотной дивизии.

¹¹⁶⁴ Ординат С. 95-й Дербиширский полк в Крыму (перевод с англ.). Майор Гарольд Кармайкл Вилли, 2-й батальон Дербиширского полка (1899 г.)//Military Крым. № 23. Симферополь, 2012 г. С. 15.

¹¹⁶⁵ «Воспоминания молодого солдата о службе во время Крымской войны», написанные Гарри Пауэллом из бывшего 13-го Легкого драгунского полка (Recollections of a Young Soldier during the Crimean War by Harry Powell, late 13th Light dragons, Oxford, 1876). Перевод с англ. Ординат С.//Military Крым. № 24. Симферополь, 2013 г. С. 14–23.

¹¹⁶⁶ Тимоти Гоуинг. Голос из строя (Gowing T. Voice from the Ranks: a personal narrative of the Crimean Campaign. Nottingham, 1895) Перевод Е. Тупахиной//«Military Крым». № 3. Симферополь, 2006 г. С. 22–23.

¹¹⁶⁷ Bazancourt, César Lecat. L'expédition de Crimée: l'armée française à Gallipoli, Varna et Sébastopol, chroniques militaires de la guerre d'Orient. Tome 2. Paris. 1858. P. 38–39.

ложения «чаще о себе заботиться» он отвечал: «Очень скоро мы возьмем Севастополь и тогда сможем отдохнуть со всеми удобствами». ¹¹⁶⁸

Он разделял опасения и предостережения Эванса относительно того, что позиции в Инкермане грозит опасность и она плохо обороняется; и часто предупреждал о том, что неприятель одним ранним утром подойдет под прикрытием тумана и темноты.

Отправив сообщение командиру дивизии, пикеты, сдерживая огнем наседавшую русскую пехоту, стали отходить. Именно в этот момент генерал Эванс прибыл к месту боя. К этому времени передовые роты были уже сломлены и частично разбежались по местности, частично отходили малыми группами, но свою задачу они выполнили. ¹¹⁶⁹ Русские шли именно туда, куда и должны были идти: под батареи и под удар основных сил пехоты.

Эванс, убедившись, что в этом случае русские не ограничатся обычной вылазкой, а имеют гораздо более серьезные намерения, пока ему непонятные, отправил офицера к главнокомандующему, который в это время находился на половине пути к своей главной квартире. Показавший свой характер при Альме, где ему удалось не только постоянно двигать вперед свои батальоны, не признающий авторитетов, благодаря чему у него получилось тогда увлечь находившуюся рядом Гвардейскую бригаду, генерал и тут продемонстрировал напор.

Получив известие, уже сам слышащий нарастающий грохот перестрелки, Раглан немедленно помчался к месту событий. ¹¹⁷⁰

Федоров начал давление на англичан, построив боевой порядок по образцу сражения при Балаклаве. Впереди шла сильная завеса из штуцерных стрелков, собранных из обоих полков, за ними один батальон в ротных колоннах, за ними остальные батальоны в колоннах к атаке и артиллерией в промежутках. ¹¹⁷¹ Англичане обратили внимание на напор, ¹¹⁷² четкость и быстроту действий русских, ¹¹⁷³ совершенно не оставлявших им времени на принятие других решений, кроме как принять бой.

Это был оптимальный вариант для данных условий боя. В 1854 г. при всем пренебрежении к тактике стрелковых цепей, русские прекрасно понимали, что «...при действии больших сил огонь стрелковой цепи и успешное ее наступление приобрели первостепенную важность и решительное влияние на общий ход боя. Если обороняющийся будет усиливать или сменять одну цепь другою, то и наступающий, особенно на местности пересеченной, принужден будет сменить первую линию еще прежде, чем дойдет до сомкнутого строя противника. Для этого лучше иметь батальоны первой линии выстроеными в две линии ротных колонн...». ¹¹⁷⁴

¹¹⁶⁸ Ординат С. Очерк жизни покойного подполковника Чемпиона из 95-го полка с выдержками из его писем (A Sketch of the Life of the Late Lieut. — Colonel Champion, of the 95th Regiment with Extracts from his Correspondence, London, n.d. [1855])//Military Крым. №22. Симферополь, 2012 г. С. 36.

¹¹⁶⁹ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854—1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 188.

¹¹⁷⁰ Calthorpe, Somerset John Gough. Letters from head-quarters; or, The realities of the war in the Crimea, by an officer of the staff. Vol I. London. 1857. P. 325—326.

¹¹⁷¹ Описание обороны города Севастополя. Составлено под рук. генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 247.

¹¹⁷² Russell, W H. The British Expedition to the Crimea. London. 1858. (<http://archive.org/details/britishepeditio00rusgoog>).

¹¹⁷³ Calthorpe, Somerset John Gough. Letters from head-quarters; or, The realities of the war in the Crimea, by an officer of the staff. Vol I. London. 1857. P. 325—326.

¹¹⁷⁴ Влияние нарезного оружия на современное состояние тактики (продолжение)//Военный сборник. № 7. СПб., 1861 г. С. 74.

По утверждению Базанкура, русская атака была сильной и если бы не упорное сопротивление англичан, могла закончиться успехом.¹¹⁷⁵ Весь эффект русским портила стрельба: стреляли они по оценке британцев много, но не точно. Это было не ново. Точная стрельба, а не ее дальность, равно как умение солдат правильно вести огневой бой, были хроническим недугом российской линейной пехоты: «Как бы хорошо ни была устроена винтовка, наш солдат всегда склонен смотреть на нее как на рукоятку штыка».¹¹⁷⁶

Даже в привыкших к такой войне кавказских войсках с этим было не так просто. В 1859 г. при стрельбе «с двух неопределенных расстояний» по мишеням из ударных ружей «заготовки» 1854 г. перед Александром II стрелки Кабардинского полка «проценты дали посредственные».¹¹⁷⁷

Только русские атаковали пикет 49-го полка, как его командир лейтенант Конолли допустил серьезную ошибку, едва не стоившую британцам поражения. Приняв цепь русских штуцерников за очередную вылазку малыми силами, офицер решил атаковать их и, увлекшись движением вперед, сам попал под сильный огонь. Пикет бросился назад, но было поздно: на его плечах уже прочно сидела русская пехота.

Конолли, расстреляв патроны из своего револьвера и потеряв саблю, отбивался от пытавшихся взять его в плен русских подзорной трубой. Ее латунный корпус был слабой защитой от вознамерившихся прикончить храброго ирландца русских. Хотя эта история также возведена в разряд легенд, на самом деле финал подобной ситуации предугадать несложно. Но то ли русские оказались жалостливыми, то ли труба тяжелой, однако офицеру несказанно повезло.

Лейтенант остался жив лишь благодаря капралу Оуэнсу, который не оставил офицера и вытащил его с поля сражения. За этот бой оба стали в 1857 г. кавалерами высшей военной награды Великобритании — Креста Виктории. Для Конолли в качестве еще одной награды был разрешен перевод в Колдстримский гвардейский полк.

30-й полк вел бой неподалеку. Эшли приказал солдатам вести непрерывный огонь, удерживая русских на дистанции. Это не помогло. Противник оказался упорным, и вскоре русские оказались в 60 метрах, после чего Эшли, разделив свой отряд на две части, передав командование второй капитану Бейли, приказал отходить, цепляясь за укрытия и перекрывая русским возможные подступы к главным силам.

Генерал-майор Вильгельм Миронович Криденер.
В 1854 г. — полковник, командир Азовского пехотного полка.

¹¹⁷⁵ Bazancourt, César Lecat. L'expédition de Crimée: l'armée française à Gallipoli, Varna et Sébastopol, chroniques militaires de la guerre d'Orient. Tome 2. Paris. 1858. P. 38–39.

¹¹⁷⁶ Лоссовский. Стрельба на ходу и удар в штыки//Военный сборник. № 5. СПб., 1896 г. С. 92.

¹¹⁷⁷ На Гунибе в 1859 и 1871 гг.//Русская старина. Том 74. СПб., 1892 г. С. 416.

Позднее он вспоминал, как остановился примерно с 70-ю солдатами на одной из возвышенностей, откуда хорошо было видно приближающихся русских пехотинцев. И хотя до них было недалеко, шли они очень медленно, с трудом поднимаясь по склону и еще вдобавок продираясь сквозь кустарник. Это свело эффект численного превосходства к минимуму, непрерывный огонь нарезных ружей укладывал на землю то одного, то другого.

Наверное, любая другая пехота давно или отошла бы, или остановилась. В данном случае этого не случилось. Англичане вновь имели дело с той пехотой, которую помнили по Альме. Той, которая могла стоять среди трупов своих товарищей, но продолжать вести огонь; той, которая могла сближаться под сильнейшими выстрелами, демонстрируя, может быть, и не нежную жертвенность, но невольную вызывая уважение сильного противника и страх слабого.

Вот и сейчас противник привычно демонстрировал во все времена поражавшую устойчивость под огнем и, смыкаясь, упорно двигался к цели, не замечая уже нависшей над ним смертельной опасности.¹¹⁷⁸ «Русские представляют отличный материал для войны. Как они умеют умирать!».¹¹⁷⁹

К великому сожалению, под имевшимся в Крыму командованием эта великолепная пехота могла быть способной только на прямолинейные действия и оказывалась чувствительной к противнику, пусть и более малочисленному, но умело маневрировавшему. Что и произошло сейчас. Что потом повторится при Инкермане, под Евпаторией и особенно на Черной речке.

Спас положение пикет 95-го полка. Когда началась атака, командир пикета Чемпион отвел своих людей немного назад и перестроил в линию. Сам он забрался на какой-то придорожный каменный забор и что-то орал солдатам, подбадривая их и приказывая вести непрерывный огонь без команды, «подпирая» попавший в беду 49-й полк: «Я приказал офицерам трех рот моего пикета идти под кромкой холма и растянуться в цепь, чтобы быть готовыми отразить наступление неприятеля. Легкой роте было дано особое поручение: принять меры против того, чтобы неприятель не смог повернуть их правый фланг. 4-ю роту я оставил за горжей в исходной позиции для защиты ее и батареи». ¹¹⁸⁰

Едва завязался бой, как понявший все Эванс сообразил, что при случае можно будет вполне отрезать увлекшихся атакующих русских и разгромить их, достойно отомстив за вчерашнее поражение у Балаклавы.

Выполняя его приказ, английские передовые пикеты удерживали позиции, пока не опорожнили патронные сумки почти до последнего патрона, но дождались помощи от дивизии и подошедшей артиллерии.¹¹⁸¹

¹¹⁷⁸ Описание обороны города Севастополя. Составлено под рук. генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 247–248; Записки Александра Ефимовича Попова о пребывании его в Крымской армии с 1-го октября по 1-е декабря 1854 г. // Русская старина. Том 24. СПб., 1879 г. С. 331–332.

¹¹⁷⁹ Сказания иностранцев о русской армии в войну 1904–1905 гг. Издание князя Абамелек-Лазарева // Русская старина. Том 153. СПб., 1913 г. С. 216–218.

¹¹⁸⁰ Ординат С. Очерк жизни покойного подполковника Чемпиона из 95-го полка с выдержками из его писем (A Sketch of the Life of the Late Lieut. – Colonel Champion, of the 95th Regiment with Extracts from his Correspondence, London, n.d. [1855]) // Military Крым. № 22. Симферополь, 2012 г. С. 36–37.

¹¹⁸¹ Ординат С. Очерк жизни покойного подполковника Чемпиона из 95-го полка с выдержками из его писем (A Sketch of the Life of the Late Lieut. – Colonel Champion, of the 95th Regiment with Extracts from his Correspondence, London, n.d. [1855]) // Military Крым. № 22. Симферополь, 2012 г. С. 36–37.

РАССТРЕЛ

Эванс своего добился. Тактика пикетов себя полностью оправдала, и англичане получили так необходимое им время. Федоров вывел войска на английские батареи, уже изготовившиеся к стрельбе.

Не понимая грозившей им смертельной опасности, в азарте некоторые русские офицеры увлекали за собой солдат, самоуверенно надеясь таким образом решить исход боя. Один из таких, прапорщик Бутырского полка Кудрявцев, ворвался в казалось слабо защищенное укрепление, но неожиданно наткнувшись на защищавших его англичан, был убит сам и погубил находившихся с ним нижних чинов.

Кажется, именно его тело нашел потом на своей позиции Чемпион: «...Я видел одного русского офицера, которого мы убили на холме, его лицо выражало благородство».¹¹⁸²

Хотя таким же мог быть и поручик Бородинского егерского полка Урановский, убитый, «...когда полк подошел к вражеской батарее».¹¹⁸³

Британцы, не допуская русских на близкую дистанцию, «выжали» все из своих дальнобойных ружей и просто расстреляли их издалека.¹¹⁸⁴ Хорошую поддержку оказали им подошедшие роты 41-го, 47-го, 49-го, 55-го а также 7-го Королевского фузилерного полка и несколько рот Стрелковой бригады, которыми командовал майор Тробрэдж.

Полностью оправдала себя практика создания учебного центра пехоты в Чобхеме, через который прошли многие солдаты с 1853 г., и повышенное внимание к освоению нового оружия в войсках, что позволило в основном «излечить» солдат от вызванной боевым стрессом порочной практики забивания в ствол двух и более пуль, чем страдала ранее армия, вооруженная ударными гладкоствольными «Браун Бесс». А еще ранее, в 1852 г., по одному офицеру и два солдата откомандировывались от каждого армейского полка в Вулидж, где проходили инструкторскую подготовку, изучая и практикуясь в стрельбе из новых ружей P1851.¹¹⁸⁵

Результаты такой методики сказались еще на Альме и оказались весомым аргументом в обоих сражениях при Инкермане. Интересно, что ни один из русских солдат и офицеров в этот день даже не увидел противника. Исключая, может быть, нескольких пехотинцев, пытавшихся разделаться с отбившимся от своих лейтенантом Конолли. На поле боя «правила бал» новая эпоха войн, в которой смерть приходила издалека. Сами англичане признали, что основная масса жертв была на счету огня стрелкового оружия.

Изучение опыта Крымской кампании подтвердило правильность такой типично английской тактики ведения боя как массированный огонь из развернутого строя пехотных подразделений: «...Стойкость под огнем, спокойное состояние духа — *le courage froid* — качество, врожденное преимущественно у англичан, требует развернутого строя. При этих условиях он в обороне приобретает громадную силу. Бешеное

¹¹⁸² Ординат С. Очерк жизни покойного подполковника Чемпиона из 95-го полка с выдержками из его писем (A Sketch of the Life of the Late Lieut.-Colonel Champion, of the 95th Regiment with Extracts from his Correspondence, London, n.d. [1855])//Military Крым. № 22. Симферополь, 2012 г. С. 36.

¹¹⁸³ Ляшук П. М. Мартиролог офицеров Российской армии, погибших при защите Севастополя и Крыма в 1854–1855 гг. Выпуск 2. Симферополь, 2011 г. С. 175.

¹¹⁸⁴ Jouve, Eugène. Voyage à la suite des armées alliées en Turquie, en Valachie et en Crimée: guerre d'Orient. Paris. 1855. P. 362–363.

¹¹⁸⁵ Strachan, Hew. From Waterloo to Balaclava: Tactics, Technology, and the British Army, 1815–1854. CUP Archive, 1985. P. 46–47.

увлечение — l'impetuosite — отличительная черта французских войск (furia francesca) требует колонны»,¹¹⁸⁶

Считалось, что в среднем 2/3 общего времени боя ведут стрелки. Остальные подразделения вводятся в бой, сообразуясь с местностью, постепенно усиливая стрелков и часто тоже разворачиваясь из колонн в линии. Именно так, сообразуясь с условиями местности, атаковали левый фланг русской позиции на Альме французские дивизии Канробера и принца Наполеона.¹¹⁸⁷

До штыков в первом Инкермане дело почти не доходило. Чемпион прокричал знаменитое "Fix Bayonets!", приказав своим бойцам примкнуть штыки лишь когда ряды русских были расстроены и можно было начинать преследование. Но этого не получилось. Солдаты были обессилены и не имели ни малейшего желания что-либо еще делать, предоставляя эту возможность тем, кто только вступал в бой: «...Я сказал нашим солдатам, что к нам идет подмога, приказал им примкнуть штыки и идти в атаку с криком «ура!», что обескуражило русских, которые почти выбили нас из траншей, развернув один фланг. Я попытался было поднять атаку, но это было выше человеческих сил, со мной было мало людей; но они немного прошли вперед, сделав несколько выстрелов, и русские отступили».¹¹⁸⁸

АТАКА 2-й ДИВИЗИИ

Когда 2-я дивизия построилась и вышла за пределы лагеря, где располагалась под прикрытием передовых постов, был уже почти полдень. Вскоре можно было увидеть, что пикеты, которые уже какое-то время вели яростную перестрелку, отходили назад, а русские шли по Снарядной горке сомкнутыми колоннами с массой штуцерников вперед.¹¹⁸⁹

Дивизия немедленно развернулась перед лагерем, левым флангом командовал Пеннефатер, правым — Адамс.

Тем временем герцог Кембриджский подвел Гвардейскую бригаду к правому флангу 2-й дивизии, стремясь прикрыть Пеннефатера от попытки русских опрокинуть его фланг. Русские, оказавшись перед теперь уже усилившимся противником, остановились, подались назад и вскоре очистили подступы к Снарядной горке. Боске двинулся с пятью батальонами на помощь англичанам.

Британцы быстро подтянули настолько больше силы пехоты, что дальнейшее продвижение вперед становилось для русских самоубийственным предприятием. Сильный огонь вели уже две английские батареи: капитанов Тернера (доказавшего ранее свое умение поддерживать пехоту на Альме и под Балаклавой) и Йетс, которых привел к месту боя подполковник Фитцмайер. Еще одну батарею (на самом деле в бою приняли участие только два ее орудия) подтягивал подполковник Дакрес.¹¹⁹⁰

¹¹⁸⁶ Влияние нарезного оружия на современное состояние тактики (продолжение)//Военный сборник. № 7. СПб., 1861 г. С. 62.

¹¹⁸⁷ Влияние нарезного оружия на современное состояние тактики (продолжение)//Военный сборник. № 7. СПб., 1861 г. С. 62–63.

¹¹⁸⁸ Ординат С. Очерк жизни покойного подполковника Чемпиона из 95-го полка с выдержками из его писем (A Sketch of the Life of the Late Lieut. — Colonel Champion, of the 95th Regiment with Extracts from his Correspondence, London, n.d. [1855])//Military Крым. № 22. Симферополь, 2012 г. С. 36.

¹¹⁸⁹ Ординат С. 95-й Дербиширский полк в Крыму (перевод с англ.). Майор Гарольд Кармайл Вилли, 2-й батальон Дербиширского полка (1899 г.)//Military Крым. № 23. Симферополь, 2012 г. С. 15.

¹¹⁹⁰ London Gazette, issue 21624, 12 Nov 1854, pages 3457–3458 (<http://www.london-gazette.co.uk/issues/21624/pages/3457>).

Вскоре 18 (19)¹¹⁹¹ орудий вели огонь по русской пехоте, в некоторых случаях даже через головы своих войск: «...Наша артиллерия косила русских сотнями, и вскоре поле было завалено убитыми и ранеными. Помощь подоспевших гвардейцев почти не понадобилась — не больше, во всяком случае, чем под Балаклавой».¹¹⁹²

Вновь важным вкладом в успех сражения оказалась английская картечная граната — шрапнель. Ее невероятно удачная конструкция позволяла эффективно покрывать большую площадь, не давая шанс на спасение даже тем, кто, казалось, находил укрытие за каким-либо местным предметом.

К сожалению, определенная консервативность русской военной мысли первой половины XIX в. сыграла в Крымской кампании злую шутку по отношению к отечественной артиллерии. Являясь лидерами в разработке нового типа боеприпасов, русские артиллеристы умудрились благодаря консервативности власти и ее успокоенности после окончания кампании 1812–1814 гг. не принять на вооружение прекрасную картечную гранату П. Г. Дивова обр. 1813 г., по всем показателям превосходившую систему подполковника Королевской артиллерии Шрапнеля.¹¹⁹³ В конце концов, только в начале 1840-х годов картечные гранаты были приняты на вооружение русской артиллерии, но они были повторением системы Шрапнеля, а в Британии уже разрабатывались их более совершенные типы.¹¹⁹⁴

Вторая дивизия только вступала в бой, когда перестрелка с обеих сторон достигла своего пика. О том, насколько плотным был огонь, свидетельствует случай, происшедший с хирургом 95-го полка Кларком, который во время остановки на Снарядной горке оказывал помощь на месте солдату, получившему тяжелое ранение. Майор Хьюм сказал медику: «Сэр, вы слишком медлите!». «Я делаю всё, что в моих силах», — ответил Кларк и едва это произнес, как другая пуля попала в раненого во второй раз и убила его. «Теперь я ничем не могу ему помочь», — сказал Кларк, поднимаясь на ноги.¹¹⁹⁵

Что касается интенсивности огня, то Малый Инкерман интересен прежде всего тем, что в нем обе противоборствующие стороны пытались решить задачи огнем. Это первое сражение Крымской войны, где и русские, и англичане, обрушив друг на друга свинцовый ливень, стремились сокрушить стойкость противника. В этом отношении его можно назвать революционным. Впервые огонь вели не плотные строи солдат, а солдаты в разомкнутых строях. Привычно двигавшиеся впереди строя русские командиры понесли тяжелые потери.

В разгар боя был тяжело ранен полковник Федоров. По команде начальство принял командир Лейб-Бородинского полка полковник Веревкин-Шелюта, которому

¹¹⁹¹ Рассел

¹¹⁹² Тимоти Гоуинг. Голос из строя (Gowing T. Voice from the Ranks: a personal narrative of the Crimean Campaign. Nottingham, 1895) Перевод Е. Тупахиной//«Military Крым». № 3. Симферополь, 2006 г. С. 22–23.

¹¹⁹³ Шрапнель предложил взамен картечи артиллерийский снаряд со сферическим корпусом, в котором размещались ружейные пули и разрывной заряд из дымного пороха. Для воспламенения заряда в специальное отверстие корпуса вставлялась дистанционная трубка с пороховым замедлителем, воспламенявшимся от метательного заряда в процессе выстрела. Разрыв корпуса снаряда происходил на определенной высоте над целью. Снаряд получил название по имени изобретателя. В России подобные снаряды называли картечными гранатами или картечными бомбами в зависимости от их массы (Игошин К. Г. «Поручить ученому комитету по артиллерийской части войти в рассмотрение сего изобретения»//Военно-исторический журнал. № 4. М., 2013 г. С. 42–43).

¹¹⁹⁴ Игошин К. Г. «Поручить ученому комитету по артиллерийской части войти в рассмотрение сего изобретения»//Военно-исторический журнал. № 4. М., 2013 г. С. 42–43.

¹¹⁹⁵ Ординат С. 95-й Дербиширский полк в Крыму (перевод с англ.). Майор Гарольд Кармайкл Вилли, 2-й батальон Дербиширского полка (1899 г.)//Military Крым. № 23. Симферополь, 2012 г. С. 15.

уже ничего не оставалось, как под сильнейшим неприятельским огнем выводить войска из сражения.

ОТХОД РУССКИХ ВОЙСК

При отступлении русские оказались в зоне действия Ланкастерской и Пятиглазой батарей, которые открыли жестокий и точный огонь по батальонам бутырцев и бородинцев, нанеся им тяжелые потери.¹¹⁹⁶

Вслед отходящим русским бросили 4 роты 41-го и 4 роты 47-го полков, преследовавшие отходивших почти до самых передовых позиций оборонительной линии. 55-й полк оставался на месте, составляя резерв: «...Мы гнали русских до самого города. Кое-кто из офицеров думал даже, что мы войдем в Севастополь вслед за ними; но доблестный наш командир хорошо знал свое дело (я имею в виду сэра де Лейси Эванса, командовавшего боем)».¹¹⁹⁷

В суматохе боя злую шутку сыграли необычные головные уборы Бутырского полка. При отходе пехоты одна из русских батарей посчитала бутырцев за французов и открыла огонь, стоивший полку еще нескольких убитых и раненных. К счастью, разобрались быстро.¹¹⁹⁸

Но уже вскоре, в сражении при Инкермане, это обойдется большими жертвами...

ПОТЕРИ: РУССКИЕ

По «кровавости», как и по значению, Малый Инкерман чаще недооценивают, объясняя его необходимость всего лишь «разведкой боем». На него смотрят как на некое малозначительное столкновение, сильно, впрочем, на положении дел в Крыму не повлиявшее. Но если принять в расчет кратковременность его основной фазы (Калторп говорит, что ожесточенный бой продолжался не более получаса) и число погибших, то картина будет совсем иной. А если учесть соотношение потерь сторон в этом бою, то выяснится, что русских просто расстреляли.

Забегая вперед, скажу, что подобная жертвенность для Русской армии дело обычное и ее в Крымской кампании мы еще увидим не раз, например, во время атаки Галицкого полка в Чернореченском сражении.

Действительно, что для русских банальная разведка боем, то для англичан — The Charge of the Light Brigade.

По Тотлебену, русские потеряли в общей сложности 270 человек, в том числе 25 офицеров убитыми, ранеными и пропавшими без вести.¹¹⁹⁹ Одних удалось вынести с поля, как капитана Бутырского пехотного полка Августовского, умершего вскоре

¹¹⁹⁶ Calthorpe, Somerset John Gough. Letters from head-quarters; or, The realities of the war in the Crimea, by an officer of the staff. Vol I. London. 1857. P. 326–327.

¹¹⁹⁷ Тимоти Гоуинг. Голос из строя (Gowing T. Voice from the Ranks: a personal narrative of the Crimean Campaign. Nottingham, 1895) Перевод Е. Тупахиной//«Military Крым». №3. Симферополь, 2006 г. С. 22–23.

¹¹⁹⁸ Нечитайлов М. Русское «кепи» на Кавказе и в Крыму//Military Крым. №20. Симферополь, 2012 г. С. 60.

¹¹⁹⁹ Описание обороны города Севастополя. Составлено под рук. генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 248.

от полученных в сражении ран.¹²⁰⁰ Поручика этого же полка Бушковского вынесли мертвым.¹²⁰¹

Другие остались на неприятельской стороне. Цифр точных нет. По одним данным, противник обнаружил на поле боя тела 181 нижних чинов и двух офицеров, которых предали земле в этот и на следующий день. Калторп говорит о 96 русских солдатах и офицерах, преданных земле 27 октября.¹²⁰²

По другим данным, русские потеряли попавшими в плен более 100 человек и оставили более 130 мертвых тел на позициях англичан.¹²⁰³ В рапорте Эванса говорилось о 80 пленных. Общие потери русских командир 2-й дивизии оценил, явно завысив, в 600 чел.¹²⁰⁴

Потери: англичане.

Общие потери составили 2 офицера и 10 солдат убитыми, 51 офицер и солдат ранеными.¹²⁰⁵

Наиболее пострадали принявшие на себя силу главного удара русской пехоты передовые пикеты 49-го и 95-го полков. В 95-м полку, на который легла основная тяжесть боя, были убиты 7 нижних чинов, ранены 1 офицер и 24 солдата.¹²⁰⁶

ПЕРЕМИРИЕ: НОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ПРОТИВНИКАМИ

Первый (Малый) Инкерман связан с событием, тогда незаметным, а потом ставшим регулярным. Именно благодаря ему родился бытующий в среде неискоренимых романтиков от истории образ Крымской войны как последней войны джентльменов. Это первое в кампании перемирие, заключенное между русскими и союзными войсками. Теме перемирий уделено много (зачастую даже излишне) в исторических исследованиях Восточной войны. Некоторые именно в этом считают ее отличающейся от большинства иных, которые были до и уж тем более после. Именно отсюда появились совершенные глупости, облаченные в определения такого рода, как «последняя война джентльменов», «рыцарская война» и проч.

На самом деле перемирия объявлялись совсем не ради того, чтобы офицеры могли по-французски пощebetать и коньячком «побаловаться». В самом термине «перемирие» и его классическом определении, содержащемся во многих энциклопедиях или энциклопедических словарях, определен его смысл.

¹²⁰⁰ Ляшук П. М. Мартиролог офицеров Российской армии, погибших при защите Севастополя и Крыма в 1854–1855 гг. Выпуск 2. Симферополь, 2011 г. С. 9.

¹²⁰¹ Ляшук П. М. Мартиролог офицеров Российской армии, погибших при защите Севастополя и Крыма в 1854–1855 гг. Выпуск 2. Симферополь, 2011 г. С. 28.

¹²⁰² Calthorpe, Somerset John Gough. Letters from head-quarters; or, The realities of the war in the Crimea, by an officer of the staff. Vol I. London. 1857. P. 328.

¹²⁰³ Ординат С. 95-й Дербиширский полк в Крыму (перевод с англ.). Майор Гарольд Кармайкл Вилли, 2-й батальон Дербиширского полка (1899 г.)//Military Крым. № 23. Симферополь, 2012 г. С. 15.

¹²⁰⁴ London Gazette, issue 21624, 12 Nov 1854, pages 3457–3458 (<http://www.london-gazette.co.uk/issues/21624/pages/3457>).

¹²⁰⁵ Calthorpe, Somerset John Gough. Letters from head-quarters; or, The realities of the war in the Crimea, by an officer of the staff. Vol I. London. 1857. P. 328.

¹²⁰⁶ Ординат С. Очерк жизни покойного подполковника Чемпиона из 95-го полка с выдержками из его писем (A Sketch of the Life of the Late Lieut. – Colonel Champion, of the 95th Regiment with Extracts from his Correspondence, London, n.d. [1855])//Military Крым. № 22. Симферополь, 2012 г. С. 36–37.

Перемирие — временное прекращение военных действий, обеспечиваемое договором между воюющими сторонами. Во время Перемирия военное положение продолжается, право войны остается в силе. Перемирие, как все международные договоры, заключается верховной государственной властью. На театре войны этим правом пользуются по необходимости и военные власти, но заключаемые последними. Перемирия всегда специальные по своему предмету (уход за ранеными на поле сражения, похороны убитых, получение ожидаемых инструкций и т. п. неотложные нужды военного характера), краткосрочны (заключаются иногда всего на несколько часов) и территориально ограничены. Для них существует и особый термин — приостановка военных действий.¹²⁰⁷

Это из Брокгауза и Эфрона. Другие почти не отличаются.

27 октября 1854 г. большая территория от Балаклавы до Инкерманских высот была усеяна телами людей и лошадей, павших в двухдневном бою. Если своих хоронить еще получалось, то таскать тела неприятельских солдат никто особенно не хотел. Да и своих всех похоронить не удавалось, так как большое их число оставалось или на территории, занятой противником, или на нейтральной территории, но в зоне огня артиллерии и стрелкового оружия. Оставить их там означало через некоторое время получить вблизи от занимаемой живыми людьми зоны десятки, сотни наполнивших воздух вонью, разлагающихся трупов людей и животных, а значит и смертельно опасный источник сумасшедшего «букета» страшнейших, во многом смертельных болезней.

Мародеров тоже никто не отменял, и ограбить убитых от разорения, а раненых от грабежа хотели все.

26 и 27 октября оставались еще не предаными земле тела английских и турецких солдат на поле у Балаклавы. Убитых 26 октября русских солдат удалось частично захоронить (тех, кто был убит уже на английских позициях или рядом с ними). Но несколько сотен оставались лежать перед русскими позициями под огнем с обеих сторон (правда, как союзники утверждают, «грешили» исключительно русские артиллеристы). Это сомнительно, так как в эти дни уже действовал режим экономии боеприпасов и просто так пострелять по «разбегающимся мишеням» артиллерийские командиры позволить себе не могли.

28 октября по приказу Раглана к русским передовым кавалерийским пикетам выехал капитан Феллоу, адъютант квартирмейстера кавалерийской дивизии. Его сопровождал трубач 17-го уланского полка, у которого в руках была пика с надетым на нее белым флагом. Капитан подъехал к кавалерийским пикетам русских и вскоре туда же подъехали два русских офицера, прекрасно говорившие по-французски. Нужно сказать, что в России в то время английский язык был больше популярен среди морских офицеров, армейские же по старинке предпочитали французский. Поэтому незнание английского языка русскими офицерами, о котором иногда можно слышать как о признаке бескультурии «русских варваров», не более чем дань бытовавшим в то время традициям общества. В конце концов, французский был просто более модным.

Феллоу передал русским коллегам письма офицеров Бородинского и Бутырского полков, находившихся в плену, и список других пленных. В ответ просил предоставить аналогичные сведения об английских офицерах и солдатах, оказавшихся в русском плену после сражения у Балаклавы, и их состояние. Особенно волновало англичан положение иностранца, по собственной глупости (у Калторпа написано

¹²⁰⁷ <http://www.brocgaus.ru/text/076/607.htm>

«по-дурацки») принявшего участие в атаке Легкой бригады и оказавшегося «в интересном положении»: не являясь военным служащим ни одной из армий, участвовавших в войне, он имел такие же права на дальнейшее существование, как пленный пират, стоящий под реей, с которой уже свисает добросовестно намыленная петля.

Этим романтичным искателем приключений, нашедшим их на одну из своих частей тела в избытке, был сардинский офицер Джузеппе Ландриани, увязавшийся в атаку с 13-м полком и подобранный русскими на поле боя с тяжелым ранением, от последствий отдал душу Богу в 1858 г. Другим сардинцем, участвовавшим в этом бою, был лейтенант Джузеппе Говоне, которому повезло выбраться из сумасшедшей переделки с минимальным для себя ущербом.¹²⁰⁸ Правда, на его психике это безумие, похоже, все-таки отразилось: через 18 лет он пустил себе пулю в лоб.¹²⁰⁹

Третий иностранец, увязавшийся за Легкой бригадой, французский офицер штаба Раглана, благоразумно предпочел выйти из боя, не подвергая свою жизнь смертельной опасности.

Русский офицер вежливо принял бумаги и отправился к своему главнокомандующему. Феллоу остался с другим офицером и, по его воспоминаниям, провел время в вежливом общении, когда недостаток языковых познаний компенсировался взаимным угощением сигаретами. Через несколько часов появился офицер русского штаба, доставивший положительный ответ и разрешение на следующий день, 29 октября, для Феллоу прибыть к русским позициям у Балаклавы.

В этот день Феллоу прибыл к передовым пикетам русской кавалерии у Кадыкоя, где его уже ждали. Он получил подробные сведения об англичанах, оказавшихся в плену, в том числе их письма своим родным. Один из них, корнет Кловс из 8-го гусарского полка, сообщал своему брату, тоже офицеру этого полка, что к ним прекрасно относятся, никакого насилия не творят и они готовятся к отправке в Симферополь, а оттуда, по всей видимости, дальше, вглубь империи.¹²¹⁰

После небольшого обсуждения условий и согласования формальностей стороны получили возможность забрать своих павших и предать земле.

БОЛЬШОЙ ИТОГ МАЛОГО ИНКЕРМАНА

Как ни странно, большое значение Малого Инкермана выражается совершенно короткой фразой, которую используют английские исследователи Крымской войны:

¹²⁰⁸ Молодой офицер (родился в 1825 г.) уже имел к тому времени солидный боевой опыт, в том числе участия в битве при Новаре (1849 г.). Перед Восточной войной был военным атташе в Вене и Берлине. В 1853 г. добровольно присоединился к турецкой армии в качестве советника. Участвовал в защите Силистрии. В сентябре 1854 г. высаживается с союзными войсками в Крым, где исполняет роль офицера-наблюдателя при штабе союзных войск. Участвует в сражении при Балаклаве, где под ним погибает лошадь. Портрет Говоне есть на одном из снимков Роджера Фентона, где художник не смог определить его и подписал «неизвестный». Но это удалось сделать современным итальянским историкам. После войны делает прекрасную военную карьеру, но терпит полное фиаско на политическом фронте. В 1872 г. после обострения болезни, полученной им во время службы в Крыму и сильного стресса из-за неудач в политике, выстрелом в голову обрывает свою жизнь. Его поныне считают одним из величайших людей Италии.

¹²⁰⁹ Roy Dutton. *Forgotten Heroes: The Charge of the Light Brigade*. Infodial Ltd, 2007. P. 10.

¹²¹⁰ Calthorpe, Somerset John Gough. *Letters from head-quarters; or, The realities of the war in the Crimea, by an officer of the staff*. Vol. I. London. 1857. P. 331–335.

«Русские узнали, что хотели узнать. Никто не сомневался в том, что на следующий день они вернутся и их будет намного больше...». ¹²¹¹

В связи с условиями местности и общей ситуацией англичане, не имея возможности создания полноценной оборонительной линии в ближайшей перспективе, взяли на вооружение практику прикрытия основных сил сильными пикетами. Их задачей было даже не удерживание позиций, а только сдерживание наступающего противника, давая возможность основным силам собраться, организовать и подготовиться к отпору.

Главная суть действий пикетов была в отходе их по намеченным рубежам, одновременно выводя атакующих под огонь артиллерии и выходя самими из зоны обстрела. Самим своим присутствием на некотором удалении от главных сил они обеспечивали наблюдение за неприятелем и подготавливали встречу его огнем с возможно дальнего расстояния, не давая укрыться в зоне действительных выстрелов. ¹²¹²

После того как артиллеристы и огонь стрелкового оружия в сочетании с трудным рельефом окончательно расстроят ряды русских, предполагалось ударами пехоты с флангов, огнем с места и фронтальным давлением вытеснить их обратно. То есть, налицо идеальная тактика контрударов для восстановления утраченного, притом с нанесением максимальных потерь неприятелю при минимальных своих.

Но доверившись пикетной службе, англичане совершенно забыли о необходимости укрепления позиции: «Небрежность, допущенная англичанами при занятии их позиций, чрезвычайно позорна для их командования. Ничем нельзя оправдать ни то, что не был занят холм на южном берегу Черной речки, ни то, что не было полевых укреплений на этой важной позиции, для наступления на которую сосредотачивалось, как было хорошо известно английскому командованию, несколько тысяч русских». ¹²¹³

26 октября она была успешно апробирована и как разумное решение вполне оправдала себя через десять дней в сражении при Инкермане.

Англичане расценивают это наступление как зондирование русскими правого фланга союзных оборонительных линий: «...Атака 26-го была ни больше, ни меньше пробой сил, подготовкой к памятной Инкерманской битве, но стоила русским очень дорого, хоть и мы потеряли немало людей». ¹²¹⁴

Бой имел возможность стать центральным пунктом всей операции по попытке деблокации Севастополя, предпринятой Меншиковым в октябре-ноябре 1854 г. Но не имевшая отчетливого смысла акция, приведшая лишь к напрасным жертвам, оказалась скорее вредной, чем полезной. Демонстративные действия Федорова лишний раз подтвердили, что «...Фронтальная атака какого бы то ни было местного предмета может быть оправдана только как крайняя мера лишь в том случае, когда окажется, что по каким бы то ни было причинам обход окончательно невозможен». ¹²¹⁵

Русская пехота в очередной раз доказала свою фатальную храбрость, а ее начальники, как позднее определил Леер, традиционную склонность к поспешности и необдуманности в действиях. ¹²¹⁶

¹²¹¹ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М., 2004 г. С. 188.

¹²¹² Леер Г. Тактическое значение местности//Военный сборник. № 8. СПб., 1878 г. С. 38.

¹²¹³ Энгельс Ф. Инкерманское сражение (<http://lugovoy-k.narod.ru/marx/10/73.htm>).

¹²¹⁴ Тимоти Гоуинг. Голос из строя (Gowing T. Voice from the Ranks: a personal narrative of the Crimean Campaign. Nottingham, 1895)
Перевод Е. Тулахиной//«Military Крым». № 3. Симферополь, 2006 г. С. 22–23.

¹²¹⁵ Леер Г. Тактическое значение местности//Военный сборник. № 8. СПб., 1878 г. С. 57.

¹²¹⁶ Лихачев Д. Очерк действий Черноморского флота в 1853–1856 гг. (окончание)//Военный сборник. № 4. СПб., 1902 г. С. 117.

После Малого Инкермана большая часть офицеров уже не верила в способность своих начальников одерживать победы в полевых сражениях, особенно когда требовались инициатива, решительность, готовность пойти на разумный риск, характерные для активных наступательных действий: «Нет у нас начальников и вождей, в которых мы бы веровали и надеялись... как на каменную гору. ...Командиры корпусов — ниже посредственного. Начальники дивизий и командиры бригад хороши на бастионах и совсем несостоятельны в полевых боях».¹²¹⁷

Для Меншикова Малый Инкерман — сильнейший удар по самолюбию. Отныне он уже не сможет удерживать инициативу в своих руках. Главнокомандующий и до этого времени не страдавший доверием к своему окружению, за исключением нескольких проверенных преданностью лиц, окончательно перестал верить всем.

Союзники узнали неискоренимую манеру русских начальников наносить повторный удар в одну и ту же точку, поняли, что после каждой большой разведки боем следует удар примерно в этом же направлении. Теперь они не сомневались, что все последующие операции будут направлены исключительно против их правого фланга: «Можно предположить, что 26 октября русские лишь провели разведку боем в ожидании подкреплений».¹²¹⁸

Осталось лишь малое — узнать, когда и определить более-менее точное направление действий русских. Англичане, апробировав систему прикрытия позиций сильными пикетами, убедились в ее правильности и необходимости их усиления в том числе артиллерией.

Относительно малые потери и быстрый отход русских, встреченных стеной ружейного огня, подняли дух союзников, слегка «увядший» после Балаклавы.¹²¹⁹

¹²¹⁷ Керсновский А. А. История Русской армии. Том 2. М., 1994 г. С. 155.

¹²¹⁸ Russell, W H. The British Expedition to the Crimea. London. 1858. (<http://archive.org/details/britishexpediti00russgoog>).

¹²¹⁹ Циммерман А. Заметки о Крымской войне//Военный сборник. №4. СПб., 1859 г. С. 406.

ПРЕДЧУВСТВИЕ БОЛЬШОЙ КРОВИ: ПУТЬ К БОЛЬШОМУ ИНКЕРМАНУ

«...Атака 26-го была ни больше, ни меньше как пробой сил, подготовкой к памятной Инкерманской битве».

Тимоти Гоуинг, сержант 7-го Королевского фузилерного полка.

НАКАНУНЕ

Прошедшие после Балаклавы и Малого Инкермана несколько недель хотя и изменили ситуацию, казалось, в лучшую сторону, не смогли убедить союзников отказаться от решающего штурма крепости. В его успехе трудно было сомневаться. Французы подвели свои осадные работы к 65 сажням от исходящего угла 4-го бастиона, его способность выдерживать постоянное огневое воздействие, приводившее к большим жертвам и разрушениям, постепенно, но неумолимо иссякала.

Оборонительная линия русских хотя и была сильной, но не настолько, чтобы выдержать одновременную атаку, а если ее провести согласованно с нескольких направлений, то атакующий гарантированно добивался успеха.¹²²⁰

Для доведения обороны до совершенства требовалось время. Для того чтобы это время получить, крайне необходимо было заставить союзников отказаться от намерения штурмовать Севастополь. После этого на помощь русским приходил вечный союзник — непогода, а в тылу союзников появлялся «партизан», действовавший против их коммуникаций — штормовое осеннее море.

Нет ни малейшего сомнения, что Меншиков все это знал. Моряки, за десятки лет изучившие коварство Понта Эвксинского,¹²²¹ наверняка ему неоднократно об этом говорили.

За то, чтобы получить время, нужно было заплатить ценой большой крови. Но ставки в этой игре с ее начала были высокими, и Меншиков решился атаковать.

Едва отгремели Балаклава и Малый Инкерман, раненные были отправлены в тыл, а убитые отпеты и похоронены под Севастополем, резко понизилась температура. 29 октября союзники впервые ощутили на себе ледящий холод крымской осени.¹²²²

Рассел, чьи репортажи с понижением температуры повышали градус разыгрывавшейся в Крыму трагедии, писал: «Войска, обученные лишь бряцать оружием, внезап-

¹²²⁰ Описание обороны города Севастополя. Составлено под рук. генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 263.

¹²²¹ Понт Эвксинский: в переводе с греческого — гостеприимное море. Так называлось Черное море во времена Геродота, одно из древних его наименований.

¹²²² Calthorpe, Somerset John Gough. Letters from head-quarters; or, The realities of the war in the Crimea, by an officer of the staff. Vol I. London. 1857. P. 336.

но столкнулись с превратностями настоящей войны. Но британский солдат всегда готов к бою со смертельным врагом и безропотно сносит удары судьбы. Единственное, перед чем он беззащитен — небрежение высших чинов и губительная халатность армейских служб. В час триумфа, в час победного восторга сердце нации вдруг застыло — это с Севастопольских высот донеслись скорбные вопли. Затем Британия услышала рассказы об ужасах и страданиях, напомнившие ей о самом злополучном и постыдном эпизоде ее военной истории. Те, кто помнил Вальхерен¹²²³, тщетно искали в хрониках Голландской экспедиции примеры такой высокой смертности, такого бедственного положения солдат».¹²²⁴

Рядовой 20-го полка писал домой в Англию: «Я попал в самую неприятную ситуацию. Погода влажная и холодная, у нас есть одежда, но мало одежды, чтобы согреть нас. У нас нет огня, чтобы готовить, но когда мы сталкиваемся с деревьями или домами, разбираем их на топливо. Мы заражены паразитами и покрыты грязью. Люди умирают от действия холода. Мы проводим 20 дней в месяц на открытом месте, наблюдая за неприятелем, и есть все признаки нашего пребывания в этом положении всю зиму».¹²²⁵

Начиналось еще одно испытание, которое по устоявшейся вековой традиции терпит каждый враг, вторгшийся на землю России, и которое для многих из них заканчивается стуком заступа о мерзлую могильную землю.

Но перед этим и русским, и союзникам пришлось пережить одно из самых жестоких сражений мировой военной истории — Инкерманское.

Мы к нему только подошли...

¹²²³ В ходе английского вторжения в Голландию в 1809 г. 12 000 тысяч английских солдат в районе Вальхерена заболели малярией («вальхеренской лихорадкой»). Потери англичан составили около 4 000 человек, из них лишь 106 погибли в бою.

¹²²⁴ Russell, W H. The British Expedition to the Crimea. London. 1858. (<http://archive.org/details/britishepediti00russgoog>).

¹²²⁵ The Times 25 December 1854 (<http://crimeantexts.russianwar.co.uk/sources/times/t541225c.html>).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ	3
СЕВАСТОПОЛЬ ПОСЛЕ БОМБАРДИРОВАНИЯ	9
Нападение на Ялту	24
Усиление группировки русских войск в Крыму	28
Союзники: усиление	36
ПЛАНЫ СТОРОН	39
Русские: трудное решение	39
Местность	57
Метеосводка	60
БАЛАКЛАВА: ПОБЕДА БЕЗ ПОРАЖЕНИЯ	62
Балаклавское сражение — исходный пункт информационной войны	62
Подготовка к сражению: союзники	67
Силы сторон: союзники	75
Пехота	87
Артиллерия	89
Силы сторон: русские	90
БОЙ ЗА ПЕРЕДОВЫЕ РЕДУТЫ	105
Несколько слов о защитниках	107
Начало боя за редут №1	108
Сражение началось	110
Взятие укрепления и судьба защитников	115
Тунисцы под Балаклавой	123
Бой за редуты № 2, 3 и 4	126
Была ли паника у турок, или Легенда о «Боно Джонни»	129
СТИПЛЬ -ЧЕЗ ПОД БАЛАКЛАВОЙ	134
Раглан думает... ..	137
Обоюдная пауза	140
«ТОНКАЯ КРАСНАЯ ЛИНИЯ», или ЕЩЕ ОДИН КРАСИВЫЙ МИФ БАЛАКЛАВСКОГО	
СРАЖЕНИЯ	142
Синяя «тонкая красная линия»	145
Как рождаются мифы	150
ТРУДНЫЙ БОЙ С ТЯЖЕЛОЙ БРИГАДОЙ	153
Сближение	161
Встречное движение	164
Столкновение	169
Схватка	174
Фланговый удар Королевских драгун	175
Несколько слов о «белых дамах», или Почему русские не имели шанса победить	178
Немного о лошадях	186
Пассивная Легкая бригада	189
Так кто же решил исход схватки?	192

ДЕНЬ АРТИЛЛЕРИИ ПОД БАЛАКЛАВОЙ	195
Расположение артиллерии.....	198
Роковое решение	200
Дерби под шрапнелью	206
Путь на эшафот.....	210
Схватка за батарею.....	211
Где генерал?.....	216
Как была опрокинута русская кавалерия	217
Забывтый герой Балаклавского сражения	228
Как уланы спасли честь русской кавалерии	232
КАК ФРАНЦУЗЫ АНГЛИЧАН ИЗ НЕПРИЯТНОСТЕЙ ВЫТАСКИВАЛИ	242
Возвращение Легкой бригады	251
Раненые	253
Пленные	255
ПОТЕРИ	258
Русские	258
Англичане	259
Французы.....	262
Турки.....	263
ИТОГИ	264
Русские – победа или частный успех?	265
Союзники: взгляд проигравшего	266
Награды победившим.....	268
Утешение проигравшим.....	271
ЗНАЧЕНИЕ БАЛАКЛАВСКОГО СРАЖЕНИЯ.....	273
Моральное	273
Военное	277
Нереализованная победа	280
26 ОКТЯБРЯ 1854 г.: БОЛЬШАЯ КРОВЬ МАЛОГО ИНКЕРМАНА	283
Замысел	283
Английские позиции	285
Бой за передовые позиции	286
Расстрел	291
Атака 2-й дивизии.....	292
Отход русских войск.....	294
Потери: русские.....	294
Перемирие: новые отношения между противниками	295
Большой итог Малого Инкермана	297
ПРЕДЧУВСТВИЕ БОЛЬШОЙ КРОВИ: ПУТЬ К БОЛЬШОМУ ИНКЕРМАНУ	300
Накануне.....	300

Научно-популярное издание

ЧЕННЫК

Сергей Викторович

ОТ БАЛАКЛАВЫ К ИНКЕРМАНУ.

Печатается в авторской редакции

В книге использованы фотографии из личного архива автора.

Корректор — *Ольга Новикова*

Макет — *Алексей Забусик*

Обложка — *Марина Воронежская*

Подписано в печать 31.03.2014 г. Формат 70×100/16. Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура NewBaskervilleC. Тираж 600 экз. Физ. печ. л. — 19. Усл. печ. л. — 24,62.

Заказ № 14 — 115.

Отпечатано на ПАО «Белоцерковская книжная фабрика», 09117, г. Белая Церковь, ул. Л. Курбаса, 4. Свидетельство серия ДК № 4063 от 11.05.2011 г. Внедрена система управления качеством согласно международному стандарту DIN EN ISO 9001:2000

Издательство «Полмет ГМБХ» — обладатель товарного знака «Гала». 99029, г. Севастополь, ул. М. Бирюзова 19-46. По вопросам распространения обращаться:

Книжная сеть «Гала», тел./факс: (0692) 47-31-83; e-mail: mail@gala.com.ua; интернет-магазин: www.gala.com.ua

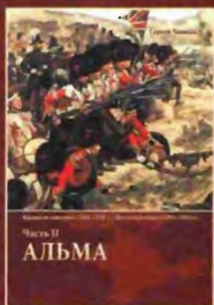
ТАТЕЛЕСКОП

Макет подготовлен в ЧП «РА «Телескоп». 99053 м. Севастополь, ул. Вакуленчука, 22, тел.: (0692) 46-93-93, e-mail: gyn@tavrida.com
Свидетельство ЧП «РА «Телескоп» о внесении в Государственный реестр ДК № 1113 от 11.11.2002 г.

Представляем вашему вниманию серию книг
«Исторический очерк Крымской кампании (1854–1856 гг.) Восточной войны (1853–1856 гг.)»
известного крымского военного историка Сергея Ченныка:

I «Вторжение». Книга подробно описывает наиболее запутанный и противоречивый период Крымской кампании — десантную операцию экспедиционных сил Англии, Франции и Турции. Развитие событий в эти дни чаще определяла случайность, чем логика. В преддверии высадки и в ее ходе как никогда проявились индивидуальные черты главнокомандующих: лорда Раглана, князя Меншикова и маршала Сент-Арно. Неожиданная для русских экспедиция союзников в Крым и столь же неожиданный для союзников ее начальный успех стали определять всю будущую войну, когда ошибки одних приводили к успехам других.

II «Альма». Книга плавно переводит читателя от маневров к первому прямому столкновению воюющих сторон на суше — Альминскому сражению 8 (20) сентября 1854 г. В этот день землю Крыма обильно пропитала первая кровь захватчиков и защитников Отечества. Сотни мертвых тел навеки упокоились в братских могилах. События на берегах до этого безвестной реки повлекли неожиданные последствия. Союзники выказали намерение во что бы то ни стало победить, русские — решимость сражаться. В отчаянной жестокости противостояния миф «джентльменской войны» рухнул, одновременно были окончательно определены как ход, так и исход кампании.

III «Противостояние». С первых страниц этой части исторического очерка читатель погрузится в многоходовые комбинации одного из самых интересных, динамичных и сложных периодов войны — начало борьбы за Севастополь. Перипетии сентябрьских и октябрьских событий скорее напоминают запутанный детектив, чем военные действия. В центре описания — многоходовая операция союзников и умелое противодействие ей со стороны русского командующего князя А.С. Меншикова, которые завершились 5 (17) октября 1854 г. бомбардировкой Севастополя и последующим поражением союзного флота в ее ходе. Последовательность повествования, масса интереснейших документов и статистических сведений, множество ранее неизвестных фактов, взятых из воспоминаний участников войны, живой, красочный язык позволяют понять логику грандиозного в своем размахе противостояния русской и союзных армий осенью 1854 г.

IV «От Балаклавы к Инкерману». Объектом исследования стал заключительный период так называемого «маневренного» периода борьбы за Севастополь. Два сражения — мифологизированная до невероятного Балаклавская битва и совершенно незаслуженно забытый «Малый» Инкерман. При описании событий использованы ранее неизвестные библиографические источники. Описан не только ход боевых действий, но и вскрыты тайные пружины, логика и смысл событий 160-ти летней давности. Множество исторических параллелей, проведенных от описываемых событий до сегодняшнего дня, помогают читателю понять суть происшедшего тогда в Крыму.

V «Последний штурм». Книга возвращает читателя к активному периоду борьбы за Севастополь, начавшемуся после холодных месяцев зимы и весны 1854–1855 гг. Казалось установившееся затишье вновь прерывается ураганным огнём батарей. Успех русских при отражении летнего штурма 1855 г. неожиданно привёл к расстрелу русской пехоты на Чёрной реке в одном из самых кровопролитных сражений Крымской кампании. Оно стало роковым событием, которое, будучи попыткой русского командования повторить успех осенней кампании 1854 г., привело к падению Севастопольской крепости.

ISBN 9789661539333

9 789661 539333